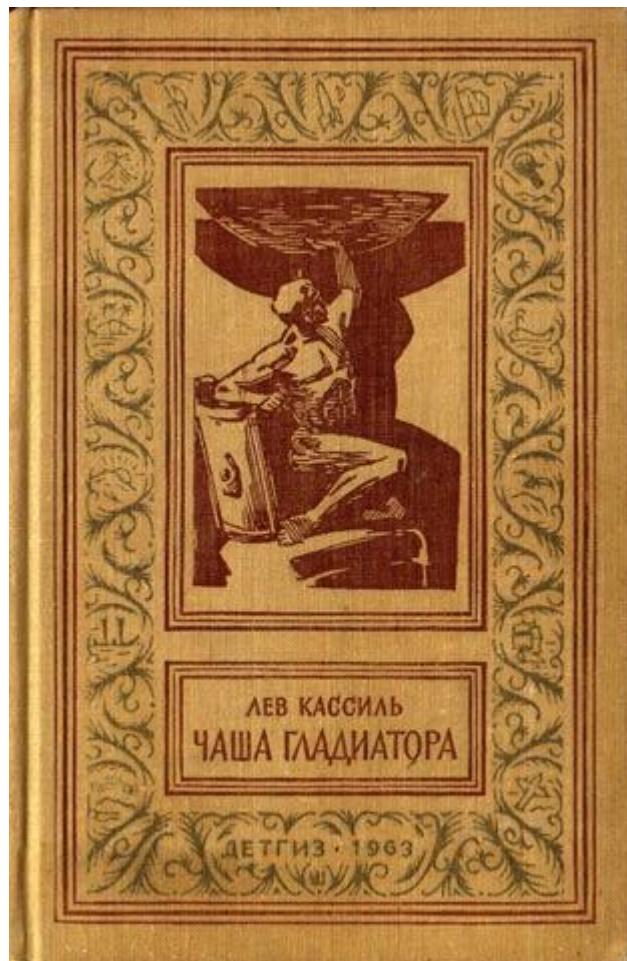


**Лев Кассиль**  
**Чаша гладиатора**



**БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ  
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ**

**Москва 1963**  
Государственное издательство детской литературы  
Министерства просвещения РСФСР



**Часть I**

# **Человек-Гора и обыкновенные люди**

## **Глава I Еще раз о мальчишках**

В шахтерский поселок Сухоярка вернулся самый сильный человек на свете. Приехал он поздней ночью, и об этом событии мало еще кто знал наутро.

Даже мальчишки — мальчишки! — и те еще ничего не успели разведать. А уж если о чем-нибудь не пронюхали мальчишки, значит, еще никто про то не знает. Ибо, как известно, раньше всех других новости узнают именно они — мальчишки.

Мальчишки, как давно установлено, самые первые двигатели прогресса. Не помню имя мудреца, который утверждал это, но, несомненно, он был прав. Это они, мальчишки, раньше всех пробуют ломкий ледок на только что ставшей осенней реке. И первыми же по весне, очертя голову, плюхаются в холодную воду и отчаянно вымахивают саженками против течения. Именно они, опережая всех, протаптывают первые тропочки по грязи, оставшейся после того, как сошел снег. И все материки, и полюсы, и моря, и орбиты в небе связаны незримыми стежками, которые проторили вчерашние мальчишки, ставшие землепроходцами, мореплавателями, космонавтами.

Кто, как не мальчишки, спешат занять первые ряды в кино — и не только потому, что там лучше видно и дешевле билет, а чтобы быть ближе к делу. Сразу же торопятся они разузнать, кто из действующих лиц за нас, а кто против, и первыми в зале начинают бешено аплодировать, когда в решающий момент наши конные пограничники на рысях врываются в кадр, готовые с ходу настичь и опрокинуть нарушителей справедливости. И они же, всегда обитающие в первых рядах, все разом насмешливо издают долгий чмокающий звук, когда все уже решено, все ясно, и герои сейчас благополучно поцелуются.

Они все знают, мальчишки! И какая температура воздуха вчера была в Антарктиде, и сколько оборотов накрутил спутник, и сколько тонн груза способен поднять своим хоботом африканский слон, и при каких необыкновенных и героических обстоятельствах погиб киноартист Михаил Жаров, хотя бы все и уверяли, что знаменитый артист жив и здравствует.

Каждому из них знакомы по крайней мере пять или шесть секретных приемов, при помощи которых самый слабый человек может в один миг сбить любого силача, не считая, конечно, того, что сидит в их собственном классе на задней парте, ибо этот силач почему-то всегда оказывается досадным исключением из прекрасного правила и, как назло, не подвержен действию приемов.

Не всегда твердо знают они, что задано на завтра в школе, но неизменно убеждены, что день грядущий будет еще лучше и интереснее сегодняшнего... Ибо всеми помыслами, по самую макушку — они в завтрашнем.

От них нет нигде ни сна ни покоя, растреклятые мальчишки! Они заполняют мир топотом оголтелой беготни, треском раздираемых штанов,искрами пережженных электропробок, яростной возней и залихватским свистом, призывающим творить великие дела. И не их вина, мальчишеч, если мир пока устроен так, что свист этот порой воспринимается еще как разбойничий... О мальчишки! Надоедные, несносные, обожаемые мальчишки! Хвала вам! «Мальчишеч радостный народ»! — вот как сказал о вас Пушкин.

Птицы, звери, корабли, автомобили, самолеты, футбольные матчи, людоеды, извержения вулканов, фазы луны и спелые арбузы на ближней бахче — все вас касается, мальчишки! Будьте вы трижды неладны и стократ благословлены! Я уже писал о вас, но не устану писать еще и еще.

— А что же, — скажут на это милые подружки моих любимцев, — разве мы хуже мальчишеч?

Нет, пусть не обижаются на меня дорогие девчонки! Я их уважаю не меньше, чем мальчишеч. Но дело все в том, что сам я когда-то, хотя уже и очень давно, был все же мальчишкой. Девчонкой же мне, понятно, быть сроду не приходилось. Ибо, как сказано у

поэта, никто из смертных не рождался дважды. Вот и писать мне проще о мальчишках. Уж о них-то мне кое-что известно... Так вот я говорю: даже никто из сухоярских мальчишек, ни всеведущий Сеня Грачик, ни его дружок многомудрый книгочей Сурен Арзумян, ни другие их приятели и противники не знали, что в поселок вернулся сильнейший человек мира.

## Глава II Сильнейший в мире

Да. Именно так. Самый сильный на всем свете! По крайней мере, таковым прослыл Артем Незабудный лет сорок с лишним назад, до того еще, как покинул он надолго, а иные думали — навсегда, родную землю...

Артем Незабудный — знаменитейший цирковой атлет, за долгое время своего триумфального пути по всему миру ни разу не коснувшись лопатками ковра в самых трудных борцовских турнирах. Сильнейший в мире, победитель непобедимых, кампиониссимо, чемпион чемпионов, славянский колосс, Геркулес наших дней, Левиафан XX столетия, русский супермен, сверхчеловек нового века, чудо-великан России! Рост — двести девять сантиметров, вес — сто сорок два килограмма, обхват груди — сто пятьдесят восемь, шея — пятьдесят четыре, пояс — сто девять, бицепсы — пятьдесят пять, бедра — семьдесят восемь, икры — пятьдесят четыре... Вот каков был отвечающий по всем статьям классическим требованиям — спортивный паспорт Артема Незабудного.

«Человек-Гора», — писали о нем в газетах всего мира. «Среди людей он сильнейший; дальше идут уже, собственно, слоны», — острил по его адресу американский спортивный обозреватель. И действительно, силой наделила его природа сверхъестественной. Он без особой натуги взваливал себе на плечи, как коромысло, чугунный двадцатипудовый якорь и обносил его вокруг манежа. Напружив неохватную грудь, одним вздохом ее он рвал цепи, которыми обивали его богатырский торс... Ему ничего не стоило пальцами свернуть в трубочку медный пятак, одним ударом кувалдоподобного кулака расколоть кирпич.

Вот что это был за стариk, чтобы вы знали! (Нет, видно, и мальчишкам не все известно!)

Вернулся он домой после многолетних странствий. Без малого сорок лет назад, в самые трудные и бесповоротно решившие судьбу народа дни, он дал увезти себя ловким людям далеко от Родины. Тогда он был в расцвете непомерной силы и славы. Ему уже трижды присуждали звание чемпиона мира по борьбе. Говорили, что в этом древнейшем спорте, в котором с незапамятных времен впрямую, как ни в каком другом соревновании, проявляются сила и стремление взять верх над соперником, никогда еще не было равных Артему Незабудному. Золотые медали его чемпионской ленты сверкали на исполинской груди, будто кольчуга. Имя Незабудного гремело на всех цирковых манежах мира, не сходило со страниц спортивных журналов. С ярких афиш в столицах пяти континентов смотрели его портреты. С них, невзирая на все усилия художников, стремившихся придать Артему дикарский вид, глядел добрый великан, как бы даже несколько сконфуженный своими невиданными габаритами и уже почти нечеловеческой силой. Пышные, крыло-подобные усы, соломенная шляпа-канотье, которая по размерам своим вполне сгодилась бы, чтобы покрыть ею большую макитру, заказные ботинки неслыханного номера, не встречавшегося в классификации размеров обуви, знаменитая трость-дубинка весом в добрых полтора пуда и перстень, сквозь который легко проскачивал серебряный рубль, — все это давало пищу для бесчисленных карикатур.

Но других черт, которыми могли бы поживиться газетчики, у Артема не было. Везде знали об исключительной неподкупности и спортивной рыцарской честности русского чемпиона. Он никогда не шел на «шике», то есть наговор с противником или арбитром. Только «бур» — борьба честная, без всяких фокусов и поблажек, по силе и совести!.. Он был прямо-таки божьей карой для всевозможных махинаторов и ловчил профессионального спорта.

После нескольких скандальных разоблачений, на которые не побоялся пойти Незабудный, несмотря на угрозы воротил спортивных карателей, с ним пытались свести счеты. Ему готовили расправу, подсыпали наемных убийц, гангстеров. Но ему удалось избежать участия Рауля де Буша — знаменитого французского борца, убитого апашами, не поладившими с ним... После одного из нападений на Незабудного в Филадельфии троим из бандитов пришлось отлеживаться месяца по два в больнице. А один из них — главарь шайки — так и остался на всю жизнь с кривой шеей, с головой, навсегда как бы припавшей к плечу. «Пусть спасибо скажет, что она у него хоть на одном плече осталась, — грубо отшутился Незабудный. — А сунется еще, так ему не сносить ее вовсе».

Но был Артем Иванович человеком донельзя простодушным, как большинство очень сильных людей. Вечно его облапошивали цирковые импресарио, наживавшиеся на его силе и славе. А сам он даже и разбогатеть по-настоящему не сумел. К тому же человек он был хотя и смиренный, но со всякими неожиданными чудацествами и куражами. То вдруг скупал на базаре все тулуушки и одаривал ими сирот в приютах волжского города, где проходил один из чемпионатов с его участием. То нанимал все пролетки и фаэтоны на извозчикей бирже у пристани, рассаживал на них грузчиков, сам садился в первый экипаж, и странный кортеж медленно следовал по главной улице, заставляя сторониться озадаченных городовых. А «чистая» публика, прибывшая пароходом, должна была тащиться с пристани пешком по крутым взвозам... То проездом через родную Сухоярку, жители которой помнили его еще навало отбойщиком в шахте, Незабудный объявлял, что в воскресенье каждый, кто желает поднять за здоровье Артема, может пить за его счет сколько хочет. На площади выставляли ведра с водкой, и поселок поголовно спивался... Вообще хлопот у содержателей цирков и учредителей чемпионатов с Незабудным всегда хватало.

В начале революции он был застигнут гражданской войной, разразившейся на юге страны. Здесь, в Одессе, встретился он в те дни с Котовским. И на что уж был силен сам легендарный комбриг, но и тут должен был признаться, что далеко ему до Артема: они как-то померились силой, поставив локти на стол и упервшись друг другу ладонью в ладонь. Но могучая длань Котовского трижды подряд мгновенно оказывалась прижатой тыльной стороной к столешнице. Григорий Иванович очень тогда огорчался... В то время Артем проездом через родную Сухоярку, задержавшись на день, выполнил то, что давно уже задумал: женился на милой, веселой и застенчивой девушке Галине Хмелько. Она была прежде плитовой в шахтах, где когда-то и встретился с ней впервые Артем. А потом приболела и поступила в горничные к управляющему шахтами Грюппону. Недолго пожил с женой Артем, так как за ним приехал его импресарио — маленький желтый увертливый человечек, Адриан Стефанович Зубяго-Зубец-кий, давно уже построивший и дом и дачку на деньги, которые ему заработал, проливая пот на цирковой ковер, Артем Незабудный. Он увез борца в Одессу, где неунывающие предприниматели организовали турнир.

Артем обещал вернуться через месяц-другой за Галей. Но вскоре начался тот знаменитый белогвардейский драп, которым окончилась на юге гражданская война. И одна из мутных волн паники унесла с собой за море Артема Незабудного, не привыкшего к долгим размышлению.

Ему все равно надо было по давно уже им подписанному контракту бороться в Стамбуле, а потом в Париже. Зубяго гарантировал ему возвращение на Родину тотчас же, как все утрясется. Но жизнь что-то не утрясалась.

Мир в то время только еще приходил в себя после великих передряг и потрясений первой мировой войны. Люди жаждали бездумных зрелищ и крепких удовольствий. Приглашения, ангажементы следовали один за другим. Не успевал Артем получить очередной приз и раскланяться на манеже после финальной схватки в одном чемпионате, как надо было укладывать чемпионские кубки, пояс с медалями, борцовское трико в чемодан и спешить на поезд или на корабль, чтобы попасть на другой конец света, где уже висели афиши с его крупно набранным именем и портретом, на котором топорщились известные карикатуристам всего мира усы его, порой смахивающие на рога буйвола, пучились

неохватные бицепсы и свирепо таращились неловко вылупленные добрые глаза.

Да, имя его было, казалось, вездесущим. Всюду видел он афиши со своим именем. Огромный, повсеместно знаменитый, он раскатил свою славу по всему свету. Он чувствовал себя колоссальным, необъятным, занимающим так много места в мире. Но потом стало немного пошаливать сердце. Пришлось даже один-другой раз сорвать выход в турнире. Да и мир как будто сам становился все теснее. Приходилось ради выгоды устроителей и экономии времени все чаще пользоваться самолетом. А при этом ощущение дальнего путешествия скрадывалось. Исчезало разнообразие пространства. Везде было одно и то же.

Чемоданы на скользких столах таможни. Радио, приглашающее на посадку. Трап в кабину самолета. Тоненькая стюардесса в пилотке на висок. Тесное кресло. «Просьба пристегнуться. При взлете не курить». Взрыли все вокруг свирепые моторы. За окном трава, деревья, строения стремглав полегли навстречу. Горизонт косо ушел вниз. Туго заложило уши. Десять часов сплошных облаков. Потом опять больно ушам. Рыхлые, оседающие воздушные ступени спуска. Жесткое прикосновение земли. Внезапно — глухота. Звуки неуверенно возвращаются. Трап. И под ногами другое полушарие Земли.

Нет, просторы мира, которые когда-то были заселены его славой, как бы перестали существовать. А где он только не побывал за эти годы! Незабудного мотало по всему свету. И постепенно он становился равнодушным к этой постоянной, частой и привычной перемене мест. Какая разница, что там, за стенами амфитеатра, окружающего манеж? Не все ли равно, куда смотрят двери артистического подъезда, возле которого будут по окончании вечера толпиться назойливые зрители, знатоки и мальчишки.

Меняется ли дело оттого, что там, снаружи? Каменная сухарница Колизея или сквозной, застывший над городом смерч Эйфелевой башни? Или зубцы башен, скалящихся в тумане над Темзой? Или эвкалипты Мельбурна? Или рекламные огнеметы Бродвея? И тесные провалы улиц, со дна которых даже днем, как из колодца, видны звезды, ночами гаснущие в крошеве стоэтажных огней?.. Или полотняные фестончатые тенты над раскаленными террасами Кейптауна? Или прступавшие в мареве над горизонтом пустыни громады пирамид, издали так горько напоминающие родные терриконы?.. Менялись климаты и ландшафты. То облегал распаренное тело липкий, как горячая пластиковая пленка, тропический зной. То где-нибудь на Аляске при выходе из цирка била в лицо колючая морозная осыпь и на груди свивался белый жгут метели, совсем как на цирковой рекламе «Борьба с удавом»...

Всюду приходилось бороться, стараясь не выйти за пределы квадратного ковра, которым был застлан круглый манеж. Словно бы упрощенно решать задачу о квадратуре круга, считавшуюся, как объяснил Артему один любитель математики, извечно нерешимой.

Все повторялось сначала: эффектный выход в финале парада под почтительные овации зрителей, и вспышки магниевых цыхалок над аппаратами фоторепортёров, и магнезия, растертая в ладонях, и ковер, вминающийся под подошвами, и сопящее дыхание противника в лицо, и круговой рев цирка. Все повторялось.

Когда Незабудный был молод, рвался к славе и связанным с ней деньгам, его обдавал и влек крутой, как кипяток, азарт спорта. Тешило, что самых сильных противников он в конце концов припечатывал к мягкому настилу манежа. На какие только уловки и хитрости они ни пускались, он разгадывал их. Но постепенно и это стало привычным. И уже раздражало, что надо подчиняться незыблемо все тем же правилам ипускать в ход снова и снова эффектные, но давно заученные приемы, которые жаждала своими глазами увидеть цирковая публика.

С какими только людьми не приходилось встречаться за эти годы! Но люди все были чужие и временные. И крыша, под которой он спал, была всегда ненадолго. И земля, по которой он ходил, оставалась не своей. Жизнь была бездомной. Когда в финале очередного чемпионата он выходил на помост победителя — на вышку почета, — неизменно становясь над цифрой «1», всякий раз возникала неловкость. Не знали, какой флаг поднимать, какой гимн играть, и старались обойтись без этих деталей торжества. И некому было Артему похвастаться своей славой или поведать свою печаль.

В первое время он убеждал себя, что вот-вот вернется домой. Проведет по контракту все положенные ему схватки в турнире, получит приз и вернется. Заедет в Су-хоярку за Галей, и заживут они под своей крышей. Но почта из-за границы редко когда доходила в те годы на юг Советской России, завязая в путанице фронтов гражданской войны. И вскоре Артем, не получивший в ответ на свои письма ни одной весточки из дома, по-своему это истолковав, бросил писать... С каждым днем все гуще зарастали стежки, ведшие к дому. Все дальше уносила Артема его бездомная судьба. И все глупше делалась тоска и по дому в шумной и пестрой крутоверти, которая его захватила окончательно. Кроме того, Зубяго сумел убедить Артема, что возврата к прошлому уже нет... И окружали везде Артема Незабудного люди, которые твердили, что путь на Родину бесповоротно отрезан. Да и не стоит, мол, жалеть об этом, так как никогда не смогут дать большевики то, что получает чемпион чемпионов по своим заслугам в других странах. И в Америке, и в Европе ему доводилось встречаться с иными знаменитыми русскими людьми, которые, как и он, бросили Родину в опасные дни, тосковали по ней, но не возвращались на свою землю по разным соображениям. Не раз сиживал он в кафе на парижских бульварах с Куприным — писателем, очень верно понимавшим борцовскую душу и относившимся ко всему, что происходит в России, с жадным, но тогда еще враждебным любопытством.

Пришел к нему однажды за кулисы цирка в Нью-Йорке сам Федор Иванович Шаляпин. Сначала долго и восторженно, почти ребячески, дивился объему и твердости мышц Артема, потрагивал, поглаживал, охлопывал их, с восхищением закидывал красивую голову с седеющим клоком, вздыбившимся надо лбом, любовался снизу ростом Артема, хотя и сам был сложения богатырского... Обещал даже вылепить торс Артема, так как баловался и по части скульптуры. Потом вдруг обнял борца, и оба чуть не всплакнули, вспоминая и Волгу и степи — родные края, пути к которым уже как будто и не было.

Шаляпин зазвал однажды Артема, когда тот боролся в Калифорнии, на дачу к Чарли Чаплину, где гостили в тот день «два Сергея» — люди очень разные, но братья по музыке, — Сергей Рахманинов и Сергей Прокофьев. И каждый из прославленных людей, собравшихся в тот день на даче в Голливуде, да и сам хозяин старались чем-нибудь порадовать других от щедрот своего таланта. Маленький хозяин с задумчивыми, обиженными глазами на насмешливом лице, печальный озорник, заставлявший весь мир сотрясаться от хохота, разыгрывал перед гостями всякие смешные сценки. Он показал знаменитый танец вилок со вздетыми на них наподобие ботинок булочками. Незабудный видел это в известном фильме «Золотая лихорадка». Суровый Рахманинов с тяжелым, древним складом лица и могучим грифом, поразившим Артема, сел к роялю вместе с изящным Прокофьевым, длинные летучие пальцы которого словно ворожили на клавишах. И знаменитые композиторы разыграли, импровизируя, очень смешную школьную пьеску в четыре руки, причем одна клавиша у Прокофьева будто бы западала и он делал вид, что должен подковыривать ее... А потом Шаляпин так изобразил пьяного московского купчина, что совершенно покорил всех. Громоносный бас его властвовал над окружающим и вдруг стихал, становясь почти неслышным и в то же время волшебно язвительным. И Артем увидел, какими влюбленными глазами смотрят Чаплин на великого русского певца.

Незабудному захотелось самому хоть как-нибудь потешить и отблагодарить этих замечательных людей, пригласивших его в свой круг. Он попросил всех сесть на рояль, подлез под инструмент и, легонько поднатужившись, поднял и пронес по гостиной и концертный рояль, и тех, кто расположился на нем... Все были в восторге, особенно маленький знаменитый хозяин дома. «Маист пигмей», — сказал он, пренебрежительно махнув рукой куда-то в сторону, поблескивая черными и озорно повеселевшими глазами, и показал, что Маист и до плеча не достал бы Незабудному.

Артем не раз видел в кино Маиста — беспрекословного силача, постоянного героя многих тогдашних кинофильмов, и оценил замечание хозяина. А русские гости великого американского артиста только посмеивались, довольные, не в силах скрыть гордость за богатырскую силу соотечественника. И опять тогда пала на Незабудного в конце

вечера тоска по дому. Впоследствии Артем слышал, что один из гостей, Прокофьев, вернулся на Родину, и музыка его, несколько капризная и что-то лукаво утаившая в себе, зазвучала теперь дома с новой силой и в новой славе.

В Мехико один раз встретил Артем Незабудный высокого, широкоплечего, орлиновоглазого человека, окруженного шумливыми мексиканцами, восторженно прищелкивающими пальцами и языками. Человек этот метнул на него взгляд огромных, немного мрачных глаз, двинул резко очерченным большим ртом и спросил у своих спутников звучным, низким голосом: «Этот небоскреб переволокли сюда с Манхэттена?» И, услышав имя Незабудного, поглядел через плечо с неодобрительным, как показалось Незабудному, любопытством. Потом Незабудный узнал, что это был Маяковский. Но, конечно, и знал он тогда, что перед ним прославленный поэт-соотечественник, не рискнул бы подойти к нему. Так было и в тот день, когда американцы шумно приветствовали Чкалова. Знаменитый летчик, со всех сторон спертый толпой любопытных, должно быть, заметил огромную фигуру Артема и весело кивнул ему издали, поведя широким, размашистым плечом. А Артем только снял шляпу и опустил голову. Что он мог сказать великому летчику, который первым перемахнул через полюс из Европы в Америку, показав, что и через полюс путь никому не заказан. Для него, для Артема Незабудного, расстояние до дому было уже, как ему казалось, непреодолимым.

Слышал Артем и Поля Робсона. Певец пришелся ему по душе не только бездонной глубиной голоса, будто из черного бархата, но и богатырским своим сложением. Их познакомили. И Робсон многое рассказал русскому борцу. Робсон еще до встречи с прославленным Человеком-Горой из России слышал, что Незабудный в штате Алабама, рискуя собственной жизнью, спас одного негра-батрака от неминуемого линча: своими руками разорвал он тогда цепи, которыми был уже прикован несчастный к столбу над занимавшимся костром.

Цепи уже были горячие. Цепи, врезавшиеся в черное кровоточащее тело, которое билось от боли и ужаса! Он раскидал ногами, затоптал облитые газолином пылавшие поленья. Кто-то в белом балахоне от макушки до пят, в колпаке-маске, без лица, дырявоглазый, прицелился было из карабина. И тогда огромная грудь Незабудного закрыла всей своей ширью полумертвого негра. Волоски на толстом твиде пиджака великана уже тлели, но он медленно в жару и в дыму сходил с поленницы, неся на спине обвисшее тело, заслоненное им от бесноватой толпы.

И стрелять не посмели. Великан узнали. Ведь это он накануне победил на арене местного цирка-шапито брю-хастого, вислощекого развязного бразильца Хуана Бар-рейраса. И победителя пронесли по улицам городка под музыку. Теперь свирепость толпы невольно отступила перед бесстрашием и силой исполина. «Повезло сегодня черномазому. Но мы еще до него доберемся...»

Знаменитый негритянский певец, вспомнивший благородный поступок Артема, рассказывал еще немало страшных историй из жизни негров американского Юга. Но все же человек этот любил свою страну, гордился ею и верил в народ, с которым живет. А он, Артем Незабудный, русский человек, не имел ни родины, ни дома...

Потом разыгрался всем памятный скандал в Чикаго. В финальной схватке борцовского турнира, в котором оспаривалось звание очередного чемпиона мира, Артем Незабудный встретился с Робом Келли, чемпионом обеих Америк. Но тот пошел на заведомо нечестный трюк. Не-забудный и до начала схватки подозревал, что американец вговоре с жюри и арбитром.

Его пытались подкупить еще задолго до матча. Предлагали большие деньги за мнимое поражение. «Хватит вам царствовать единолично. Пора и честь знать. Время подумать и о других, если вы хороший товарищ, — уговаривали Артема. — Вам предлагают обменять условную корону на реальное золото. Келли — это кумир обеих Америк. Мы вас предупреждаем. Вам с ним все равно не справиться. Не лучше ли заранее договориться по-хорошему? Верное дело!»

Нет, не пошел и в этот раз на сделку Незабудный. Но противник его на ковер вышел умащенный каким-то маслом. Он выскальзывал из любого обхвата, лоснящийся, скользкий. Мышцы его неудержимо выдавливались из-под железных пальцев Незабудного. Он противно, как вазелин из тубы, выжимался из тисков Незабудного. Напрасно протестовал Артем. Арбитр посыпал Келли обтереться. Тот, посмеиваясь, оглаживал себя полотенцем, но впитавшееся масло, едва лишь снова начиналась борьба, тотчас же проступало с потом. И Незабудный отказался продолжать схватку. Тщетно взывал он к жюри, к публике. Его дисквалифицировали за отказ продолжать борьбу. Ему было засчитано поражение. Он лишился официального звания чемпиона мира.

Долго не стихал в международной спортивной печати шум вокруг этого скандала. Разобиженный вопиющей несправедливостью, Незабудный заявил, что он оставляет арену. На самом деле он твердо решил любыми способами вернуться на Родину. Он покинул Америку и переехал в Европу. Он уже начал предпринимать все нужные шаги, чтобы договориться с советскими представителями за рубежом о возвращении в родные края.

Но тут разразилась война с фашистами. И Незабудный застрял во Франции, а потом, когда гитлеровцы оккупировали французскую землю, перебрался в Италию. Здесь и пришлось ему отсиживаться, выжидая, когда в Европе все утрясется и можно будет снова сделать попытку вернуться домой.

Услышал он с завистью, будто Рахманинов в первое же военное утро явился в советское представительство и спросил, чем он, как русский патриот, может помочь своему народу в справедливой борьбе. И прославленный композитор, как слышно было, стал организовывать концерты, отдавая сборы в пользу Советской Армии.

Силы у Артема в то время уже немного поубавились, и сердце то и дело пошаливало. На манеже его могли ждать и неприятности, а хотелось уйти с ковра, так и не коснувшись его лопатками, ни разу в жизни не тушированным... И тогда Артем стал устраивать те сильно действовавшие на нервы зрителей представления, которыми он когда-то в своей молодости прославился в южных городах России, на Волге и в Сибири. Он опять стал объявлять в афишах, что будет изображать «живой мост», то есть держал на себе помост, по которому проходили автомобили.

Работал он и знаменитую «Могилу гладиатора», когда его закапывали в двухметровую яму, выстланную брезентом, засыпали сверху землей, и через десять минут, после того уж, как публика начинала кричать «довольно», он, вспучивая насыпь и разваливая ее споднизу, снова появлялся, потный, с лицом чернее земли, но невредимый. Здесь, помимо огромной силы и неимоверной емкости легких, помогала Артему и былая шахтерская сноровка. Дважды приходилось ему в молодости попадать в завал и, экономя дыхание, ждать прихода горноспасателей.

С огромным успехом показывал в разных городах мира Артем Незабудный этот страшный номер, казалось бы недоступный для смертных, — «Могила гладиатора». Еще когда отмечался в Америке пятидесятилетний юбилей Незабудного, ему в качестве подарка богатые любители, сложившись, поднесли пару специально изготовленных для этого ваз-кубков, вроде тех, что в старину ставили на камин. Серебряный атлет напрягал до предела литые мышцы, опервшись на одно колено, другой ногой находясь еще в каменной могиле, и приподнимал плечом оливиновую глыбу с укрепленным на ней щитом гладиатора. Свободной рукой он поддерживал над головой вывернутую из земли колонну, увенчанную большой чашей, также из оливина. Артем очень дорожил этим почетным парным призом, вероятно последним в его спортивной судьбе.

Но с одной из этих ваз и связана была история, о которой очень не любил вспоминать Артем Незабудный. Ему пришлось лишиться одного из этих двух кубков после истории, которую все свидетели ее сочли постыдной. Словно половина его славы ушла тогда с той второй чашей, да и та половина, что осталась, тоже теперь как бы ставилась уже под сомнение...

Происшествие это пятнело безукоризненную репутацию Незабудного и затягивало еще

один узелок в его и без того путаной биографии. Хорошо еще, что в ту пору людям было не до «гамбургского счета», по которому проверяется истинная слава профессиональных борцов, и под шум войны мало кто в Европе прослыпал об этой неприятной истории. Но сам Артем не мог простить себе ее. Постыдная тайна эта; как ему казалось, волочится за ним повсюду. Когда он уже несколько лет спустя вспоминал о ней ночью, то мучился, яростно поворачивался на другой бок и укрывался с головой, словно боясь, что на нее сейчас падет позор происшедшего. И все время не мог он решить, как сбросить с себя гнет этого случая. Едва он начинал думать — и уже найденное как будто решение ускользало от него... Встречались Артему и на ковре такие верткие борцы-противники, которые, чуть что, спешили уползти с ковра, не давая себя припечатать к нему.

История та мешала ему долгие годы вернуться домой, когда уже можно было бы вполне сделать это. Да и сейчас он больше всего боялся, что тут, дома, земляки узнают, прослыщат о том случае, после которого он уже никогда больше не возвращался на арену.

## Глава III

### Две встречи с Богритули

Но все же решение вернуться на Родину, давно зревшее в нем, он окончательно принял после другого памятного случая.

Шла война в Европе. Гитлеровская армия, как сообщали газеты, давно захватила родные для Артема места и двинулась к Волге... Артем в то время оказался в Италии. Жил он бедно, в небольшом городке виноградарей и рабочих газовых заводов Альфонсинэ, неподалеку от Болоньи. Существовать было не на что.

Ученики частной гимнастико-атлетической школы, которую он было сорганизовал, разбрелись. Фашистская Италия уже поняла к тому времени, что безнадежно проигрывает войну, и старалась выйти из схватки, уползти со зловещего ковра, чтобы покорно лечь за его пределами и тем самым хоть как-нибудь избежать ужаса полного поражения. Гитлер оккупировал Италию. И тогда на всем севере Апеннинского полуострова вспыхнула народная война. Артем слышал о бесстрашных действиях итальянских партизан, в рядах которых вместе с итальянцами сражались бежавшие из лагерей смерти русские, французы, югославы, чехи.

В тот памятный дождливый, туманный вечер, когда в городе, еще занятом оккупантами, стало известно, что совершен новый побег из лагеря смертников, Артем возвращался домой. И вдруг он услышал в полном мраке: «Синьор!.. Месье!.. Друже!.. Камрад!.. Товарищ!..» Он едва не споткнулся, разглядев у самых своих ног лежавшего человека. До ужаса исхудальный, лихорадочно содрогавшийся, он пытался прижаться к краю тротуара, словно хотел вдавиться в камни, слиться с темнотой. Показалось тогда Артему или вправду лежавший прошептал: «Товарищ?.. Слово это было прежде очень важным в жизни Артема, когда он работал в шахтах.

За углом хлопнули два выстрела. Послышалось топотание тяжелых сапог. Думать было некогда. Артем подхватил на руки лежавшего, бросился в соседний переулок. Но район был уже оцеплен. Неся на плече раненого, тело которого показалось ему бесплотно легким, почтя невесомым и чудовищно костлявым, Артем кинул в узкий переулок и сразу оказался окруженным в темноте патрулем гитлеровцев. Один из фашистов, отброшенный с невероятной силой, был перекинут через трехметровую ограду и очнулся лишь через несколько минут с переломленным плечом. Его автомат оказался разбитым в щепы, а одна из металлических частей глубоко врезалась в дверь соседнего дома. В узком проходе между домами один из патрульных фашистов, пытавшихся оказать сопротивление, был вмертвую задвинут переставленной с тротуара массивной лимонадной будкой и по ошибке обстрелян подоспевшими на шум гитлеровцами.

На другой день в газетах писали, что на патруль на-пала целая банда до зубов вооруженных людей исполинского роста. Затиснутый в проход лимонадным киоском

гитлеровец твердил, что на него двинулась сама стена, и высказал предположение, что в этом районе произошло что-то, вызвавшее, по-видимому, взрыв либо небольшое землетрясение...

Артем унес подобранный им беглеца в свою каморку на пятом этаже, сам перевязал его, так как хорошо знал простейшие способы лечения всяких повреждений, — спортивная практика приучила к этому.

Спасенный около суток был без сознания. Часами сидел возле него Незабудный, менял на широком лбу раненого тряпки, смоченные под краном, вглядываясь в изможденное чернявое лицо — все в кровоподтеках и ссадинах. Было что-то до боли и неудержимого вздрога знакомое в этом лице, в широко, чуть раскосо поставленных глазах, хотя Артем твердо знал, что никогда в жизни не встречал этого человека. Раненый буквально истлевал в страшном жару, бился, стонал. Артем решил пойти на риск.

На второй день он отправился к одному своему старому знакомому врачу ревностному патриоту. И тот, когда совсем стемнело, поднялся в каморку Артема, сделал укол, перебинтовал раненого и клятвенно обещал молчать обо всем. Человек он был надежный, жил одиноко, холостяком, — нелюдимый, как бы на замок замкнутый. На него можно было положиться.

Но, когда Артем, после перевязки проводив доктора, вернулся к себе, он увидел, что чернявый незнакомец сидит на кровати, беспокойно вперив куда-то неподвижный взор огромных, широко расставленных глаз. Артем проследил направление его взгляда: незнакомец так и впился в стоявший на столе кубок вазу «Могила гладиатора». Потом, отвалившись бессильно на подушку, спросил по-русски:

— Слушай, отец... Вы сами?.. Ты... Простите, вы синьор Незабудный?

— Лежи, лежи, — прошептал тогда Артем, плотно прикрыв дверь. — Был я и синьор, и мистером был, и месье бывал, а тебе просто Артем Иванович. Лежи. А ты кто сам-то будешь? Ты не таись, не бойся...

— Земляк, — тихо сказал раненый, откинувшись на-взничь. Потом собрал силы, слегка приподнял голову и зло метнул глазами на кубок. — Видел я такой точно... у одного гестаповца на столе. Откуда бы?

Не хотелось, ох не хотелось рассказывать беглецу о судьбе второго кубка, будь он неладен! Но пришлось.

Раненый настаивал, опускал упрямо на пол исхудавшие ноги. Пришлось Артему раскрыть свою тайну. И беглец как будто поверил.

Не сводя с Артема пристально-горячечных глаз, устало пал он на подушки. На всю жизнь запомнился Неза-будному этот ни малейшей увертки не принимавший взор, словно горячий ключ, забивший с глубокого дна задымленных глазных впадин. Но через четыре дня, вернувшись домой, Артем не застал его в постели. Только записка лежала на столе, придавленная кубком «Могила гладиатора». И вот что было сказано в записке:

*«Спасибо, Артем Иванович, всемирно известный земляк. Много о вас слышал еще дома. Оставаться больше не могу. Что вы мне рассказали — верю. Но одно доверить самого себя, а другое — товарищем своих и общее дело. Ими рисковать не вправе. Не имею права и вас подводить. Как я вас понял, вы слишком на примете. Во всяком случае, спасибо за все. Такое не забыть. Может быть, живы будем — еще встретимся дома. Счастливого вам туда пути.*

*Ваш земляк...»*

Не сразу разобрал подпись Артем. «Богритули» — было нацарапано там.

«Не поверил, не поверил! — твердил себе огорченный Артем. — Да и как верить, если он знает про то...»

Больше они не встречались. Но не раз слышал Артем о действиях какого-то бесстрашного партизанского вожака Богритули. По слухам, он был из русских, и Неза-будный хорошо знал, что слухи эти верные. Он вспоминал, как нес на своих руках израненное, до ужаса легкое тело. Впрочем, тот ли это был человек, им спасенный, или лишь

назвался тогда в записке таким именем, Артем дознаться не мог. Он с угрюмой насмешкой перечитывал расклеенные немецким командованием объявления, которые сулили сто тысяч лир тому, кто поможет изловить грозного Богритули или доставит его живым либо мертвым в руки немецких оккупационных властей. Сгинул ку-да-то с того дня и доктор Саббатини, что приходил перевязывать беглеца. Артем Иванович наведывался в больницу, где тот служил. Но и там ничего не знали. Полагали, что старика схватили гитлеровцы.

После окончания войны Незабудный поехал в Геную, чтобы оттуда на корабле отправиться в Ниццу, так как он списался со старыми знакомыми борцами в Париже, и те предлагали ему поработать в частной атлетической школе.

До отвала корабля оставалось несколько свободных часов. И Незабудный отправился на Стельено — знаменитое генуэзское кладбище, куда непременно заглядывает каждый, кто приезжает в Геную. Не найдя среди живых отбитого им у фашистов человека, что назывался Богриту-ли, Артем думал, что, может быть, найдет его среди мертвых. И все чаще тянуло его теперь побродить по печальным местам вечного успокоения.

Кладбище располагалось в обширной низине, окаймленной зелеными холмами. На вершину одного из них вели марши колоссальной лестницы. Там высился храм. К подножию его примыкало окончание грандиозной колоннады, которая, как прямоугольная скоба, с трех сторон обрамляла площадь кладбища. Все внутреннее пространство его было тесно заставлено невысокими беломраморными надгробиями, на которых стояли вазоны с белыми и золотыми хризантемами. Море мрамора в кипении бело-золотых лепестков... Но здесь были похоронены люди попроще. А те, кто побогаче и знатнее, нашли себе вечный приют под сенью гигантской колоннады. Там, в нишах и между колонн, в гробницах и под тяжеловесными постаментами памятников, покоялись именитые граждане, аристократия, негоцианты, городские богатей, щедро оплатившие эту вещественную и вечную память по себе, недоступную для кармана простого человека.

Озадаченный, стоял он некоторое время, с насмешливым удивлением поглядывая на памятник старой генуэзской бубличнице, здоровенной тетки, красовавшейся среди знатных могил со связкой выточенных из мрамора бубликов. Уверенно расставив толстые ноги, она утвердила тут в той самой позе, в которой, верно, когда-то стояла у генуэзских причалов, зазывая моряков-покупателей. Посетитель, у которого, заинтересовавшись, попросил объяснения Артем Незабудный, охотно рассказал ему, что бубличница сколотила за жизнь немало деньжат, во всем отказывая себе ради бессмертия. Она еще при жизни купила себе место в Стельено и заказала одному из лучших ваятелей своей памятник. Вот и стоит она за свои собственные деньги среди самых знатных покойников Генуи.

И подивился еще раз Незабудный тщете славы человеческой в том мире, где пришлось ему прожить лучшие годы своего века, потратив их тоже на бессмысленную погоню за славой и деньгами.

Он равнодушно брел затем среди роскошества бронзы, гранита и мрамора. И только у одного надгробия постоял в раздумье. То был памятник ученному, который, как видно, жил, целиком поглощенный своей наукой, и думал отгородиться ею и от жизни и от смерти. Ваятель изобразил его уже поверженным временем, одряхлевшим, сидящим бесильно на земле. Возле него была брошена раскрытая книга с чертежами. Валялись инструменты, выпавшие из старческих рук. А стена, которую он возводил всю жизнь, высилась за ним, так и оставшись недостроенной. И уже обвалились, упали два-три камня. А сверху, через край пролома, протянулась, готовая сграбастать старика, костлявая рука смерти.

Не скоро отошел от этого памятника Артем. Его одолевали невеселые думы о собственной жизни, ушедшей так нелепо, об одиночестве, которое он ощущал все болезненнее, о неодолимой стене, которой он сам отгородил себя от Родины. Потом он побрел дальше. И среди могил Стельено вдруг увидел скромный, бережно отгороженный уголок. Здесь рядами, как на солдатском кладбище, были расположены небольшие надгробия. На мраморной доске, поставленной у прохода, чернела вырезанная надпись: «Остановись, прохожий, и склони тут голову. Здесь те, кто лег в землю, чтобы ты еще мог

свободно ходить по ней».

Медленно шел Артем по узкой, посыпанной розовым песком аллее, по тесной дорожке между скромными могилами. Шел и читал на небольших каменных досках имена итальянские, французские, польские. И вдруг он словно сам окаменел у наклонной плиты с вправленным в нее застекленным медальоном-фотографией. Незабудному показалось, что и ветер, струившийся по песку дорожек, тоже замер. Не шевелились ветви тамарисков и пиний. Недвижны были лепестки хризантем в вазонах надгробий.

Из медальона, врезанного в плиту, глянули в упор на Артема знакомые большие темные, широко и слегка вкось расставленные глаза. И разом узнал Артем и этот не принимающий никаких уверток взгляд, и тонко вырезанные крылья носа, и решительную, плотную складку губ, и глубокую ложбинку немножко выставленного вперед подбородка. Он!..

*«Неизвестный русский командир партизанской группы. Действовал под именем Богритули, — прочел Незабудный. — Геройски погиб 28 октября 1944 года в районе Альфонсинэ».*

Дальше шли врезанные в мрамор строгими, прямыми буквами строки эпитафии:

*Спи, русский друг! Безымянную славу твою  
Слава впитала земли, что тебя родила.  
А кровью своей ты вспоил итальянскую землю.  
Да будет тебе она пухом.*

Сомнений не оставалось. Это был тот самый человек, которого отбил у гитлеровцев и принес израненным к себе в каморку Артем Незабудный. И опять что-то невыразимо знакомое как бы всплыло на мгновение в чертах человека, запечатленного на фотографии. Так неуловимо ускользает вот-вот уже готовая зазвучать в памяти мелодия где-то давно слышанной песни... Артем стоял и раз за разом от начала до конца перечитывал и перечитывал строки, выбитые в мраморе. «Вот, безымянным погиб, — думал он, — но даже смертью и то своей земле родной славу дал. А я, живой, именитый, а при жизни безродный...»

Незабудный опустился на колени, осторожно горстью сгреб немножко земли с могилы в расстеленный на траве носовой платок и завязал его, как ладанку.

Когда Артем поднялся, он увидел старого, одетого во все черное человека.

— Знал ли лично синьор храброго Богритули? — спросил старик. Это был служитель кладбища. Незабудный кратко рассказал ему, что встречал когда-то человека, лежащего под мраморным надгробием, но кто он и откуда родом, ему неизвестно. Хотелось узнать подробности гибели храброго Богритули, с которым так удивительно и так до обиды ненадолго связала его судьба. Но служитель сообщил, что никаких подробностей о Богритули никто не знает. Известно только, что это бывший русский командир, попавший тяжело раненным в плен и угодивший в лагерь смертников. Там он поднял восстание и организовал дерзкий побег. Потом его снова изловили, и он еще раз ушел из лагеря, сколотил большую группу партизан и долго наводил смертный ужас на оккупантов по всей Тоскане и Эмилия. Когда гитлеровцы хотели предать огню и смерти население одной из деревень за помочь партизанам, Богритули со своими товарищами пробился на помощь и держал оборону до тех пор, пока последняя женщина с ребенком не оставила селение. Он дал возможность спастись всем жителям — и старым и малым — и только тогда снял свой пулемет, которым прикрывал отход женщин и детей. Здесь его и настигла пуля гитлеровцев.

И еще сказал служитель генуэзского кладбища, что тело Богритули несли сотни километров по очереди жители итальянских сел, как эстафету, передавая из деревни в деревню. Вот и похоронен теперь неизвестный русский храбрец партизан, скрывшийся под именем Богритули, в самом почетном месте старого генуэзского кладбища Стальено.

— Мольто корадже! (Очень смелый!) — повторял старый служитель. — Мольто корадже!..

Артем вернул билет в порту и задержался тогда на несколько дней в Генуе. Он разыскал бывших партизан из «АНПИ» — Национальной ассоциации партизан Италии, попробовал навести у них справки о таинственном Богритули. Все рассказывали ему о подвиге русского партизана, но никто ничего не мог сообщить о его происхождении, никто не знал о настоящем имени его. Кто знает, может быть, он был грузином и такова была его подлинная фамилия — Богритули? Нечто похожее слышал когда-то Артем.

Каждый день он приезжал на Стальено. И всякий раз заставал там у мраморного надгробия Богритули ворохи свежих огромных белых генуэзских хризантем. Чьи-то неведомые руки приносили цветы на могилу русского партизана.

— Может быть, вы знаете хоть, кто приносит эти цветы? — допытывался Незабудный у знакомого уже смотрителя.

— Кто? Вы хотите знать — кто? Люди, синьор! Благодарные люди. Их много, этих людей, в сердцах которых всегда будет жить память о храбреце, что лежит здесь. Мольто корадже, мольто корадже!

Пришла было Артему мысль найти православного священника и отслужить поминальную молитву за погибшего. Но усомнился Человек-Гора. «Ведь, поди, коммунист был, вряд ли бы попа звал. Что же я против воли покойника пойду. То не дело».

Он добрался через Ниццу в Париж и прозябал там несколько лет. Тренировал молодых борцов в спортивной школе. Но, еще стоя на могиле Богритули, он молча поклялся себе во что бы то ни стало вернуться в свои родные края, разыскать близких героя и отдать им вместе с бережно хранимой запиской землю с могилы в Генуе.

Артем Иванович и раньше осуществил бы свои намерения, но жил он в последнее время не один. До этого долгие годы он мыкался в полном одиночестве. Короткое время была у него жена, молодая красивая шведка из группы циклистов акробатов на велосипедах. Но еще до войны она ушла к богатому американскому импресарио, старше ее лет на тридцать пять. Измученный одиночеством, Незабудный подобрал в приюте для детей так называемых «перемещенных лиц», вызволил из сиротства одну живую душу и твердо решил вернуть ее Родине. Это был сынишка русской женщины, которую знал Артем Иванович. Она вскоре умерла от чахотки в одном из парижских госпиталей. Мальчишку оказался в приюте без рода, без племени... Петя, или, как он уже привык, Пьер Кондратов.

Нелегко было вырвать его из приюта, над которым шефствовало какое-то американское филантропическое общество, уже готовившееся переправить мальчика за океан. Очень сложные отношения царили в мире людей, по тем или иным причинам и в разное время оставивших Родину. Те, кто принадлежал к кругам белых эмигрантов, покинувших страну в первые годы революции, считали, что грехи их перед Родиной за давностью лет большей частью прощены. Большинство из них и правда относились к Советской стране с постепенно нарастающим уважением. Они искренне презирали и ненавидели фашистов, гордились победой русского оружия. Как они выражались, Советская Россия выполнила свою историческую миссию — «славянский щит опять спас Западную Европу от тевтонского меча и рабства». В этих кругах многие жили надеждой снова вернуться на Родину особенно молодежь, уже выросшая на чужой земле и свою в глаза не видевшая. К так называемым «перемещенным» они относились с нескрываемым осуждением и старались не якшаться с ними.

Среди «перемещенных» было очень много всевозможного сброва, человеческого отребья, вынужденного скрываться от справедливого гнева и суда родной земли. Но было тут и немало несчастных, случайно захваченных черным вихрем второй мировой войны. Отринутые злосчастно сложившейся судьбой от всего, что им было родным, они в то же время старались держаться подальше от белоэмигрантов, считая их буржуями, аристократами и чуждым для себя элементом.

Все это очень осложняло дело, когда Артем решил вырвать мальчика из сиротского приюта. Но среди чиновников нашлись люди, приверженные к спорту, они хорошо помнили славу Незабудного. В конце концов ему удалось усыновить Пьера. Ради него одного уже

стоило вернуться, чтобы мог расти мальчишка на родной земле среди своих соплеменников, а не мыкаться по приютам в чужих краях. Хотелось возвратить Родине живую душу, чтобы хоть этим как-то отдать малую толику неоплатного долга, в котором всегда чувствовал себя Артем Незабуд-ный. Да и самому хотелось помереть Дома, лежь на покой в родную землю, где, должно быть, давно уже лежит старуха мать, с которой он расстался тогда же — в 1918 году. Но не так-то легко отпустили его домой. Поднялся крик, что он обманным путем завлек мальчика, похитил его из так называемого «свободного» мира и теперь насилино тащит в страну большевиков. Против Незабудного выступили некоторые правые газеты. Он получал анонимки с угрозами, которые, впрочем, не производили на него большого впечатления, так как он привык к подметным письмам, сулившим ему мало приятного еще с давних лет, когда расцветала его борцовская карьера.

Несмотря на то что советское посольство своими встречными действиями поддерживало хлопоты Незабудного, местные власти всякими уловками пытались задержать его отъезд. Чиновники придирились к каждой букве документов, цепляясь за любой повод для проволочки.

Спортивная школа предъявила ему огромную неустойку. Пришлось распродать все, что можно, чтобы покрыть долги. Рас прощался Артем со многими своими чемпионскими медалями и кубками, только один оставил — «Могилу гладиатора». Хоть и напоминал он о тайне, терзавшей душу бывшего чемпиона мира, но не мог расстаться с этим кубком Незабудный. Да и опасно было напоминать этим призом об истории, которую, может быть, не все еще знали или помнили.

Приходили к Незабудному люди, прослушавшие о его намерении вернуться в Советский Союз. Многие из них грозили уже вслух всякими неприятностями, пугали, страшали или, наоборот, пытались сманить, сбить с толку и Артема Ивановича и его приемыша. Посыпали к Пьеру и монахов и репортеров. Уживались вокруг мальчишки какие-то подозрительные субъекты. А один из них уже перед самым отъездом Артема, увидев у него на столе приготовленный к запаковке кубок «Могила гладиатора», нагловато подмигнул борцу — дескать, знаем мы историю и со второй вазой... Вот если шепнуть кому-нибудь об этом в Москве, то, пожалуй... Быть бы этому человеку со сломанной шеей, спустил бы его Незабудный с лестницы, да, спасибо, помешал Пьер, вбежавший на рынок Артема Ивановича в комнату...

Ни угрозы, ни посулы, ни мерзкие намеки не подействовали. И вот Артем Незабудный вместе с усыновленным Пьером, который называл его дедом, вернулся в родные края.

## Глава IV

### Земляки вы мои, земляки

Вот откуда взялся в Сухоярке великан, который встретился сегодня утром Сене Грачику и его верному другу Сурену Арзумяну, когда оба приятеля спешили в школу.

Худенький Сеня Грачик, несмотря на прохладную еще погоду, был уже без пальтишка, в одной форменной гимнастерке, с проступавшими у ворота ключицами и угловатыми плечами.

Весь он был словно расперт изнутри жердочками. Тоненький, летучий, шел он, подпрыгивая от нетерпения, — каждый шаг с наскоку, сам весь легкий, напряженный, словно воздушный змей, которого вот-вот запустят и он взмоет упрямо ввысь...

Его друг Сурен, на полголовы выше, выглядел немного увальнем. Он шагал неспешно, нахохлившийся и очень серьезный. Голова у него была круглая, давно не стриженная. Волосы сзади, с толстой шеи на узких покатых плечах, когда он ворочал головой, ездили по воротнику пальто.

Да и сам он, ушастый, круглоглазый, с длинными, сросшимися на переносице, мыском вниз, бровями, маленьким горбатым носом и торчащими, высоко поставленными ушами, очень смахивал на совенка.

Конечно, оба мальчика сразу же обратили внимание на встретившегося им великана. Они заметили его еще издали и теперь отбегали назад на целый квартал, чтобы снова пойти навстречу и разглядеть как следует еще и еще раз.

— Вот это да! Дядя Степа! — шепнул Сеня Грачик.

— Шагающий экскаватор сто кубов, — подтвердил Сурен.

— Дяденька, достань воробушка, — хихикнул Сеня.

Казалось, великан не обратил на них внимания. Он продолжал шагать по обочине тротуара, огромными махами переставляя толстые ноги в ботинках на плотной каучуковой подошве. Палица в его руке взлетала и с глухим стуком опускалась, оставляя на влажной земле глубокие следы — Типичный Куинбус Флестрин, — изрек с ученым видом Сурен, став еще более многозначительным.

— Точно, Куин...

Исполин внезапно стал. И, прежде чем Сеня успел отскочить, он почувствовал, что какая-то мягкая, бесшумная сила мгновенно вознесла — его под самые, как ему показалось, облака. Неуловимый взмах огромной руки — и мальчишка очутился на карнизе балкона, за перила которого успел судорожно уцепиться. А великан низким, добродушным басом, от которого загудела, казалось, вся земля вокруг, спросил внизу под балконом у оставшегося там Сурена:

— Ну как, хлопчик? Этого воробья достать? Или не-хай там остается?

Смущенный необычайностью случившегося, не зная, реветь или же не стоит, Сеня зашептал, свесиваясь с перил:

— Дяденька, сымите меня отсюда поскорее. Я же вам ничего такого не сделал. А то на меня вон уже ругаются. Там тетенька за окном. Она думает — я сам.

И действительно, за стеклом балконной двери появилась худая дама в старомодном пенсне и прическе валиком. Она грозила мальчику обеими руками, воздетыми к небу. Тут же она беззвучно всплеснула ими, так как мальчишка на ее глазах исчез, как бы снесенный неведомой силой.

— А может быть, тебя вон на ту каланчу закинуть, чтобы ты поближе к воробьям был? — вежливо осведомился незнакомец у Сени, поставив его на землю.

— Не надо, дядя! — поспешил взмолиться тот, веря, что и это уже может случиться.

— Ну, — сказал Незабудный, — говорите тогда, где у вас тут школа.

— Идемте, дядя, мы вас проводим. Мы сами туда. У нас как раз сегодня каникулы кончились. Первый день занятый. А вам зачем школа?

— Да вот новичка к вам хочу определить.

— А в какой класс? — с нетерпеливой надеждой спросили сразу оба мальчика.

— Сами-то вы в каком?

— Мы в шестом.

— Ну вот, значит, как раз к вам. Ему бы на годик по-старше полагалось, да с языком трудно будет, Лучше уж пусть год повторит.

— А он что, не русский?

— Да нет, русский...

— Это ваш кто — сын? Да?

— На манер того, что внучек.

Ничего не понимавшие мальчишки повели незнакомца-великану в свою школу.

Сеня кинулся подать великому его толстую трость, желтую, отливавшую сквозь лак прожилками и напльвами породистого дерева, — Незабудный поставил ее у стены, когда бережно снимал мальчика с балкона. Сеня протянул руку к трости, схватил ее, хотел приподнять и даже руку отдернул в испуге — трость словно приросла к стене. Он взялся снова, потянул сильнее. Трость шевельнулась слегка.

Артем крикнул:

— Не троны! Не сдюжишь или еще живот себе сорвешь. Не по носу табак! Это только мне с руки. Я с этим посошком весь свет обошел. Да...

И, легко вскинув трость, в которой, верно, было не меньше двадцати кило, зашагал с мальчишками.

Они вели незнакомца, стараясь шагать в ногу с ним и потому ступая вприсочку слева и справа, и победоносно поглядывали на всех прохожих, которые невольно замирали, оторопев при виде исполина. В какой восторг пришли мальчишки, как прыснули они, когда какая-то старушка, которую они обогнали, вдруг съежилась вся, вобрала голову в плечи, шарахнулась в сторону, оглядываясь, суматошно закрестилась:

— Ох, чтоб тебе!.. А я думала, конный какой наехал... Они прошли мимо двух старых деревьев на площади.

— Раинки? — спросил, остановившись, Артем Иванович.

Мальчики обрадовались, что он знает местное название этих деревьев. Оно повелось по имени несчастной девушки Раи, которую когда-то довел до отчаяния и самоубийства соблазнитель-шахтовладелец. Ее похоронили за оградой кладбища уже в степи. И на могиле выросло дерево всем на диво, не совсем привычного вида, что-то вроде граба, но постройнее. И с тех пор эти деревья стали звать в Сухоярке раинками. Но Артем Иванович сейчас шел, не узнавая родных мест. Он вспоминал, как в былье его приезды в Сухояр-ку строения, улицы, дома казались ему осевшими в землю, укоротившимися, до смешного уменьшившимися. А теперь, наоборот, все тут как будто вверх ушло и стало непривычно крупным. Все его переросло, все решительно. Только старая каланча, считавшаяся когда-то самым высоким сооружением в Сухоярке, так же, как и он сам, будто укоротилась и присела на корточки между высокими новыми домами в четыре-пять этажей.

Потом он вдруг остановился, прислушиваясь к странным, совершенно невозможным в старой Сухоярке звукам. То были звуки рояля. Они лились сквозь открытые форточки нового дома. Он сначала подумал, что это радио. Но из разных окон доносились разные звуки: то робкие, отрывистые, то повторяющиеся в одном и том же бурном разливе, Незабудный понял: в Сухоярке дети учатся музыке. Вот чудно!

Как все отстроилось вокруг, раздалось вширь, пошло вверх или переместилось куда-то на более высокие места! Артем не узнавал старых улиц.

— А где же Сабочеевка? — вспомнил он.

— Ее еще когда снесли, — поспешил ответить Сеня. — А кто жил, переселили вон туда, кверху, где Дворец шахтера.

Мальчишки шли, перемигиваясь, шушукались тихонько за спиной, как слышал сверху, с высоты своего головокружительного роста Артем. До него донеслось:

— Мимо светофора пойдем. Да?

— Ясно.

Они забежали вперед, повернули за угол влево. И Незабудный послушно последовал за ними. Потом повели его через какой-то пустырь, вышли на большую улицу. «Первомайская», — прочитал Незабудный на табличке на углу. И тут оба мальчика остановились и, чуточку попятившись, закинув головы, стали внимательно смотреть на своего спутника-великаны: какое впечатление произведет на него светофор, всего лишь три недели назад повешенный над перекрестком у Первомайской улицы, — первый светофор в Сухоярке. А светофор, как на грех, горел и горел ровным зеленым огнем, пропуская колонну тяжелых самосвалов, которые шли по Первомайской. К тому же никто не собирался выезжать из боковых переулков, и милиционеру-регулировщику в стеклянной будке на углу не было надобности переключать свет на красный. Но вот, к счастью, появился наконец слева велосипедист. Это катил старый почтарь Гаврилюк, которого хорошо все знали в Сухоярке. Регулировщик схватился за рычажок. Над перекрестком погас зеленый свет, загорелся красный, и Гаврилюк выехал на Первомайскую.

— Сашко! Здоров!

Вглядевшись в Незабудного, старенький велосипедист с большой сумкой через плечо чуть не свалился с седла. Он соскочил на землю, ведя одной рукой велосипед и протягивая издали Артему другую.

— Люди добрые!.. Ой, лишенко мое! Поглядьте сюда! Да то, никак, Артем?!

Они обнялись. Причем старенький почтальон, как ни тянулся на цыпочках, так и не мог добраться до шеи Артема.

— Ну, с прибытием. Да, надолго адресат выбывал в неизвестном направлении. Ну как, на постоянную прописку или временно?

— Рассчитываю, что на постоянную, — глухо проговорил Артем Иванович,

— Эх, ус-то у тебя сивый стал, — бормотал Гаврилюк, разглядывая Артема и обходя его со своим велосипедом вокруг. — А так ничего... Да и времени ведь укатило дай тебе боже! Сколько тут через мои руки одних похоронных прошло... Повестки сначала разносил, а после похоронные. Всяко. Только от тебя вот корреспонденции не было. А уж сколько она, бывало, спрашивала: «Как, мол, ничего нет?» — «Да нет, говорю, все еще пишет, видно»... Ну вот, сам прибыл. Как говорится, распишитесь в получении. Ну, надо считать — свидимся еще. Во Дворец шахтера, где, помнишь, Подкукуевка была, заглядывай, уважь стариков наших. А мне — по адресам. Бывай!

Мальчики заметили, что новый знакомец их как-то поскучнел. Он шел, уже не глядя по сторонам, опустив голову, покусывая седой ус.

Так они вышли к длинному обрыву. Почти отвесный край его как бы отрезал от степной низины небольшую возвышенность, где несколько на отшибе стояло большое белое здание. У входа была прибита табличка: «Школа-семилетка имени Героя Советского Союза Григория Тулубея». Перед самым входом на невысоком постаменте золотыми буквами была выбита надпись: «Герой Советского Союза Григорий Богданович Тулубей».

Двумя огромными шагами перемахнул Незабудный к постаменту. Он стоял перед бюстом, и голова его находилась почти на уровне бронзовой головы Героя. Одной рукой он далеко оттянул на груди отворот пальто, другой лихорадочно шарил у себя за пазухой. Он вытащил оттуда бумажник. Не попадая пальцами под ремешок, наконец отстегнул кнопку, раскрыл, выхватил какую-то фотографию, поднял на уровень лица, протянул к бюсту Героя, взглянул, откинул голову, еще раз сверился и медленно снял шляпу. Он снял шляпу и, как бы прикрыв ею сердце, отвел к левой стороне широкой груди. Так он и стоял с минуту — огромный, неподвижный, не отрывая глаз от бронзового лица Героя.

Мальчики подошли тихонько, пытаясь заглянуть в фотографию, которую держал теперь в опущенной руке великан. Они увидели, как глубокие морщины у него на крупных скулах медленно заплывают слезами.

— Дядя, вы его знаете? — решился наконец спросить Сеня.

Великан молчал, шумно переводя дыхание.

— Это наш Герой Советского Союза, — заторопился Сурен. — Он без вести погиб. А до этого еще стал Героем. И теперь наша школа его имени. Он председателев сын был... Летчик.

— То ж он, — тихо проговорил Артем. — Богритули.

— Да нет, дядя! Это Тулубей. Григорий Богданович Тулубей.

— Теперь-то уж вижу, что Григорий Богданович...

Знакомое лицо с большими, широко в наклон расставленными глазами, на всю жизнь запавшими в память, смотрело на Незабудного немного сверху, почти в упор. И опять что-то неуловимо знакомое проступало в бронзовых чертах, как просквозило сейчас в надписи «Григорий Богданович Тулубей». Так вот как составил тайное прозвище свое человек, похороненный на старом кладбище в Генуе. По отцу своему, по собственному имени и фамилии. Артем стоял и вспоминал: когда-то, лет пятьдесят назад, работал с ним на шахтах энергичный и ловкий Богдан Анисимович Тулубей. Они с ним дружили. Неужто тот человек, которого Артем вырвал в итальянском городе из лап гитлеровцев, был сыном Богдана Тулубея? Долго и молча стоял, держа в руке шляпу, прижатую к груди, Незабудный у памятника Григорию Тулубею. И чуть поодаль, не решаясь приблизиться, притихли два друга — Сеня Грачик и Сурен Арзумян. Они еще не понимали, что произошло, но чувствовали, что огромный человек и удивительный силач, с которым они только что

познакомились, нашел сейчас что-то очень для него важное и дорогое.

— Ну спасибо вам, хлопцы! — проговорил, тряхнув головой и глубоко насыпывая на нее шляпу, Артем. — Спасибо, что проводили. Не знаете, директор ваш у себя?

— Он у себя в кабинете... Сегодня первый день после каникул. Он уже, верно, давно тут. Мы вас проводим.

Мальчики распахнули было дверь перед Незабудным и собирались уже проскочить за его просторной спиной, но тут же были выставлены на улицу сердитой няничкой Феней:

— А вы куда? Пришли ни свет ни заря. Ваша смена вторая, а вы чего спозаранок лезете?.. Вы, гражданин, проходите. Вон третья дверь налево.

Директор школы имени Тулубея Глеб Сильич Курзю-мов, которого школьники, с легкой руки остроумца Суре-на, прозвали «Хлеб кислый с изюмом», как будто бы ничему не удивился. Ни рост пришедшего, ни то, что он прибыл из Парижа, — ничто не поразило Глеба Сильгча. Глеб Сильич вообще никогда ничему не удивлялся или не считал нужным показывать, что удивляется. Он все принимал как должное и обыкновенное. В этом была его педагогическая система. «Удивляться может только тот, кто мало что знает», — объяснял он. Если бы вдруг явился к нему какой-нибудь новый родитель и сказал: «Я, видите ли, только что прибыл с Марса и прошу принять моего марсиянчика к вам в школу», и тогда бы, наверное, Глеб Сильич не удивился, а только спросил: «А как у него там, на Марсе, с успеваемостью было? Справку об осопрививании имеет?» Ничему не удивился и сейчас Глеб Сильич, только сказал:

— Вы бы присели. — И повторил приглашение, так как не заметил, что Незабудный уже давно расположился на стуле перед ним и высится над столом сидя.

Артем стал было рассказывать ему историю Пьера, но Глеб Сильич извинился и сказал, что очень торопится сегодня и с деталями готов более пунктуально ознакомиться в следующий раз или при случае. А пока он хотел бы поинтересоваться документами поступающего, если таковые имеются. Кое-что у Артема имелось. Он еще в Москве запасся чем нужно. И Пьер Кондратов был принят в шестой класс Сухоярской школы имени Григория Тулубея.

Мальчики терпеливо ждали Незабудного у подъезда школы.

— Записали? — спросил Сеня.

— Зачислен, — ответил Незабудный. — А директор у вас, видно, хлопчики, строгий.

— Хлеб кислый с изю... — начал было Сеня, но получил тотчас потайной тумак в спину от приятеля и смолк.

— Ну, а теперь, хлопчики, ведите меня в исполнком, — попросил Артем, — Где он тут у вас?.. Значит, как сказали председателю фамилия — Тулубей?

## Глава V Дар отвергнут

По дороге мальчиков уже окончательно разбрало любопытство. Они шли по бокам от исполина-незнакомца, переглядывались за его спиной и шушукались где-то на уровне его локтей, мерно качавшихся в такт шагу и глухому стуку ударяющейся о землю трости.

Наконец Сеня не выдержал:

— Дядя, а вы сами кто?

— Незабудный. Слыхал про такого?

— Еще бы! — поспешил сказать Сурен. — Это такой был борец.

Сеня тоже не дал маху:

— А я в старом журнале «Нива» у нашей хозяйки на квартире портрет видел и читал — чемпион чемпионов. Он сам помер давно. А вам тот Незабудный кто был? Родственник? Дедушка?

— Человек сам себе дедушкой не бывает, — ответил добродушно Артем Иванович и погладил усы. — Живой я покуда, хлопчики. Хотя, свободно, может быть, ты прав. Да, я

тому Незабудному сын блудный. Складно сказал? Незабудный — сын блудный...

— В рифму, — согласился Сурен.

— Вот именно, что в рифму. Сам я, хлопчики, и есть тот самый Незабудный.

Мальчики только рты поразевали, еще не совсем веря...

Когда Незабудный скрылся в подъезде исполкома, они, подсаживая друг друга, влезли на ограду. Им интересно было, как примут власти такого знаменитого человека.

— Эх, как он тебя: раз — и фойть на балкон, — хихикнул Сурен. — Вот бы Ксанка видела!

— А я и сам трошки подскакнул и подтянулся.

— Да, «подтянулся»! А сам чуть реву не дал.

— Это кто, я? Сбрехни еще что! А вот ты скажи, почему он у бюста расстроился. Даже заплакал. Видел?

— Я это и без тебя заметил.

— По-твоему, это тот самый Незабудный? Ты как считаешь?..

Между тем Артем вошел в коридор. Он остановился у двери со строгой дощечкой:

*«Председатель исполкома т. Тулубей Г. П.».*

Опять вспомнил Артем, что был у него в молодости товарищ, штейгер в шахтах, Богдан Анисимович Тулубей, тоже рослый, плечистый и статный человек. Но кто же тогда этот Тулубей — Г. П., председатель исполкома? Однофамилец, что ли? Он постучал и вошел.

Секретарь, плюгавенький и сверх меры многозначительный, вскинул недовольно очки на Артема.

— Я к председателю... Председатель у себя?

— Товарищ Тулубей сегодня не ожидаются, — сказал секретарь. — На стройке председатель. День, товарищ, сегодня вообще у нас не приемный. Приема посетителей нет. Он, перегнувшись через стол, с опаской и любопытством глянул под ноги вошедшему: не стоит ли тот на чем-нибудь.

— Вы, извините, по какому вопросу?

Артем изложил свое дело. Объяснил, что приехал на неделю раньше назначенного. Очень уж не терпелось скорей попасть в родные места, да и приемному сынишке надо в школу, чтобы он со всеми вместе втянулся с первых дней после каникул. Пока остановился с сыном в общежитии для приезжих. Отвели угол. Багаж еще на вокзале. Вот только чемоданчик захватил с одной шту-ковинкой.

— Теперь понятно, — удовлетворенно сказал секретарь. — Возвращенец. Проще сказать — репатриант. О вас нам было уже указание из центра на имя председателя. Через меня проходило. Но не ждали в этот срок.

— Домик у меня тут был. За терриконом. Мать моя в нем проживала. Как мне сказали, померла перед войной. Вот могилу хочу найти, да и тоже со временем туда...

— Насчет могилы также не скажу определенно. Вопрос решался в смысле переноса кладбища. Возможно, и домик ваш бывший, — он сделал нажим на «бывший», — помечен на снос. Я после посмотрю в списке. Уже некоторых выселяем.

— Это почему же? — насторожился Артем. Секретарь скосил глаза и многозначительно сосредоточил взор свой на кончике собственного носа:

— На то имеются определенные обстоятельства и причины. Извините, гражданин, до полного выяснения вопроса сообщать не имею данных.

— Значит, так... И жить негде, и помирать некуда.

Тут секретарь обиделся и даже встал, чтобы находиться, так сказать, на одном уровне с посетителем, тяжело осевшим на стуле.

— Довольно отстало мыслите и странно рассуждаете, гражданин. Как это так некуда? Что за намеки с вашей стороны? У нас похоронное обслуживание вполне на высоте. Венки в районе заказываем, грузовичок украшаем не хуже катафалка. Материи отпускается

достаточно.

— Да я пока не о том забочусь.

— Так ведь это я тоже только к слову вашему ж. Проживайте на здоровье себе. Милости просим. Мы это при-ветствуем. Стало быть, как говорится, из бывших белых будете?

— Не понял я вас.

— Из белых эмигрантов, говорю?

— Из каких же я белых? Шахтер я местный. Из здешних навалоотбойщиков, коренной. Руки-то у меня не из белых. Уголька порубал черного — будьте здоровы!

— Да нет, это я так, для классификации, — засуетился секретарь. — Я объясняю вам вторично: живите на здоровье. Ну, а после перепланировки города в отношении площади для вас...

— Да к чему мне эта площадь? — не понял его Артем.

— Не так вы меня восприняли опять. Я имел в виду жилплощадь. На проживание. Но тут тоже есть указание в отношении вас. У председателя. Порядок будет. Предоставим. Тут Артем немножко замялся. Приоткрыл свой чемоданчик, который до этого поставил на пол возле стула.

— Скажите, — начал он, неловко оглянувшись и затем склонясь всем своим огромным телом над заскрипевшим под его грудью столом секретаря. — Скажите, а как в настоящее время у вас, если, допустим, пожелает какое-нибудь лицо сделать... доброхотное приношение?

— Недовполне я вас понял...

— Я вам сейчас объясню. — Артем Иванович засмущался, открыл свой чемоданчик, вынул какой-то предмет, бережно размотал плотную материю и поставил перед секретарем на стол свой заветный, серебряный с оливином кубок «Могила гладиатора». — Вот, разрешите?.. Хотел бы подарок сделать родному городу. Знаю, очень люди у нас тут страдают через недостаток воды. С молодости сам помню. А я вот читал, Айвазовский, художник был...

— Буря на море, девятый вал, — сказал секретарь, — известный.

— Да, именно. Так он на свои сбережения водопровод в родном городе провести хотел, все добивался. Я когда-то по глупости всех тут водкой спаивал за свой счет. Озорной был, да и деньги шальные водились. Ну, а сейчас тоже бы имел желание, только, конечно, не так... Мечта такая у меня... Чтобы помочь городу жажду утолить. А то, я вижу, бабы у вас все у колодцев с ведрами в череду стоят. И водовоза встретил старого. Только что цистерной обзавелся вместо бочки, а суть вся прежняя. Всухомятку еще живете.

Секретарь вскочил. Он неожиданно очень обиделся:

— Попрошу!.. Попрошу принять прочь. Пожертвований в частном порядке не принимаем. Тем более я лично. Насчет воды это уж позвольте, и без вас позаботятся кому надо,

— Так я ведь это от всего сердца, поймите. Секретарь стучал по столу кулаком, натянув на него, впрочем, предварительно обшлаг своего пиджака.

— Примите, прошу, прочь. Сказано ясно! Вам надо договориться с руководством. А сейчас уберите... Во избежание чего-либо уберите. Люди каждый момент могут взойти и заиметь подозрение. Неловкий вид получится. Видно, вы меня плохо понимаете, гражданин.

И мальчишки, которые, взбравшись на ограду и держась для верности за дерево, смотрели на всю эту сцену через окно, стараясь уловить обрывки слов, доносившихся через форточку, увидели, как Артем Иванович неверными руками смущенно укутал обратно в материю удивительной красоты вазу, сунул ее неловко в чемодан и побрел к дверям. У мальчиков даже сердце заныло — таким огорченным показался им их новый знакомец. От огорчения Незабудный даже трость забыл у стола. Секретарь вскочил, чтобы нагнать посетителя и возвратить ему дубинку. Мальчишки разом замерли за окном, предчувствуя... И действительно, сейчас же сквозь форточку послышался глухой стук чугунной, окрашенной

под дерево дубинки, грохнувшей на пол, и истощный вскрик бедного секретаря, который, схватившись обеими руками за одну ногу, запрыгал по кабинету на другой.

## Глава VI

### Пьер Кондратов из Парижа

С первого же взгляда на этого мальчика Ксанка поняла, что она влюблена по-настоящему и так, как никогда еще в жизни. В прошлой четверти все это было не так. Да, тогда было совсем не то... Бабушка возила ее в район, И там они пошли посмотреть спектакль приехавшего из Киева Театра юного зрителя, Шел «Тимур и его команда». Он был так хорош, этот Тимур, что совершенно покорил Ксанкино сердце, и она даже решила написать ему письмо. А так как Мила Колоброва — дочка знаменитого бригадира проходчиков, соседка по парте и самая близкая подруга — во всем должна была делить думы и увлечения; Ксанки, то писали письмо вместе. И чуть было уже не отправили его. Но случайно они увидели в одном журнале фотографию и по ней узнали, что Тимура из ТЮЗа играла артистка, тетенька далеко уже не молодая. И увлечение рухнуло. Да, совсем это было не то, что сегодня.

И полгода назад было совсем по-другому, когда они опять, уже вдвоем с Милкой, решили, что обе влюблены в знакомого тракториста Есипова с целины портрет его они видели в «Огоньке». Они написали ему письмо, для чего бегали к знакомой исполнковской машинистке и просили у нее разрешения «постучать для стенгазеты» — почерк у обеих подруг был далеко не каллиграфический. А тракторист, как на грех, приехал в гости к шахтерам, попал в Сухоярку и пришел прямо в дом к Милке. И все были сконфужены, а больше всего, кажется, сам знаменитый тракторист, который решил, что ему писали две взрослые и образованные девицы. «Смотри какие грамотные!» — оправдывался он. Но гулять на Первомайскую и в кино «Прогресс» он пошел не с Милкой и не с Ксанкой, а со старшей двоюродной сестрой Милы, Валерией, гостившей прошлым летом в Сухоярке. Да, он пошел с ней, хотя ни одного письма она ему никогда не писала...

И с Сеней Грачиком, когда они в зимние каникулы возвращались вдвоем после школьной елки и пообещали друг другу, что будут теперь всегда как брат и сестра, все было по-другому.

Нет, все было не то. А теперь Ксанка чувствовала — то! И надолго. Может быть, уже и навсегда. Во всяком случае, уж на всю последнюю четверть, до самых летних каникул. Новичок понравился сразу всем девочкам в классе и вызвал любопытство и настороженность мальчишек.

— Вот, ребята, — говорил Глеб Сильич, вводя его в класс, — принимайте новенького, зачислен в нашу школу. Он из-за границы... Ничего такого особенного, — поспешил добавить Глеб Сильич, заметив блеск яростного любопытства, сразу вспыхнувший во всех глазах, — просто из Парижа. Приехал к нам в Советский Союз на постоянное жительство. Будет учиться с вами... Арзумян, вместо того чтобы ерзать и шушукаться, ты бы взял да и показал всем на карте, где Париж, — напомнил бы тем, кто нечетко знает то, что давно проходили в классе.

Лучший ученик класса Сурен Арзумян, которого все в классе звали Суриком, подошел к карте и уверенно ткнул пальцем в самый большой кружок на том месте «немой» карты, где подразумевалась Франция.

— Правильно, — сказал Глеб Сильич, — здесь. А ты что, Грачик, поднял руку, чего тебе?

— Можно? Я скажу, — заявил Сеня.

— Что скажешь? Где Париж?

— Нет. Кто его дедушка, — ответил, вскакивая, Сеня. — Мы с Суриком Арзумяном уже с ним знакомые. Он знаменитый борец, чемпион чемпионов всего мира... Он...

— Возможно, возможно, — перебил его Глеб Сильич. — Вполне допускаю, но не вижу

в этом основания для крика с места.

И Глеб Силыч, пожелав всем познакомиться, но не нарушать нормального хода занятий, вышел.

Новичка тотчас же тесно обступили. Он стоял, упрямо наклонив голову, прочно расставив ноги. Большие пальцы рук были засунуты под пояс узких брючек, а другими пальцами новенький настороженно поигрывал над карманами. Вид у парня и вся, как решили мальчики, «выходка» его были хотя и не вызывающими, но бывальми. Чувствовалось, что в обиду себя он не даст. Но, черт возьми, какие узенькие брючки обтягивали его ноги! А какая вельветовая, хотя и потертая до пролысин на локтях, курточка была заправлена по-ковбойски под брюки! И прическа со взбитым чубчиком над лбом... С ума сойти!

Девчонки так и стригли его глазами, успевая, впрочем, тотчас отводить их в сторону с равнодушным видом. А мальчишки снисходительно посматривали на стаченные по-модному, но побуревшие ботинки и отвороты замахрившихся, хотя и остро заутюженных брюк.

— Как твоя фамилия? — спросила Мила Колоброва. — Пожалуйста? — переопросил новенький.

— По фамилии как?

— Пьер Кондратов, — ответил тот краснея.

У него была какая-то особенная картавость. Не то чтобы он не произносил буквы «р», нет. Но он подкреплял ее еще каким-то звуком, и получалось «Пьер Кондратов». Это тоже всем понравилось. Звучало совсем необычно, очень по-иностранныму. Словно ветер далеких стран пролетел через шестой класс сухоярской школы. Все чувствовали себя несколько возбужденными. И глаза у новичка были красивые. Только он никому не смотрел в лицо, а все время опускал длинные ресницы.

— Пьер Кондратов — пи эр квадратов... — с таинственным видом произнес Сурен Арзумян. Недаром он считался самым образованным мальчишкой в шестом классе и всегда заглядывал в учебники старшеклассников. — Пи эр квадрат — площадь круга...

— Молчи ты, — тихонько оборвал его Сеня, — сам ты площадь круга! — И он несколько раз обвел пальцем вокруг широкой физиономии приятеля.

Все засмеялись.

Но тут, раздвигая плечом и локтями собравшихся, вплотную к новичку подошел Еремей Шибенцов, по кличке «Ремка Штыб», самый фасонистый парень в школе, первый силач и последний ученик класса. Он задержался в учительской, куда его вызвали в первый же день после каникул, за время которых он тоже успел отличиться на улице у него. Теперь он опешил наверстать упущенное, так как любил блеснуть знанием иностранной жизни.

— Алле, алле! Бонжур-абажур! — приветствовал он Пьера. — Паризян из обезьян? Гран мерси, не форси!

На этом познания Штыба по части французского языка исчерпались, и он счел за благо перейти на отечественный.

— Садись ко мне, — предложил он новичку. — У меня свободно. Сильвупле на сопле. Все от меня отсаживаются.

Садись, если не тренишишь. — Он с вызовом посмотрел в лицо парижанину.

— Я... не тренишишь, — мягко сказал новичок и не спеша пошел за Штыбом к его парте, провожаемый взорами Ксаны и Милы, которые напрасно трясли отрицательно головами и делали страшные глаза, чтобы показать Пьери всю безрассудность его решения.

— Это ужасно, — сказала своей подруге Ксана. — Ремка его испортит своим влиянием, — Еще кто на кого повлияет, — протянула Мила.

И действительно, пока что все с удовольствием ощущали на себе известное влияние новичка. Через минуту уже весь класс жевал поделенную по-братьски, пахнущую мяты ароматическую резинку «чуингам».

Когда старая учительница литературы Елизавета Порфириевна, припадая на ногу, пробитую осколком авиабомбы во время войны, вошла в класс и отставила к стене палку с

резиновым наконечником, она с удивлением прислушалась и заметила, что весь класс легонько чавкает.

Но тут все наперебой стали объяснять ей, что в классе новенький, да еще из Парижа. А сам Пьер с любезной готовностью встал и галантно угостил учительницу жевательной резинкой.

Елизавета Порфириевна, не в пример Глебу Силычу, никогда не скрывала, что она удивлена, если было чему удивляться. Наоборот, она радовалась, что на свете происходят удивительные вещи. Она и сейчас очень заинтересовалась, поблагодарила, но аккуратно отложила гостинчик парижанина в свою старенькую сумку, заявив, что попробует на вкус в другой раз. А затем, подойдя к парте, где сидел новенький, стала с нескрываемым любопытством расспрашивать его о Франции, о Париже. Она когда-то в молодости, очень уже давней, ездила с учительской экскурсией в Париж, для чего десять лет откладывала деньги из своего скучного жалованья.

Елизавета Порфириевна Глинская, в чьем классе учился когда-то и Григорий Тулубей, была из тех людей, без которых в мире стало бы куда больше паутины и плесени. Она до старых лет сумела сохранить неукротимый интерес ко всему, что волновало ее в молодые годы, когда она, похлебав жиценького супа в дешевой студенческой столовой, бегала на все мало-мальски интересные публичные лекции, ночами простоявала в очередях за билетами в Художественный театр или на концерты Шаляпина и Собинова, носилась с записной книжкой по музеям, круглые ночи напролет читала книги о Софье Ковалевской, бегала на Курский вокзал в Москве, узнав, что из Ясной Поляны приезжает Лев Толстой. В подобных людях сохраняется молодость века, и старость бессильна что-либо сделать с ними.

Сейчас Елизавета Порфириевна сильно хромала. Она едва не лишилась ноги в дни, когда вернулась из области в 'Сухоярку', которую безжалостно и оголтело бомбили гитлеровцы, — вернулась, чтобы помочь эвакуировать своих питомцев-школьников: их вместе с матерями отправляли в восточные районы.

Но и сейчас она была по-прежнему подвижна, неугомонна и любопытна до всего, что стоило внимания. Организовывала интересные экскурсии, устраивала самодеятельные концерты, сама читала лекции о писателях и художниках для сухоярских шахтеров. Когда она отдыхала, никто не знал, так как ее заставали чуть свет уже в учительской, а ночью в ее окне постоянно горел огонь над столом, где она проверяла ученические сочинения. «Я, как Нахимов без корабля, без школы жить не могу», — отшучивалась она.

Сейчас, подойдя к парте, за которой стоял Пьер, опираясь на нее рукой, она внимательно рассматривала новичка. — Очень хорошо, — промолвила она затем. Значит, будет у нас в классе Петя-Пьер, пти Пьер, маленький Пьер. Ну, правда, уже не очень маленький... А как там, голубчик, на набережной Сены, все еще торгуют букинисты старыми книжками? Замечательные букинисты там, ребята! Каких только книжек у них нет! Я там часами пропадала... Но оказалось, что Пьер там не пропадал. Он никогда не бывал у букинистов. Зато, когда Елизавета Порфириевна, понимая настроение класса, попросила его рассказать что-нибудь интересное о Париже, он сейчас же с готовностью принял рассказывать, как идут семидневные гонки на парижском велодроме и как на его глазах встречали первую красотку Европы — киноартистку Софи Лорен. Это было совсем не то, чего ждала от него Елизавета Порфириевна, и она поспешила остановить Пьера, чтобы не без труда вправить урок в нормальное русло.

А во время перемены все опять обступили новичка, оглушая его всякими расспросами. Но теперь уже на все отвел за своего нового соседа Ремка Штыб, почувствовавший себя хозяином положения и покровителем новичка. За время прошедшего урока он уже успел шепотом выспросить у новенького все, что требовалось знать о нем, и сейчас, жуя полученную им добавочную порцию резинки, бойко отвечал за Пьера, объясняя, что дед у того знаменитый борец, чемпион чемпионов, Артем Не-забудный, самый сильный человек на всем свете, и Пьер обещал, что познакомит его, Ремку, с силачом. И тогда все будут знать, как задевать Еремея Шибенцова и что из этого может получиться...

— А ну, геть, извини-подвинься, — говорил Ремка, отпихивая локтями наседавших на его парту любопытных одноклассников. — Ну, хватит, хватит вам приставать к человеку. Кажется, я вам объяснил все и — оревуар-резервуар.

Сеню Грачика больше всего поразило, что Ксанка, застенчивая тоненькая Ксанка, тоже чересчур уж заинтересовалась новичком. Он слышал даже, что она шепнула своей подруге Миле Колоброда, чтобы та позвала сегодня парижанчика к себе на именины. А высокая, полненькая, обычно гордо державшаяся Мила, теперь стоя неподалеку от парты, где сидел новенький, принялась вдруг громко рассказывать известную всему классу смешную историю о том, как ребята стали переписываться с болгарскими школьниками и как один школьник из Пловдива принял Милу за мальчишку, потому что она подписалась в своем письме: «Привет Людмила Колоброда». И стали приходить из Болгарии письма: «Людмилу Колоброду. Здравствуй, дорогой Людмил», так как в Болгарии Людмил — это мужское имя. Зато Ваней, например, могут, наоборот, звать девочку.

— А что есть это за Гргигорий Тулубей? — спросил вдруг новичок. — Везде и везде я видел — Тулубей, Тулубей... И Сеня, дернув его за рукав, сказал негромко:

— Тише ты. Это отец ее, Ксанкин. Ей тоже фамилия Тулубей.

Но, хотя Сеня Грачик и Сурен Арзумян были еще накануне приглашены к Миле Колоброда на день рождения, провожали подруг, Ксану и Милу, из школы Рейка Штыб и Пьер Кондратов, новичок.

## Глава VII Неприятности одна за другой

Те, кто верят в приметы, утверждают, что будто, если с утра были две неприятности, случится и третья.

Первой неприятностью этого дня у Сени было его невольное утреннее вознесение на балкон. И ведь надо же, чтобы это оказался именно балкон квартиры Тулубей. Сеню, конечно, узнали и подумали бог весть что.

И так уж хозяйка квартиры, где жил со своим отцом Сеня, болтливая и кокетливая не в меру Милица Геннадиевна, любила намекнуть, завидя проходящую мимо окон Ксану: «Поспешай, Сенечка, поспешай! Вон уже симпатия твоя отправилась». Симпатия! Что взрослые вообще могли понять во всем этом?

Никогда бы даже себе самому не признался Сеня Грачик, что он давно уже слишком много и часто думает о Ксане. «Просто мы с ней хорошие товарищи — вот и все!» — поклялся бы он.

Но утром, когда он выходил на улицу, чтобы идти в школу, и думал, что есть на свете Ксана, и знал, что сейчас он увидится с нею, все обещало ему что-то хорошее. И хотелось кричать: «Здравствуй, утро доброе! Здорова была, галка на дереве! Эй ты, облачко над терриконом, здравствуй! Пой, гудок грузовика, сигнал, пой! Фырчи, мотор, катите, толстые колеса! Привет вам! Вейся, флаг, на Совете! Салют тебе! Гони, ветер, пыль по дороге, греми, ведро, у колодца!»

И Сеня казался себе тогда очень большим. Всему хватало места в нем. И порхавшему по стенам радужному зайчику от мотавшейся в ветре форточки. И тугой веленой травинке, с непонятной силой пропарывающей асфальт на улице. И песне о «Варяге», которую передавали по радио. И мохноногому коню-битюгу, который вез навстречу кладь, прочно, гордо, как бы с выбором ставя свои чашеобразные копыта под светлыми сultanами и потряхивая в такт шагу белой, как ковыль, гривой.

Всему было место. И только сердце от радости не вмещалось в груди.

И когда Ксана появлялась в классе, то в груди и вокруг становилось еще теснее. Потому что, честное слово, казалось, некуда от нее деться. И куда бы ни смотрел Сеня, глаза его наталкивались на нее. И даже правила немецкой грамматики делались вдруг необыкновенно значительными и важными, хотя сосредоточиться на них было совсем уже

трудно.

Когда же он проходил с Ксаной после школы мимо пивной забегаловки — как на грех, она была недалеко за углом, — то, наоборот, пьяные начинали сильнее толкаться, словно нарочно, и грубые, плохие слова принимались позорить весь мир, все, на чем свет стоит, с ужасной, бесстыдной громогласностью. И сердце Сени сжимало болью, и сам он ежился от стыда, страшась, что Ксана услышит, горько обидится, как будто он виноват во всем этом безобразии, которое еще встречается в жизни.

Итак, значит, первой неприятностью было вознесение на балкон. Вторым огорчением этого дня было то излишнее внимание, которое Ксана проявила по отношению к новичку из Парижа. Конечно, Сене полагалось бы быть, как передовому пионеру, особенно внимательным к приезжему, да еще сироте и наполовину иностранцу. Но не мог он чего-то преодолеть в себе, не понравился ему с самого начала новенький.

Между тем Артем Незабудный тоже пребывал в состоянии далеко не веселом. Прием у секретаря исполкома задел и обидел его. С квартирой дело, видимо, тоже не устраивалось. Да и кроме того, пока он ходил по коридорам исполкома, он наслышался уже, что с жильем дело обстоит в Сухоярке еще туго. Понаехали много народа на какое-то соседнее строительство, и людям живется тесно. И многое из того, что он приметил на улицах, огорчало его. Он ждал лучшего. Давно уже он потерял веру в зарубежные газеты, всегда готовые наболтать невесть что о Советском Союзе. Но сейчас он сам с излишней придирчивостью и уже каким-то недоверием, вдруг возникшим в его усталой душе, приглядывался ко многому. Показались ему не слишком хорошо одетыми люди. Последнее время ему приходилось жить среди тех, кто был одет не всегда опрятно, но более модно и фасонисто, хотя и жил порой впроголодь.

Потом он увидел, как у булочной выстроилась очередь за хлебом, поинтересовался осторожно и узнал, что ввиду большого наезда людей на строительство с хлебом бывают еще иной раз и перебои.

Боль в сердце сегодня что-то так и не могла улечься. Все ворочалась и ворочалась в груди, то выбирая себе местечко почувствительнее, то кидаясь в левое плечо и просачиваясь колючими мурашками в кончики пальцев.

Мерно и печально зазвонил колокол в церкви. Кого-то провожали в последнюю дорогу. Отходил уже человек свое на этом свете. Артем Иванович зашел в старенькую церковь. Народу было немного, и все люди немолодые. Но знакомых не оказалось. Незабудный механически коснулся щепотью лба, груди и плеч, огляделся в церковном сумраке. Потом спросил тихонько у одной старушки, кого хоронят. Та назвала фамилию — незнакомую — и неодобрительно покосилась вверх на Артема Ивановича.

Удивили его нищие на паперти. Их, правда, было только трое, но они стояли на тех же местах, где стояли, почитай, сорок лет назад, и так же бормотали, как тогда, только немножко потише, как показалось Незабудному. Один из просящих узнал вдруг Незабудного, подошел, закрестился, запричитал. Вспомнил его и Артем. И фамилию его припомнил: Забуга. Этот и в старое время всегда просил Христову милостыню, пропойца, ругатель, калика переходящий, ворюга, лентяй и бездельник.

— Ишь ты, какой видный, да ладный, да статный! — забормотал заискивающе нищий. — Господи Христе, матерь божья, удостоился еще разок встренуться. Одели чем-нибудь мытаря грешного. Тебе-то за грехи твои вон как воздалось, а я-то, видишь, как был гол и наг, таким сирым и остался. Не буду бога гневить, роптать не стану... Но ты за грехи свои, за бега свои дал бы мне десяточку. Отмолю перед господом.

Он тыкался в грудь Артему, пытался поцеловать его руку. От него несло водочным перегаром. И чистоплотный, простодушный, но ненавидевший всякое юродство, как он говорил — фортелизм, Незабудный рассердился в конце концов.

— Что ты на меня смотришь, богова твоя душа?.. — Он говорил негромко, но казалось, что все пространство вокруг само набухло этим глуховатым, громоподобным рыком, исходившим из неохватной груди. — Что толку от того, что ты тут околачивался при своих,

когда я в бегах был? Да, что толку с того? Ты на дне своей торбы хоронился и от правых, и от виноватых, в суме своей душонку прятал. Грошовую душонку! Тебе передо мной гордиться нечем. Да, нечем! Это ты оставь, слышишь? Пошел ты к богу в рай!.. Встретился один старый знакомец. Был когда-то мелким лавочником, а теперь, судя по всему, спекулировал чем попало. Он уже успел где-то прослыshать о возвращении прославленного земляка. Сразу узнал Артема, подошел к нему запросто, потянулся, чтобы почеломкаться, да не достал, махнул рукой. Взял приезжего за локоть и сразу спросил, не привез ли он чего-нибудь такого — заграничного, ходкого. Желательно по дамской линии: чулки там нейлоновые, может, ткань какая? И тут же стал жаловаться на всяческие притеснения и что ходу никакого не дают его инициативе, а при его-то оборотистости да бережливости он бы давно... По его словам выходило, что все делается не как надо, все плохо и толку никакого все равно не будет. Он шипел, облизывая губы, легонько всхлипывая, и нудил, нудил и ругал вся и всех вокруг:

— Церкву чуть было не запретили. Говеть негде было. Ты, чай, говеешь?.. Бросил? Напрасно, Артем... Людям ты все равно нужен не будешь. Ты хоть о душе подумай.

Артему Ивановичу, настроенному в этот день несколько торжественно, вдруг стало противно слушать. Он хотел уже отойти, но тут старичок, словно спохватившись, нагнал его и стал ему выговаривать за то, что-де Артем Иванович долго отлучался, и того ему люди не простят.

Артем хмуро слушал, а потом вдруг грубо оборвал:

— А ты-то чего гоношишься? Да. Ты-то?! Сам говоришь, что малость деньжонок скопил. Так в кубышке своей и жизнь провел. И сейчас в ней с головой сидишь. Тебе, брат, тоже задаваться-то передо мной нечего. Один был архаровец — Родину у меня на сорок лет, почитай, украл, гад смердящий! С чего это ты ябедничашь на всех? Есть такие — голова оплещивела, а сердце шерстью обросло. Видал я таких. Не попадался бы ты мне лучше!.. Он собрался уже уйти, как к нему подошел, отслужив похоронную службу, старенький попик, отец Кирилл Благовидов, которого он знал еще с молодых лет. Он венчал когда-то Артема с Галей.

Ласково заговорил:

— Вернулся, блудный сын? Окончил странствование свое? В добрый час, в добрый час! Ну, приходи исповедоваться. Вместе грехи твои замолим перед всевышним, перед отечеством.

Артем подошел под благословение, но, уже раздраженный попреками, ответил не очень вежливо:

— Чего же я буду, батюшка, перед вами исповедоваться? Да, чего? Ведь я вот вижу, так получается: это верно — сорок лет я по свету бродил и действительно от своего дома отбился. Ну, а вы тут дома были ведь тоже не с народом, как я смекаю, а в сторонке. Так оно?

— Нет, ошибаешься, Артем, я с народом был, — возразил отец Кирилл. — Я с ним и в беде, и в горе, и во всех страстях оставался.

— Были-то вы вроде с людьми, — сказал Артем, напрягая мысль, которая все ускользала от него, так как боль в сердце нарастала с каждой минутой, — то верно, да ведь звали-то не к жизни, не к делу, нет, а к богу призывали уйти. А я хоть и сам ушел, да к людям как-никак. Плохие или хорошие, а люди. Живут. На земле живут. И я среди них жил и горе мыкал. Конечно, блуждал я. То правда. Обманывали меня. А веры в людей я не лишился, хоть всякой пакости навидался предостаточно. Так что вы не обижайтесь, батюшка, мне перед вами исповедоваться не в чем.

— Не передо мной... Неразумно ты говоришь, Артем... Не передо мной, а перед всевышним. Что же, ты и от него отрекся?

— Я от него, батюшка, не отрекся. Да он вот не очень-то за мной доглядывал. Допустил вон такое. Бросил одного...

Он махнул рукой и пошел, угрюмый, невероятно большой, хотя и ссутулившийся. Отец

Кирилл только покачал головой ему вслед.

Неладно было на душе у Незабудного. Дали знать себя волнения длительного переезда, и непомерная трудность принятого решения, и усталость, и где-то вдруг снова пробравшиеся невтерпеж жгучие сомнения, заползшие в душу, и обида в исполкомовском кабинете, глупые попреки — все теперь тяжко навалилось на сердце. По дороге в общежитие для приезжих, где он пока остановился с Пьером, пришлось присесть неподалеку от рынка на скамейку возле остановки автобуса.

Здесь тоже к нему немедленно подскочил развязный верзила. Это был коновод гуляющих парней, Вячеслав Махонин, по кличке «Махан», недавно выгнанный из училища при шахте и вечно околачивавшийся либо на рынке, либо на Первомайской, у кино «Прогресс», либо возле забегаловки. Опытный глаз Махана сразу определил заграничное происхождение просторного серого пальто, несколько обвисшего на похудевшей фигуре.

— Мони есть? — шепнул Махан, подсаживаясь.

— Как? Чего ты? — не повял Незабудный.

— Мони, говорю, есть? — повторил Махан и, чтобы быть понятным, потер пальцами, сложенными ще-потью. — А смок, сигарет?

— Я из тебя сейчас такой «смок» сделаю, ты от меня, гнида, получишь «мони» такие, что и свои позабудешь, не то что заграничные! — рявкнул Незабудный.

Махану показалось, что сама земля ходуном заходила под ним. Артем Иванович хотел приподняться, но сердцу вдруг стало совсем плохо. И он только плечом легонько двинул в сторону надоедливого парня. Но этого было достаточно, чтобы того отнесло метра на два к краю тротуара.

## Глава VIII Стар и млад

Между тем Сеня Грачик, чтобы хоть немножко скрасить этот столь сомнительно начавшийся для него день, порылся в карманах, нашел там мелочь и решил доставить себе удовольствие — покататься в последний раз на карусели, которая еще оставалась на базарной площади после окончившихся вчера каникулярных праздников. Уже по тому, как вел себя Сеня на таком заманчивом сооружении, как карусель, можно было определить, что это за человек — Сеня Грачик... Все дети ехали как дети. Кого родители посадили верхом на лошадку, кто сам сумел забраться в самолет или автомобильчик, но все ехали, крепко держась руками за седла и сиденья, пряча в широко раскрытых глазах легкий испуг и преклонение перед чудом техники. Ребята уносились по кругу, сохраняя напряженную неподвижность, лишь слегка скашивали глаза, ловя обнадеживающий взгляд отца или матери, посыпаемый с твердой земли в момент, когда те поравняются с ними.

Всего этого Сене было недостаточно. Он только один круг проехал так, как другие, в лодочке, где ему досталось место. Затем лег поперек нее. Потом он сел задом наперед. Следующий круг он проехал, закрыв один глаз, потом зажмурил оба и к тому же зажал уши. Когда он появился опять перед сидевшим неподалеку Артемом, он уже стоял в своей лодочке на четвереньках и смотрел себе под ноги назад. Видно было, что это человек со смыслом, исследователь и экспериментатор. Ему не терпелось все испробовать и испытать на себе. Во всем он искал свой толк и корень дела.

Каким бы манером проехал он еще раз по кругу, никто так и не узнал, потому что у Артема Ивановича, глядевшего издали на карусель, вдруг закружила голова, он побелел и, внезапно отвалившись на спинку скамьи, весь обвиснув своим громадным телом, закрыл ладонью глаза.

И Сеня, увидев это и теперь уже зная, с каким знаменитым человеком он сегодня утром познакомился, соскочил на ходу с карусели и бросился к старику:

— Сердце? Незабудный кивнул.

— Перебои? — допытывался Сеня.

Артем Иванович только бровями вниз повел. Кивать уже было больно.

— Жмет?.. — быстро переспросил Сеня и исчез.

Артем приоткрыл глаза, но мальчика уже не было. «Удрал, испугался», — с тоской подумал Артем.

Но не прошло и трех минут, как Сеня снова появился возле Артема Ивановича, на ходу зубами вытаскивая пробочку из маленького пузырька с валидолом.

— Не проходит? Незабудный помотал головой.

— Вот пососите, дядя, пробочку.

— Ты, я вижу, толк в этом деле знаешь, — проговорил Артем Иванович, ощущив охлаждающий вкус валидола во рту и слегка отышавшись. — У кого это ты научу прошел?

— У папы моего.

— Отец у тебя доктор, что ли?

— Нет, не доктор, — тихо ответил Сеня, — шофер он.

— Тоже с этим мается?

— У него последствия бывают... — неохотно ответил Сеня. Он явно не желал продолжать. Помолчал, внимательно поглядев на Артема, и, убедившись, что старику полегчало, вдруг спросил: — А у вас, дядя, кстати, семьдесят две копейки не найдутся?

— Это на что тебе понадобилось?

— Да у меня от карусели только восемьдесят копеек оставалось, а в аптеке надо было рубль пятьдесят две. Вы не беспокойтесь, мне и так поверили. Потом, говорят, занесешь, если будут. Да раз такое дело, и без всего бы отпустили.

Артем Иванович нашарил в кармане рубль:

— Иди, сынок. Отдай долг. Спасибо скажи, что поверили.

— Это я после. Лучше я с вами посижу. Можно?

— Сиди на здоровье, дорогой.

И Сеня сидел рядом с великанином, сильнее которого никогда не было на свете, сидел, улыбаясь, очень довольный, заглядывая в лицо своему огромному собеседнику. А мимо шли из школы ребята-старшеклассники, и все видели, с каким человеком сидит Сеня Грачик. Мальчики из старших классов шли, красуясь перед приезжим нарочито натуженной горняцкой походкой, перенятой у отцов. У многих верха школьных фуражек были придавлены и промяты с нашлепом, фестонами, наподобие верха шахтерских касок. И школьные сумки у некоторых были специальными крючками пристегнуты к поясам на манер шахтерских лампочек.

Завидев Сеню, они степенно здоровались с ним, хотя уже виделись в школе в этот день:

— Здорово, Грачик! Кончал уже? На-гора?

— Букет! — по-шахтерски отвечал Сеня. Потом валился гудок на шахте. И вскоре пошли по домам шахтеры, кончившие смену, А навстречу им выходили жены.

И, глядя на них на всех, Незабудный почему-то вспомнил Бретань, рыбачий поселок, где ему пришлось застрять на некоторое время. «Человек везде добытчик, человек уж такой, — думал про себя Незабудный. — Человек свое возьмет — под водой или под землей, а возьмет. Да, — думалось ему, — что-то есть схожее у рыбаков с горняками для тех, кто знает, почем фунт лиха, пробовал сам промышлять рыбу в море или рубить уголек под землей. Море устрашает новичка своей настежь распахнутой беспредельностью, а подземелье гнетет с непривычки глухой, безысходной теснотой. Как будто и нет ничего похожего... А ведь так вот тоже встречают рыбакские жены своих мужей, вернувшихся с моря, как встречают тут поднявшихся из-под земли на-гора Кормильцев. Человек везде добытчик, и труд его нелегок, но всему основа. И только тот, кто проваландался всю жизнь на берегу, не выходя ни разу в море на промысел, кто гулял лишь по поверхности земли, не спускаясь добытчиком в ее недра, не понимает этого.

Люди идут гордо. Сами себе добытчики, сами себе хозяева».

Жизнь, уже совсем по-новому для Артема устоявшаяся, уверенно текла мимо него, а ему не терпелось войти в ее течение. Ему больше не под силу было оставаться одному как бы

на пустынном берегу. Ему хотелось плыть со всеми. Боль в груди отпустила. И он сидел, прислушивался и присматривался, то с умилением узнавая что-то до слез знакомое с давних детских лет, то недоверчиво дивясь всему, что было для него приметами новой для этих мест жизни.

Инвалид шел с красивой женщиной, должно быть женой. Легонько поскрипывал протез в добротном ботинке. Шел человек хотя и прихрамывая, но степенно, с достоинством. На нем было хорошее пальто из бобрика. Одной рукой опирался он на узловатую трость, другой — на руку жены. И впереди чинно шла девочка в новеньком нарядном полупальто. И видно было, что семья живет дружно и с достатком.

Две хозяйки показывали друг другу на углу покупки, только что сделанные в магазине. Пальцами вспарывали обертки, щупали. Обе были довольны.

На автобусной остановке скопилась очередь. Народ был больше всего молодой. Многие в форменных фуражках и с книгами. Пришел автобус. Взял всех. Только один парень застрял в дверях. Так и ехал он, стоя на подножке одной ногой и весело помахивая связкой книг. Чья-то рука сверху на всякий случай крепко держала его под мышку.

Шла по улице, то и дело останавливаясь, молодая женщина в клеенчатом плаще поверх стеганки с большим бумажным рулоном и ведерком. Она расклеивала афиши.

Афиши были разные. Кино «Смелые люди», «Молодая гвардия». Спектакль областного театра «Овод». Лекция «Будущее нашего района». И объявления: «Срочно нужна электросварщица», «Требуются чертежники», «Требуются опытные няни». Вообще, как видно, многие тут сегодня требовались.

Через перекресток ехали и ехали все в одну сторону, один другому вдогон, грузовики, самосвалы, тяжеловозы с прицепами, груженные кирпичом, строительным лесом, какими-то металлическими конструкциями. Где-то, видно, неподалеку шли большие работы. Проехали на нескольких машинах люди. Все они были в брезентовых, коробом стоявших куртках. И все пели. Песня перелетала от машины к машине. Песня неслась, как лодка на волнах, то совсем было пропадая, то снова взлетая, когда ее подхватывали на следующей машине. И долго еще было слышно эту песню уже с дальней улицы. А навстречу автоколоннам провезли целый дом. Так прямо и везли на низкой платформе. С окнами, с крышей. Казалось, сейчас и дымок завьется из трубы.

Потом все машины на перекрестке разом стали: девушка, очень молоденькая, видать — хлопотунья, переводила через улицу малышей. Их было не меньше сорока. Все шли парами, держась за руки. Девушка пропускала их, касалась по очереди их плеч, словно пересчитывала. Малыши перебирались на другую сторону улицы не торопясь. У каждого в руках было по яркой бумажной вертушке. А машины стояли слева и справа и ждали терпеливо. Только из кабины одного из самосвалов высунулся шофер и весело закричал:

— Ну, вы, звездолеты! Ползи шибче! Давай веселей! Топ-топ!

Убедившись, что Артем Иванович уже совсем оправился после приступа, Сеня счел возможным осторожно начать разговор о том, что его сегодня с утра волновало пуще всего.

— Дядя, — начал он, — а вы правда самый сильный на свете?

— Да нет, совсем слабый я сегодня. — Незабудный покачал большой своей головой.

— Ну это сегодня... А завтра опять будете самый сильный, как пройдет у вас?

— Да нет, не пройдет уж это. А был когда-то, говорят, всех сильней.

— А сейчас уже разве не самый сильный? — с жалобной надеждой допытывался Сеня.

— Да, может, где уже и посильнее кто имеется. Я уже, брат, на слабину пошел.

— А раньше никто никогда вас не мог сбить?

— Не находилось вроде таких.

— Никто-никто во всем мире?

— Сказал — никто.

— Ни разу в жизни?

Незабудный подозрительно покосился: - А тебе что, другое говорили? Глупости! Не верь. Не было такого. Я с международного ковра ушел, разу одного к нему спиной не

приложившись.

— Значит, всех могли сбороить?

— Всех.

— А если бы пять человек сразу набросились?

— Справился бы.

— А десять?

— Если бы рассерчал очень, совладал бы.

— А если двадцать?

— Ну, двадцать — это, пожалуй, не совладал бы. Многовато. Десяток раскидал бы, а те, кто целые, навалом бы взяли. Где уж тут! Хотя бы пятнадцать сказал, а то, вишь, двадцать. Это уж ты хватил!

Помолчали. Сеня с восхищением оглядывал необыкновенного своего знакомца: А вы, дядя, в Америке тоже были?

— Приходилось.

— А там многое есть, которые за нас?

— Сколько хочешь таких. Люди чуют, что тут она, правда. Вот и сочувствуют.

— А вы, дядя, теперь тоже уже окончательно за нас будете?

— Да я сроду против не был. Это вышло так... Обманули меня, по дурости. Вот и получилось теперь, что приехал уж, как говорится, на все готовенько. Народ такое тут сотворил, а я ни в чем и не участвовал...

— Я тоже еще ни в чем не участвовал! — вздохнул Сеня. — Ни в гражданской, ни в Великой Отечественной. Только вот лом мы собирали с пионерами на шахтах. А так больше ни в чем не участвовал.

— Ну, ты-то еще поучаствуешь во всем. А вот уж я... Сеня поспешил утешить:

— У нас, кто и на пенсию уже полную вышел, все равно они тоже участвуют. Обследуют там что... Или во Дворце шахтера дежурят. Актив они там.

— Ну, в таком разе и меня не забудь. — Незабудный смешно шевельнулся одним усом в сторону Сени. — Только не знаю уж, как я: актив буду или пассив?

— Зато самый сильный, — не смутился Сеня. Но у него еще была в запасе пропасть неотложных вопросов. И он торопливо продолжал:

— Дядя, а вы видели когда-нибудь в Америке живых диких индейцев?

— Видел... Только уж, вернее, как бы тебе сказать, — полуживых. Да и не дикие они вовсе. Им, брат, сейчас там не жизнь. Это они голы-босы с голодухи, а не от дикости. Им никуда и ходу не дают. Вот они перышки крашеные понатыкают, ну, а публике интересно. С того и живут.

— Про это я читал. Сурен, мой товарищ, книжку мне давал, — сказал Сеня. — И про негров тоже... Дядя, а в сколько этажей теперь уже есть в Америке дома?

— Да не считал. Говорили, что больше ста имеется. В Нью-Йорке.

— А вы, вы туда на самый верх лазали?

— Зачем лезть? На то элевайтер есть, лифт. Подъемная машина. — Я знаю. Это как клеть у нас в шахте.

— Правильно говоришь. На тот же манер. Сеня сбоку посмотрел на собеседника:

— У вас теперь совсем прошло?

— Будто ничего. Спасибо тебе, вовремя подсобил.

— Эх, хорошо, наверное, сильным быть! — мечтательно произнес Сеня. Интересно, наверное?

— Одной силы это еще мало. Надо подготовку иметь. Развитие.

— Ясно. Без тренировки нельзя. Дядя, а если я стану тренироваться, я могу тоже сделаться сильным? Ну не таким, конечно, а все-таки?..

— А почему бы нет.

— А меня вот физкультурник наш в команду не принял. Говорит — слабое сложение.

Незабудный мизинцем повернулся за плечо Сеню к себе спиной. Другой рукой провел

между лопатками у мальчика, свел ему локти вместе, наклонил Сеню вперед осторожным тычком ладони в круглый стриженый мальчишеский затылок с глубоко запавшей ложбинкой на гибкой шее. С отведенными назад остренькими локтями Сеня был похож сейчас на большого пойманного в руки кузнечика. Артем Иванович ощущал хрупкую худобу мальчика. Бережно провел широкой ладонью по спине Сени, где под материей каждая косточка прощупывалась, как прощупывается в тряпичной кукле-петрушке ее каркасик.

— Ничего, ты крепенький, — проговорил Незабудный. — Только тощий чересчур. Развивайся. Ты вот гнешься зря, ты прямее ходи. Вот этак — плечи разверни назад... Ну вот...

— Я уже немножко кое-чего достиг в жизни, — сказал Сеня скромно. — Вот, например, кульбит научился делать. И каждый день плавание изучаю, — тихо договорил Сеня.

— Плавание — это хорошо! — одобрил Артем.

— А-ля брасс уже знаю, и как кролем.

— А баттерфляй можешь?

— И баттерфляй могу. Только теперь новый стиль с поправкой, как в Австралии. «Дельфин» называют.

— Правильно, — сказал Артем Иванович. — Ну и как, хорошо получается?

— Да я на воде еще не пробовал. Я пока дома на полу. Расстелю одеяло и тренируюсь. Я учебник плавания уже весь прочел. У нас ведь скоро много воды будет. Вот я и хочу заранее подготовиться...

— Погоди, погоди!.. — прервал его Незабудный и повернулся, громадина, к мальчугану. — Откуда у вас вода-то будет? С чего ты взял? Недаром ведь Сухояркой место наше зовется. Ведь степь кругом?

— А Гидрострой? К нам же воду скоро подведут. Разве не знаете? Вот, если на террикон залезть... Хотите, я вас туда сведу? Оттуда уже сверху видно строительство. Правда, канал от нас далеко пройдет, ну, а к нам водохранилище разольется... Вот я уже и подготовленный буду!

И он, захлебываясь, словно уже глотая залпом желанную воду, стал рассказывать о том, как ждут все ее в поселке, как подготавливают к ней трубы в домах и колонки на улицах. Что же из того, что пройдет трасса канала в стороне? Пусть не на самой магистрали будет Сухоярка. Но вода, вода большая, желанная, еще дедами загаданная, подступит и сюда.

Незабудный слушал его, изумленный, весь исходя несказанной благодарностью к мальчишке, от которого узнал такое, о чем и мечтать не решался. Так вот зачем переносят кладбище. Вот чему уступит место хибарка матери, которую хотят куда-то перенести и, возможное дело, уже срыли. А он-то, старый чудила!.. Тут все готовилось быть полной чашей, а он полез со своей вазочкой.

Артем Иванович повеселел, словно и его сердце омыло грядущей водой, о которой столько десятилетий мечтали в этих иссыхающих краях.

## Глава IX Не быть земле пухом

И он сразу взбодрился, встал, вспомнил, что ему надо повидаться с председателем исполкома. Но того опять не оказалось на месте, когда они зашли в Совет. Сеня, который знал, где живет председатель, предложил пойти к Тулубеям на дом. — Строгий он у вас? — по дороге осведомился Артем.

— А у нас не он, а она.

— То погано, — огорчился Незабудный. — Боюсь я, брат, ихнюю сестру-начальницу.

— Она добрая, У нас ее внучка учится. В нашем классе. Тулубей ей тоже фамилия. Я же вам говорил, тот Герой Советского Союза — это сын ее, как раз нашей председательницы. По дороге Артем Иванович узнал еще от Сени, что всем в доме Тулубеев

заправляет, как сказал Сеня, «подшефная барыня», так в Сухоярке прозвали вдову бывшего управляющего рудником Грюппона. Незабудный хорошо помнил его: атлет и гимнаст, большой меценат по части спорта, сам пробовавший свои силы на ковре. Он когда-то первым и помог Артему выйти на манеж, оценив неимоверную силу и многообещающие возможности молодого гиганта-навалоотбойщика.

Они были у дверей квартиры Тулубеев и Сеня уже постучал, как вдруг Артем Иванович, которого смущила внезапная догадка, удержал его за плечо:

— Не стучи, стой! Как ее, бариню-то, говоришь, подшефную звать? Часом, не Наталья Жозефовна?

— Наталья Иосифовна.

— Стой, стой... а не...

Но дверь уже открылась, и в ней появилась «подшефная барыня». Конечно, то была Наталья Жозефовна Грюппон. Сразу же узнал ее Артем. Да и пенсне как будто было то же, что видел он на ней сорок с лишним лет назад, — старомодное пенсне «велосипедом» на длинном черном шнурке.

Да, это была Наталья Жозефовна, бывшая хозяйка его Гали. У нее, у Грюппонов, жила в горничных Галия, после того, как, заболев, перестала работать плитовой в шахтах.

Незабудный вспомнил, как танцевал с мадам Грюппон мазурку на своей свадьбе. Вспомнил, как бранила она его за дурное французское произношение, когда он еще в старое время, первый раз вернувшись из Парижа, заезжал в Сухоярку. Но еще не знал он сейчас, что Наталья Жозефовна все эти годы не расставалась со своей бывшей прислугой. Они и в эвакуацию вместе ездили. А после гибели Григория Тулубея и смерти его жены бывшая барыня помогла выходить маленькую Ксану. Она давно уже прижилась в семье Тулубеев, стала своим человеком в доме, чем-то вроде экономки и домоправительницы. В доме к ней относились со снисходительным уважением, хотя и называли за глаза «подшефной бариней». Так «величать» ее стали в первые годы революции: когда в обязательном порядке уплотняли бывшую квартиру управляющего, Галина при распределении комнат заявила, что Наталья Жозефовна теперь ее «подшефная барыня» и она, Галина, сама займется ее политическим воспитанием.

— Боже мой! Артем! — воскликнула Наталья Жозефовна, увидев великана, который боком, склонив голову, чтобы не задеть притолоки и косяка, ввалился в комнату. — Вот уж верно сказано: гора с горой не сходится...

— А Человек-Гора со своими встречается, — пробасил, прерывая ее, Незабудный. И, низко склонившись, поцеловал руку «подшефной барыне».

А она припала виском к его локтю, так как выше достать не могла.

Сеня был поражен поступком Артема Ивановича. Такой большой и знаменитый человек, силач и всемирный чемпион, и вдруг позволяет себе целовать ручку, будто какой-то придворный в кино из старой жизни. Тьфу! Этого уж Сеня никак не ждал от своего нового и столь необыкновенного знакомого. Вот до чего могут довести человека при капитализме! А «подшефная барыня», увидев за спиной Артема Сеню, быстро сказала:

— Премило! Утром через балкон, а теперь, слава богу, в дверь. Рановато, мой дружок, наведался. Ксаночки еще нет.

Она быстро сказала что-то по-французски Артему, и тот добродушно и негромко проговорил в ответ тоже по-французски, показав на Сеню.

— Нот! — воскликнула Наталья Жозефовна. — Только послушайте, какое произношение! Каков прононс! Париж, настоящий парижский диалект! Да вы сядьте, ради бога. Вы такой огромный, что от вас в комнате темно. Садитесь, мой дорогой. Нет, вы послушайте, господа, каково произношение!

Наталья Жозефовна всегда, когда очень волновалась, говорила нечаянно «господа». — Но, слушайте, как там насчет Алжира? Что думает все-таки французское правительство? Кончится когда-нибудь эта возмутительная, безобразная узурпация? Что смотрит общественное мнение? И что же, действительно у вас там повсюду решительно

американские базы? Вы знаете, я на днях ходила на доклад — приезжал лектор по международным вопросам, — просто нет слов! И все эти шашни НАТО и СЕАТО...

Незабудный был несколько озадачен, так как не ожидал, что старушка так сильна по международной части. А Сеня слушал и поражался. То, что «подшефная барыня» говорила по-французски, это было вполне естественно и не ново, но что такой усатый громаднющий дядька ловко чешет по-французски, это было уже дико для Сени. Насчет НАТО и СЕАТО он также был не очень силен и вполне посочувствовал Артему Ивановичу, который, разводя руками, только и мог сказать:

— Да что уж тут, Наталья Жозефовпа, толковать... политика!

Он помял шляпу в руках, зажатых между коленями, наклонился, чуточку покосился на Сеню, стоявшего за его плечом, и голосом, в котором вдруг пропустила хрипота, спросил:

— А как Галя... Галина?.. Ничего?

— О, Галина Петровна! Вы знаете, как ее тут зовут? Мать-хозяйка. Вам уже известно?.. Она у нас председатель исполкома в Совете. Пользуется огромным авторитетом, могу вам сообщить. Ах, Артем, Артем, что Старое поминать... Не хочу вас винить и не мне судить, а прошлого не вернешь. Но... — Она быстро проговорила что-то по-французски Незабудному, и тот, вздохнув в покорном согласии, опустил голову. — Такая, знаете ли, у нее, бедной, нагрузка! Дня не видит! Да и мы ее редко когда видим... Ох, извините, пардон, это, кажется, она.

На улице что-то зашумело, хлопнула дверца машины. Артем глянул в окно и увидел внизу, у подъезда, зеленую «Победу» на высоком ходу — так называемый «козлик». Тень мелькнула между машиной и крыльцом под балконом. В подъезде что-то кратко-распорядительно произнес низкий певучий голос, который лет сорок пять назад впервые услышал на рудничном дворе иод землей Незабудный и уже потом не мог забыть всю жизнь. Оробев, он ждал встречи с ней. Сомнений не оставалось — он слышал ее голос с лестницы. Да, это была Галя, Галина Петровна, Теперь уже, как видно, не Незабудная и не Хмельно, а Тулубей, председательница исполкома Сухоярского Совета депутатов трудящихся, мать Героя, на могилу которого в далекой Генуе благодарные матери приносили цветы.

«Бог ты мой! — думал Незабудный. — Значит, это ее сына принес он тогда окровавленного, отбитого у гитлеровцев! Ведь это легко мог бы быть и его сын, если бы только он не бежал, не бросил ту, которая так верила ему. Как же мог поверить ему ее сын!.. Да. Гора с горой не сходится, а судьбы человеческие, видно, все соприкасаются одна с другой либо так, либо иначе. Жизнь просторна, а мир тесен, и пути народов плотно переплетены, и люди из разных концов мира сходятся на этих путях. Закон ли тут или случай, а вот бывает, выходит, так, что здесь аукнется, а за тридевять земель откликнется. Недаром таким неуловимо знакомым показался тогда, в памятный страшный итальянский вечер 1944 года, этот чернявый, смертельно истощенный и гордый человек с чуть косо, в наклон, как у Галины, поставленными глазами».

А она уже сама стояла перед ним. Маленькая, почти совсем седая, неузнаваемая, но удивительно моложавая, закинув голову, глядя на него широко, просто и даже как бы с сожалением.

— Здравствуй, Артем, с приездом!

Голос у нее сохранился таким же, как был прежде, и так же прогудел низко и враспев.

Артем поднялся рывком со стула. И Сеня испугался, что сейчас он поцелует руку председательнице исполкома. Но Незабудный низко опустил голову, стриженную коротко, по-борцовски, уперев тяжелый подбородок в грудь, напружинив дугой выпирающую сзади, из-под затылка, могучую шею. Они стояли один против другого. Их разделяло меньше полуметра. Но годы, годы и тысячи километров, неоглядное время и бесконечное пространство легли между двумя этими когда-то такими близкими людьми. И оба они молчали.

Потом Незабудный подрагивающей рукой вынул из внутреннего кармана своего

пиджака белоснежно чистый платок, закрученный в узелок, развязал, извлек маленький замшевый мешочек, похожий на кисет, потянул шнурок и высыпал на подставленный платок горсточку земли.

— Вот, Галя... Привез. Итальянская земля. Из Генуи. Это с могилы твоего Григория.

Она смотрела на него исподлобья снизу, ничего еще не понимая. Тогда он развернул бумажник и осторожно непослушными пальцами вынул оттуда полуистершуюся записку и фотографию.

— Я его, Галя, в сорок четвертом... от патруля фашистского отбил. Не знал тогда, конечно, кто такой. Не знал. Да и в голову не входило. А он не поверил. Ушел. Я, Галя, так выходить его хотел, а он ушел. И не открылся мне. Гордый был. Отрывисто, сбивчиво и путано рассказал он обо всем. И о том, как услышала вся Италия о подвиге Богри-тули, за голову которого фашисты обещали тысячные деньги. Рассказал, как нашел в Генуе могилу Богри-тули.

— Гордиться можешь, Галя, такой это был герой!.. Вот и место, где он лежит. Я тогда снимок заказал фотографу в Генуе.

Она не сразу протянула руку. Словно страшилась взять. А потом вдруг сердито и решительно схватила, почти вырвала у него из рук фотографию. Вгляделась, затем приблизила к глазам записку, которую передал ей Незабудный.

— М-м... — тихонько застонала она, как послышалось Незабудному. — М-м... прозвучало еще раз сквозь тесно, добела сведенные губы Галины Петровны. Потом они через силу разомкнулись. — Его рука, Грини. Всегда он, говорю, «эм» так выводил, с петельками... В письмах во всех мне вот так, бывало, с петельками: ма...а.

Она глотнула воздух, беспомощно обвела всех взглядом, полным отчаяния и растерянности. Словно искала поддержки и ожидала, что люди сейчас опровергнут страшное сообщение, которое теперь уже навсегда и полностью покончило с последними остатками и без того угасшей надежды. И вдруг тяжко, навзрыд заплакала. Наталья Жозефовна кинулась к хозяйке, но та твердой рукой отвела ее. Она стояла перед огромным Артемом, маленькая, прямая, запрокинув назад голову, и плакала в открытую, не пряча лица, словно перед всем миром готовая обнажить свое годами копившееся и теперь уже до конца испитое материнское горе.

Потом она, отвернувшись и вся сникнув, протянула Артему свою руку, маленькую, твердую, совершенно канувшую в бережно сошедшихся громадных ладонях Не-забудного.

— Спасибо тебе, Артем. Теперь хоть знаю. Без вести был, а теперь ты и весть принес. Что ж, рано или поздно, а знать надо. Ну, пойдем сядем, поговорим...

Наталья Жозефовна тихо вышла в соседнюю комнату и втянула туда за руку Сеню, прикрыв дверь.

Галина Петровна села на диван в самый угол, взяла с комода платок, вытерла глаза. Потом рукой показала Артему на место возле себя. А Незабудный все смотрел на нее и глазам своим не верил. Неужели это его прежняя Галя, тихая, застенчивая и ласковая девушка? Откуда появилась эта властная твердость? Совсем старая стала, а какое достоинство в каждом жесте, и в повороте маленькой головы, и в движении строгих бровей. Даже сейчас, когда сердце ее соприкоснулось со всей жестокостью правды, которую он сообщил, Галина Петровна не казалась жалкой. Что-то величавое было в ее материнской-скорби, в бесконечно горестном взоре, в упор устремленном на Незабудного.

Он подсел к ней и вполголоса принялся рассказывать все подробности, все, что узнал о Григории Тулубее — Богритули.

Она слушала, лишь изредка отворачиваясь и проводя тыльной стороной ладони по щекам, чтобы согнать скатывавшиеся слезы.

Он кончил и замолчал.

Теперь пришла очередь ее.

— А мама Настя твоя... Настасья Захаровна... Перед войной померла. Я в отъезде была. Говорили потом люди. Зной палил, и некому было ей воды подать. Ведь у нас тут мужа

всем без воды. И сейчас еще тяжко. Помнишь, как говорили: слезу языком слизни, вот и напьешься. А были такие годы, Артем, что и слезы пересохли. Ну ничего, теперь все кончится. Идет к нам вода.

— А от меня тебе, Галина, верно, тоже слез хватало?

— Да уж, наглоталась, спасибо тебе...

— Попрекали? — Нет, у нас ведь отворачиваются от тех, кто бросил, а не от того, кого покинули. Это у нас уж закон. Ну, анкету, это верно, немного, конечно, портил. — Она усмехнулась и покачала маленькой головой, поправила гребенку на затылке. — Долго мне писать приходилось... «Есть родственники за границей?» Как же, имеется. Муженек благоверный. Бывший. — Я тебе, Галя, не то что анкету — жизнь, наверное, испортил? — Ну нет, Артем, ты уж много на себя берешь. Жизнь, положим, я и без тебя справила. Это в старые, прежние времена наша молодость бабья, как степная весна, была коротка. Чуть цвет даст и уже ссыхается вся. А теперь у нас и степь долго зеленеть и цвести будет. Так что лишнего на себя не принимай. Ты Богдана Тулубея помнишь? Штейгера? Он у меня, Богдан Анисимович, инженер давно, по гидротехнике специалист. На Гидрострое сейчас. Воду к нам гонит. — Ты прости, если можешь, Галя. Все на меня обиду имеешь?.. Это, конечно, так, это уж навовсе, сам понимаю, по гроб! — Да оставь ты, Артем! У меня к тебе не осталось ничегошеньки: ни зла, ни любви. — Она так и сказала: «любови». — Ничегошеньки. Ты для меня давно уже на нет сошел, ровно бы тебя и сроду не было...

Послышались на лестнице прочные шаги, хлопнула дверь, и вошел вернувшийся со строительства Богдан Анисимович Тулубей. Высокий, плечистый, не такой, конечно, как Артем, но под стать ему. Вошел, по-хозяйски, без промаха, метнул кепку на вешалку, взглянул внимательно на гостя:

— Артем, что ли, коли память мне не отшибло?

— Он самый.

— Да, обознаться трудно. Второй такой сроду не встречался.

Незабудный переминался с ноги на ногу, смущенно, глухо пробасил:

— Вот повертался-таки назад к вам, люди.

— Ну, здорово, Артем.

— Здоров, Богдан. Вот...

— Оба сделали разом короткое движение друг к другу, словно собирались обняться по старинке, но, невольно взглянув на продолжавшую сидеть Галину Петровну, остановились.

С минуту длилось молчание. Незабудный покусывал ус, ставший сейчас совсем белым на фоне налившегося кровью лица. Богдан Анисимович вынул коробок с куревом и никак, никак не мог открыть.

— Богдан... — Галина Петровна встала и подошла к нему. — Богдан, он Гришину могилу нашел... Он Гришу нашего живого встречал. У катов тех отбил, на себе домой принес и не знал даже кого... Вот, читай.

Богдан Анисимович осторожно взял у нее из рук сперва записку Григория Тулубея, потом протянутую ему фотографию. Он вглядывался то в строчки записи, то в снимок. Снял очки, уронил голову и хотел было отвернуться, да не успел. Негромко стукнула тяжелая отцовская слеза в помятый листок. Осторожно свел ее пальцем с бумаги Богдан Анисимович, а Галина Петровна вдруг припала виском к его плечу. Он взял ее осторожно за плечи и усадил на диван. Потом вернулся к стоявшему посреди комнаты Артему, схватил его за локоть, стиснул сильно, зажмурился, помотал головой, справляясь с волнением:

— Вот как оно получилось, Артем... Гришу встречал, значит? Вот они, как начала да концы-то схватываются. — Он добавил, словно бы извиняясь: — Что в живых нет, то, конечно, давно ясно было. Так ведь умом ведаешь, а вот за сердцем где-то нет-нет да и шевельнется: «А что, если где живой?..» Ну теперь уж ты как похоронную нам принес.

— Ведь я, Богдан, и в мыслях не имел тогда, что это твой сын. Одно понял: земляк. Стал след искать, вот и обнаружил. А сейчас подошел к школе, глянул на бюст, и меня как громом стукнуло — вижу, он самый. Богри-тули он там, в Италии, прозвывался. По имени по

отчеству.

— Богритули, говоришь? — словно прислушиваясь, произнес Богдан Анисимович. — Ну, расскажешь когда все по порядку... — Он уже сумел совсем справиться с собой. — А сейчас садись, гулена. На, сверни. — Он протянул ему коробочку с табаком и курительную бумагу.

Артем отрицательно покачал головой. — Может, отвык от нашего, к заграничным сигаретам пристрастился?

— Нет, вообще не балуюсь. Всю жизнь... — ответил Артем. — Режим.

— Так и не заимел привычки? Силен! Ну, а я подымлю, если не возражаешь.

— Дыми, пожалуйста, себе на удовольствие, сделай милость, — сказал Артем Иванович.

Богдан Анисимович долго сворачивал цигарку, просыпая табак. Наконец управился и вставил в зубы, крепко прикусив. И Артем заметил неживой, металлический блеск его зубов.

— Ну, а как, ревматизм тебя оставил? — спросил Незабудный.

— Да прошел было, а после снова я его схватил в сыром месте на холodu... Ну, а ты как, небога, скачешь?

— Пока землю топчу.

— Далеко ты ее обтоптал?

— Да, можно считать, всю кругом.

— Ну, и как там жизнь?

— Всяко. Где худо, где еще поплоше, если народ брать в целом. А так люди везде люди. Ладят житьишко кто как сумеет. Один за работой света не видит, а некоторые без работы мыкаются. Кое-как перебиваются. Чаще ведь так выходит. Но надежду все имеют, что и у них за окошком посветлеет. И пуще всего войны опасаются. Этого, я тебе скажу, хуже черта боятся. Все натерпелись.

— Значит, все-таки походил, побродил, поглядел, а к дому-таки потянуло? Эх, бродяга ты, бродяга, гулена старый!

Наталья Жозефовна стала хлопотать, собирая на стол.

Богдан тихонько сказал Незабудному:

— Тут у нас сегодня дело не срится. Не до нас Галине Петровне. Слушай, давай-ка сходим к старикум, в бывшую Подкукуевку. Помнишь место такое? Хаживали мы туда с тобой... Там сейчас Дворец шахтера у нас. В буфет заскочим? Правда, ты, должно быть, теперь крепкого не принимаешь?

— В прежнее время, конечно, ни-ни. А уж сейчас-то не беды!.. Чего там соблюдать!.. Режима не держу, допускаю себе но малости. — Ну, давай по малости. Ты как устроился-то в общем? Где стал?

Незабудный рассказал, что пока он в общежитии для приезжих, где ему, спасибо, уважили, предоставили комнатку. Рассказал, что был в исполнкоме, но ничего толком не добился.

— У тебя там, между прочим, типы сидят, — сказал Богдан Анисимович жене. — Я уже давно приглядываюсь, когда ты их оттуда выставишь... Вы, кстати, поторапливайтесь со сносом-то и школу новую форсируйте, а то смотри — зальем. Паводок ожидается высокий, весна ранняя. Заполним водохранилище до проектной отметки в два счета. Вода вас ждать не станет.

Ходуном заходила лестница под множеством веселых ног. И в комнате появилась забежавшая домой переодеться Ксанна. А за ней Пьер. На их голоса вышел из соседней комнаты, куда он был отведен Натальей Жозе-фовной, Сеня.

Галина Петровна взяла внучку за остренькие плечи. Обхватила их ладонями, словно хотела своими руками укрыть ее от горькой вести. Подвела к Незабудному:

— Вот, Ксаночка, познакомься. Человек из далеких стран воротился... Ой, Ксаночка! Он там в военное время папу твоего видел. Спасти хотел...

Большие, широко и чуть в наклон поставленные глаза девочки зажглись тревожной

надеждой. Давно уже потухшая надежда вдруг на мгновение вспыхнула снова. Но бабушка продолжала:

— Погиб твой папа... Героем был!.. По всей Италии слава и память о нем.

И девочка разом сгасла, словно свечка, которую резко задули. Она переводила взор с заплаканного лица бабушки туда, вверх, откуда на нее смотрел невиданного роста человек. И не могла еще понять, не могла поверить...

— Иди... иди себе, — сказала Галина Петровна. — Ведь вам к Миле сегодня. Собирайся. Ксана все стояла.

— Иди, иди, Ксана! — повторила строго Галина Петровна. Но вдруг схватила за локти, притянула к себе внучку, взгляделась в лицо ей и припала губами ко лбу девочки, покрывая его порывистыми, короткими поцелуями. А потом сама резко отошла в сторону. — Иди. Что уж тут... Отгоревали мы, детка, с тобой давно. Это только сегодня уж так... печать к нашему с тобой горю приложили. Иди, родная! Ступай, ступай, маленькая!

Незабудный представил Галине Петровне своего приемыша. Пьер разом подшагнул и припал к ручке Галины Петровны.

Но та отдернула руку, смущенно и сердито проговорила:

— Ну-ну, ни к чему это. Не полагается у нас... А вы, значит, уже познакомились? — Она показала глазами на Ксану, и та, оглянувшись от дверей, утвердительно кивнула, вся закрасневшись.

Когда она вышла, Галина Петровна сказала Неза-будному:

— Что это он у тебя модный чересчур? И ручку лижет. Ну ничего, обработают его помалу наши пионеры. А так складненький да и с рожицы чистенъкий. Девчонки-то небось в классе уж загляделись... И Ксанка-то... Эх, бедная моя... Рвануло ей, наверное, сейчас сердчишко-то. Хоть и не знала отца, а все думала о нем. Уж так гордилась. И все, видно, хоть вот такесенькую, да берегла в себе думку-надежду.

Артем и Богдан ушли к кукуевцам. Ксана еще переодевалась у себя. А Соня в Пьер забрались с коленками на диван и занялись разглядыванием семейных фотографий на стене. Снимки хранили память и славу семьи Ту-лубеев. Тут были старые, словно обкуренные и полусытые фотографии времен гражданской войны. С одной из них глядел черноусый и бровастый Богдан Анисимович Тулубей в буденовском шлеме с разлапистой красной звездой, со стрелецкими перехватами у отворотов кавалерийской шинели, с кривой казацкой шашкой у пояса. Молодая Галина Петровна стояла у бронепоезда, я над ней из поворотной башни торчало дуло орудия. А вот она же много лет спустя, уже похожая на сегодняшнюю, снята с делегатами партийного съезда на Красной площади в Москве перед Спасской башней.

Многие фотографии пожухли, потускнели, и казалось, что все они сняты в плохую погоду, в сумрачный день. По лица у людей были погожие, глаза смотрели молодо, гордо.

Рядом висели почетные грамоты. Их было много. А сбоку от них разместились плохонькие снимки, хотя и тусклые, но, как видно, более свежие. Они рассказывали о тяжелых, полуголодных, душу выматывающих днях эвакуации за далекий Урал. Там и простудилась в холодном нетопленном цеху, монтируя оборудование, привезенное с юга, Ксанкина мать, Марина Андреевна, и вскоре умерла, оставив на руках у бабушки маленькую дочку. Ксанка, конечно, не помнила матери. Но вот она, Марина Андреевна, красивая, веселая, нарядная, очень смелая, смотрит со стены.

Мальчики оба разом оглянулись. За ними стояла и молча глядела на ту же материнскую фотографию Ксаны. Нарядная и такая неожиданно красивая в новом своем платье, что заглядишься, она была сейчас очень похожа на мать, смотревшую со снимка. Только шейка больно уж тоненькая, — так бесприютно и зябко вылезала она из широкого выреза, что у Сени непонятно и тревожно заныло где-то под ложечкой.

## Глава X С той и с другой стороны

Они идут по городу — Артем Незабудный и Богдан Тулубей. Двое состарившихся, бывалых, давно не видевшихся людей. Они идут не спеша, и Артем Иванович по пути нет-нет да и спросит о чем-нибудь. Ведь все в этих старых местах для него ново.

— Шарманщиком чего-то я совсем не вижу. Не ходят боле? Помнишь, «Маруся отравилась» пели? Или «Сухой бы я корочкой питалась»...

— Эка вспомнил. Тут кругом у нас радио. И музыкальная школа для ребят открыта, а ты шарманку завел про старое.

— Еще помню, Богдан, китайцы с товаром всяким ходили, чесучу железным аршином отмеривали. Тоже не заметил что-то...

— Ну, Китай нынешний день другую жизнь себе отмеривает, только уж не на тот аршин. Потом Незабудный поинтересовался:

— А где же это, я слышал, тут у вас еще новый Дворец шахтера заложили? Это что, где шахтоуправление было, что ли?

— Да, признаться, я и сам толком не знаю. Я ведь тоже, брат, тут долго не был. И сейчас больше все на строительстве.

— А где же ты был?

— Я, брат, с другого конца вернулся. Ты — с запада, а я, пожалуй, с востока... Вернее — с крайнего северо-востока.

— Это чего же тебя туда носило?

— Да не своя воля носила.

— Чего же ты там делал?

— Чего делал? Землю копал, лес валил, а потом уж разрешили по специальности. Плотину строил, воду подводил. Артем Иванович сперва не понял.

— Ну, — поясняет ему Богдан, — оба мы, в общем, с тобой Галине Петровне анкету марали: сперва ты, а потом я — по другой уж графе. Но об этом вспоминать неохота, мало ли какие промашки да ошибки бывали... После разобрались.

— А в чем же ты ошибся, Богдан?

— Да не я ошибся, это во мне ошиблись. Большого маху со мной дали, Артем. Оговору подлецов поверили. Я тут при оккупации сильно полицаям фашистским насолил. Ну, кто из них уцелел, меня и оклеветали, дело запутали. А время после войны было, сам знаешь, строгое, не сразу и разобрались... Получалось, что изо всего народа на всем свете только одному человеку верить можно.

Мы-то в него верили, а он, понимаешь, народу доверия не оказывал. А в народ верить надо, иначе такое получится, что и...

Он отмахивается и глядит в другую сторону, отвернувшись.

— Слушай, Богдан, — осторожно начинает снова Артем, — как же ты после простили все?

— Кто же так вопрос ставит? Кому прощать?

— Ведь я так мыслю, Богдан. Я вот виноват перед народом, но надежду имею все-таки, что простят меня в конце концов. А ведь перед тобой все виноваты, выходит, раз ты безвинно пострадал. Кто тебя со всеми рассудит? — Плохо ты мыслишь? — резко останавливает его Богдан. — Ерундовина это, брат! Странное твое рассуждение. И в корне неверное, скажу тебе. Что за разговор это? Как так можно рассуждать? Скажи, пожалуйста... Весь народ, мол, передо мной виноват. А я сам что? Я не народ? А кто я? Слава богу, в партии с восемнадцатого года. И заметь, между прочим, восстановлен вчистую, с полным зачетом стажа. Я тебе так скажу... Нет, погоди, я уж все скажу, чтобы нам после не ворошить внизу самом... Ты вот спрашиваешь: простили ли я? А я не поп, чтобы грехи отпускать.

— Ты извини, если что не так сказал... — говорит Артем.

— Да нет, — с досадой прерывает его опять Богдан, — сказал ты так... Подумал неверно. Я не из тех, кто себя этой обидой отравил. Обида у таких все соки живьем в душе

выпарила, так и ссохлись. А я по-другому рассуждаю. Я вот для Галины без вести пропадал, числился в таких. Но сам-то о себе по-другому понимал. Я-то для себя знал, где я и кто я. Меня, помнишь, еще в старые годы завалило раз. Четверо суток тогда с самим стариком Шубиным с глазу на глаз оставался, но знал — пробоятся ко мне люди. И не слышал их, а верил, что пробоятся. Я веры в народ ни минуты не терял.

— Черт-те вас знает! — восхитился Незабудный. — Из какого состава вы тут все сделаны?

— Состав тот же, только крутой замес мы дали.

— Ну и что же, считаешь, все уже совсем хорошо, как надо?

— Нет, если кто тебе так станет брехать, — не верь. Жизнь мы налаживаем по-человечески. То правда. Многое уже помаленьку достигли, но, конечно, не хватает нам еще, ой-ой! Сам убедишься. Все с боем ведь брать пришлось. А потом Гитлер поразорял. Но мы его, как говорится, сами и прикончили. Да жаль, погибло народу много хорошего. Сын у меня, Артем, был настоящий человек. Вон в той школе учился, что теперь его именем назвали. Уже начальником участка шахты работал. А попутно пилотаж освоил в районном аэроклубе. Сразу, с первых дней, в воздух, в бой. Тринадцать звезд на фюзеляже. Героя дали. Потом сбили его. После ранения приехал к жене на поправку за Урал, к Марине. Тоже была хорошая. Верный человек и удивительной душевности какой-то. Люблили они друг друга... Глядеть было радостно на них. А вот не выдержал. Вернулся. Пошел в партизаны. Его по здоровью в армию не приняли, так он пробился. Ну, а дальше ты лучше меня знаешь. Последний ты его видел, а не я. А Марина его в эвакуации жила с Галей. Условия тяжелые, цехи нетопленные, мороз... Ну и осталась у нас Ксанка на руках одна. А я-то сам в этих краях скрывался. В подполье.

Досталось тогда нашей Галине, ох досталось. И работала, и внучку маленькую выхаживала, ведь совсем лялька-то была маленькая. Но сберегла все-таки ее Галина. А без нее бы, без Ксанки, и дом бы у нас запустел. Видал, какая девчонка выравнивается и умишком не отстает. Вылитая Григорий. А иногда глянет — Марина!

Они идут некоторое время молча.

«Ксанка, Ксанка, — думает про себя Богдан, — Ксения-полухлебница, как дразнили ее когда-то. С задумкой девчонка, и не поймешь сразу, что у нее там на сердчишке. Как она вон зажглась и сгасла сейчас. Ведь и не знала никогда отца, а все им живет — и славой его и памятью. Живая, горячая душа! Тихонькая она на вид, а робости ни в чем нет. Верно Галина говорит: «Ксанка у нас как свечечка горит, светит, теплится ровненько, а вдруг — фырк-фырк и затрепещет, растресчится, аж искорки брызнут...»

Он стал вспоминать, как застенчивая, тихонькая Ксанка решалась иной раз на поступки отчаянные, а то и диковатые... «Нет, это не своенравие, — думал Богдан, — это решительность, порыв. Вот как тогда со щенком Гавриком».

Наталья Жозефовна не велела брать собачонку в комнату, где спала Ксанка, глисты еще заведутся. И Гаврика заперли в сарай.

А ночью была гроза. И щенок так выл, что слышно было сквозь гром. И тогда Ксанка, ей было лет семь, тихонько вылезла в окно, пробралась под ливнем в сарай и притащила к себе в комнату щенка. Так и застали их утром под одним одеялом. А подушка вся в грязи.

В другой раз она, услышав от доктора, что бабушке запретили курить дымила-таки Галина Петровна основательно, — тайком от нее выбросила в печку все папиросы. А бабушка хоть обиделась и пошумела, но дома больше не курила. Случилось еще раз так, что пробрали малость Галину Петровну в районной газете; не досмотрела председательница Сухоярского исполкома что-то по жилищному хозяйству... Так Ксанка вечером, как стемнело, взяла у Натальи Жозефовны ножницы и вырезала это место в газете, расклеенной в открытых витринах на Первомайской. Очень уж ей было нестерпимо, что фамилия Тулубей так нехорошо звучит в газете. А бабушка тогда совсем рассердилась, сама пошла в киоск, купила десяток газет и велела внучке снова наклеить на тех же местах, где, какказалось Ксанке, был выскощен ее позор.

«Нет, все-таки хорошая девчонка, — повторяет про себя Богдан. — Маленькая, а душа!»

— А я, признаться, чего-то зажурился с утра, — перебивает его мысли Незабудный. — Все народ какой-то мне попадался, по старой выкладке живет. А после в исполнение разговор этот...

— Слушай, Артем! — Богдан даже остановился и положил руку на его высокое плечо. — Я тебе заранее скажу — ты должен одно учесть. Тебя никто сюда не звал — ты сам приехал, и правильно сделал. Ты наших кровей человек. Хватит тебе по чужим краям шататься. Но если ты сюда ехал, чтобы охать да ахать, да всем только восхищаться, так ты лучше, брат, уезжай обратно, откуда явился. Ты меня извини, но я напрямую... Я тебя уже предупреждал. У нас не все еще так, чтобы только в ладоши хлопать да с утра до ночи ура кричать. Нашему делу верить нужно, тогда правду и разглядишь. Что толковать, добились мы великого, такого еще на свете сроду не было! Как сказали всему миру, что покончим с таким явлением, когда один человек у другого его же трудом, потом добытое отнимал, и как сказали, что с темнотой покончим, что мы из отсталых в самые наипередовые выйдем — все это и выполнили, как заявляли. Ну, а то, что дураков всех у себя сразу ликвидируем и пакостников всяких разом всех до одного выведем — этого мы никому и не обещали в такой срок. Хоть и поумнели мы лет на двести в смысле культуры, но, скажу тебе, дурачье и дрянь всякая — это у нас еще кое-где встречается. И боюсь, на наш с тобой век хватит.

Богдан, усмехнувшись, вдруг задорно толкает плечом Артема:

— Видал? Я тебе на ходу целый политический доклад сделал... Я ведь недаром и в армии наипервейшим полит-докладчиком считался. Так что ты уж меня не подводи, старик. Давай перековывайся идеологически.

И он громко хохочет, так что отдается по всему переулку, где они остановились перед большим, красивым зданием.

Оно кажется неожиданным среди маленьких домов и магазинов. Молочно-белые электрические фонари, как луны, парят между колоннами. Хлопают тяжеловесные двери с толстыми стеклами. Народ идет и идет в этот дом.

— Помнишь, Артем, здесь когда-то у нас Подкукуев-ка была, или, проще, Кукуй. А теперь тут у нас Дворец шахтера. Зашли?

А тем временем Ксана и Сеня ведут новичка-парижанина на рождение к Миле Колоброда. Вернее, ведет его Ксана. Ей так хочется, чтобы их город понравился этому ни на кого не похожему мальчику, дед которого спасал ее отца...

А Сене приходится почему-то все время идти сзади. Он плетется за спинами Ксаны и Пьера и что есть силы старается не показать, как он несчастен.

Впрочем, иногда ему приходится оттуда, из-за их спин, давать некоторые пояснения. Потому что он, по его мнению, конечно, лучше, чем Ксана, знает, какими именно достопримечательностями города надо потчевать приезжего.

— Вот тут у нас кино, — сообщает Ксана. — А там парк. И летний театр. Там летом музыка играет. И драматические артисты выступают из района.

— А тут уже скоро будет пристань речная. Пароходы будут ходить пассажирские, — дополняет из-за ее спины Сеня.

— И лодки будут, чтобы кататься.

— Не только, чтобы кататься, а и гоняться на скорость, — добавляет Сеня.

— Вам... то есть тебе... наверное, все таким странным кажется у нас с непривычки? — продолжает Ксана.

— Пожалуйста?

— Я говорю, тебе с непривычки многое странно.

— Нет. Зачем странно? Очень хорошо... Мне у вас нравится. Тихо.

— Это только сейчас, а вот скоро гулянье начнется, — объясняет Ксана. — А вон там Дворец шахтера. Там у нас танцы бывают.

— И научные лекции, — спешит добавить Сеня, чтобы приезжий не подумал, чего

доброго, будто сухоярцы только и делают, что ходят в кино и танцуют. Докладчики приезжают из общества пы-рыс-пы-рыс-ты-ры-не-нию знаний, благополучно перебравшись через шесть «ы», которые ставили все сухоярские мальчишки в этом слове, отбарабанил Сеня.

— А это там с крестом — цергковъ? — поинтересовался Пьер.

— Да, тут у нас еще старая церковь. Троицкая, — сказала Ксана.

— А тебе бабушка часто туда ходить приказывает? — спросил вдруг Пьер.

— Куда? — не поняла Ксана.

— Ну, в цергковъ. Нас в приюте все время водили.

— Моя бабушка сама сроду в церковь не ходит! — возмутилась Ксана, краснея.

Сеня попытался вразумить приезжего:

— У нее бабушка знаешь кто? Председатель исполкома. Почти всех главнее. А ты говоришь, в церковь. Чего она там не видала?

— А твоя бабушка богатая? — спросил Пьер у Ксаны.

— Как так — богатая? Что она, капиталистка, что ли? У нас так и не выражаются: богатая... богатая... Получает она, и дед Богдан работает. И вполне даже хорошо хватает.

— Ну у вас, например, есть авто?

— Ты про машину, что ли? — вмешался Сеня. — Ясно, есть! По работе! Раз она председатель исполкома! У нее «Победа»-козлик, на высоком шасси, спецсборки. Немного еще прошел. Тысяч двенадцать километров, не более. Хорошо ходит!

Пьер стал смотреть на Ксану с явным уважением.

Она поспешила сменить направление разговора:

— Вон там у нас музыкальная школа. Мы туда с Милкой второй год ходим.

— А вон там, на Красношахтерской, милиция, — со своей стороны сообщил Сеня. — Где часовой стоит, там тоже... понял?

Вдали, над крышами, в воздухе, стремительно наполнявшемся тенями ранних весенних сумерек, ярко разгоралась большая алая звезда.

— А что это там светится кргасиво? — поинтересовался Пьер. — Тоже кино?

— Какое там на руднике может быть кино! — Сеня снисходительно поглядел на него из-за спины Ксаны. — Ты думаешь, у нас кино только везде?.. Там у нас шахта самая лучшая. «Безводная-Новая» называется. Самого Никифора Колоброва шахта.

— Колоброда?.. Он есть кто?

Хозяин-директор?

— Ну не директор... И не хозяин, ясно! А самый знатный человек. Его даже в Москве все знают. Один раз даже в журнале «Огонек» его портрет напечатали. На все цвета фото было. На самой обложке спереди! И в газетах часто.

— О, большой предприниматель!

— Как это — предприниматель? — Теперь уже пришла очередь не понимать Сене.

— Ну, что ты... русского языка не знаешь? — удивился Пьер. — Это мне можно, а тебе уж непростиительно.

— Не понимаю я такого твоего русского языка.

— Я тебя, кажется, ясно спрашиваю: он есть кто? Круглый промышленник?

— Конечно, крупный: его бригада самая первая. И промышленник, верно. Он знаешь как работает? По добыче всех кругом уже на сто семьдесят пять процентов обогнал.

— Других конкурентов, тоже владельцев? — опять задал непонятный вопрос Пьер.

— Ксана, — взмолился Сеня, — скажи ему ты! А я что-то не пойму никак, про чего это он...

— Правда, Пьер, ты объясни, — сказала Ксана. И Сеня снова зашел покорно за ее спину.

— Ну, он очень богатый, навергно? — пояснил Пьер. — Богаче всех у вас.

— Что ты все «богатый, богатая»!.. — Сеня уже чуть не рассердился. — Что, мы в его сберкнижку подсматривали, что ли!.. Ну ясно, прилично имеет. И премиальные еще. У них

так вся бригада выгоняет. И живут культурно. В новом доме. Пол везде паркетный, а в кухне плиточка-ми, как шашки. И скоро еще водопровод пустят. Их улица на первой очереди.

— Ты сказал, Колобргода? А эта девочка, как ее... Миля, где мы будем гости, она тоже Колобргода?.. Она есть его кто?

— Дочка она его родная.

— Ой! — Пьер даже приостановился, принявши с озабоченностью разглядывать себя с ног до головы. — Это будет некрасиво так. Я не знал совсем. Я не экипирован... надо переодеваться. Это будет не так комильфо... неудобно.

— Да брось ты — удобно, неудобно!.. — успокоил его Сеня. — Он знаешь какой, Никифор Васильевич! Он свой совсем. Сам увидишь. А хочешь, вон дойдем до того угла? Там, на Первомайской, щит почета стоит. И его портрет есть. Но до Пьера дошло только одно слово: «почета».

— Ого, — протянул он с уважением. — Почетный... дон-нер... Почетный кавалер он?

— Сам ты, я вижу, кавалер! — нарочито громко захохотал Сеня и, чуть ступив вперед, насмешливо заглянул Ксане в лицо. — У лас так про это редко когда говорят. Это кто танцует, тот у нас кавалер. А Никифор Васильевич Герой Соцтруда. Звездочку золотую имеет. И орденов еще целых четыре. А медалей еще сколько!..

— Генерал?

— При чем тут генерал? Хватят с тебя, что он самый знатный шахтер

— Просто только шахтер?

— Дурные у вас там, что ли, все за кордоном, за границей?.. — Ксана укоризненно обернулась на Сеню. — А чего он говорит: «просто только». Вот полазил по штрекам и лавам да порубал бы, тогда л говорил бы: «просто только». Ты пойми: он знаменитый бригадир...

— А-а, — успокоенно согласился Пьер. — Бригадир!.. Это-то же гран... большой офицерг.

Сеня махнул рукой. Так, видно, ничего и не попял этот закордонный...

— А вот мы и пришли, — сказала Ксана. — Вон в том новом доме Мила живет. Они недавно переехали.

Сурик Арзумян уже поджидал их. И в чистеньком подъезде большого светлого дома, построенного из плитняка, гулко, на всю лестницу, трижды просалютовала вдогонку гостям дверь с тугой новенькой пружиной.

## Глава XI Огорчение номер три

Ко дню рождения Миле Колоброва отец и мать подарили ручные часы. Это были первые в жизни собственные часы у Милы. Течение времени, ранее незаметное, теперь вдруг чрезвычайно осмыслилось для нее. Она почувствовала себя хозяйкой времени, имеющей возможность когда угодно отмечать его ход. И приятно было ощутить себя включенной в это общее движение и знать, что вот тут на руке, наперегонки со стуком пульса, тикает маленький механизм, и стрелки на узком циферблате показывают тот же час, который объявляют по радио, о котором возвещают и гудок на шахте, и часы на углу у Первомайской.

Мила долго отрабатывала перед зеркалом жест, который позволял особым образом вывернуть кисть тыльной стороной к себе и, отставляя руку, держа ее несколько на отлете и медленно поднимая на уровень глаз, издали взгляывать на часики, тикавшие у запястья.

Все время хотелось глядеть ни них, следить за временем и сверяться с другими часами. То и дело слышалось:

— Мама, посмотри, сколько там, в кухне, на ходиках?

— Седьмой час, — отвечала мать из кухни.

— Нет, ты точнее.

— Ну четверть седьмого.

— Вот видишь! А на папином будильнике еще двенадцать минут, а на моих уже семнадцать. Я их сейчас переведу. Нет, я лучше подожду радио, включу и проверю.

Она еще в школе сегодня совсем извела Ксану. Каждую минуту во время урока сообщала, сколько осталось до звонка. И все показывала, как можно переводить стрелки назад и вперед. Дома она то и дело подбегала к матери, занятой приготовлениями к праздничному столу.

— Мама, почему ты меня не спрашиваешь, который час? Смотри, скоро уже, наверное, начнут собираться... И кончилось дело тем, что, вертя стрелки часов, она, должно быть, неправильно поставила их. Она не заметила, что часы стали показывать на целый час меньше, чем следовало бы. И Мила едва лишь успела надеть новое платье, как в дверь постучали.

— Ой, уже! — воскликнула Мила, поглядела на папин будильник, сверилась по ходикам на кухне и поспешила перевести стрелки у себя на час вперед.

Стали собираться гости.

Мать поставила на стол праздничный именинный пирог с апельсиновыми корочками. На пятнадцать частей был он разрезан — вот сколько народа было приглашено, чтобы отметить день рождения Милы Колоброда. Пришли сюда, конечно, и Сеня Грачик с Суреном Арзумяном. И здесь-то, на вечеринке у Милы, и ждала Сеню третья неприятность этого бесконечного и незадачливого дня.

На пятнадцать частей разрезали пирог. Но одна долька была больше всех, и на ней сверху была приклеена густым вишневым сиропом самая большая карамелька. И, конечно, этот кусок был заранее предназначен приезжему.

Вообще Пьер был в центре общего внимания. Он подарил Милке маленький парижский сувенир: крохотный флакончик в виде Эйфелевой башни с цепочкой. «Портбо-не» — так называл Пьер эту штучку. За ней пришлось зайти в общежитие, где остановились. И, чтобы Ксана не завидовала, он пообещал ей, как только доставят багаж, идущий малой скоростью из Москвы, подарить тоже какой-нибудь маленький «обже д'ар», то есть предмет искусства.

— А который теперь час в Париже? — допытывалась с подчеркнутым и кокетливым интересом Мила. Пьер не очень был сведущ в поясном времени и замялся. Но его выручил Сурик:

— Там время на три часа сзади нашего.

— Тебя не спросили, — прошипел Ремка и больно ткнул кулаком Сурена под ребро. Тот оттолкнул его плечом.

Ремка не уступал и тоже хотел пихнуть как следует Сурена.

Так они и стояли, оба красные, незаметно для всех пихая друг друга, тихонько сопя, упираясь, но стараясь не нарушать светских приличий.

— А вы уже перевели часы? — спросила у Пьера Мила.

— Нет, — сказал Пьер. — У меня нет часов. Все были несколько удивлены и разочарованы. Приехал из Парижа, и нет часов. Чудно!

А Ремка Штыб, из кармана которого уже торчал хорошенъкий заграничный карандаш, выпрошенный им у Пьера, как видно, совсем завладел парижским гостем. Они вдвоем все время переговаривались, говорили какими-то странными намеками. Пьер сперва несколько смущался, но потом стал подлаживаться под тон и манеры своего рослого покровителя, успевшего еще утром сообщить ему, что является первым силачом в классе и если с ним дружить по чести, то никто Пьера и пальцем не тронет.

Скоро Мила посмотрела на свои новенькие часы и сказала:

— Ой, уже тридцать девять минут седьмого. Давайте садиться за стол.

Все расселись. И Пьери первому был положен на тарелку самый большой кусок праздничного кухена.

— Конечно, вам в Париже не такое есть приходилось, — сказала дородная и конфузливая мама Милы, — но уж не обессудьте, чем богаты...

Пьери, и правда, в приютах для «перемещенных» и потом на мансарде у Артема есть

приходилось не такое... Он в последние годы лишь мог мечтать о таких лакомствах. Но он промолчал, стараясь уж не очень смотреть на яства, манившие его с тарелки.

Из настоящих винных бутылок разлили сладкий, смешанный с кагором сироп по рюмкам. Причем Ремка Штыб, взяв свой бокал, подтолкнул локтем Пьера и всем своим видом стал показывать, что он-то привык не к такого рода напиткам, но уж поскольку собралось такое цыплячье общество, то и он выпьет эту водичку...

Потом зашел разговор о школе, о занятиях. Все старались рассказать Пьеру какую-нибудь смешную историю. При этом Ремка, о чем бы ни шел разговор, начинал каждый раз так:

— Стойте, погодите, я сейчас расскажу! Помните, это в тот день вышло, когда я Коське Халилееву влепил. Он полез на меня, а я как ему...

Потом он излагал свои взгляды на науку.

— Отличничать! — разглагольствовал Ремка, вызывая негодование и священный ужас у девочек. — А на кой мне ляд через край потеть-то? Я в академики подаваться не собираюсь. Вон Славка Махан, он уже мотоциклетку зaimел, аккордеон схватил. Только играть никак не научится. Слуху нет. Его из горного училища выгнали, а он работает на станции. Когда погрузка, когда выгрузка, когда что. Выгоняет в месяц семьсот с гаком. Сейчас особенно учиться — это абсурд, расчету нет. Нет, с этим я кончал.

— Ну и дурной, — сказал Сеня. — Если все так будут рассуждать, так кто же тогда, интересно, будет добиваться, чтобы все развитие дальше шло?

— Да, это тебя не очень хорошо рекомендует, — заметил Сурен, любивший выражаться совсем как в книгах.

— Ой, держите меня! — закричал Ремка. — Патрио-тизъм... — Он так и сказал «патриотизм». — Бурные овации, все встают.

— Ты испытываешь предел моего терпения, — невозмутимо ответил Сурик и как можно презрительнее пожал плечами. Но Ремка продолжал ломаться, стараясь блеснуть перед Пьером своим остроумием и полнейшей независимостью.

Танцевали под патефон. К сожалению, пластиинки, которыми еще в школе похвастался Пьер, были в багаже, следовавшем через Москву малой скоростью. Танцевали под старые, которые имелись у Милы. Сеня, Сурен и другие мальчики стояли у стены и смотрели с тем насмешливый, снисходительным видом, с каким считают себя обязанными поглядеть на вечеринках вдогонку танцующим все уважающие себя мальчишки.

Зато Пьер танцевал со всеми по очереди, вызывая всеобщее восхищение.

Иногда во время танца Мила вдруг громко спрашивала:

— Угадайте, сколько сейчас?

— Чего — сколько?

— Сколько времени. Еще только без пяти восемь Г

— Девятнадцать часов пятьдесят пять минут, — уточнял Сурик. А в перерыве между танцами Сурик Арзумян успевал внезапно спросить: — Раймонду Дъен ты встречал?.. А Анри Мартена не видал?

Пьер, оказывается, не видел этих героев французского народа. И таким образом, к удовольствию Сени, верный Сурен своими познаниями несколько утишал всеобщий восторг, которым, как показалось приятелям, окружили парижанина. И Сеня сам великолепно предложил сыграть в шарады. У него уже были припасены для этого вечера очень подходящие к случаю, например: «Пари-ж». Сначала спорить — это будет первый слог. А второй, чтобы все изображали жуков: «Ж-ж-ж!» И общее: «Бон-жур! Откуда вы приехали?» Все это прошло превосходно. Когда шарады наскучили, стали смотреть альбом «Третьяковская галерея», который недавно привез из Москвы отец Милы, Никифор Колоброва, ездивший на конференцию горняков. Снова позвали к столу закусить. За столом опять все по очереди рассказывали смешные истории, анекдоты, рассказывали наперебой, и каждый начинал: «А вот еще так было... Приходит один человек домой и видит у собаки на хвосте...»

Ремка снова пытался, как говорится, занять площадку — он уже всем надоел. И теперь едва он что-нибудь принимался рассказывать, как все кричали:

— Знаем, знаем, это уже рассказывали! Сто раз уже! Это про пьяного. Знаем! Это, как он жене объяснял, что пришел вовремя, еще рано, только десять часов, а на башне как раз пробило час ночи. А он говорит: «Они же нолик бить не могут». Да, про это?

И, к досаде Ремки, собирался он рассказать действительно про это.

Зато Пьер оказался на высоте положения. Он рассказывал один анекдот за другим, и никто еще до него не слышал их.

— Один богатый месье... господин, — без запинки выкладывал Пьер, слегка перекатывая букву «р», — выдавал замуж свои три дочери за одного дворянина, одного купца и одного банкира. И он имел им в приданое пятьсот тысяч франков на каждой. Нет... лучше ргублей. И у каждого зятя он бргал слово, что они, когда он будет мор... мергтвый, положат ему в гроб по тысяче ргублей. И вот этот человек умерг, и зятья пошли прощаться к гробу. Дворянин говорил: «Благородные люди должны всегда сдергживать свое слово». И положил тысячу ргублей. Потом подходил купец и тоже говорил: «Хоргоший был человек, который покойный, и я честно исполню, что как ему обещал». И он клал в гроб на тысячу ргублей купонов за год впергед. А последним подходил банкирг.

Тут Пьер торжествующе обвел всех взором и увидел, что хотя не все хорошо поняли, какие это купоны положил купец, но все слушают с полной готовностью немедленно расхохотаться, как только можно будет. Девчонки уже зажимали руками рты, боясь прыснуть слишком громко, а мальчишки даже дыхание задержали.

— И вот подходил, значит, банкирг и говорил: «Бан-киргы всегда должны быть честными, и я тоже должен сдергживать свое слово», — и поклал в гроб чек на три тысячи, а две тысячи денег бргал из гроба обргатно, как себе сдачу. Хитргый какой, да?

Все очень смеялись. Только Сеня, отсаженный на этот раз в далекий от виновницы торжества и ее подруги угол, мучительно вспоминал, где и когда он слышал или читал историю, которую так бойко рассказывал Пьер.

— Одну девушку, которая нанималась в горгничные, спродаивали, — бойко и заученно выговаривал тем временем Пьер: — «Вы поступили на службу?» Она говорит: «Нет, очень уж это бедные люди». — «Да кто вам это сказал?» — «Да как же, — говорила она, — пришла я наниматься и вижу, там две барышни...»

— Знаю! — вдруг закричал Сеня. — «Две барышни сразу на одном пианино играют». Они в четыре руки упражнялись.

— А ты успел знать уже... — сердито протянул Пьер. — Так хоргошо не полагается. Надо срязу говор-гить, если кто успел уже знать.

— Правильно, правильно! — закричали все. — Это не по правилам! Надо сразу говорить.

— Он один знает, а всем другим мешает. Всегда так. Вот уж у вас с Суриком привычка, — сказала Мила. — Ну, расскажи, Пьер, еще что-нибудь.

— Расскажи-ка еще, Пьер, про запах дыма, — сказал Сеня.

Он теперь вспомнил, где давно уже читал все анекдоты, которыми развлекал сейчас общество Пьер. Как-то еще в прошлом году он нашел на комоде у квартирной хозяйки Милицы Геннадиевны старую книгу в коричневом, по углам как будто обглоданном, замахрившемся переплете и со странным называнием «Опытный домашний секретарь-наставник, заключающий в себе полный самоучитель к составлению всевозможных образцов писем на все случаи частной и общественной жизни: поздравительные, утешительные, рекомендательные, пригласительные, благодарственные, укорительные и тому подобное. А также житейскую мудрость, правила вежливости и вообще хорошего тона со множеством анекдотов, шуток, загадок, шарад и каламбуров...» Возмутило Сеню, когда он перелистывал эту книгу, замечание о футболе: «Игра эта очень незатейливая, — уверял «Секретарь-наставник», — партия тянется долго. Упорная борьба в конце концов сильно утомляет участников, так что о второй половине нечего и думать...»

После этого Сеня уже окончательно потерял веру в «Домашнего секретаря-наставника». Но в конце книги он обнаружил раздел, который сразу же привлек внимание, суля и заманчивые возможности. «Фокусы и анекдоты для светского общества» — назывался этот раздел. Достаточно было, как заверяла книга, изучить фокусы, запомнить анекдоты — и Сеня мог бы стать в любом обществе его душой, неотразимым властителем умов и покорителем сердец. Правда, и тут его ждало разочарование. При дальнейшем и более внимательном ознакомлении с ними фокусы оказались либо невыполнимыми, либо совершенно неподходящими для демонстрации их в том обществе, в каком большей частью приходилось вращаться Сене Грачику. Ну на самом деле!

Разве не странным был такой рекомендованный «Наставником» фокус:

«Как застрелить на лету ласточку и снова оживить ее? Взявши ружье, объяснял «Секретарь-наставник», — зарядить его обычным порохом. Вместо же дроби употребите половину заряда ртути... (Не так-то легко принести на вечеринку ружье, да еще зарядить его ртутью!) при выстреле нет надобности метиться прямо в ласточку, так как для нее достаточно одного испуга, чтобы она упала, но тем не менее надо все-таки стараться так, чтобы ласточка во время выстрела летела от вас сравнительно близко. (А как это можно стараться, чтобы ласточка летела близко? И если вообще ласточка не прилетит?) Затем, когда ласточка упадет, то ее тотчас надо поднять, подержать несколько минут в руках, до тех пор пока она очнется, и тогда уже представить ее зрителям живую и невредимую».

А вдруг она упадет и разобьется? Что тогда?.. Нет, не годились эти фокусы для Сени Грачика и его общества. Зато анекдоты, хотя они и сообщали о каких-то странных господах Н. Н. и пахли, как вся книга, старым сундуком, мышами и нафталином, все же запомнились Сене. И вот теперь эти-то анекдоты и рассказывал Пьер, которому, видно, когда-то тоже попал в руки старый «Домашний секретарь-наставник».

После бес tactной выходки Сени, испортившей настроение парижскому гостю, некоторое время длилась неловкая пауза.

— Давайте споем что-нибудь! — предложил кто-то.

— А ты «Карманьюлу» — слова — знаешь? — спросил у Пьера Сурен. — «Эх, спляшем «Карманьюлу», пусть гремит гром борьбы!..»

Но Пьер не знал слов «Карманьюлы».

Зато он знал песенку Монтана «Большие бульвары», которую много раз передавали по радио. Мила сейчас же села к пианино и оглушительно громко заиграла всем знакомую мелодию. Сеня украдкой посматривал на Кса-ну и затаенно страдал за нее: она тоже училась музыке, но почему-то никогда так громко не играла. И все запели: «Как хорошо в вечерний час пройтись кольцом Больших бульваров лишь хотя бы раз». Все пели по-русски, а Пьер на настоящем французском языке. Вот это было очень здорово!

— А вы видели когда-нибудь Чарли Чаплина? — спросила тоненьkim голоском одна школьница, которая весь вечер просидела тихая и молчаливая, как кролик, тая в себе этот вопрос.

— А бывал ты... — начал было и Сурен. Но Ремка Штыб перебил его:

— Заткнись ты со своими вопросами «А был?.. А видел?.. А читал?» Чего ты к нему пристаешь?.. Пьерка, расскажи-ка лучше сам еще что-нибудь смешное.

— Ладно, — сказал Пьер. — Очень хоргошо. Тре бъен. Вот в один магазин приходила молодая покупательница и спрашивала торговца, сколько стоит один аргшин этого бархата? А торговец аргмянин...

Сеня покраснел и, стараясь не глядеть на Сурика, тихо сказал Пьеру:

— Не надо про это.

— Почему это не надо?

— А я знаю этот анекдот, он не смешной нисколечко, — настаивал Сеня.

— Тебе не смешно, а другим интересно! — закричал Ремка.

— Адын пацылуй, баргишна, — продолжал Пьер, коверкая слова, как ему казалось, с армянским акцентом.

Сурик сделался бледным. Сеня вскочил и двинулся прямо к Пьеру.

— Я тебе сказал, не надо... — И он показал ему глазами себе за плечо на загороженного им, побледневшего Сурика.

— Подумаешь, распоряжается! — сказал Ремка. — Это тебе с твоим Карапетом Кургацаповичем не надо. А нам надо.

В комнате стало тихо, но Пьер расхохотался:

— Как, как? Карапетом Кургацаповичем? О, здорого-во! Я тоже знаю так.

Ксана страдальчески смотрела то на Пьера, то на Сурика. Ремка захохотал.

Сеня подошел было вплотную к Пьеру. Но, отвернувшись, он поглядел на Ремку, продолжавшего ухмыляться, и издали громко сказал ему:

— Пускай спасибо скажет, что он еще только второй день у нас. До трех дней гостем считается. Объясни ему. А послезавтра я бы ему за такие слова...

— А что ты, интересно бы, ему сделал? — вызывающе спросил Ремка, выпрямился и уперся руками в бока.

— Выкиданс.

— Чего, чего такое? — переспросил Ремка, уже наседая выставленным плечом на Сеню.

— Это по-французски значит: по шеям, — объяснил Сеня. — Он должен знать. Спроси его.

— Смотри, как бы ты раньше сам не узнал! — пригрозил Ремка.

Сеня посмотрел на него в упор.

— Ох, и отрицательная ты личность, Ремка! — проговорил Сурик. — И тип же ты, я тебе скажу!

— Просто балда! — дополнил Сеня. — Пошли, Сурик!

— Ну, куда же вы? — зашумели все, пытаясь остановить Сеня и вставшего за ним Сурена.

— Еще совсем рано! — Мила водила перед всеми выставленной вперед рукой с часами на ремешке.

— Бико! — произнес презрительно Пьер, мотнув головой в сторону Сурена.

— Это что за бико? — заинтересовался Ремка.

— А это у нас так африканцев желтомордых называют, алжирцев... Бико!

Сеня остановился, полуобернувшись, стиснул кулаки. Но Сурик потянул его за собой.

— Сеня, он же еще не перевоспитанный, ты должен понимать, — лепетала Ксана.

Но оба друга молча вышли из комнаты. Хлопнула наружная дверь. Все молчали. В комнате стало вдруг очень неуютно. На столе, на двух тарелках, лежали среди крошек недоеденные куски именинного пирога. Апельсиновые корочки были выковырены из них.

Ремка покосился:

— Зря только надкусили. А через них теперь пропадай добро.

— И время еще только без двадцати одной минуты десять, — сказала Мила, посмотрев на свои новые часики.

## Глава XII

### Клуб удачливых отцов

Лекцию о будущем района читал совсем еще молодой человек, очень худой, узколицый и востроглазый. Все в нем было как будто колючим — и черные глаза, немедленно вонзившиеся в тот угол зала, где возникал вдруг шумок, и резкий голос, хорошо слышный во всех рядах, и длинная копьеобразная указка, которой он то тыкал в карту, висевшую на сцене, то в лад своим словам вонзал в воздух, как бы нанизывая на острие ее то, о чем он говорил.

Сначала Артем Иванович дивился, как это такой молодой человек научился говорить перед народом столь чисто и бойко. Тем более, что народу было много. И не только

молодежь сидела в зале. В первых рядах, поближе к трибуне, белели головы над голубыми стоячими воротниками, принадлежавшими, как пояснил Богдан, старой сухоярской гвардии, почетным шахтерам. Но, видно, молоденького лектора уже хорошо знали тут. Когда Незабудный и Богдан Анисимович входили в зал, лектор только что появился на эстраде. И все ему хлопали очень дружно — и молодые и старики. А он раскланивался, вскидывая острый подбородок, и улыбался, зорко посматривая то влево, то вправо, кивая в зал запросто, как своим.

И слушали его очень внимательно. Но то, что говорил лектор, совсем уже озадачило Артема Ивановича. Не доверяя своим ушам, он украдкой поглядывал на соседей. Он хотел своими глазами убедиться, что слова докладчика все воспринимают всерьез, что он не шутит. И несбыточные, как казалось Незабудному, посулы о том, каким будет район Сухоярки в ближайшие годы, всеми воспринимаются как нечто само собой разумеющееся. Вот в том-то и было самое удивительное. Люди вокруг Незабудного по-хозяйски прислушивались к тому, что сообщал лектор, подробно рассказывавший о том, каким станет Сухоярка очень скоро, и, согласно кивая, заносили что-то в записные книжки. И то, чтоказалось Незабудному сказкой, для них, для всех, кто сидел в зале, было делом добрым и прочным — радостным, но вполне возможным и даже как бы совершенно необходимым.

А когда кончилась лекция, стали задавать вопросы из зала. И в том, что спрашивали люди, тоже звучала спокойная и хозяйская требовательность. Чувствовалось, что спрашивают о чем-то очень нужном, большом, на что могут предъявить права.

— Предусмотрена ли новая дорога на аэродром? А то грейдер совсем стал никуда. Час на крыльышках летишь, а три до дону добираешься на колесах...

— Как в смысле рыбохозяйства на водохранилище будет? — Это спросил один из старииков в мундире почетного шахтера.

— Можно ли рассчитывать, что предприятия Сухояр-ки — все, словом, хозяйство — будут включены в общее энергокольцо? — Про то спросила полная коренастая девушка с тугими длинными косами.

— Будет ли свой театр в Сухоярке? И какой? Хорошо бы — музыкальная комедия! — спросил парень, одетый в куртку с застежкой-«молнией».

И тут все зашумели:

— А драматического тебе что, не надо?

— Ты без музыки и в театр не пойдешь?

— Кстати, — спросила седая женщина в толстых очках, — что слышно о новом помещении для музыкальной школы?

Теперешнее уже тесно.

— А как со строительством холодильника?

Что-то затянулось, — спрашивали из зала. — А солонина вот уж где сидит! Спрашивающий стукал себя ребром ладони под горло.

— Планируется ли расширение сети шахтерских профилакториев? — раздавался вопрос из другого угла зала.

На галерее встал парнишка в форме («Из горнорудного училища», — пояснил Богдан) и, прежде чем спросить, заранее уже залился краской так, что девчонки рядом с ним начали фыркать друг другу в плечо, отворачиваясь... У мальчишки был какой-то странный двойной голос. Он то говорил низким басом, то вдруг сбивался чуть ли не на фистулу.

— Прошу сказать, — начал парнишка густым голосом, — будет ли атомная энергия, — тут он вдруг соскочил с баса на дискант, — применяться в местных условиях на угледобыче. И как стоит вопрос с подземной, — он сошел на басы, газификацией угля? А также с гидродобычей?

— Слыхал?! — Богдан восторженно ткнул локтем в бок Незабудному. — Видал, как соображает! Надо мне его будет заприметить. Ишь ты, верещит и пиликает, как дудка, а котелок варит.

Потом, когда на все вопросы даны были ответы, старики стали обступать Незабудного.

Кто сразу узнал и продирался через ряды к приезжему, а кто сперва всматривался, а потом только начинал припоминать, кто перед ним.

— Артем?! Будь ты неладен! Чтоб тебя разорвало!

— Здоров, Незабудный! Недаром так тебе фамилия. Не забыл, старый. Повертался.

И каждый из старииков, проталкиваясь к Артему, еще издали здоровался:

— О-о-о, бедолага! Мы думали, совсем ты от нас отломился, Артем.

— День добрый, старый чертяка!

Старики, сгрудившись вокруг Незабудного, громко крякали, утирали усы, лобызались с Артемом Ивановичем и крепкими еще кулаками били чемпиона в плечо и в грудь, в которой только гудело что-то от этих ударов, способных бы с первого же раза повалить любого другого человека.

Большинство из них помнил и узнавал сейчас Незабудный. Вот могучий Павло Лиходий, глава целого рода прославленных забойщиков. Вот веселый юркий Микола Семибратьный. Жив еще стариик, не сдается. Подошел и Макар Зелепуха, а с ним Максим Халилеев и Никита Перегуд. Все это были крепкие, двужильные старики. Трудовые и партизанские медали красовались на их мундирах с голубыми стоячими воротниками — на мундирах почетных шахтеров. Вот какие это были деды! Да и отцы они были удачливые. Едва расспросив Незабудного о том, как его здоровычко, как доехал, все стали хвастаться успехами своих детей. Да и было чем похвастаться перед приезжим. У одного сын уже был где-то директором завода, а другой командовал за инженера на большой шахте. У этого дочь стала известной балериной и выступает сейчас в Ленинграде, в Академическом театре. Вон она какая краса-кralечка на фотографии. Юбка, правда, малость коротковата, но это уж у них такое заведение, непременный фасон. А четвертый достал из кармана письмо сына, который был в Москве заместителем министра по угольной части. И с завистью слушал рассказы этих удачливых отцов, полные чадолюбия и родительского баxвальства, навеки уже бездетный и вчера еще бездомный Артем. Ведь и с Пьером у него что-то не складывалось как надо. Не получался из Пьера Петька. Очень уж французистый был паренек.

— Что толку-то в стоячку да под сухую! — сказал стариик Лиходий. — Пошли, браты, в буфет.

И Артема Незабудного повели в уютный зал, где люди толпились у стойки, блиставшей всеми традиционными ресторанными дарами. А над стойкой он увидел старые часы с кукушкой. Да, это были те самые часы, что висели когда-то в трактире, который так и звался «Подкукуев-ка», или «Кукуй». Давно уже, видно, кукушка не отсчитывала часов. Где ей было угнаться за новыми временами. Она так и застяла в окошечке своего домика, вытаращила глаза, раззявив беззвучно клюв. Откуковала, видно, свое зозуля и теперь молча уставилась из своего окошка на новую эпоху.

Но здесь, в буфете Дворца шахтера, по-прежнему встречались вечерами вышедшие на пенсию, но еще по-шумливавшие старики шахтеры.

Сдвинули столики. Артема Ивановича усадили на почетное место, в центре. И пошел большой, хороший разговор.

— Так, — сказали старики и выпили все враз. — Значит, вотрь сянте, говоришь? Ну, нэхай так. Сянте так сян-те. Будем здоровы!

Хорошо. Значит, выпили по-французски. «Вотр сантэ. Ваше здоровье!» По-немецки уже пили: «Прозит!»

Теперь все налили себе кружки съзнова.

— Ну, в Италии, чай, был? — спросил стариик Зеле-пуха. — Давай же выпьем тогда и под итальянский разговор. Это как будет?

— У них, у итальянцев, пьют таким манером, — объяснил Артем, — сперва, стало быть, нальют и говорят: «Салюте!» А потом встают и друг дружку издаля приветствуют: «Чин-чин». Броде как бы, мыслится, чокнулись.

— Вот и хорошо, выпьем чин-чином, — подхватил За-лепуха.

Все шло отлично. Старики были довольны.

— Культурно сидим, — говорил кто-нибудь из них время от времени. Не раз, конечно, за этот вечер вздохнули старики, вспоминая тех, кто уже давно выбыл из числа посетителей Подкукуевки и либо лежал на погосте, либо почил где-то в братских могилах, либо сгинул без вести в годы войны. Понурив седые головы, помянули старики и многих сыновей — своих и чужих, не вернувшихся домой, война поубивала...

И смолкали все. Кто осторожно слезу выковыривал из морщины, кто медленно ставил перед собой тяжелый, добела стиснутый кулак на столешницу.

Незабудный заметил, что у многих горняков на почетных мундирах рядом с трудовыми медалями и орденами красуются ордена боевой славы, партизанские медали. Приподнял пальцем на груди у Перегуда одну такую. И о каких только удивительных делах, о каких походах неслыханной дерзости — и о смелых рейдах, оглушавших оккупантов, и о безмолвной муке окружения, когда любой шорох мог привести к гибели, и о добровольном неистовом труде на подмогу фронту — обо всем пересказали в этот вечер Незабудному старики под давно уже не кукующей деревянной зозулей. Они побуждали друг друга к рассказу, сами же перебивали и снова, как говорится, «делали подставу» для разговора. Только и слышалось:

— А ты расскажи ему, Павло, как наши хлопцы у них генерала кончали и весь штаб с адъютантами... Чего ты головой крутишь? Ведь ты, черт старый, сам тогда им штаб запалил зажигательной полбытылкой. Так все и полыхнуло...

— Да что про то!.. Ты лучше вот что... Помнишь, как пехом с тобой тысячу километров, а то и поболе топали через фронт. И все ночью. Днем где заховаемся, а как стемнеет — ходу! С нами еще человек шесть было. Пооборвались все, наголоводовались — это жуткое дело! Чуть не голяком, и кости наружу торчмя торчат. Кто вовсе босый, а кто на одну ногу обутый, а с другой товарищу обужку дал. Чтоб хотя на одной топал. А все же до своих продрались.

— Нехай кто про жинок наших скажет! Как они с малыми ребятами мыкались по эвакуациям. Как за тем Уралом руки себе морозили. Танки в нетопленных цехах собирали. А стужа такая, ветер сибирский... До того мороз, что поверишь, Артем, какую, бывалочи, железку ни хватишь, так шкура с пальцев начисто и слазит. К железу как прикипает... А рукавиц не хватало. Живым мясом брали. — А лучше спытай у Миколы Семибратьного, как он в платяном шкафу, проще сказать — в гардеробе, три месяца жил, на манер той моли, чуть от нафталину не задохнулся... Он в хате одной сховался, как на разведку ходил. А в ту самую хату немецкого полковника жить поставили. Ну и попал наш Микола Васильевич. У двора часовой день и ночь. Ходу уже никуда из хаты. Хата, спасибо, большая, три горницы, так полковник за стенкой в одной, а Микола наш в другой. Хозяин был свой, наш человек. Оборудовал в шкафу все, как полагается. Ведерко с крышкой приладил там. Ну конечно, кормил чем мог. Днем, когда полковник в штабе своем, Микола из шкафу выходил, вентиляцию шкафу и себе променаж делал по горнице... Ну, после, конечно, они того полковника самого же кончили и в шкаф заместо Миколы определили.

— И про то, как восстановляли после шахту у нас. должен знать! Вентилятор взорванный был немцами. Так мы, веришь, в противогазах работали, чтобы как скорее дело наладить. Более десяти часов на-гора не выходили.

— Да, друг, досталось нам тут... На голом месте сызнова жизнь заводить пришлось. Но корень-то наш никому уже не вырвать. Нет. Он глубоко пущен. Вот и пошел, пошел снова в рост. Сам видишь...

— О, Артем, то еще не диво, что тебе сказывали... А вот, веришь, по двести пятьдесят граммов хлеба было... да какой там хлеб, отруби да жмых. И вот, веришь, по двенадцать часов кряду рубили. Тут еще тогда от Ленина комиссар приезжал.

— Да тю, сдурул ты! То же в двадцатом году было, как белые шли.

— Ой, твоя правда, трохи заблужкался...

Потом пришел знаменитый вожак комплексной бригады, знатный шахтер, депутат Верховного Совета Ники-фор Колоброва. А с ним и ребята из его бригады, державшие уже

второй год знамя по всей округе. Это было замечательное содружество, как они сами себя называли, — коллективноопытники. Они действовали по правилу: лучшее от каждого — коллективу, лучшее от коллектива — каждому. Таков был их девиз. Они раз навсегда покончили со старым профессиональным скрытничеством, когда один таил свой рабочий секрет, свою трудовую хитринку от других. У них все шло в общий котел. Кто был послабее, тот учился у более сильных и опытных. А сильный перенимал то, в чем был сам слабей ученика. Проходчики, забойщики, крепильщики работали сообща, помогая друг другу, делясь каждой находкой, всяким новым соображением. Комплексная бригада Колоброды работала уже в счет шестидесятого года, на несколько лет перевыполнив все годовые задания. Так рассказали Незабудному старики.

— Знакомься, Артем... Депутат наш. От нас выбранный. Можно так сказать, член самого правительства...

А Незабудный смотрел на сравнительно невысокого и не так чтобы уж очень плечистого, хотя крепко скроенного, сутуловатого человека, с маленьким красным эмалевым флагжком на лацкане, смотрел и думал: «Вот уже в счет шестидесятого года дает, а я никак свои долги за восемнадцатый год заплатить не могу, и вовек мне не рассчитаться...»

Еще теснее сдвинули столы и снова налили кружки пивом. Но Колоброва, уважительно поприветствовав новоприбывшего, поздравив его с приездом, застенчиво отказался от новой кружки. Он объяснил, что у него дома семейный праздник и дочка обидится, если отец не придет вовремя...

— Я ведь, папаши, не имею привычки злоупотреблять, — смущенно отнекивался Колоброва.

— А ты не зло употребляй, а добро употребляй! — наседали старики.

— Мне, отцы, сегодня еще и подзаняться надо. Чертежик один... А тут примешь сверх нормы, ну и сморит тебя... Так что не поимейте на меня обиду...

— Он у нас на инженера жмет! — пояснили старики Артему. — Заочно! В город на экзамены ездит...

Колоброва, кланяясь и прижимая к сердцу широкую руку с въевшейся в край ногтей угольной чернью, еще раз поклонился старикам и ушел со своими парнями.

— Ты не думай, Артем, — утешали Незабудного старики, — это он не от гордости. Это он от твердости. Это уж, как он себе поставил в жизни, так и поступает. Это нето, что нашему брату приходилось. У него жизнь ясная. Чего ему за ворот закладывать? Правильно я говорю, старики?

— Правильно, — подтвердили все.

Подсел к столу слепой аккордеонист с партизанской медалью на зеленой колодке. И чтобы потрафить гостю и в то же время, не обижая его, чем-то отметить особую встречу, аккордеонист заиграл: «Всю-то я вселенную проехал». И сейчас же встал за соседним столиком сидевший поодаль удивительно красивый, немного похожий на цыгана человек, густоволосый, с легкой проседью на висках и чистым голосом, при звуках которого все вмиг стихло кругом, запел:

*Всю-то я вселенную проехал,  
Нигде милой не нашел.  
Я в Россию воротился  
Сердцу слышится привет.*

И Незабудный оценил тонкую деликатность окружавших его людей и понял их товарищеский намек и выпил еще кружку вместе со старыми друзьями.

А кудрявый все пел и пел, и глаза его глядели куда-то в сторону поверх сидевших задумчиво и совсем невесело, хотя он лихо встряхивал при высоких нотах кольцами черных, прорезанных белыми нитями волос.

То был, как тихонько объяснил на ухо Незабудному Богдан, Тарас Андреевич Грачик,

бывший завгар центральной автобазы в Сухоярке. От него много лет назад ушла жена, уехала с одним хозяйственником, переведшимся в Москву, и оставила у Тараса Андреевича на руках маленького сына. И с той поры стал Тарас Грачик зашибать. Вышла у него один раз крупная недостача. Его судили. Учли старые заслуги и в тылу и на фронте, но сняли с должности. И вот теперь он работает шофером грузовика-самосвала на гидростроительстве.

Выпили за все нации. Хорошо выпили! «Нехай все будут равноправные — нам не жалко!»

А загулявшие старики, приговаривая: «Эх, культурно сидим, законно гуляем», все чокались и чокались с Не-забудным и подливали ему и все рассказывали, какая у них теперь пришла жизнь. Кто хвастал уже мотоциклом, кто пианино, на котором учится внучка играть, а кто уже и телевизором, что приобретен загодя, благо деньжонки подкопились, а уж через год-другой обещают в области открыть телецентр — тогда, поди, и не достанешь. Наперебой рассказывали старики шахтеры Артему о новых горных комбайнах, о врубовых машинах и об иных чудесах, которые теперь творились под землей.

— А про такое дело слышал — РУВ? — допытывался старый Перегуд.

— Нет... То что такое?

— А-а, то-то! Вашей загранице слабо, выходит, выстоять против нашей новой техники! А у нас, сказать, везде по всем рудникам теперь поставлен тот РУВ, без него и техбезопасность шахту не принимает. Объясни ему, Богдан, что це таке той РУВ?

И Артему рассказали об удивительном аппарате РУВ, который мгновенно самовыключает ток в подземной сети, едва лишь кто-нибудь по неосторожности коснется оголенного провода высокого напряжения. И с тех пор как поставили этот аппарат под землей, ушла оттуда одна из частых шахтерских смертей. А сколько еще не так давно погибало по неопытности или неосторожности молодых ребят, пораженных насмерть ударом высоковольтного тока — этой всегда подстерегающей подземной молнии.

— Что же, бра ты, — сказал, выслушав это и многое другое, Артем Незабудный, — что же, старики, счастливо живете. Да... Позавидуешь!

Но тут старики, хотя и согласились, что живут они хорошо и дети, дай бог, имеют хорошую жизнь, однако принялись вдруг ругать некоторых начальников за бюрократизм, невнимание и волокиту. Но и эту воркотню слушал Артем с удовольствием. Он заметил, что кто-то из сидевших за столом украдкой подтолкнул чересчур уж крывшего каких-то начальников соседа и глазами показал на гостя.

Незабудный успокоил:

— Это ничего, старики, что вы начальство ругаете. Это даже хорошо. А то уж я думаю, что это вы, такие деды нравные, и всем чересчур довольны. Начальство уж больно уважаете.

— Так то ж не начальство. У нас руководство теперь называется, — поправили его. — Пойми ты, умная твоя голова. Из наших же. Вот мы их и учим. Это у нас знаешь как называется — са-мо-кри-ти-ка. Ты небось в старое время только критику знал, а у нас теперь и самокритика завелась на самих себя... Понял?

Тут помянули и Галину Петровну, председательницу.

— У-у-У с той лучше и не зацепляться.

Отчешет! — сказал старый Лиходий. — И как это ты, Богдан Анисимович, сам с ней управляешься? Крутая у тебя жинка. Все она, думаю, тебе постановляет... Ну, что правда, то правда, голова!

И все согласились:

— Это уж точно сказать. Руководительница. Мать-хозяйка нашему мисту.

— Зелепуха! Ты ему, Макар, кажи, как она тебя раз шуганула, окорот тебе дала, когда ты на горло хотел ее взять. Помнишь, как тебе тот сарай из-под; курей снесли, который ты не на месте поставил!.. Он, понимаешь, глаза выкатил да на нее: га да га! А она, Галина Петровна, ему в ответ: «А ты, старый, что уж так очами зырка-ешь? Думаешь, искры из тебя летят? Не спалишь. То из тебя уже не искра, а песок сыплется». Ей-богу, так и сказала. Да еще и прибавила: «И не шуми, старый. Не на-тружайся так горлом, а то, не дай, говорит, бог,

долго ли до греха у другим месте...»

Макар аж на стенку полез: «Как ты смеешь, бессовестная?!» А она: «А не знаю, про что ты думаешь. Я, говорит, имела в виду, сердце у тебя больное. А уж за какое место ты больше всего тревожишься, куда у тебя забота кинулась, то я, кажется, отвечать не могу...»

— Да тю вас! — Зелепуха махал рукой на стариков. — Сарай-то все же указала поставить у другим месте. И не-хай так.

Посмеялись, а после Макар Зелепуха, как бы опечалившись немного, сказал:

— Вот, стало быть, и ты весь вышел, Артем. Будешь вроде у нас на пенсии. Тебе персональную, факт, поставят.

— Факт! — шумели старики. — Это мало сказать, сам Незабудный! Всех в мире переклал!

— Только ты себе, Артем, какое-нибудь занятие приспособь, — продолжал Зелепуха. — Пошукай и выбери. А то ведь день ото дня отлички иметь не будет. И такая тебя скучка прихватит, что и жить станет неохота — аминь, пирожки! Надо, брат, и нам, старым, свой график иметь.

— У нас с тобой график выполнен! — заметил старый Лиходий.

— Брешешь, Павло Акимыч, брешешь на сто процентов! — возразил Зелепуха. Надо по ходу жизни отмечаться, для себя зарубки делать. Я вот себе какой порядок завел. Вот, скажем, по международным вопросам ассамблея собирается. Я день за днем газеты читаю. С утра встаю, сейчас — радио! Ну-каси, как у них там голосование, которое назначено было. Так у меня уже с утра интерес имеется. Или турнир где какой шахматный. Я сейчас это себе табличку завожу, по клеточкам все у меня там. У кого ничья, у кого шах и мат получился. Теперь возьмем, что поближе, скажем, по угледобыче нашего района. Слежу за сводками. Так вот, час за часом не отстаю от течения жизни. А летом вот я еще для наглядности хмель по-за домом сажаю. До того он, собачий сын, растет! От утра до вечера, веришь ли, и то заметно. Вот на столько, сантиметра на четыре, а то и на пять за сутки вытягивается, да еще с оплеткой, винтовым ходом. Так что у меня один день на другой и не похож, всегда отлична есть... Это ты и себе заимей, Артем.

Тут некоторые, уже хватившие лишнее, старики пенсионеры стали хвастаться своими прежними трудовыми победами, показывать силу рук своих. И до того расхвастались, что это уже и Артема заело. Сам он, всегда, всю жизнь придерживавшийся строжайшего режима и в рот хмельного не бравший, тут хватил водки с пивом и теперь захмелел немножко. И, чтобы показать баухалам свою всемирно известную силу, он встал, подошел к печке, взял висевшую там толстую кочергу, согнул ее без особой натуги и скрутил еще узлом.

— А ну, дружки-старики, — проговорил он, — пошли на волю, я вам покажу!

Все повалили за ним на улицу. Там лежала здоровенная шестовина, толщиной чуть ли не с телеграфный столб. Артем вскинул ее на плечо, велел с каждого конца взяться, кто уцепится, и устроил карусель. Этот номер он но раз показывал зрителям в цирках. Человека по три, по четыре повисло на концах шестовины, которую Незабудный уравновесил на своем плече и затем стал вращать ее с такой быстротой, что ноги висевших, относимые центробежной силой, только замелькали в воздухе. У кого-то далеко отлетела галоша, кто-то сорвался. Хорошо, что его еще успели подхватить у самой земли зрители. Старики уже не рады были, что вызвали Незабудного на такое... Еле уговорили они разыгравшегося великанка.

И милиционер, явившийся на шум, бегал вокруг, уважительно уговаривая:

— Граждане папаши! Уважаемые! Товарищи пенсионеры! Слушайте, деды дорогие. Вы же почетные люди! Ей-богу же, вроде как неудобно. Ну это же шкода получается, даю вам слово. Создается нарушение же!

А старики, души которых наконец отпустил, вернув их снова на землю, Незабудный, только пошатывались от головокружения да диву давались. Пришло сюда зайти в буфет, где допили остатнюю кружечку — теперь уж под свой корень: «Здоровенъки булы!»

Богдан решительно настоял, что пора уже идти по домам. Они вместе с Артемом

вышли на улицу.

## Глава XIII

### Притча о разных точках зрения

С Первомайской, где еще не кончилось заведенное тут издавна ежевечернее гуляние, доносились перепевы гармошки, девичьи голоса, подхватывавшие веселые и озорные «коломийки», частушки.

Вдали горели звезды на копрах шахт. Люди выполняли свой план. Шахтерская слава их горела алым огнем над крышами поселка.

И все шли и шли, гомонили, сотрясая землю, разгоняя качающимися лучами фар темноту, и двигались туда, откуда степной ветер нес еле различимый, но неумолчный рокот колонны автомашин, грузовиков, самосвалов.

— Нет, что же это за народ такой! — бормотал про себя Незабудный, весь еще во власти услышанного им. — Что же за народ!.. Бог ты мой, что за люди, если они все смогли выдержать и такое сделали! Да ведь приведись это какой другой нации, так они бы все, слово тебе даю, перевелись бы начисто. Это уж ты поверь! Навидался-таки я порядочно. Или бы давно откестились от всего, что задумали, — хоть бы как-никак перебиться да свой век на свете отбыть... А эти-то, наши, не отступились, жмут свое. И не с оглядкой назад, а с задумкой вперед живут. Вот оно главное. И что же это за люди такие?..

Ночка была хорошая. Ветер ровный и несильный наносил знакомый запах степи, слегка смешанный сейчас с бензинным дымком. И все вокруг было и ново, и в то же время до слез знакомо. Артем шел, вдыхая и с детства знакомые, и совсем новые для этих мест ароматы.

— Что за люди! Ах, боже мой... — размышлял вслух Артем. — Я думал — вот как много я всего повидал на свете! А теперь вижу — еще больше проглядел. Как говорится, по широкому миру в тесных сапогах ходил... Что за люди! Да ведь и сам бы мог вполне свободно с ними на равных быть, да от доли своей отказался, просто-таки бежал от своей доли. Силой очень уж большой хвастал. А на поверхку-то вышло, что слаба кишака. Но в чем же, скажи, сила та неодолимая кроется, что все выдержала, не согнулась?.. В правде, видно. Правду народ почувствовал. В правду свою поверил больше, чем в господа бога. Вон как тот мальчишка давешний, что еще воду в глаза не видел, а уже плавать научился, потому что верит и знает — придет к нему вода. У него и мысли такой нет, что может не прийти.

— Ну ты, я вижу, кое в чем убедился, — заметил Богдан, — а если сам еще в чем и не разобрался, дай я тебе кратенько обрисую, если тебя, конечно, это интересует.

— Спасибо только скажу.

— Я уже тебе, как сюда шли, говорил про основное. Что люди у нас хозяева сами себе стали.

— Да и этого уж немало!

— Ты погоди, ты имей терпение до конца слушать. — Богдан Анисимович говорил негромко, медленно, вкладывая в каждое слово строгий и веский смысл. — Нет у нас хозяев, что помыкают людьми. Нет у нас, Артем, больше такой жизни, чтобы отцы неволили дочерей за постылых идти. Нет власти золота, а попробуй кто такую власть заиметь — есть на него управа. Власть света у нас сломила власти тьмы. Вот ты пойми главное.

— Великое дело, — проговорил Незабудный. — Нет у нас, — продолжал Богдан, — в судьбе нашей общей, народной различия ни по крови, ни по рождению. Нет, понимаешь, разницы никакой между крещеными и нехристями, и такого слова уже нет — инородец. Коли помнишь, забудь... И не услышишь ты нынче про кухаркиных детей, которым ходу не было на чистую половину жизни. Покончили мы, брат, с этим навсегда. Нет больше позора горького на голову одиноких матерей — не топятся у нас от этого. Нет больше срама безотцовщины, и доли нет сиротской. Не мрут уже от живота, от горла да синюхи голодной малые ребята по деревням...

— Слушай, — остановил его Незабудный и сам стал. — Так ведь это же все для меня

диво-дивное. Ведь вот оттого и пошли люди на эдакие испытания, выдержали все, а на обратный ход ни в какую не согласились. Я так соображаю!

— Ну, вижу, раскумекал кое-что, — усмехнулся Богдан. — А теперь ты скажи мне: ну скопил ты хоть что-нибудь? Капиталистом, может быть, стал или все так, прахом пошло? Ведь ты, слышно было, монету загребал — дай боже! О тебе по всему свету гром гремел.

— Что тебе сказать, Богдан? Не поверишь. Я врать не стану. И достаток был, и славы хватало. Не скажу, что уж так богато, но всего хватало. А счастья не было... Дня одного не имел. Все ни к чему. А потом и вовсе туда стало. И деньги все куда-то сгинули, и дружков я растерял, какие встречались, и уж от славы моей радости ни себе, ни другим. И завещание отписать некому... Вот я книгу одну читал английского, что ли, писателя, то ли, возможно, из американцев... Про старика рыбака. Могучий стариик. Лучше не было во всем мире рыбака. Изловил он рыбину, ну просто богатство в руки схватил. На всю жизнь ему с той рыбы заработать можно было. А у него все, как есть, акулы съели. Чисто все. Костяк один остался. Вот так и меня акулы обьели вчистую. На акул работал.

— Акулы мирового империализма! — засмеялся Богдан. — Так, что ли?

— Да уж не знаю там какие... А акулы — факт! И как так получилось, что сила моя ни другим большой славы, ни мне радости не оставила!

— Надо, брат, направление иметь, — ответил Богдан задумчиво, — течение жизни своей знать. Артем ты мой Иваныч, дорогой, в берега человеку надо входить. А не так себе разливаться. Вон пойди вылей разом весь Днепр в пустыню какую, ну, скажем, Сахару. Зашипит и в песок уйдет. А канал пророют, окопают как надо, дадут уклон. И бежит, и орошают вокруг.

Артем с внезапной горечью стал жаловаться Богдану на тех, с кем встречался утром. Ему обидно было, что и нищий, и священник, и бывший лавочник — сегодня спекулянт — не только считают его чем-то связанным именно с ними, чем-то сродни им самим, но еще позволили себе корить его и учить...

— Да плюнь ты на них, — посоветовал Богдан, — нашел кого слушать. Они хоть и рядом с нами живут, а в отдалении от всего нашего. Это, я тебе скажу, сидячие эмигранты. Вот как я считаю. Да они тебя ничуть не краше, хуже, пожалуй. Тебя хоть судьба по дурости твоей мотала, но ты, как видно, и за тысячу верст всей своей, можно сказать, требухой тут был. А есть такие у нас еще, что вроде как и на месте примостились, а нутро у него вон куда тянет, на чужой манок. Один к богу в рай убежать норовит, под богою бородой укрыться, другой все в старом навозе вчерашний день ищет; тот, как сам же ты верно сказал, на дне сумы нищенской копошится, а кто в кубышку с головой влез, копит чего-то. А есть такие, что на дне стопки утешения ищут. Я бы сказал, за границей сознания прячутся. Тоже, назвать можно, в бега от жизни ударяются.

— Это ты верно сказал, Богдан, — с облегчением проговорил Артем. — Только удивительно мне — неужели они тут живут, а правды не видят рядом с собой? Самой сути не замечают. — А это все зависит от точки зрения, откуда кто глядит, — пояснил Богдан. — Стой-ка, я сверну закурить, а тебе сказку одну расскажу, не помню, где я ее читал, очень она мне запомнилась. Хоть и детская сказка, но и нам, старикам, она сгодится. Вот послушай!

### Сказка о трех точках

Жили-были бабушка, отец и сынок. Жили они в одной комнате, и окно у них было одно-единственное, маленько. И было оно проделано в стене так высоко, что мальчишка и до подоконника не дотягивался. Посмотрит в окно, задерет головенку и видит одно только высокое небо. А бабка лежит себе на печке, еще выше окна, и видит разве только что землю одну.

И вот они, как уйдет отец на работу, принимаются спорить. Спор у них идет из-за того, кто что в окне видит. Бабка эта раньше других вечернюю тень на дворе примечала. А мальчишка, наоборот, первым солнце видел. Вот они все ссорились и спорили, спорили и ссорились.

«Ох, грязь какая сегодня на улице! — Это бабка ворчит. — Погода противная!»

«Нет, сегодня солнышко на дворе! — мальчишка возражает. — И небо, говорит, — синее-пресинее сегодня. А грязь эта только от вчерашнего дождя осталась».

И вот смотрит мальчишка через окошко на небо, видит — солнышко там сияет, нонешнее солнышко, и вчерашние тучи оттуда уходят. И деревянные балки, и лестничные краны торчат в небе. Новый дом по соседству строится. И самолет гудит на все небо. «Слышишь, бабушка, самолет летит?»

А бабка в ответ:

«Да нет, это обоз по мостовой стучит, обоз во двор въехал. Мне с печки-то видно».

Потому что с печки-то можно увидеть только старый, мусорный двор, старые заборы, лужи от вчерашнего дождя да прошлогодний снег, что в уголках притаился, еще не растаял. А больше ничего она и видеть не желала, бабка эта. Сама не видела и уже верить не хотела, что и солнышко на дворе, что и погода выпрямилась, и за старым забором новый дом растет...

Но тут придет отец. А он как раз такого роста, что ему видно через окно и вверху и внизу, и влево и вправо, и близко и далеко. Он-то уж все видел — и грязь, которая от вчерашнего ненастя осталась, и солнце, что сегодня на ясном небе взошло, и обоз он примечал, и самолетом любовался. И мусор замечал во дворе, и мрамор на десятом этаже. Все видел. И отец мирить пробовал бабку с внуком.

«Погодите, — говорил он, — вот мы переедем в новый дом с большими окошками, тогда и спорить вам будет не о чем». Вот переехали они вскоре в новую квартиру с большим окном. И тогда, верно, бабка узрела все, что видел внук.

Только думаешь, они перестали спорить? Нет! Все равно они и по сей день спорят. Они теперь спорят о лестнице в новом доме. Внук говорит:

«На лестнице у нас шестьдесят приступочек. Я сам считал».

А знаешь, как он считает? Он ведь на четвереньках еще карабкается. На каждую ступеньку сперва ногами, а потом и руками...

А бабушка уверяет, что на лестнице девяносто ступенек. Потому что, когда она поднимается, старая, так на каждую ступеньку одну ногу поставит, потом вторую, да еще палкой упирается и при этом ворчит:

«Ах, будь ты трижды неладна!.. Будь ты трижды...»

А отец всех уверяет:

«По-моему, на лестнице у нас пятнадцать ступенек».

Потому что он человек молодой, работающий, торопится всегда, ну и шагает сразу через две ступеньки.

— Вот видишь, какое дело получается, — закончил неожиданно Богдан свою сказочку. — Поди-ка сосчитай, сколько ступенек!

Артем засмеялся:

— Верно, как тут считать?

— А чего считать! — сказал Богдан. — Лифт надо, вот и считать не придется. Техника при наших условиях общую жизнь поднимает на высокий уровень. И спорам конец. Ну, я уж дома. Дорогу найдешь?.. Бывай жив!

— В час добрый, — пожелал Артем и не спеша, вдыхая вечернюю свежесть, двинулся к общежитию, где они остановились временно с Пьером. За углом он столкнулся с какой-то странной парой. Худощавый, разбитной и долговязый парень почти волок на плече своем очень сильно выпившего человека и все о чем-то уговаривал его. А тот только отмахивался, невнятно бормотал, силясь высвободить руку. Артем осветил встречных мощным, похожим на булаву электрическим фонарем. И сразу узнал Тараса Андреевича Гринина. Около него увивался тот парень, что еще днем возле базара приставал к Артему с вопросами насчет «мони» и сигарет.

— Погоди, малый. Это ты куда его волокешь? — спросил Артем, не сводя с них луча.

Махан, жмурясь от света, стал финтить. Дескать, не может он бросить человека, коли тот вовсе не в себе. Стало ясно из разговора, что Махан ведет шофера просто куда-то в

темный переулок и собирается, видно, отнять у него получку, которой похвастался в Подкукуевке пьяный. Шофер и сейчас все вынимал из-за борта кожанки и норовил переложить в другой карман пачку денег. Не требовалось особой сообразительности, чтобы понять, к чему клонится дело. Артем медленно сжал свой пудовый кулак и, для убедительности еще подсветив его, поводил им перед физиономией Махана. Тот отпустил спутника, отпихиваясь ладонями от кулака Артема, ворча под нос:

— Ну, ты не очень... интурист! Размахался у носа. И подлиныше тебя были, да укорачивали... Чего ты, чего ты?.. Он на мои гулял. Я ему лягур цельный поставил. Что же, получить сполна не имею права? Вали обратно, откуда приехал...

Махан, продолжая бормотать, смылся в темноту. В то же мгновение из-за угла показалась едва различимая в темноте маленькая фигурка. Артем посветил фонариком. То был Сеня.

— Тебе что, плохо, папа?.. Нехорошо? — заговорил он, ловким и, как видно, уже привычным движением вдеваясь плечом отцу под мышку и перекидывая руку его себе через шею. — Это у него последствия бывают, — виновато зашептал он, обращаясь к Артему. Ему было смертельно обидно, что отец оказался в таком жалком и плачевном состоянии перед знаменитым приезжим человеком. И по тому, как он сноровистоправлялся с совершенно захмелевшим отцом, заметно было, что уже не впервые это мальчишке.

— Дай-ка я тебе подсоблю, — предложил Артем, тяжело посопев.

— Не надо, дядя, я сам...

— Да чего сам! Тяжело. Дай я ею с этого боку возьму...

Когда они дошли до дома, где жили Грачики, Артем сказал:

— Когда отца уложишь, если сам не задремлешь, выйди. Я подожду.

Он присел у ворот. Ждать ему пришлось недолго. Сеня вскоре появился, тихонько прикрыв за собой калитку.

— Ну как, угомонился? — спросил Артем.

— Спит. Он всегда быстро.

— Нехорошо это, что он пьет у вас, — посочувствовал Артем.

— Он у нас хороший был, — сказал Сеня. — Да вот как с мамой тогда вышло, так он уж у меня и стал вот так.

Оба помолчали.

Потом вдруг Артем Иванович наклонился к Сене:

— Слушай, малый... Я что тебя попросить хотел. Своди-ка ты меня сейчас на террикон. Ты давеча говорил, что видно оттуда... Поглядеть не терпится. Дорогу, верно, туда знаешь?..

И вот они поднимаются на вершину старого террикона. И с каждым шагом ночь делается просторнее. Все, что было вокруг, уходя вниз, размыкается, ширится и как бы распахивает объятия. И дальний горизонт расправляет плечи, и кажется, что все пространство вокруг медленно, во всю грудь вдыхает свежего вечернего воздуха.

Звезды в небе не становятся ближе, нет, они еще более властно манят в недосягаемое, но словно разгораются все чище и ярче. А большие огненные звезды на копрах шахт горят теперь уже в прохладной тьме, простираясь под ногами. То здесь, то там ночь беззвучно запечатывает светлые квадраты окон в домах, теснящихся внизу. Люди гасят свои огни, отходя ко сну.

Но далекий горизонт в ночной степи полон других, недреманных огней. Одни возникают из-за его смутной кромки, движутся и, взметнув короткие, как зарницы, лучи, гаснут. Другие мерцают, переливаются, словно угольки в печке, будто ветром раздувает их. Легкий, неумолчный рокот вместе со степной свежестью доносится оттуда. Там идет работа. Оттуда со временем придет вода.

## Глава XIV Слабости сильных

Пьер, вернувшись от Милы, застал Артема Ивановича в очень плохом состоянии. Дед лежал поперек гостиничной койки, не вмещаясь, пододвинув стул и положив на него одну ногу. Другая неловко съехала на пол. Он тяжело дышал и непослушными пальцами пытался развязать галстук. День, полный впечатлений, новизны, обид и утешений, не прошел даром. Сердце билось, срываюсь, то совсем как будто останавливалось, то вдруг принималось частить, и каждый удар больно отдавался в левом виске, а пальцы истаивали какой-то тошнотной и вялой слабостью.

— Худо мне, — трудно проговорил Артем, увидя Пьера. — Может... доктора?

Дежурный общежития предложил вызвать, если надо, «скорую помощь» или сходить к живущему в доме напротив врачу. Пьер, перебежав улицу, остановился у чистенького крылечка, где на дверях висела табличка: «Доктор Ле-von Ованесович Арзумян». Но Пьер не стал читать таблички. Он разглядел рукоятку старомодного звонка, похожего на велосипедный насос, дернул раз, второй. В доме, должно быть, уже ложились, потому что откликнулись не сразу. Лишь после того как Пьер дернул за рукоятку в четвертый раз, из-за двери послышалось:

— Кто там?

— Паргдон... прогостите... Мне докторга... очень ско-рго... пожалуйста... прогошу!..

Кого-то очень напоминал Пьери голос, окликнувший его из-за двери. Да и там, за дверью, видно услышав слова Пьера, насторожились.

— А это кто? — нерешительно переспросили из-за двери.

Пьер не успел ответить, как дверь приоткрылась, и над цепочкой просунулось знакомое лицо Сурена. Некоторое время оба молчали, поглядывая друг на друга и не зная, как быть. Потом дверь захлопнулась. Пьер собрался уже было позвонить еще раз — делать было нечего, надо было унижаться и просить... Но послышался звон откинутой цепочки, и дверь распахнулась.

— Сейчас, — сказал Сурен, глядя мимо Пьера, — входи. Я отца разбуджу. Он дежурил. Устал. Спать лег.

— С дедом Артемом плохо, — виновато объяснил Пьер.

— Ну подожди тут.

Пьер остался один. В домике не слышалось ни звука. Чужая и, как казалось, безучастная ночь — ночь на новом, неожиданном месте-заглядывала в окна. Но не прошло и минуты, как в комнату, где ждал Пьер, вошел маленький носатый человек в толстых очках, с всклокоченными волосами и старомодной бородкой клинышком. На нем был уже пиджак. Он вошел, быстро на ходу завязывая галстук.

— Это что? — спросил он, подходя к Пьери. — От кого? Это Артем Иванович Незабудный? Мне сказали — приехал. А ты кто?.. Внук? Так что? Так что такое с дедом? Только быстро. И кратко. Живо. Ну?

И, пока Пьер, карталя больше, чем всегда, сбиваясь, вставляя в русскую речь французские слова, объяснял, что произошло, доктор Левон Ованесович, которого все в Сухоярке от мала до велика звали Левонтием Афанасьевичем, внимательно слушал, кивая головой, поглядывая красными, утомленными глазами сквозь очки, собирая инструменты, доставал что-то из шкафчика. Не успел Пьер еще закончить свои объяснения, как доктор заторопил его:

— Ну что, все? Где это, далеко?.. Ах тут, в общежитии. Все ясно. Отправились.

Каким беспомощным, ненужным и обременительным казалось сейчас Артему его огромное тело. Когда-то им любовались на всех аренах мира. Он получал особые призы за красоту телосложения почти на каждом чемпионате. С него лепили статуи. Вот оно, это одрябшее, отслужившее свой век тело. В прежние годы Артем бережно холил его. Надо было умащивать, выхаживать, тренировать. Каждый мускул приносил доход и славу. А сейчас только лишь тяжесть, обуза себе и другим...

Счастливые люди — здоровые люди! Что вы знаете о нас, болящих, немощных? Разве

приходится вам нащупывать у себя на запястье сбивчивое туканье пульса, прислушиваться, считать, словно по капле тебе отпущенено на жизнь... Что знаете вы о бессонных ночных, когда до муки хочется заснуть, а страшно, что сердце воспользуется этим и вовсе станет...

Когда Пьер вернулся с доктором, Артему Ивановичу было уже совсем плохо. Но укол, который тут же сделал ему Левон Ованесович, сразу принес некоторое облегчение.

— Вот, Леонтий Афанасьевич, — глухо говорил Неза-будный, с благодарностью глядя на доктора, которого еще помнил с юности, — довелось попасть к вам перед смертью.

— Что за разговор! Почему перед смертью? Я не священник, чтобы перед смертью. Что такое — перед смертью!.. Хорошенькое дело! Моя обязанность, чтобы тащить обратно в жизнь, а не отпускать туда, куда провожают попы. А ну, довольно глупостей. Полежать придется. Вообще ничего. Спазм. Конечно, поберечься не мешает. А это что? — спросил он, с обычной докторской фамильярностью тыча пальцем в глобусоподобное плечо борца.

— Бен Дриго укусил, — просто объяснил Артем.

— Что это за зверь, Бен Дриго?

— Именно что зверь. В Буффало боролись. Я его бросил с тур де тета, а он зубами мне в плечо... А это меня еще стражник нагайкой угостил, так, что шкура разошлась... Давнее дело. Помните, доктор, на шахте у нас заваруха вышла, когда людей завалило, гнилую крепь дали...

— Так. А это чья расписка?

Незабудный покосился на глубокий шрам под грудью и сконфуженно закряхтел.

— Это одного, на меня подосланного, я на тот свет отправил в Сиднее. А он все-таки успел чиркнуть.

— Да... интересная летопись! — пошутил доктор Арзумян. — Ну как-нибудь зайду вечерком, почитаю.

— Доктор... Леонтий Афанасьевич, мне должны из Москвы перевод... Вы уж извините. Сколько я вам должен?

— Вы мне должны — лежать. Понятно? Больше вы мне ничего не должны. Если вы денек полежите, то я вам обещаю дать сдачи хорошее самочувствие. Все?.. — И он посмотрел на Пьера. — А это? Ваш внук?

— Приемный, — шепотом ответил Артем.

— Что же, такого стоит и принять. Как тебя зовут, мальчик?.. Пьер? Так вот что, Пьер, завтра утром пойдешь в аптеку, возьмешь этот рецепт... — И, быстро написав рецепт, дав соответствующие наставления, обещая навестить завтра же к вечеру, Левон Ованесович ушел.

Но дома ему не пришлось сразу лечь спать. Он застал в своей комнате Сурена. Тот был чем-то взволнован и угрюмо расхаживал из угла в угол.

— А спать? — спросил доктор.

— Папа, — сказал наконец Сурик, — ты имей в виду, этот мальчишка, который за тобой приходил только что, — расист.

Тут доктор сделал то, что он так часто обычно требовал от пациентов, говоря: «Раскройте пошире рот и скажите «а»... Потом Левон Ованесович захлопнул рот, сделал вид, что проглотил слюну, и внимательно посмотрел на сына.

— Да, — продолжал Сурик, — он всякими анекдотами дразнился с акцентом, и он меня на вечеринке у Милки Колоброда обозвал еще как-то... «Бико», кажется. Так они алжирцев дразнят.

— Кто это — они? — поинтересовался доктор.

— Ну, французы там, империалисты, фашисты ихние.

— Так, — сказал доктор. — Значит, он империалист. Давно не встречал. Ну и что? Что из этого следует?

— А то, что я на твоем месте не пошел бы к ним больше.

— Нет? Не пошел? — Доктор встал и, подойдя к сыну, крепко взял его за подбородок. — Нет, мой дорогой. Если тебе придется когда-нибудь быть на моем месте...

если тебе доверят это место, так ты пойдешь. Очень глупый ты. Нет, ты не бико! Ты просто бычок, глупый обидчивый бычок. Я раненого немца перевязал, когда мы его схватили. Раненый, больной — это вообще уже не противник. Это пациент. Иди спать. Утром подумай, что я тебе сказал. На свежую голову подумай. А насчет этого империалиста мы еще с тобой потолкуем.

И долго еще сидел старый доктор у себя в кабинете, ерошил жесткие и без того взлохмаченные волосы, разводил руками, сам с собой о чем-то толкуя. Конечно, он все-таки расстроился. Все было понятно и естественно: мальчишку привезли оттуда, из чужого мира, из него еще не выветрились многие гнусности. И как-никак было чуточку обидно за то, что пережил сейчас сынишка.

И невольно пришли тяжелые воспоминания. Он вспомнил, как был схвачен гитлеровцами, когда, едва успев эвакуировать раненых, сам задержался в госпитале. Его тогда приняли за еврея и хотели расстрелять, а он из гордости не собирался сам опровергать эту ошибку. И только случайность, свидетельство одного из жителей и оставшиеся в госпитале документы спасли доктора.

Гитлеровцы не могли понять, почему доктор промолчал даже тогда, когда его уже собирались прикончить расисты. А доктор объяснял потом своим товарищам: «Я не считал для себя возможным пользоваться какими-то привилегиями, которые беззаконно и гнусно даются одному народу и отнимаются у другого. Почему я буду отрекаться? Я уважаю все нации. Вполне уважаю и ту, к которой меня по ошибке причислили». Ему удалось через одного своего старого пациента связаться с подпольем, перебраться через фронт, и он ушел к партизанам.

Подойдя к шкафчику, Левон Ованесович достал оттуда какой-то пузырек, отмерил, налил в мензурку воды, поболтал в руке, опрокинул в рот и лег досыпать свою короткую докторскую ночь. Все плохо спали в эту ночь. Ксана несколько раз просыпалась, вздрагивая, и садилась на постели. Потому что ей все снилось, стоило лишь задремать, что вокруг идет бой. Дымный кромешный бой, какой она не раз видела в кино. Ей нужно спасти раненого командира. То она подползала к нему под огнем, и у нее не хватало сил поднять раненого. То это было уже в глубоком и темном каземате... И она протискивалась в удушливых, узких ходах подземелья и застревала. И нельзя было вздохнуть. Или, наоборот, надо было карабкаться по совсем гладкой стене ц потом идти по узкому наружному карнизу, очень высоко, без всякой опоры. И, не достав до бойницы, через которую надо было спасти командира, она падала, падала в бездну. По-всякому повторялось это. Но каждый раз у командира было точно такое же лицо, как на той фотографии, что висела у Ксаны над кроватью. Конечно, это был Григорий Богданович, отец Ксаны. И не могла уже Ксана вызволить его, спасти...

Не спала бабушка Галина Петровна. Вставала, в который уже раз снова открывала комод, доставала слежавшиеся листки, расправляла, хотела прочесть, но как доходила до строки «Дорогая ма...» да видела букву «м» с петельками вверх, так ироняла голову на край выдвинутого ящика. И поднимался с постели, накинув на плечи тужурку, Богдан Анисимович, подходил к ней, наклонялся, припадал виском, сам незаметно вытирая глаза о седые пряди ее волос.

— Ляг, старая... ляг, Галя. Люба моя родная, ну не добивай себя! Не знали мы разве с тобой, что нет уже Грини в живых? Давно уже дума такая у нас была. Не терзайся. Ну, обездолил он нас с тобой, зато, подумай, сколько он матерей от горя уберег. Мы сердцем своим за это заплатили, а он-то ведь жизнью своей. Что поделаешь...

Милка тоже спала неспокойно. Все зажигала свет и смотрела на часы. Прежде она никогда не боялась проспать. Мать будила. Но теперь она сама отвечала за течение времени. Только Сеня Грачик так наморился за этот незадачливый день, что заснул сразу. И ему ничего не снилось.

## Глава XV

## Полная тайн и намеков

Днем возле домика, где жили Грачики, взвизгнули тормоза. Мотор фыркнул и смолк. Громко хлопнула, прищелкнув, дверца кабины. Это Тарас Андреевич заехал домой пообедать.

Как всегда, после того как он перехватывал, отец чувствовал себя виноватым перед сыном. Ему хотелось скорее загладить вчерашнее.

Сеня любил отца острой, настороженной и мучительной любовью, в которой восхищение иногда уступало место гнетущей жалости, пугавшей его самого, а сыновняя гордость сменялась порой жаркой обидой за отца. Он старался не вспоминать мать, давно твердо решив про себя, что она была куда хуже отца.

Совсем еще маленьким Сеня уже не мог простить ей, что она так мало радовалась, когда папа наконец вернулся домой, задержавшись еще на полтора года после войны в оккупационных войсках. Сеня снова и снова принимался тогда считать ордена и медали на отцовской гимнастерке, а мать, нисколько не восхищаясь отцовскими наградами, все рылась в его чемодане и прикидывала, подсчитывала, на сколько отец привез разного заграничного добра в подарок ей, и пренебрежительно морщилась. А потом, года через два, мать совсем уехала с тем бритоголовым, что еще во время войны часто бывал у них и приносил маме то материал для платья, то белые булки, то какую-то, как он объяснял, горькую микстуру, которую мама разбавляла водой из графина и пила, морщась. И дарил Сене конфеты, от которых неприятно пахло лекарством. Бритоголовый работал в госпитале «по хозяйственной чести», как выговаривал тогда маленький Сеня, всех очень смеша. Да, она уехала с тем бритоголовым, «по хозяйственной чести», говорили о матери.

Сеня знал — сейчас отец бледный, с заметно припухшими глазами, но все же красивый, пойдет на кухню умываться. Снимет с себя гимнастерку, тряхнет черными, сединой прохваченными кольцами кудрей. И Сеня, держа наготове полотенце, опять залюбуется его легким, смуглым и мускулистым телом. А какое удовольствие ждет Сеню потом, когда после обеда выйдут они во двор, куда заводит на время обеда Тарас Андреевич свой самосвал, и Сене будет позволено вместе с отцом мыть машину у колодца! Как он будет, становясь на цыпочки и повисая всем телом на ручке ворота, вертеть его, вытаскивая из прохладного колодезного сруба тяжелое ведро, и обегать с ним машину, лезть под огромный самосвал в тень, пахнущую маслом, бензином и резиной. Какое неизъяснимое наслаждение тереть, мыть и скоблить, выкручивать веретье, надраивать до блеска металл и с головой влезать в капот мотора, изнутри которого идет еще теплый бензинный дух, и слышать от отца негромкие приказания: «А ну, дай сюда конец! Подержи тут. А теперь вон ту гаечку подверни... Еще!.. Хорош!..» Иходить до бровей измазюканым, и держать в руках тяжелый разводной ключ. Вот это жизнь!..

Так все было и на этот раз. Они работали с отцом на совесть, хотя Милица Геннадиевна, квартирохозяйка, несколько раз выходила на крыльце и пыталась усвестить их:

— Тарас Андреевич, ну что вы позволяете мальчику так мараться? Вы только посмотрите, на кого он похож, чумичка какой-то!

Отец только посмеивался, пряча от Сени немножко виноватые глаза под густыми, загнутыми вверх ресницами. А Сеня-то хорошо знал, на кого он сейчас похож. На настоящего рабочего человека. На человека, занятого серьезным делом. А на кого вот она сама похожа, дурында?! Как заявляется отец, чтобы пообедать, так обрядится она сразу в длинный халат до самой земли, а талию затянет чуть ли не под мышками и похожа делается — тощая, длинная — на урну, что стоит на углу...

И, не глядя на хозяйку, он продолжал возиться у машины, изредка задавая отцу вопросы по специальности:

— Ну как, папа, бобина у тебя больше не отказывала?

— Нет. Порядок.

— Папа, как ты считаешь, «кадиллак» — это хорошая марка?

— Да, классная машина, легковая.

— А какая, ты считаешь, самая лучшая марка на свете? Английская? «Роллс-ройс»?

— Для нас, шоферов, всякая машина имеет одну марку — «ройсь-копайсь», отшучивался отец.

И Сеня замирал от удовольствия, хотя уже не раз слышал от отца эту шоферскую шутку. «Ройсь-копайсь»! Эх, если бы позволили, он бы целый день сидел за баранкой, хотя бы машина и с места не трогалась. Сидеть, держать баранку, осторожно касаться ногами педалей, взирать на жизнь через ветровое стекло с усиками «дворников», вдыхать запах кожи на сиденье, масла, бензина что может быть лучше этого!

Потом оба с отцом сполоснулись еще раз у колодца, стряхнули воду с рук. И Сеня во всем подражал отцу: сгибом локтя водил по своим стриженым волосам, как отец отодвигает кудри со лба, и так же свирепо фыркал, сплевывая воду, и крякал. Словом, момент был самый подходящий для задуманного еще вчера разговора. Можно было начинать.

— Слушай, папа, а пап?..

Тарас Андреевич, последний раз обойдя самосвал, уже готов был сесть в кабину и занес ногу на ступеньку. Он посмотрел на сына:

— Ну, что тебе?

— Папа, дай мне семь пятьдесят.

— Это как? Без запроса?

— Ну правда, в аккурат...

— Это куда ж тебе? — спросил отец, водя рукой у себя в кармане.

— Мне галстук-самовяз нужно.

— Носи мой, если нужно.

— Твой в косую линеечку, а сейчас надо в крапочку или полоски поперек.

— Это кому надо?

— Всем.

— Это что же, форма такая, что ли?

— Не форма, а по-модному так.

— Я тебе покажу моду! — Отец с веселой угрозой тряхнул кудрявой головой. Слышишь, Арсений?

— И брюки надо сузить мне, а то болтаются. Сейчас клеш уже не модный.

Тарас Андреевич с изумлением оглядел сына и даже ногу снял с подножки самосвала.

— Это с каких пор ты модничать так стал? Смотри, Арсений. Я вот эти самые брюки твои, не погляжу, модные или не модные, как стяну да такой тебе фасон пропишу!.. Это где ты такую моду слышал?

— Везде так носят сейчас, — не сдавался Сеня. — И в Москве и в Париже.

— Арсений, я тебе еще раз говорю! До Парижа далеко — отсюда не видно. А до того места, по которому отстегать можно, рукой подать. — И Тарас Андреевич сделал вид, что хочет изловить Сеню.

Сеня отскочил. Он отлично знал, что все это говорится так, только для формы. Отец его никогда и пальцем не трогал. Было, правда, однажды, несколько лет назад, когда Сеня играл со спичками и прожег хозяйскую скатерть — огромная враз распоплзлась дырища с таким красивым черным махровым ободком... Но на всю жизнь запомнилось, как зажал тогда свою руку меж колен отец, словно нестерпимо заныла она, эта рука, сгоряча ударившая сына. И когда отец потом вернулся вечером, от него пахло, и он все протягивал эту руку Сене и просил: «На, плюнь, прошу тебя! Плюнь на нее...» А Сеня пятился и не хотел ни плевать, ни пожать протянутую отцовскую руку. Но больше это не повторялось.

— Ну ладно, — сказал Тарас Андреевич, изловил-таки Сеню, подтащил его и стал, шутя, мотать голову сына, положив ему ладонь на макушку, — возьми там в столе сколько надо. Только дорогой не покупай, а то мода отойдет, а самовяз останется ни к чему. Смотри ты, стиляга...

— Я, папа, не стиляга.

— А кто же ты? Как есть пижон-стиляга!

Жоржик! И брючки ему суживай, и самовяз в крапочку. Ладно, давай за вчерашнее мириться. Порубим капустку? Так они всегда мирились. Становились друг перед другом, ладонь к ладони и начинали «рубить капусту». За отцом тут было не уgnаться — до того он был ловок. Ладонь его, как ни частил Сеня, встречала твердые звонкие ладони отца. А Тарас Андреевич все убыстрял и убыстрял движение, и руки его так и мелькали, так и били, то прямо, то крест-накрест, то одна за другой, то обе вместе. И всегда Сеня проигрывал, в конце концов запутавшись. И, сдаваясь, повисал на отцовских руках. Так он повис и сейчас и, раскачиваясь, как на качелях, заглядывая снизу в лицо отцу, вдруг сказал:

— Папа... А зачем ты пьешь столько?

— А сколько надо? — разом посерезнев, спросил отец и поставил Сеню наземь. — Ты мне что, норму даешь какую-нибудь? Или указания на то имеются?

С минуту он, ничего не говоря, смотрел на сына, собрался было что-то добавить, но лишь тяжело вздохнул. Потом одним ловким движением взлетел в кабину, невесело через окошко подмигнул Сене, дал газ... И огромный лязгающий самосвал вылетел со двора на улицу.

Сеня шел в школу, думая о неприятной встрече, которая ему предстояла. Как держаться с Пьером? Может быть, зря вчера так уж погорячился? Ксана, должно быть, права: он еще не перевоспитался, этот заграничный новичок. Но как гадко обозвал он вчера Сурика. Да еще и алжирцев обидел заодно. Вот, значит, у них там за границей все так и бывает, как пишут в газетах. Эх, надо было не так вчера сказать. Надо было подойти к нему и сказать: «Сурик в тысячу раз больше тебя русский, в общем, для нас свой, наш. Его отец тут всю жизнь всех лечит и с партизанами был, а твой дед?..» Тут воображаемое красноречие Сени стопорило. Знаменитого деда Пьерки никак уж не хотелось задевать.

Но Пьер не пришел на урок. Напрасно Ксана с надеждой смотрела на дверь класса каждый раз, когда она открывалась. Пьер не пришел.

— Ну вот, — огорчалась Ксана, — видите, что вы натворили вчера?

— Нашлись умники! Все рождение мне испортили, — подхватила Мила. — Знала бы, так не звала,

— В следующий раз можешь и не звать, не напрашиваемся! — отрезал Сеня.

— Нет, — сказала Ксана, — ты, Сеня, пойми. Мы должны учитьывать. Ведь он сколько пережил в жизни. И, конечно, он еще не совсем уж сознательный. И мы должны его перевоспитать.

— Хо-хо! Очень вы ему нужны, — захихикал Ремка. — Да он вам сто очков вперед даст. А вы его пе-ре-воспи-тывать! Умники какие идеяные, высокосознательные. Плевать он на вас хотел. С высоты этой... как ее?.. Эль-фелевой башни.

— А я считаю, — сказала Ксана, — я считаю, что, как только он сегодня придет...

— «Я считаю»!.. Считай хоть до тысячи, что толку!

— Он сегодня не придет, — сообщил вдруг молчавший до этого Сурен, не отрываясь от книги, над которой он сидел, низко склонившись, за своей партой. Не придет. У него дедушка заболел... Спазм сердечных сосудов.

В классе притихли.

Сперва лекарство подействовало. Артем Иванович успокоился, но под утро проснулся с тоскливо щемящей болью в груди и снова стал маяться.

«А вдруг помру? — ворочалось в его голове. — Помру и так людям ничего не скажу. А потом всплынет то дело с кубком... никто уже толком рассудить не сможет по совести и справедливости».

Он приподнимался на подушке, смотрел на стол, где в предрассветном полумраке проглядывали контуры вынутого из чемодана кубка «Могила гладиатора». Он напоминал ему снова и снова о той трудной тайне, которая, как червь, как дурная тайная болезнь, точила его.

Днем его навестил Сеня Грачик, который сообщил, что он пришел по тимуровскому поручению, чтобы передать привет, доброе пожелание здоровья от всего шестого класса и спросить: не нужно ли чего приезжему?

— Погоди! — неожиданно вспомнил Артем. — А как это дружок твой, когда мы на улице встретились, обозвал меня? Квинбус какой-то?

Сеня смущился:

— Куинбус Флестрин.

— Это по-каковски же будет? Я по-английскому свободно разумею. Французский разговор знаю прилично. Немецкий тоже немного понимаю. И итальянский. А такого не слыхал. По-латинскому, что ли?

— Нет, — смущился Сеня, — это по-лилипутскому.

— Это как же так? Я вот много в цирках лилипутов встречал. Разные номера работали у иллюзионистов, но не слышал я, что есть такой язык — лилипутский.

— Нет. Это книга есть такая, — пояснил Сеня, смущаясь еще больше. Называется «Путешествие Гулливера». Она у Сурика есть. Как один человек там попал к вот таким маленьким людям, и они назвали его Куинбус Флестрин. Это по-ихнему, по-лилипутскому значит: Человек-Гора.

— А, Человек-Гора! Это так. Это про меня и в афишах так писали. А насчет того Квинбуса ты дай мне книжку почитать. Попроси у дружка. Интересно...

Он стал постепенно поправляться. В общежитии ему с Пьером, по указанию исполкома, отвели большую, просторную и светлую комнату, где приехавшим и предстояло жить временно до получения квартиры в новом, строящемся на возвышенности квартале.

Он настоял, чтобы Пьер стал ходить в школу на занятия, так как считал, что уже может обойтись один и не нуждается в неотлучном уходе. За то время, пока Пьер пропускал занятия по болезни деда, те самые мальчишки, которые еще недавно тайком от матерей вставляли клинышки в брюки и расклевывали их по-флотски, теперь стали один за другим самочинно обувывать штаны. Но, к их разочарованию, когда Пьер снова появился в школе, то был он уже в обычной форме, такой же, как и у других мальчишек. Это был результат забот Елизаветы Порfirьевны, которая хотела, чтобы, как она говорила, мальчик скорее ассимилировался. Как это надо ассимилироваться, Пьер не очень хорошо знал, но в новую форму, которую ему посоветовала приобрести учительница, облачился охотно. Ему надоело, что на улицах чужие мальчишки кричат ему: «Эй, джентельмен! Стиляга!..»

Ксане сперва было отчасти жалко, что вот и новенький стал таким, как все. Но ввиду того, что они с Милкой твердо задались целью перевоспитать приезжего, то форма в известной степени облегчала дело. Пьер действительно теперь уже по виду мало чем отличался от других ребят в классе, и говорить с ним поэтому было проще. Ей очень хотелось доказать ему свою особую заботу. Но не было случая: из-за болезни деда Пьер нигде не бывал и из школы шел прямо к себе домой, в общежитие. Тогда Ксана попросила, чтобы ей тоже дали пионерское поручение — навестить Артема Ивановича Незабудного. Проявить тимуровскую заботу — так и было записано в протоколе.

По дороге из школы, когда шли втроем, Ксана, Сеня и Пьер, на ходу решавшие, как лучше организовать эту самую тимуровскую заботу о деде Артеме, им повстречалась квартирная хозяйка Грачиков — Милица Геннадиевна. Она, конечно, была уже в курсе всех новостей, прослышила о приезде чемпиона и его приемного внука и даже об истории на вечеринке у Колоброва все узнала. Она шла из магазина с полной авоськой, из которой торчали хвосты и раззявленные рты селедок.

Увидев ребят еще издали, она запричитала:

— Ах, боже мой! Что за парочка!

Хотя ребята шли втроем, но Сеня на полшага поотстал, и, по-видимому, слова Милицы относились к Пьеру и Ксане.

— Ну что за парочка! — воскликнула Милица, склоняя голову то налево, то направо, и так и эдак разглядывая новичка. — Познакомь меня, Ксаночка, с молодым человеком.

Бонжур, очень приятно, Кутыркина Милица Геннадиевна. Заходите к нам. Ничем удивить не собираемся, живем скромно, но будем рады. Что же ты молчишь, Сеня? Пригласи молодого человека. Бог знает с кем водишься, а хорошее знакомство не поддержишь.

— Заходи, правда, — без восторга сказал Сеня и незаметно подшагнул, чтобы стать снова рядом с Ксаной. Пьер неловко кивнул.

— Большое вам мерси. Будем ждать. Ты ведь знаешь, Ксаночка, его дедушка твою бабушку бросил. Ну, в общем, оставил, когда молодой был. Вы можете считать себя вроде как родственники... А ты, Сеня, не опаздывай к обеду, папа велел тебе сказать, чтобы ты вовремя...

Не все поняла Ксана, но почувствовала — на что-то нехорошее намекает Милица.

А Сеня прошептал:

— Ух, сплетница!.. Честное слово, дурная она, ты ее не слушай!

К обеду он пришел вовремя, но решил чем-нибудь насолить Милице. Он видел, что каждый раз, перед тем как отец заезжает обедать домой, хозяйка прихорашивается, подолгу вертится у зеркала и запудривает свой длинный, хрящеватый нос с ехидно подергивающимся кончиком. Она употребляла пудру, которую называла «ка-ля загар». Сегодня, пользуясь тем, что Милица захлопоталась на кухне, он пробрался к ней в комнату и подсыпал в розовато-коричневую пудру смешанное в банке с растолченным в порошок сахаром какао.

Когда приехал отец и сели обедать, муhi начали совершенно одолевать бедную Милицу. Она так и не могла догадаться, почему это такая на нее напасть сегодня.

— Как рано в этом году (хлоп!) муhi развелись! — удивлялась Милица, отмахиваясь и шлепая себя по шее. — Наверное (хлоп!), лето будет очень жаркое... Ф-фу!.. Буквально в рот лезут. Сегодня же мухоморки поставлю... Ф-фу! (Шлеп!)

— Что это они за вас так взялись? — заметил Тарас Андреевич.

— Да уж, верно, сладкая я такая, — кокетливо отвечала Милица, не подозревая на этот раз, как она близка к истине. Сеня с самым смирным и послушным видом, опустив глаза в тарелку, деликатно прихлебывал суп, прислушиваясь с наслаждением к тому, как нещадно хлопает себя то и дело по лбу, по щекам и по шее Милица Геннадиевна.

...После странных намеков Милицы во время встречи ее с Пьером и Ксаной девочка почему-то не решилась сразу пойти навестить Артема Ивановича. Не то что она смущилась, но какая-то настороженность возникла у нее, и стало неловко идти вместе с Пьером к его деду. Ей бы хотелось пойти без него, побывать там, прибрать комнату и расспросить деда Артема об отце, которого она совершенно не знала, так как была еще совсем маленькой, когда он уехал снова воевать.

Между тем Ремка Штыб сообщил Пьеру, что с ним желает познакомиться Славка Махан — уличный коновод и чрезвычайно влиятельная, по словам Ремки, личность. Махан ждал ребят на пустыре, с которого уже снесли дома перед наступлением воды.

Он прогуливался взад и вперед у черного входа кино «Прогресс», куда выпускали после конца сеанса публику. Прохаживался со скучающим видом, оглядывая окрестности. У него была особая манера курить: руку на отлет, держа кончиками двух сложенных в щепоть пальцев цигарку и при этом насвистывая, ввинчивать в воздух дымок.

— А-а, — заговорил он своим хрипловатым тенорком, увидев приближающихся Штыба и Пьера. — Слыкали о таком! Вашему высокосковородию от нашего прохлади-тельства низкий бульон, мое почтение! Здоров, жертва капитализма! Он протянул небрежно руку Пьеру. — Уже обмундировался под общий фасон. Ну, приветик, приветик жителю Европы. — А ты что есть, какой житель? Африки? обиделся неожиданно Пьер. — Стоп, беседа! — Махан засунул руки в карманы и сплюнул. — Во-первых, не житель, а гражданин. Запомнил? Во-вторых... Штыб, разъясни этому жителю, что так со мной разговора не будет, принципиально... Если он, конечно, не хочет быть жертвой, а собирается жителем оставаться. Растолкуй ему, что у нас бывает, если кто чересчур фасон давит. — Пожалуйста? — переспросил Пьер. Он не очень понимал, о чем говорит Махан, но почувствовал, что ему угрожают. — Подумаешь, — сказал Пьер. — Да мой дедушка, если я

ему скажу, тебя вон будет кидать на ту торгу одной ргукой. — Во-первых, это не гора, а террикон. Не мешает знать тем, которые из Европы. Раз. А второе — я на твоего деда с высоты того террикона чихать хотел. Понятно? Штыб, ты чего его не информировал? Что он у тебя еще вовсе темный? — Я ему говорил, а он ломается. Штыб покосился на Пьера. — Ну ладно, хватит, — отрезал Махан. — Сам возьмусь. Ты вот что... Кончим-ка дурака валять. Мы же свои тут. Может быть, дед какое-нибудь барахлишко спустить захочет импортное, так тут есть люди. Можно организовать через меня выгодно и при этом иметь личный интерес. Ты, да я, да мы с тобой. Посторонние не требуются. Только давай условимся: без лишнего звона. Компрене? Ну, давай пять. И вообще контактий со мной — не пропадешь. Свой будешь. Как говорится, поцелуй дугу в оглоб-лю, будешь мерину свояк. А деду ты не очень покоряйся. Да какой он тебе, спрашивается, дед? Нашему забору двоюродный плетень.

Тем временем Ксана прибрала в комнате у Незабуд-ного.

Разложила бумажные салфеточки, подмела. Аккуратно чистой тряпкой обтерла она серебряное тело гладиатора на кубке. Она уже собралась уходить, но Артем Иванович попросил ее немножко посидеть с ним. Ксана взяла стул и пододвинула к кровати, на которой лежал Незабуд-ный.

— Как там мой парижанчик? Ничего? Подтягивается?

— По математике совсем уже хорошо! — с полной готовностью и торопливо заговорила Ксана. — Только по русскому ему немножко трудно с непривычки. Окончания в падежах немногого еще путает. Но это у него исправится. Елизавета Порфириевна сказала, что он способный.

— Вы с ним построже там. Он балованный. Отвык от порядка. — Мы все решили его перевоспитать, — сказала Ксана.

— Ну раз все, так уж справитесь, а то мне одному не под силу. — Незабуд-ный усмехнулся и вздохнул. — У меня для него авторитету мало. Считает, видно, что самого меня еще недовоспитали полностью.

Незабуд-ный, двинув мохнатой бровью, легонько подмигнул Ксане.

— Артем Иванович! — Ксана, по-видимому, решила начать какой-то серьезный разговор.

— Да ты меня зови просто дедя Артем.

— Дедя Артем... А какой мой папа был? Мне бабушка все рассказала, как вы его один раз спасли. Он красивый был, мой папа?

Незабуд-ный хорошо представил себе исхудалое лицо в кровоподтеках и струпьях, запавшие глаза и синеватые губы над бледными деснами с наполовину выбитыми зубами.

— О-о! С лица он, папа твой, Ксаночка, загляденье был! — быстро сказал Незабуд-ный и откинулся на подушку. — Такой с виду хороший был. Орел! Вот как перед школой стоит, такой и был...

— А тоже был сильный?

Артем вспомнил обвисшее на его руках, совершенно невесомое тело, шею с выпирающими острыми хрящами, с бледной кожей, натянутой, как перепонка, над провалами ключиц.

— Не поверишь! — сказал он. — Не поверишь, до чего здоров был.

— Высокий?

— Ну, чуть помене меня, конечно. Но уж такой стройный, такой ладный.

— А бабушка говорит, он не такой уж большой был ростом.

— Да матери сын родной и до самой его старости все дитя малое. Это уж водится так.

— Он очень смелый был, да?

— Уж тут-то я не знаю и был ли когда-нибудь кто храбрее его!

Артем приподнялся на подушке. Теперь уже было легче. Все было теперь правдой. Нечего было таить. Все было так, как в жизни. И он рассказал Ксане о том, как ее отец, знаменитый по всей Италии русский партизан Бог-ритули, прикрывал уход старииков, женщин, ребятишек из окруженного фашистами села. И как боялись его при жизни

фашисты. И как несли после смерти благодарные итальянцы его гроб сотни километров, передавая из рук в руки, из селения в селение, как почетную эстафету. Все, что узнал он от людей в Италии про бесстрашного Богритули, про легендарного сына его дорогих друзей, все рассказал Ксане Артем Иванович Незабудный. Она слушала его, то пугающе бледнея, то вспыхивая вся и разгораясь и делаясь действительно похожей на тоненькую свечечку с нежным, колеблющимся и лучистым огоньком.

Но тут пришел Пьер. Он просто-таки не узнал комнату. Такой чистотой сияла она сейчас. По всему прошлись быстрые руки гостьи. Какой сверкающий порядок царил сейчас во всем! И на столе среди чашек, поставленных на аккуратно вырезанные узорные бумажные салфеточки, стоял и сверкал, как новенький, кубок, на котором серебряный атлет, опервшись на одно колено, стоял другой ногой в каменной могиле, поднимая могучей рукой округлую оливиновую вазу.

— Останься с нами, внучка, чаек попить, — пригласил Артем Иванович.

Но Ксана замотала головой и, стараясь не глядеть на Пьера, все время поворачиваясь к нему щекой в красных пятнах, объяснила, что спешит, быстро попрощалась и выпорхнула из комнаты.

В этот день Наталья Жозефовна, сев за свой очередной пасьянс «Каприз Наполеона», была несколько удивлена, когда к ней неслышно подошла Ксана и шепотком спросила:

— Баба Ната, а вы гадать на картах умеете?

Очень строго поглядела на нее через пенсне Наталья Жозефовна, пожевала губами и не спеша объяснила, что она и в старое царское время не позволяла себе оставаться во власти всевозможных пагубных суеверий, а уж сейчас Ксане, как пионерке и дочери передовых родителей, совершенно не к лицу в столь ответственный исторический момент, когда Западная Германия снова вооружается и грозит бедами человечеству, как она слышала сегодня по радио, и когда требуется высокая ясность сознания каждого человека, верить в ворожбу... И она кратко изложила Ксане свои взгляды на международную обстановку, разоблачив, как всегда, НАТО и упомянув о СЕАТО.

— Но вы же, когда пасьянс раскладываете, так ведь тоже загадываете? возразила Ксана, пропустив мимо ушей обличительные высказывания Натальи Жозефовны по адресу НАТО и СЕАТО.

— Пережиток! — вздохнула Наталья Жозефовна. — Пережитки властны еще над нами. И потом, что за сравнение! — Она искренне возмутилась. — Я же загадываю лишь относительно международного положения. Мне просто интересно, удастся ли Аденауэру получить ядер-, ное оружие для вермахта. Или вот эти, — она ткнула в разложенные веером трефы, — эти его тайные карты будут биты? У меня третий раз сегодня не сходится. А мы, бельгийцы, достаточно натерпелись от этих тевтонских набегов. Что думает Европа — не понимаю. Но вы, вы, современная молодежь, вы должны быть свободны от этих предрассудков. Я имею в виду карты. Стыдно, Ксана!

Бедная Ксана повздыхала, поводила капризно концами пальцев по клеенке стола, нарочно производя противный пищащий звук, который терпеть не могла Наталья Жозефовна, но в душе должна была согласиться, что баба Ната права.

Сеня прогуливался по Первомайской, куда он завернул, чтобы узнать, какую картину будут показывать на следующей неделе в кино «Прогресс». Он увидел вдали Сурена.

— И-ао! И-ао! — тотчас же закричал Сеня.

Недавно в «Прогрессе» шел фильм «Смелые люди». И после этого все мальчишки в Сухоярке в результате длительной тренировки, сводившей с ума домашних, научились воспроизводить звук, которым герой картины призывал своего верного коня Буяна. Собственно, это было что-то напоминавшее крик осла. Но в картине, как только артист Гурзо становился на склоне горы и издавал этот клич «и-ао», сейчас же слышался, к восторгу мальчишек, заполнивших первые ряды зрительного зала, топот скакуна, неудержимо мчащегося к своему бесстрашному хозяину.

— И-ао!

Сурик остановился молча. Когда-то он хорошо изучил клич Тарзана и мог бы ответить соответствующим образом, по-обезьяньи. Но лошадино-ослиное «и-ао» он еще не отработал. Поэтому он молча остановился и ждал приятеля.

— Слышал? — заговорил подбежавший к нему Сеня. — Новая картина в «Прогрессе» — «Верные друзья». Интересная картина, Штыб говорит. Он уже ходил на нее. Там смешное... Как на плоту трое дядек плывут, а у одного тапка с ноги в воду. А потом они без всего остались, и без паспорта. И еще в милицию одного из них забрали... Интересное кино!

Сеня принадлежал к тем верным приверженцам кино, которые, какой бы фильм они ни смотрели, ждут, что обязательно кто-нибудь упадет в воду или герои хотя бы уж подерутся. Во всяком случае, произойдет что-нибудь очень смешное. И, надо надеяться, не будет длинных разговоров и любовных объяснений, которые только все дело затягивают.

Но Сурик безучастно слушал его.

— Интересное кино, говоришь? — протянул он. — А вот известно тебе, что такое вторая серия картины «Молодая гвардия»?

— Го! Я уже пять раз ее видел.

— А в шестой раз не желаешь? — многозначительно спросил Сурик. — Так имей в виду — она с этим типом сговорилась завтра на эту картину идти.

— Что же, она раньше не видела? — насторожился Сеня.

— Это для него. Не понять тебе? Перевоспитывает. Он, наверное, и первую-то серию еще не видал.

— А ты откуда знаешь, что они идут?

— А я видел — они билеты брали.

— Сколько? Два?

— Да нет. Три.

— А третий, что же, для Милки? И она с ними?

— Сеня, тебе должно быть известно, что хвост легко отрывается только у ящерицы, — с важным видом произнес Сурик. (И откуда, шут его возьми, все на свете знал этот мальчишка?)

— При чем тут ящерица? — недоумевал Сеня.

— О боги! — Сурик воздел руки. — До тебя что, не дошло? Я имею в виду Милку. Она за ними всюду, как хвост.

— Не скажи. — Сеня задумчиво покачал головой. — По-моему, наоборот, он сильнее к Милке относится. Как считаешь?

Сурик пожал плечами.

— Да, я тоже так считаю, что наблюдается.

— Видно, что ни в чем он не разбирается.

— Где ему разобраться!

И оба зашагали молча.

В тот же самый час Ксанка, которая делала домашнее задание вместе с Милой, собирая книжки, чтобы идти домой, остановилась на мгновение у порога, а потом таинственно сообщила:

— Знаешь, Милка, когда мы вчера шли с ним с пения... он мне вдруг говорит: «А сколько, говорит, вашей подруге лет?» Я говорю: «Мы с ней одного года рождения». А он не понял, спрашивает: «Как это?» Ну я ему объяснила. Потом он стал считать, а после как удивился и говорит: «А на вид совсем уже как мадмуазель, интересная».

— Врешь, Ксанка, так и сказал? Мадмуазель? И интересная?

— Я, кажется, не имею привычки сочинять.

Мила испытывающее посмотрела на подругу, подошла к зеркалу, поправила волосы и глянула еще раз, уже из зеркала, на Ксанку.

Потом сказала ей, не оборачиваясь:

— А он меня про тебя тоже спрашивал.

— А что про меня? — Ксанка, не доверяя зеркалу, быстро заглянула в лицо подружке.

— Подошел на переменке и говорит: «Почему, говорит, ваша подруга такая всегда задумчивая?»

— А ты что?

— А я говорю: «Она большей частью вообще обычно очень серьезная, потому что много пережила».

— Ну и он что?

— Л он говорит: «Это, говорит, заметно — чувствуется. Я тоже, говорит, много пережил, как и она».

— Так и сказал: «Как и она»? Ой, Милка!

И они, визжа, схватив друг друга за плечи, долго прыгали и кружились на месте.

У бабушки Галины Петровны в этот вечер был большой доклад во Дворце шахтера. И она после обеда прилегла соснуть часок перед выступлением. Ксана осторожненько примостилась на диване возле нее, подползла неслышно, притерлась к плечу и стала легонько толкаться лбом ей за ухом.

Конечно, бабушка проснулась:

— Ишь, подкралась, ящерка...

— Ты спи, спи. Я не буду тебе мешать. Я только так, помышкаться.

— Брысь, пошла отсюда!

— Я буду тихонько. Прошло несколько минут.

Бабушка дышала ровно. Только веки ее чуть подрагивали.

— Бабушка, ты спиши? — зашептала Ксана.

— М-м? — откликнулась бабушка, едва двинув губами и не открывая глаз.

— Нет, ты спи. Я только тебя хочу спросить. Бабушка, а разве это может быть так, что живут вот, живут... И вдруг какой-то человек сделается, ну, почти что важнее всех?

— Ну, сразу уж так это не делается, — сонно проговорила бабушка. — Это надо, чтобы по душе пришелся, чтобы из всех был самый такой, выбранный.

— Чудно как-то! — Ксана поежилась, устроилась поудобнее на плече у бабушки, помолчала, потом опять шепотом: — Ну, а если они даже раньше и не учились вместе?

— Кто же это такие они? — Бабушка приоткрыла один глаз и очень внимательно посмотрела на Ксану.

— Ну, просто так... кто-нибудь. Скажем, один человек и другой.

— Что же, так их и кличут по номерам: один да второй?

— Да нет, бабушка, какая ты!.. Я ведь это так интересуюсь, вообще. Я говорю только, может быть так, чтобы этот человек даже и подругой не был и не родственник никакой даже, а вдруг такой вот сделается, самый важный?

Бабушка вздохнула и чуть заметно улыбнулась.

— Да, вот так и бывает: и не родня никакой, а делается всех родней.

— И со мной так когда-нибудь может быть?

— А почему же нет? Что, ты других хуже?

— Нет, — помолчав, задумчиво проговорила Ксана, — это, бабушка, наверное, все-таки как-нибудь не так бывает.

— Как бывает, еще узнаешь, нечего задумываться раньше времени. Ты что это, а? Ну-канько, уж рассказывай давай.

— Да ну тебя, бабушка! — Ксана отодвинулась и уткнулась подбородком в подушку. — Ты уж сразу думаешь не знаю что!

— Ишь, хвостопырка! Чуть что, и уж все перышки топырь, топырь! Лежи, пока вовсе не согнала тебя отсюда. Полежали тихонько минутки три.

Потом Ксана дотянулась до уха бабушки:

— Нет, я все равно больше всех буду любить тебя.

— Не зарекайся, дурочка.

Еще что-то хотела сказать Ксана, но не решилась. Поежилась, повертелась, чтобы поглубже ввинтиться плечиком в подушку, и вдруг:

— А в Париже, оказывается, прямо посередке города поля. Называются Елисеевские. Только это называется так. А то даже и не поля совсем! Улица там такая. В пять раз ширше, чем у нас Первомайская.

— Это что за «ширше»? Тебя в школе так учат говорить?

— Ну, шире.

— Ксанка, ты можешь дать человеку перед докладом хоть минутку поспать?

— Спи, спи себе. Я же не кричу. Я тихонько. — Она совсем перешла на еле слышный шепот. — Бабушка, а с тобой тоже так было, как ты сказала?

— Вот, ей-богу, еще наказание! Присуха какая! Ну что ты ко мне привязалась? Было и со мной, как со всякой.

— И дедушка Богдан раньше тебе совсем даже был не свой, ни капельки не родный?

— Вот чудная ты! Я же тебе объяснила.

— Удивительно, правда, как это вдруг получается?

— Да вот сколько уж люди на земле живут — сами все удивляются, что за сила такая берется.

— А это разве такая сила?

— Сила! — не сразу, подумав, но твердо сказала бабушка и, открыв оба глаза, повернулась к Ксане. Глаза у нее вдруг стали ясными и смотрели куда-то далеко, поверх Ксаниной головы. — Сила! — повторила она убежденно. — Если хорошо все у людей, то сила. А если нехорошо, не сошлось что-нибудь, то хуже боли и слабости всякой. Да, это, Ксаночка, такая сила, что человек, бывает, и совладать с ней не может.

— А дедя Артем?

— Это с каких пор он тебе «дедя»?.. Артем Иванович? Он при чем тут?

— Нет, я говорю: вот Артем Иванович, он ведь самый сильный считается... Он бы совладал?

Долго молчала Галина Петровна. И Ксанка решила, что бабушка уже спит.

Но та вдруг, не открывая глаз, не двинув плотно сошедшимися бровями, тихо проговорила:

— Ну он, кто знает... Он-то совладал бы. Видно, не сильное у него и было.

Бабушка полежала некоторое время.

Потом она вдруг снова открыла глаза. Сна в них уже не было совсем.

— Глупая ты еще, Ксанка... Это все не даром дается. За это сердцем человек рассчитывается. Это надо всей жизнью своей отквityвать. А иначе вор человек, и нет такому ни родства, ни веры, ни дружбы, ни любви.

Бабушка повернулась к стенке.

Ксанка почуяла, что не надо ее больше бередить рас-спросами.

Она только сказала:

— А у нас Катька Ступина и Женя Харченко сегодня в прическе под парижскую моду явились. Смешно. Как у лошадей дрессированных, метелки. Помнишь, в цирке выступали, когда мы с тобой в район ездили? Ты меня брала...

Бабушка не отвечала.

— А в Париже, — прошептала Ксанка, — «- река есть. Называется Сена. Смешно, правда? Сена, солома, овес... — Она смолкла и уже совсем тихо, только для самой себя: — Там с моста девушки топятся, если несчастные... — И она очень тяжело вздохнула. Слышала бы бабушка, как ужасно глубок был этот вздох! Куда там Сена-река — пучина океанская!

## Глава XVI От обреченных к обретенным

Когда Артем Иванович уже окончательно пошел на поправку и доктор Левон Ованесович навестил его в последний раз, чтобы дать, как он выразился, «вольную»

Незабудному, зашел опять разговор о Пьере. И тут доктор осторожно рассказал Артему о том, что произошло на вечеринке и как нехорошо Пьер обидел Сурена. Никогда не думал доктор, что это произведет такое впечатление на чемпиона. Тот побагровел, выпрямился во весь свой гороподобный рост и так треснул кулаком по столу, что угол столешницы отскочил далеко в сторону и ударился о стену.

— Да я ж его, чертова сына! Да за это же мало... Нашел кого, щенок свинячий!..

— Да ты не волнуйся, не волнуйся, Артем Иванович, — успокаивал его врач. — Я ведь не от обиды тебе говорю, а просто желая помочь мальчику. В чем дело? Совершенно понятно. Какой вопрос может быть? Ведь среда-то у него была в основном специфическая. Можно представить, каким хорошим вещам учили в приютах для «перемещенных лиц». Ты скажи еще спасибо, что он такой, в общем, скромненький. Но слабовольный он, мне кажется, и охотно под чужое влияние попадает. Но только, Артем Иванович, давай уж по-честному уговоримся. Я тебе это все сказал по дружбе, и ты, пожалуйста, меня уж не ставь в неловкое положение перед мальчиками.

Незабудный пообещал, что он не будет наказывать Пьера, а поговорит только с ним по душам. Но не сдержал своего слова Артем Иванович.

— Ты что же? — набросился он на Пьера, как только стали они выяснять, что случилось на вечеринке. — Ты соображение имеешь или ты его там оставил окончательно, откуда я тебя вытянул, как щенка слепого из помойки... Ты знаешь, какому человеку ты обиду нанес? И ты что думаешь, ты его опозорил? Меня ты, дурак, осрамил, меня, Артема Незабудного. Вот, скажут, ездил старый дурень по всему свету, а ума не набрался. Не мог мальчишку вразумить. Ты же это меня хуже всего осрамил!

И вдруг Пьер словно взбеленился.

— Ты не кричи на меня, — тихо сказал он деду и часто задышал. — Ты что очень-то раскричался? А сам ты, думаешь, я не знаю?..

— Что-о-о? — Незабудный уставился на Пьера ничего не понимающими глазами.

— Да-да! Не прикидывайся. — Пьер почему-то вдруг перешел на французский, оглянулся на дверь и воровато зашептал, приблизившись к деду: — Думаешь, я не знаю, что ты скрываешь? Ты нарочно никому не говоришь. А ко мне, когда мы собирались уезжать из Парижа, приходили два господина... И они мне сказали, что если ты будешь против них везде говорить, так они мне скажут, где это находится. Я знаю, что ты скрываешь! Там, где зарыто, есть тот кубок... Второй... Что ты фашистам подарил.

— Да ты что городишь-то? Кто дарил?! Про что толкуешь? С чего это ты вообразил? И какого черта ты со мной французишь тут?! Ты что, родной язык забыл свой? Да я тебе...

С помертвевшим лицом, тяжелея душой, он откинулся на спинку стула и почти с ужасом смотрел на приемного внука. А тот тоже, видно, почувствовал, что сказал лишнее, и, отвернувшись, тупо смотрел в стенку.

Это было нездолго до того, как Незабудный окончательно собрался уезжать на Родину. В его отсутствие мансарду, где они жили с Пьером, навестили двое. В одном из них Пьер узнал уже знакомого ему Зубяго-Зубецкого, бывшего импресарио Артема Ивановича. Другой был незнакомый. Они сперва расспрашивали Пьера: не увозит ли его Незабудный насильно, не хочет ли он остаться во Франции? А потом под большим секретом сообщили мальчику, что там, в Сухоярке, куда приемный дед собирается увезти Пьера, их может ждать одно очень интересное дельце.

Им доподлинно известно, что гитлеровцы, по приказу командования, перед своим уходом из Сухоярки, который совершился в большой панике, так как Советская Армия неожиданно прорвалась в этот район, успели зарыть несколько ящиков с огромными ценностями, временно находившимися как раз в Сухоярке для отправки в Германию. Вывезти их было уже невозможно, и гитлеровцы решили зарыть их. И вот Зубяго и его спутнику, человеку, на которого можно было тоже вполне положиться, было поручено сообщить обо всем этом отъезжающим домой эмигрантам. Но характер Артема Незабудного был им слишком хорошо известен трудно было рассчитывать на такого упрямого, ни с чем

не считающегося старика. Однако вот, может быть, Пьер сам? Он мальчик разумный, уже многое повидал в жизни и, как надо полагать, умеет держать язык за зубами. Не так ли? Между тем местоположение зарытых ценностей известно одной организации, которая готова сообщить все, что надо, и дать точную карту с условием, что половина обнаруженных там драгоценностей будет отдана соответствующему лицу. Каким образом, это сейчас уже не его, Пьера, забота. Те, кому будет причитаться половинная доля клада, оставшегося в Сухоярке, найдут способ свидеться и получить причитающееся им. Пусть это Пьера не волнует.

Но все, конечно, должно быть в полной тайне. Посетители намекнули Пьеру, что вряд ли желательно для его деда обнаруживать перед земляками не очень-то приятную историю, благодаря которой чемпион лишился одного кубка, составлявшего пару с оставшимся. А этот второй драгоценный кубок, да будет Пьеру известно, находится там же, в одном из ящиков, зарытых в Сухоярке, так как некое официальное и хорошо Незабудному знакомое лицо, находясь на службе и в особых частях гитлеровской армии, возило этот кубок с собой, с определенным расчетом, желая, если понадобится, произвести нужное впечатление на упрямых земляков чемпиона...

И они показали Пьеру фотографию. На ней был изображен какой-то толстолицый и очень, по-видимому, важный офицер в форме гитлеровской дивизии «СС». Он держал в руках кубок — такой же, как тот, что был у Незабудного. А вокруг стояли, выпятив животы, втиснутые в эсэсовские мундиры другие гитлеровцы... Так что разумнее было бы не путать никого в это дело и избежать огласки. И вот если он, Пьер, благоразумно решит поступать именно так, как ему рекомендуют его искренние доброжелатели, то все останется в тайне, а он на старости лет вполне обеспечит своего нареченного деда, да и сам сможет иметь кое-что про запас.

— Слушай... Я тебя прошу, — выдавил наконец из себя Артем, когда Пьер теперь рассказал ему обо всем. — Забудь ты про это, набрехали тебе... Жулики это, гады были. И они хотят нас с тобой тут перед всем честным народом ошельмовать. Они и мне про что-то намекали, да я с ними и разговаривать не стал. И тебя хотели но глупости твоей словить. Ты этому, дорогой, не верь. То обман. Ты уж меня послушай. Я это жулье, слава тебе господи, знаю. Вот они где у меня всю жизнь сидели. — И Незабудный с силой похлопал себя сзади, по левой борцовской шее. — Давай уж условимся, что об этом больше ни звука ни со мной, ни, упаси бог, с другими.

Пьер был неплохой, но слабовольный парень. А главное, он не очень любил задумываться надолго. И он терпеть не мог сам выискивать какое-то решение, с удовольствием разделяя чужое мнение. Доктор Арзумян правильно подметил, что он готов петь под любую дудку.

Сейчас он уже был не рад, что сорвался и выболтал все, что узнал тогда в Париже от тех двоих...

Они дожидались его тогда внизу под лестницей. И, хотя Артем Иванович строго-настрого наказывал ему в те дни остерегаться, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку, он согласился пойти в соседнее бистро. Там они угостили его вкусным аперитивом и яблочным тортом и стали уговаривать, чтобы он сделал, когда приедет в Сухоярку, так, как они ему советуют. Они острили, перешучивались, хлопали его по плечу, понимающие переглядывались и намекали на какие-то возможные, угрожающие деду позором последствия, если Пьер откажется выполнить предлагаемое. Потом опять сулили Пьеру несметные богатства, обеспеченную, роскошную жизнь в любом уголке мира. Может быть, он хочет ехать на Таити? О, там очень интересно! А какие девушки! Это он поймет, когда подрастет. А в Миами разве плохо? Или, скажем, в Вальпараисо? Были бы деньги! А они будут, если Пьер будет послушным мальчиком и станет поступать так, как его учат хорошие люди. Пьер тогда обещал подумать. А те двое велели на всякий случай заучить их адрес (записывать его они не советовали): «*Париж, бульвар Капуцинов, 16, апартамент 132, месье Томбо*». Пусть не пугает Пьера эта зловещая фамилия. Это условное обозначение, намек на

то, что тайна должна быть сохранена, как в могиле, — пошутили они. А потом уже серьезно объяснили, что достаточно Пьера по указанному адресу сообщить из Сухоярки о своем согласии, и ему немедленно пришлют в ответ все необходимые сведения. А письмо Пьера, пусть уж он не обижается, будет для них некоторой гарантией, что он их не обманет. Ибо, если такое письмо им придется кое-кому показать в СССР, то Пьер сам понимает... И так далее...

Но слишком ненавистны были измучившемуся в скитаниях из приюта в приют эти чужие и чем-то враждебные люди. С ними в представлении Пьера связывалось все тяжкое, постыдное и грубое, что составляло его несчастное детство. Нет, ну их! Он уже бежал из двух приютов. Три недели после второго побега он ночевал в трамвайном депо, проникая туда им самим придуманным хитрым способом. Когда шли последние вагоны, задерживаясь обычно или замедляя ход под низким пролетом одного из уличных мостов — виадуков, он ждал удобного момента, держась снаружи за перила, и тихонько с арки моста опускался на крышу трамвая. Он ложился между укрепленными на крыше вагона рекламными щитами и вместе с трамваем въезжал в депо. Там можно было переночевать. Там, по крайней мере, была кровля над головой. Там было сравнительно тепло. Все-таки это было какое ни на есть пристанище, чтобы переспать ночь. И утром он снова взбирался с крыши трамвая на арку виадука и отправлялся бродить по огромному, оскорбительно безучастному к нему городу, где он был всем чужой, абсолютно никому не нужный и где можно было выклянчить или какими-нибудь маленькими услугами заработать на чашку скверного кофе с тарталеткой.

Много еще было путаницы в его голове, напичканной всем, что он вычитал в дешевых пестрых книжонках, вроде «Фантомас, гроза полуночи», «Королева сточных вод» или «Рассвет в казино». Не во всем он разобрался сразу, начиная новую жизнь, которая взяла теперь его решительно и, должно быть, навсегда в свой заботливо властный оборот. Не обо всем можно было поговорить и с дедом, который, видно, сам кое в чем еще путался, а о каких-то делах из прошлого предпочитал не поминать.

Он чувствовал, что не следует больше теребить Артема Ивановича расспросами, видел, как встревожен и озадачен был дед, когда услышал о разговоре в Париже с теми двумя... Он тихо вышел из комнаты. Но хотелось потолковать с кем-то. Не о том, про что шел сейчас разговор с дедом, об этом, конечно, лучше было молчать, забыть, выкинуть из головы и молчать. Но были у Пьера и другие вопросы, о которых следовало бы побеседовать с его новыми друзьями. Много интересного и нового для себя узнал за последние недели Пьер Кондратов. Многое было еще не совсем ему понятно, а уж хотелось понять все. Может быть, поговорить с Ксаной? Она, видно, хорошо во всем разбирается. И не разболтает. Не такая!..

Но, когда он пришел к Тулубеям, Ксаны дома не оказалось. Его встретила Галина Петровна, только что вернувшаяся с работы. Она была в капоте, мягких туфлях, домашняя, уютная и не такая уж строгая, какой показалась в первые дни Пьери.

— Ксаночки нет, — сообщила ему Галина Петровна. — Но, может быть, со мной посидишь? Заходи. Я же тебя толком и не разглядела. Вот совсем теперь вид другой у тебя, справный вполне. А то какой-то чудной фасон ты имел — не наш, не ваш, а так, не поймешь чей. Ну как, поправляется дед Артем? Кланяйся ему. Садись. Расскажи, как ты там в заграницах-то обретался? Намыкался порядочно, должно быть? Как же это так получилось все?

Пьер молчал.

— Может быть, вспоминать неохота? Ну, я тебя не неволю, бередить не хочу. Что было, то сплыло. И хорошо. Ну как, тебя не обижают наши ребята?

— Нет, — сказал Пьер, — если хотите, пожалуйста... Я могу рассказывать. Я никому не рассказываю. Я не люблю. Это плохо было. Это очень было нехорошо.

Впервые ему захотелось почему-то рассказать именно этой маленькой, строгой, очень внимательно смотрящей на него женщине о себе, о том, что было у него в так нелепо сложившейся и наполовину даже самому ему непонятной жизни. Галина Петровна смотрела на него спокойно, не разглядывала, а просто смотрела. И не было в ее взгляде того

нетерпеливого любопытства, которое уже немного стало надоедать в людях Пьеру. Сначала этот повышенный интерес, вызывавшийся везде им, тешил Пьера, а сейчас такое чрезмерное внимание казалось ему назойливым. У него было как-то очень спокойно на душе оттого, что Галина Петровна смотрит на него внимательно, но совершенно не любопытничая. А главное, не было в ее глазах того жалостливого участия, которое всегда очень раздражало Пьера.

И он все рассказал ей. И как увезли мать в больницу, после чего он уже больше ее никогда не видел. И как отправили его в приют. И как он бежал оттуда первый раз. И как опять забрали его ажаны. И как захотела его пожалеть какая-то одинокая, уже немолодая и чересчур уж ласковая дама — эмигрантка, с усиками наечно приподнятой и противно выгнутой губе. О ней ему и вспоминать почему-то было тошно. И как он опять удрал. И как прыгал на крышу трамвая с виадука. И как снова загнали его в приют, когда поймали, и уже собирались отправить в Америку. И как нашел его Артем Иванович. Про все рассказал Пьер.

Галина Петровна слушала его строго, не, перебивая. Только иногда спрашивала, если попадалось непонятное слово:

— Ажан по-нашему кто будет?.. Ага, полицейский. Так-так. Поняла. А мансарда? Ага, ясно. Вроде мезонина, значит. Ну, давай дальше. А потом она спросила его:

— Ну, а кем же ты быть собираешься, куда работать пойдешь, когда школу кончишь? Дальше планируешь учиться или как?

— О-о! — Пьер оживился. — Я имею одну большую мечту. Я много времени мечтаю. У меня будет свое кафе, там музыка и много, много гарсонов. Это значит лакеи. И я буду всех очень угождать. А потом будет красивая яхта. Буду брать пассажиров. Будем делать вояж, путешествовать.

— Это, конечно, хорошее дело, разлюбезное занятие: угождать да путешествовать, — сказала Галина Петровна. — Но ведь только так проешься быстро да проедишься. Либо на людях наживаться тебе придется. Ты как же хочешь предпринимателем быть, что ли, или в Нарпит пойдешь, буфетчиком на пароход? Я что-то тебя не разумею.

— Нет, паргдон! — возбужденно пояснил Пьер. — Это будет у меня мое. Лично. Это, как сказать, свое дело.

— Так. Свое дело. Ну, а свое призвание, думка какая-нибудь на жизнь у тебя есть? К чему у тебя склонность имеется? Как ты думаешь, что ты в жизни делать должен? Ведь не только угождать да катать товарищей с музыкой. Цель жизни у тебя есть?

— Какая цель жизни? — переспросил Пьер, кашлянув, как будто проглотил что-то, и вдруг громко, заученно, бесцветным голосом отрапортовал: — Цель женщины — рожать солдат, а мужчины — убивать их, воюя.

И тогда она вдруг встала, крепко схватила его маленькой, но цепкой рукой за ухо и стала таскать Пьера из стороны в сторону.

— Где же, где же ты пакости такой набрался, а?

— Лессе муха!.. Оставьте!.. Больно же! Ну пустите! — Пьер обеими руками уперся в локоть Галины Петровны, но та не выпустила его уха.

— Больно? — проговорила она, мотая его голову. — А я и хотела, чтобы больно. Чтобы запомнил. Чтобы, как услышал такую где брехню подлую или сам так подумал, ухо у тебя сразу зачесалось. — Она отпустила Пьера и оттолкнула его. Он стоял весь красный, не зная, что ему делать: бежать, оставаться, наговорить что-нибудь этой маленькой, старой, злой женщине.

— Вот иди и скажи деду, что я тебе уши нарвала за глупые твои слова.

Но Пьер не уходил. Он стоял и кусал губы. И все краснел и краснел.

— А пишете сами везде, что у вас нет физических наказаний..- пробормотал он. — Значит, только так? Прогопа-ганда?..

Он покраснел еще пуще. Казалось, что кровь сейчас брызнет у него. Но брызнули слезы.

— Ты что это? — всполошилась смущенная Галина Петровна. — Больно я тебе сделала? (Пьер замотал головой.) Обиделся?.. Ну ты меня извини. Я ведь к тебе хотела с

лаской, а не с таской. Позасоряли тебе, дурню, мозги. Мальчик ты еще молодой, складненький, а городишь шут знает чего. Ты разве фашист? Ты мне скажи — фашист? Нет ведь! Ты же ведь наш, русский. А теперь наш, советский. Что же ты, как тот попка, поганые чужие слова повторяешь? От плохих людей ты их набрался. Это все люди конченые. Им рано или поздно крышка. У тебя у самого они, вон те, у которых цель жизни — убивать, отца с матерью сгубили. У меня сыночка отняли, да какого!.. Ой, Пьерушка... Дай-ка я тебя уж попросту Петькой звать буду? Ах ты, Петька-петушок, золотой гребешок! Не масляна твоя головушка бедовая, а несмыщенна. Задурили тебе ее. Не слушай ты лис поганых. Унесли они тебя уже раз за темные леса, за высокие горы... Ну и будет! — Она вдруг сильной, уверенной рукой подтянула к себе Пьера. — Что же это у тебя тут пуговка на честном слове мотается? Такой кавалер, а тут неуправка. Дай-ка я ее живенько на место поставлю. — Ловким движением она сняла со стены, где висела бархатная туфелька, иглу с ниткой. — Ну, стой смирненько, а то уколю.

Мигом пришла, откусила нитку.

— Ну вот, теперь полный порядок. — Она поспешила отдернуть руку, пряча ее за спину. — Нет, уж ты только руку мне не лижи. Это у нас не заведено. Дай-ка я тебя лучше так. — И, взяв его за виски, поцеловала в лоб. — Деду кланяйся. Дед твой тоже глупостей понаделал на весь белый свет. Да под старость, видно, за ум взялся. А уж мы его тут не оставим без внимания. Не сомневайся. Скоро вам квартирку хорошую дадим, в новом доме выделим, на Первомайской, где сейчас строится.

Поздно вечером, когда вернулся со строительства Богдан, бабушка, сядясь с ним за ужин, приготовленный Натальей Жозефоновой, вспомнила:

— Ксанка-то наша, замечаешь?.. Как этот Петушок из Парижа-то прилетел, неровно дышит, а? Был он у меня сегодня. Ох, ералаш у него еще в головенке. Я его тут за уши оттаскала.

— Ты что, в уме?

— Я-то в здравом уме и твердой памяти. А вот теперь пусть и он запомнит. А Ксанка-то, Ксанка, а?

Богдан, отодвигая допитый стакан, с добродушным лукавством посмотрел на жену:

— Да уж признавайся, старая... И у тебя, я приметил, душа зашлась, как чемпион чемпионов явился.

— Да ну тебя, Богдан! — возмутилась Галина Петровна. — Оставь! Я же серьезно говорю.

— А я что, шутки шучу? Что внук приемный, что дед пришлый, вижу — вам обеим с Ксанкой покою не дают.

— Вот дурень-то старый, вот чумовой! Честное слово! Видали вы его, граждане? Это ты куда же мыслями подался? У-у, чертушка, хуже, чем молодой был!

Она всей ладонью уперлась ему в лоб и сильно толкнула. Но он удержал ее ладонь обеими руками, прижал к своему лбу, потянул медленно вниз, пока ее рука не пришлась ему к губам, и остановил ее тут, тесно сведя косматые брови, плотно сомкнув веки.

— Сколько годов, а ты все у меня такой же, как был. Ой, Богдане, казачина скаженный, не сточило тебя ничем!..

## Глава XVII Честь и слава

Незабудный хоть и полеживал еще иногда, как советовал ему Левон Ованесович, но уже стал понемногу выходить. Разговор с Пьером очень его взбудоражил. Нельзя было таить дольше то, о чем проболтался мальчишка. Надо было на что-то решаться. Может быть, посоветоваться с Галиной Петровной? Все-таки руководство...

И после долгих раздумий он решился.

Надел лучший костюм, темно-синий, с еле проступающей красной прожилкой,

тщательно выбрился, взял свою знаменитую двадцатикилограммовую трость, которой обстукал чуть ли не весь шар земной, и пошел в исполком.

— Записывались? — спросил секретарь, хмуро покосился на внушительную дубинку, с которой уже имел несчастье познакомиться, но тотчас строго сосредоточил взгляд на кончике собственного носа.

— Это куда же надо записываться? — не понял Артем Иванович.

— Не знаю, как у вас там, за границей, — сказал секретарь, — а у нас такой порядок, что если собираются о чем-либо у руководства исходатайствовать, то заранее на прием записываются.

— Ну, коли такой порядок, то валяй записывай, — добродушно согласился Незабудный.

— На сегодня, извиняюсь, уже записи нет. Я вас, разрешите, на следующую неделю занесу.

— Да уж ты занесешь. Это я вижу... Нелегкая туда не занесет, куда ты.

— Вам лучше знать, куда нелегкая заносит.

— Слушай, ты!.. — Приемная наполнилась гудением баса Артема Ивановича.

Но тут дверь кабинета председательницы распахнулась. Оттуда вывалился толстый человек с расстегнутым брезентовым портфелем. На ходу, недовольно покряхтывая, он засовывал в портфель папку. Тесемки ее болтались. Галстук на толстяке вылез из-под воротничка. Даже ботинки на нем расшнуровались. Видно, баня ему была только что хорошая. Вдогонку вышедшему из глубины кабинета прозвучал голос Галины Петровны, негромкий, но решительный. Толстяк поправил галстук, завязал тесемки на папке. Потом кинулся к телефону на столе секретаря, назвал какой-то номер, навалился на аппарат, захрипел в трубку, прикрывая ее ладонью:

— Свищенков?.. Я это. Кругтенюк... Срочным порядком отставить, что в отношении переноса продмага решили. Мать-хозяйка ни в какую. Да, сам попробуй... А я лично... спасибо тебе! Ни боже мой! У нее уже сигналы были от населения. Отставить, говорю. Дверь из кабинета приоткрылась.

— Ты, Артем? Ко мне?

На Галине Петровне ладно сидел синий шевиотовый костюм. Уголки белоснежной блузки были выпущены поверх жакетки, на которой Незабудный заметил две пестрые полоски орденских планок. Сама она показалась Артему Ивановичу в этот раз строгой и даже как бы ростом побольше, чем выглядела дома. Должно быть, подставленные по уже давно миновавшей моде высокие плечи жакетки придавали фигуре председательницы эту непривычную осанристость.

— Да я только спросить, — начал было Незабудный.

— Не записан на сегодня, предупреждаю, — вмешался секретарь.

Галина Петровна взглянула на часы, висевшие в приемной.

— Так сейчас еще минутки две до приема есть, Илья Гурьевич, — примирительно заметила она. — Надо все-таки уважать, человек приезжий.

— Нечего было уезжать. Вот и не значился бы приезжим. Сорок лет не торопился, а теперь заспешил, без очереди просится.

— Вот что, Илья Гурьевич, — промолвила председательница, — ты что-то лишнее брати на себя стал. Уж как-нибудь я без твоих этих нравоучений обойдусь с посетителями...

— Галина Петровна... Товарищ председатель! — Секретарей так и взъерепенился, даже карандашик с размаху положил на стол. — Я бы при посторонних попросил вас...

— Не знаю, чего бы ты там попросил, а я вот, товарищ Лобейко, требую... Понял? Требую, чтобы ты с людьми был потактичнее. И собой Советскую власть не заменял. Она человека приняла, а ты попрекаешь. И нечего карандашами о стол стучать. Давай уж без стука... Проходи, Артем, присаживайся там. Вот время только зря проваландали. А теперь уж, верно, прием надо начинать. Ты меня извиняй, Артем, но у меня так заведено. Чтобы люди минуты зря не ждали. — Она еще раз поглядела на стенные часы. — Садись покуда

там, Артем. Посиди, погляди нашу работу. Интересного, может быть, мало, а секретов нет...

Артем Иванович сел в уголок клеенчатого дивана, глубоко прогнувшегося под тяжестью его тела.

— Мне, Галя, только посоветоваться... Я ненадолго.

— Как ни ненадолго, а часы счет любят. Придется тебе посидеть. У меня тут еще... —

Галина Петровна посмотрела на какие-то записи, лежавшие перед ней на столе, позвала секретаря. — Гурыч, соедини-ка меня с гор-торгом. — Затрещал телефон на маленьком столике возле ее кресла. Она взяла трубку. — Стахов?.. Товарищ Стахов, вы что это там фантазируете насчет продпалатки? И не думайте. Людям ходить три километра придется. Надо о народе думать. Ничего. Завезете. Транспорт у вас на это выделен... — Она положила трубку и опять позвала секретаря. — Гурыч, будь добр, свяжи-ка меня с электростанцией. Они, кстати, не звонили?.. Нет? Так. Ну-ка, я сама наведаюсь... Это кто?.. Архипчук? Ты что ж не звонишь? Думаешь, я тебя в темноте не разыщу? Напустил в город мраку!.. Как — в какой темноте? Что это у вас с током целый день, радио еле можахом, в кино — муть одна... О ремонте надо было вовремя думать... Врешь. Это ты наш дом на первую линию подключил! А я вот заходила в аптеку, где вторая линия... Не бреши. У Богдана вчера специально вольтметр попросила. И замерила. Еле сто девяносто натягивает. Не даете вольтажа положенного... Ну смотри... — Она положила ладонь на рычажок, сняла. — Девушка, соедините-ка меня с пятым строительным... Ну как, начальники? Дома в ванной скоро мыться будем? Как — к чему вопрос? А я полагаю, что не скоро... Вы что это, граждане добрые, там затылки чешете? Если ждать таких, как вы, так не скоро мы воду увидим. Очень просто. С Гидростроя звонили. Где двадцать машин, которые вы должны были сегодня к полдню дать?.. С резиной плохо? Вы сами что-то тянете, как резина. Смотрите вы... У меня и на сухом месте попариться придется. Это же государственное дело. Надо соображать... Закругляйся! У меня прием... Если через час машин на месте не будет, в райком сообщу, как хотите. Да, да! Кстати, что это вы как со школой возитесь? Застряли на третьем этаже... Слушайте, вы только не божитесь. Я в бога с восемнадцатого года не верю. А вот вода придет — где дети учиться станут? На нас Гидрострой жмет, требует старое здание уже сносить...

Незабудный во все глаза глядел на нее с дивана. Вот так Галя-плитовая, ай да шахтерка! Дает всем жару. И откуда что взялось? Ведь как распоряжается всем — не поспоришь, не ослушаешься. Нет, зря он сюда явился со всеми этими своими темными утайками. Ей и слушать противно будет. Да и время занимать у человека совестно. Вон у нее сколько дел! Но ему уже хотелось сидеть, слушать и смотреть.

— Ну давай, Гурыч, зови-ка там, приглашай, — распорядилась тем временем Галина Петровна.

И начался прием. Один за другим входили люди, присаживались на молча предложенный стул перед большим столом председательницы, выкладывали ей свои нужды, просьбы свои и заботы. Посетителей было много. Незабудному начало казаться, что не везет ему: попал он в такой трудный для председательницы день. А день-то был самый обыкновенный, и прием ничем не отличался от тех, что были накануне и будут на следующей неделе.

Сначала пришла худенькая заведующая детскими яслими и стала жаловаться, что в скверик, куда выходят окна ее яслей, глядит окнами недавно открывшийся клуб строителей. И вот, как только наступила теплая погода, самодеятельный хор строителей весь вечер репетирует под самыми окнами яслей. И дети вечерней смены не могут спать. И пугаются. И пеленок не напасешься. Нельзя ли хор куда-нибудь перенести?

И Галина Петровна уже называла в клуб строителей:

— Дело не в пеленках, а в детях. Вы же не можете вашим хористам распоряжение дать, чтобы они только одни колыбельные песни пели. У вас там два каменщика басовитых есть, так как рявкнут «Реве тай стогне», так у меня тут, на Советской, слышно. В общем, переносите репетиции куда хотите, а детей не пугайте. И имейте в виду, лично проверю.

Потом явился Макар Зелепуха. Он никак не ожидал встретить здесь Незабудного и очень смутился. Сидя у стола председательницы, он все поглядывал на Артема Ивановича, попробовал даже подмигнуть ему, на что тот подбадривающе усмехнулся, двинув усом.

— Ты, Галина Петровна, уж не серчай на меня. Ну был у нас разговор... Старики и сей день все меня им допекают. Все вспоминают, как ты меня тогда осекла. Так я ведь не про то. Ту сараюшку снес я, как было твое указание. А ты мне тесу обещала. Надо же новый ставить. Курей-то держать негде...

Получив направление на лесной склад, он ушел, по дороге хитро двинув клоцкастой бровью в сторону повеселевшего Незабудного.

Тут позвонили еще с какого-то строительного участка и, видно, чем-то обрадовали председательницу, потому что она вдруг повеселела и сказала в трубку:

— Вот это разговор! Вот это как музыку слушать. Спасибо тебе, товарищ Андрюшин, за всех спасибо! Хорошо. Завтра же назначим комиссию на приемку. Порадуете людей. Сразу же, если все в порядке, заселять будем.

Она не успела положить трубку, как кто-то, видно, уже подсоединился. Потому что Галина Петровна закричала: — Что, что? Из радио... Так я же вам послала свой текст. Нет, насчет нового городского парка это извиняйте. Не стану. Рано еще говорить про то. Я пустыми бочками греметь не привыкла. Да. Уж как хотите.

Пришла потом маленькая веселая старушка и подробно рассказывала о том, как Галина Петровна помогла ей жильем, и как ей теперь хорошо живется на новом месте, и какие тут аккуратные соседи, не то, что те, вредные и нахальные, с которыми она жила прежде на Поселковой.

— Так чего ж тебе еще требуется, бабушка?

— Поблагодарить тебя требуется. Только всего! Ты не думай, я в черед к тебе на прием записанная. Я с той недели еще записанная. Пришла-таки просто сказать, что спасибо тебе. Я за тебя как на выборах голос отдавала, то и хочу сказать: не зря. Нет, не зря, Галина Петровна. И вот мой весь тебе разговор. Потом явился сухонький пожилой гражданин в тюбетейке, с острой седоватой бородкой на румяном и подвижном лице. Загремел листами толстой, свернутой в трубки бумаги. Он прижимал эти трубки к себе, разворачивал их, как гармонь, и то наступал на председательницу, то отбегал назад, показывая то, что было начертано на этих листах. И Галина Петровна, встав со своего места, принимала иногда у него листы, отходила с ними к окну, чтобы посмотреть лучше, на свету.

— Ну спасибо вам, Илларион Петрович, — приговаривала она. — Поставим в среду же на президиуме. Да, я думаю, всем понравится. И, ей-богу, прямо не верится. Неужели у нас в Сухоярке такая красота будет?.. Артем, подойди-ка сюда, полюбуйся. Погляди только, какой через год-другой наша Сухоярка станет. Видишь проекты? Вы познакомьтесь, кстати. Это скульптор наш. Илларион Петрович Скородумцев. Это он Гринин памятник лепил, что перед школой стоит.

— Товарищ Незабудный, если не ошибаюсь? — оживился скульптор. — Очень приятно. Вы, слышал, самого Григория Богдановича в далеких краях встречали?

— Было дело.

— Ну как считаете? Как на ваш глаз? Справился? Ухватил я в основном? Мне ведь хотелось передать вот этот характер поразительный.

— В точности, — глухо проговорил Незабудный. — В аккурат, как живой. Я как подошел, глянул, так меня ровно молнией прожгло. Вылитый!

Скульптор со всех сторон восхищенно оглядывал исполинскую фигуру борца и наконец не удержался:

— Эх, товарищ Незабудный... Артем Иванович, если не ошибаюсь? Вот если бы вы согласились... Мне большая фигура заказана для будущей набережной, где у нас водохранилище будет. Вот здесь намечено!.. — Он развернул один из листов, показал пальцем. — Эх, если бы вы разрешили с вас! О лучшей натуре и мечтать нечего. Из бронзы отолью. На века, так сказать.

— Нет, — Незабудный качнул своей могучей шеей, — спасибо вам. Повременим покамест с бронзой, я покуда из своего собственного материала еще покрасуюсь. Вот помру, тогда уж и отливайте из бронзы. Если, конечно, потребуется...

Долго длился прием у председательницы. Часа два, не меньше. Под конец пришла когда-то, верно, красивая, очень прямо державшаяся дама с мертвенным, увядшим лицом под полями старомодной шляпки с цветочками, и цветы тоже выглядели завявшими. Она заявила протест против переноса на новое место части кладбища. У дамы там был похоронен муж — инженер, всю жизнь проработавший на шахте в Сухоярке. Дама прижимала платок к виску и говорила с тихой, но назойливой обидой о том, что надо уважать память людей... И надо уважать чувства близких.

— Я и чувства уважаю, гражданка, — тихо сказала ей Галина Петровна, — и людей привыкла уважать, и еще до того, как они покойниками стали. Ясно? Знала я вашего супруга Евгения Дементьевича... Очень был хороший инженер. И мы, шахтеры, всегда его уважали и ценили. И, поверьте, не тревожили бы мы его праха. Но ведь ему-то все равно сейчас, где покойиться. А нам надо живых людей расселять, новое жилье возводить. Жилье! Понимаете вы это? Место, где людям жить! Ведь вода идет. Сколько кварталов на снос!.. А что ж худого, если мы перенесем могилку Евгения Дементьевича на новое кладбище?

— Вам этого не понять, — сухо сказала дама. — Вам все эти понятия чужды. Что делать!.. А ведь я и квартиру сменила, чтобы быть поближе там... Чтобы каждый день могла ходить... Где вам это понять!

Галина Петровна встала, перегнулась через стол и внимательно вглядилась в лицо посетительницы.

— И это кому же вы все говорите? — почти шепотом произнесла она. — Вам на автобусе не больше десяти минут ехать туда, на новое место. Пешком если, то и тогда полчаса не потребуется. А до могилы, где у меня сын... до той могилы, мне самой дорогой... тысячи километров. А десять лет с лишком я и не знала даже, где она. Вот спасибо, человек нашел... Только на другом краю света. А вы мне такое говорите! Нет уж, видно, не понять вам! Посетительница тоже встала.

Они стояли и смотрели друг на друга, чужие и непохожие.

— Простите, — сказала дама.

— Да что тут... — Галина Петровна устало опустилась в кресло.

Как после всего этого было начинать разговор о каких-то сомнительных тайнах и припрятанных кладах? Но Галина Петровна, отпустив последнего посетителя, попросила секретаря, чтобы распорядился дать чайку на двоих, и пересела сама на диван, с которого собирался уже было подняться Артем. Маленькой сильной рукой она удержала его за плечо, согнала потом ладонью пелену усталости со своего лица, словно паутину сняла.

— Ну, Артем, задержала я тебя, прости ты меня...

— Царица ты Савская и Соломон мудрый в одном лице... — пробормотал Артем, отворачиваясь. — Честное тебе даю слово. Ну никогда не думал, не гадал, Гая... И во сне не снилось, что ты такая станешь! Ведь какое же, погляжу, у тебя хозяйство!..

— Да ладно тебе, Артем... Выкладывай, что там у тебя.

— Нет, я лучше, Гая, когда в другой раз...

— Как знаешь, Артем. Крутишь ты что-то. Чего-то таишь.

— Ну, Гая, — Артем Иванович решился, — как знаешь, а я правду скажу.

Нет, не все сказал он. Утаил-таки самое трудное, что и трогать-то было больно и совестно... Всего сказать, конечно, не решился, но передал кратко разговор, о котором сообщил ему Пьер.

Галина Петровна, выслушав его, задумалась.

— Знаешь, — сказала она потом твердо, — я тебе, может быть, тут плохая советчица. Это дело твоей личной совести. Только чую я, что ты чего-то темнишь. Не все договариваешь.

— Да нет же, Гая...

— Ты не спорь. Это твое дело. Я не допытываюсь. А все-таки на твоем месте я бы кой-куда сообщила. Тут дело что-то не совсем чисто. Кстати говоря, у нас тут долго слушки ходили, будто где-то в этих местах фашисты большие ценности позарывали. Ну мы тут одно время и поиски делали. Но пока ничего не обнаружили. Вот, правда, на Гидрострое, так там один раз, когда поселок Степной сносили, экскаватор банку консервную из-под земли выщапал. Там верно были кое-какие вещички. Кольца, ожерелье одно. Сдали государству. Говорят, на довольно приличную сумму. Нахапали где-то, видно, каты-фашисты, да не успели с собой унести. А больше пока ничего не слышно. Во всяком случае, не мешало бы сообщить куда следует. Скоро тут полрайона водой зальет. Чего же добру пропадать на дне? Сгодится в хозяйстве. Затраты у нас очень огромные. Я, Артем, конечно, могла бы сама о нашем с тобой разговоре сообщение сделать, но, по-моему, умнее будет, если ты лично туда зайдешь. Мало ли какие вопросы могут быть. Верно? В общем, ты иди, а я позвоню, чтобы тебя сразу приняли.

И отправился Артем на Красношахтерскую улицу, в дом № 8, где у входа стоял часовой.

Артема Ивановича приняли в небольшой, очень чистой комнате.

Через опущенные донизу легкие шторы на окнах свет лился на сверкавший, как будто только лишь сейчас вымытый пол. Худощавый, медлительный и даже как бы несколько сонный, но вдруг становившийся неожиданно быстроглазым человек в штатском встал навстречу Артему Ивановичу. Пригласил сесть. Сел сам. Со вниманием, но словно бы без особого интереса выслушал. Побла-годарил.

Затем Незабудного пригласили пройти еще в один кабинет, побольше, тоже очень чистый и несколько пустынnyй.

Все тут было голо и строго. Ковровая дорожка вела по натертому до блеска паркету к большому столу, без единой бумажки на нем. Человек в штатском познакомил Артема Ивановича с высоким, уже немолодым военным. Здесь Артем Иванович снова повторил свое сообщение. И опять его вежливо поблагодарили. Сказали спокойно, что поступил он совершенно правильно.

Порекомендовали все дело сохранить в строжайшем секрете, чтобы не было лишних разговоров. На листке, вынутом из ящика стола, записали тот адрес, который назвали в Париже Пьеру его незваные гости. И листок снова спрятали в стол. Обещали списаться с центром, с Москвой, поскольку дело получалось уже международное и могло иметь самые неожиданные оттенки. Просили не тревожиться. Сказали, что примут меры. И не советовали пока что говорить Пьеру о визите на Красношахтерскую.

Теперь, по существу, Незабудный сам отдался во власть судьбы, грозящей раскрыть для всех ту постыдную, нелепую историю, опровергнуть которую он уже вряд ли бы смог, если бы она обнаружилась. Трудно было бы вскрыть погребенную этим происшествием истину. Однако на душе у Артема Ивановича стало как-то спокойнее. Во всяком случае, поступил он честно. Все пришло в какой-то порядок. Теперь, хотя бы до поры до времени, он мог смело смотреть в глаза людям. А там — как уж получится. Если не соврали тогда Пьеру те двое, если и правда вместе с тайником раскроется и его тайна, грозящая ему позором, хотя и невинным, он попробует доказать, что не так уж грешен, как может показаться... А коли не удастся опровергнуть, что же, пусть это ему будет за все прошлое. По дороге домой он присел отдохнуть на скамейке под старой раинкой. Надо было еще зайти на почту, чтобы получить пенсию, которую ему окончательно и щедро установила теперь Москва «за особые заслуги перед отечественным спортом». Подошла незнакомая совсем молоденькая девушка. По крайней мере, такой издали показалась она Артему. Когда приблизилась, Незабудный увидел, что не такая уж она девочка.

Только фигурка у нее была совсем как у школьницы, — легкая, с тонкой талией и маленькой головкой, оплетенной двумя толстыми косами. Она держалась свободно и совсем по-юному.

— Простите, вы из местных? — обратилась она к Артему Ивановичу, настороженно

поглядывая на его костюм, покрой которого изобличал человека, приехавшего издалека.

— Из местных, — с удовольствием ответил Артем Иванович. Он еще испытывал каждый раз удовольствие, что наконец может считать себя местным. Много лет он нигде не был «местным».

— Вы не можете сказать, где здесь школа имени Ту-лубея? — спросила она.

Незабудный стал медленно вставать, приподняв вежливо шляпу. И, когда выпрямился, молоденькая незнакомка даже слегка попятилась и приоткрыла рот.

— Ух, какой вы! — вырвалось у нее.

— Пожалуйста, барышня... — пробасил Незабудный. — Я вас доведу. Мне в ту сторону.

Девушка с удивлением вскинула на него глаза при слове «барышня». По пути в школу они разговорились, познакомились. — И девушка, почувствовав сразу какое-то особое доверие к спутнику, поразившему ее одинаково как ростом, так и фамилией, рассказала, что она назначена старшей пионервожатой в школу имени Тулубея и зовут ее Ирина Николаевна, а фамилия у нее Стрекотова.

— Вот, ребятки, знакомьтесь. Любите и жалуйте, — объявила на другой день, появляясь в классе, Елизавета Порfirьевна, вводя за собой Ирину Николаевну. Это наша новая учительница. Она будет преподавать в младших классах, а по совместительству станет вашей старшей пионервожатой. Вот у нас до сих пор не было такой, а теперь будет. И уж вы, пожалуйста, помогите ей быстренько войти в курс всех наших школьных и пионерских дел.

Ребята, сидящие на задних партах, даже привстали, чтобы рассмотреть новую учительницу, которая к тому же, как оказалось, должна была стать теперь их пионерской руководительницей.

— Какая молоденькая! — перешептывались девочки. — И хорошенская!

— Больно уж сама как девчонка! — не одобрили мальчики.

А она, чуть поворачивая голову влево и вправо, медленно озирала класс, ряд за рядом, парту за партой, словно запоминая всех, кто сидел тут.

— Значит, вон вы какие, пионеры шестого «А», — негромко произнесла она.

Ремка поднял руку и, не дожидаясь вызова, вскочил с места.

— Наш отряд самый лучший, — заговорил он особым звонким голосом, словно заранее припасенным для такого случая, — и по успеваемости, и по сбору металломана и утиля, а также по всем показателям. И по дисциплине. Мы на хорошем счету. Наша школа знатная вообще и на хорошем счету. — Он смотрел прямо в лицо учительнице, а под партой тихонько лягал Пьера и украдкой подмигивал ребятам. И все видели эту игру, всем было смешно, что Ремка говорит сейчас так, как обычно говорит в подобных случаях Глеб Сильич, даже тем же изюмным голосом. Глеб Сильич всегда говорил гостям из района, что школа неизменно числится на хорошем счету. И к этому все привыкли. Как будто полагалось говорить так. Класс слушал снисходительно, пряча за невозмутимостью насмешку. Но Сене, глядевшему в доверчивое внимательное лицо Ирины Николаевны, стало вдруг очень совестно. Он осторожно перевел взгляд на Ксану и увидел, что ей тоже не по себе от болтовни Ремки. А тот бойко продолжал:

— У нас все наши пионеры...

Но Ирина Николаевна, вдруг выставив перед собой ладонь, остановила его.

— Хорошо, хорошо... Я ведь от тебя отчета не требовала. Условимся так, что отчитываться о нашей пионерской работе будем уже вместе. Ладно? А сейчас давайте лучше познакомимся с вами как следует.

И, раскрыв журнал, она стала вызывать ребят одного за другим. И каждый вставал, когда она называла его фамилию, и говорил «я» или «здесь». И в каждого она вглядывалась с веселым и немного вызывающим как будто, но дружеским интересом. Словно приглашала. «Ну, мол, давай, давай! Погляжу я, какой такой ты, Арзумян Сурен? И что ты за человек, Грачик Арсений?»

Когда дошла очередь до Милы Колоброда, она вскинула голову от журнала, спросила:

— Это не того ли известного Колоброды, что рекорд проходки поставил?

И Милка, страшно покраснев, буркнула:

— Того!

— Интересно! — И чувствовалось, что новой пионервожатой и правда интересно. Она только сдерживается с трудом, чтобы не расспросить Милку о знаменитом отце. Потом Ирина Николаевна вызвала еще по алфавиту несколько ребят. И вдруг остановилась, взгляделась в журнал, склонившись над ним, и тихо, как бы с затаенным вопросом, прочла:

— Тулубей? Тулубей Ксения... Ксана встала:

— Это я.

Ирина Николаевна долго, что-то думая про себя, смотрела на Ксану и вдруг сама заметно порозовела.

— Герой Советского Союза Григорий Тулубей — это...

— ...отец, отец! — зашептали все, привставая с парт. — Это отец ее.

— Он мой пapa был! — звонким, стеклянным голоском своим ответила Ксана и потупилась.

Новая пионервожатая встала из-за стола, подошла к парте, где все еще стояла Ксана, перебирая руками край передника.

— Да, — сказала Ирина Николаевна, — похожа. Садись.

Она вернулась к столу, оглядела класс и внезапно стала очень строгой, даже суровой, как показалось Ксане.

— Вот видите, — сказала Ирина Николаевна, — мне выпала честь теперь работать вожатой у пионеров школы, которая носит имя замечательного человека... Удивительной храбрости человека! Ему славу поют и честь воздают не только на нашей земле, не только под нашим небом, которое он так бесстрашно защищал. Но и там, далеко, под голубым небом Италии... И в классе у вас учится дочка этого человека.

Все в классе обернулись на Ксану и посмотрели на нее так, как будто никогда раньше не видали.

— Вон там, за окном, стоит ему памятник. (И все повернулись к окну.) Но вот, ребята, посмотрела я и на памятник, и в кое-какие дела школьные успела заглянуть, и показалось мне... Может быть, я, конечно, ребята, ошибаюсь... Но показалось мне, что имя Героя у вас само по себе, а дела ваши, и школьные и пионерские, где-то сами по себе. Портрет в коридоре, портрет такого героя не застеклен. В пазах рамки пыль. С бюста перед входом, я посмотрела, бронзировка сходит, край постамента с угла обвалился. Говорят, переписывались вы сначала с болгарскими ребятами, потом с итальянскими школьниками из Генуи начали. И заглохло у вас это дело. По успеваемости тоже... Мне казалось бы, что школа имени такого человека, каким был Григорий Тулубей... по успеваемости такая школа должна бы выше находиться. А как по-вашему?

Класс молчал подозрительно, не зная, к чему в конце концов склонится разговор. Все выжидательно посматривали на новую вожатую.

— Слышала я, — продолжала она, — что и на строительство канала, который принесет сюда столетиями ожидаемую воду, вы тоже еще ни разу не ездили. Кто-то в классе поднял руку и сказал с места:

— Мы были.

— Ну-ка, поднимите руки, кто был? — В классе подняли руки еще два-три человека. — Ну вот как мало! Только случайно попадали. Кто был, а кто и не был. — Ирина Николаевна медленно обвела взором класс. — А вот на письмо итальянских партизан, которые ухаживают в Генуе за могилой нашего Героя, как я выяснила, ответ до сих пор не послан. И сами посудите, ребята... Оправдываете вы сегодня ту высокую честь, которая так счастливо выпала на вашу долю? Ведь это великкая честь, я считаю, учиться в школе, из стен которой вышел такой герой. Небось школьники других городов и итальянские ребята, многих сверстников которых спас, заплатив жизнью своей, Григорий Богданович; они все вам завидуют. Они-то, должно быть, думают: вот уж, наверное, школа так школа, если в ней

вырос Григорий Тулубей, знаменитый Богритули... Вот уж, конечно, в этой школе, раз она сохраняет имя Героя, дело идет! А разве так идет, как они представляют, если сказать по совести? Разве так?.. — Ирина Николаевна помолчала, будто ожидала ответа. — А я считаю, ребята, есть замечательный один девиз! Я случайно в Ленинграде его откопала, именно откопала. Приехала на каникулы в Ленинград. Зимой была. Пришла на старое Александро-Невское кладбище, где Суворов похоронен, где композиторы, где Чайковский, Римский-Корсаков... И вот на одной старой могиле петровских времен увидела я на чугунном гербе надпись: «Не слыть, а быть». И только после узнала я, совсем уже недавно, из газет, что у Григория Тулубея в записной книжке тоже было это записано: «Не слыть, а быть». Вы только вслушайтесь, как это хорошо, и строго, и верно сказано. Какое правило для жизни дано! «Не слыть, а быть». То есть не просто славиться, не только считаться, а на самом деле быть таким, каким тебя считают. Соответствовать славе своей. Правда, хорошо ведь, ребята? «Не слыть, а быть».

Она не видела, как вспыхнула, а потом побелела Кса-на Тулубей. А в классе от одной стены до другой, от передней парты до задней прошелестело: «Не слыть, а быть». Все повторяли про себя это кто вслух, кто шепотом.

— И мне будет стыдно, если мы уроним высокую честь зваться тулубеевцами. Ведь вы же тулубеевцы! Это помнить надо. Нужно не только слыть, но и быть тулубеевцами. Вот ваша подружка Ксения Тулубей, она, верно, чувствует, к чему обязывает ее фамилия. А всех вас, пионеров школы, которая носит это же имя, разве оно не обязывает? И я вам говорю с самого начала прямо: если положение в школе мы с вами не исправим, я же первая поставлю вопрос о том, чтобы имя Тулубея передали какой-нибудь другой, более его достойной школе.

Ксана сидела вся белая, ни кровинки в лице, только виднелись еле заметные мраморные прожилки да облетел словно какой-то дымок вокруг лба и залег у глаз. Мила заметила состояние подруги, покосилась и быстро сказала:

— Ой, лучше не надо!..

— Да, лучше не надо, — согласилась новая вожатая. Она встретила смятенный взгляд Ксаны, услышала, как тревожно загудел класс, и повторила: — Лучше, конечно, не надо. И я уверена, что мы никому это знамя не отдадим. Правда ведь?

Директор Глеб Сильич спросил у новой вожатой:

— Ну как, справляетесь? Вы там возьмите себе на заметочку этого Кондратова. Знаете, чтобы не выделялся. Чтобы не оказывалось все-таки чуждого, нежелательного влияния. Как-никак это ученик с отягченной биографией. И важно, чтобы в классе превалировало иное начало. Вы меня понимаете? Кстати, что это вы им там насчет школы излагали? Я подходил к дверям класса, и до меня случайно долетело... Нет, я не в порядке замечания, не думайте. Но просто так, дружески, как старший товарищ. Не рекомендую. Тем более, что налицоствует в коллективе мальчик из эмигрантских кругов. Следует учитывать. Любое опрометчивое ваше суждение может легко стать достоянием нежелательных элементов и быть дурно истолковано. Во вред реноме нашей школы. А она числится среди передовых по району. А так как класс чрезвычайно дружный, контингент в целом однородный. Я думаю, справитесь.

Он, должно быть, искренне хотел подбодрить молодую учительницу, но она почему-то после этого разговора ужасно заскучала.

— Ну что это вы? — успокаивала ее Елизавета Порфирьевна. — Он человек неплохой, наш директор, и администратор очень дальний.

— Господи! — ужасалась Ирина Николаевна. — Он такой чистый, вымытый, холодный. Мне кажется, когда он берет свой портфель, что и у того по коже пупырышки идут...

— Ну, это вы преувеличиваете, душенька. Он, правда, только чересчур уж цифрам доверяется. Недаром у него любимое выражение — это: «Числимся на хорошем счету». За суммой иногда слагаемых не видит. А все дети разные. Не верьте никогда тем педагогам,

которые самонадеянно заявляют вам, что они знают свой класс как собственные пять пальцев. Кстати, и пальцы-то на руке неодинаковы. Разве похож, скажем, большой палец на мизинец?

Ирина Николаевна послушно взглянула на свою маленькую, по-детски еще пухлую руку и весело закивала головой.

А у хорошего пианиста, — продолжала старая учительница, — все пальцы подчинены музыкальному строю. Так и ребята. Они, в общем, все разные. Это числа именованные, если уж пользоваться арифметикой. Их нельзя складывать, как дрова в поленницу. Сорок учеников у вас в классе? Так помните: это сорок различных человеческих характеров! И не складываются они так просто в класс. Ведь нельзя же прибавлять метры к литрам, яблоки к мячам, складывать дома и корабли. Но их надо объединять тем главным, общим, что есть уже хорошего во всяком или должно быть в каждом. И чтобы возникла эта высокая, добрая общность, которая не расплющивает личный характер, а обогащает личность, — вот в этом я и вижу нашу с вами задачу... И тут важно не числиться на хорошем счету, а в самом деле добиться своего. Да, — произнесла она задумчиво, — именно, «не слыть, а быть». Это вы очень хорошо им сказали.

...Как только кончились занятия, Ирина Николаевна отправилась прямехонько в исполком и потребовала разговора с председателем. Секретарь — тот самый, который ушиб ногу тростью Незабудного в первый день приезда чемпиона, сообщил, что председательница только что отбыла на строительство, и предложил пройти к заведующему отделом народного образования. Ирина Николаевна, постучавшись, вошла в небольшой кабинет. Там, кроме молодого человека в очках и лыжной куртке, приподнявшегося за столом, стояла маленькая пожилая женщина. На ней был брезентовый плащ, сапоги, залепленные грязью. В руке она держала военную походную сумку с планшеткой, очевидно заменявшую ей портфель.

— Как же можно так, товарищ! — заговорила Ирина Николаевна, обращаясь к человеку в лыжной куртке, которому она представилась еще накануне, как только приехала. — Я вот пробыла вчера и сегодня в школе нашей. Школа воспитала такого человека, прославилась его именем! И вдруг перестала беречь свои традиции. Как же можно формально носить такое имя, известное всему народу! И теперь не только нашему народу!

— Постойте, постойте-ка, товарищ Стрекотова, — остановил ее человек за столом. — Вы мне потом все это объясните. Я с удовольствием вас выслушаю. А сейчас у нас тут один разговор деловой... Познакомьтесь, кстати. Это председатель исполкома нашего Совета...

— И очень хорошо, что председатель! — перебила его Ирина Николаевна. Очень хорошо, я как раз с вами, товарищ, собираюсь побеседовать на ту же тему. Я уже сегодня говорила с директором нашей школы и еще кое с кем. Оправдываются, видите ли, что все равно надо скоро переезжать в новое помещение, потому что старое попадает в район затопления. Но как можно в таком деле что-то переносить на завтра. Знаю, знаю! — заторопилась она, увидев, что председательница хочет что-то сказать ей. — Знаю! Мне встречались уже подобные деятели. Они все на завтра ссылаются, а сегодняшних дел не хотят видеть. Думают, верно, как бы стороной в грядущий день попасть, без хлопот в будущее перекочевать. А будущее не придет само — это еще Маяковский так говорил! Как хотите, но я предупреждаю и вас, и вас, товарищ председатель. Раз меня сюда назначили, чтобы вести пионерскую работу, я это дело не могу оставить. Пускай тогда лучше уж им снимают со школы...

Она выговарила все это залпом, торопясь, сбиваясь, боясь, что ее не дослушают и перебьют. Но, к ее удивлению, маленькая седая председательница, со странным неподвижным взглядом слушавшая новую учительницу-вожатую, вдруг встала с кресла, обняла и крепко поцеловала ее, бормоча сквозь хлынувшие слезы, которые она досадливо вытирала тыльной стороной кисти со своего лица и с замоченной щеки пионервожатой.

— Спасибо вам, товарищ. Голубка вы моя, деточка! Я все ждала, когда живая душа в ком-нибудь заговорит.

— А вы сами что?..

— Товарищ милый! Неловко ведь мне самой-то... Ведь Григория Тулубея не одна только школа воспитала... И я к тому делу причастна.

— Тем более, вы обязаны! — не унималась Ирина Николаевна. Она не видела знаков, которые делались ей из-за стола, и еще не сообразила, с кем говорит.

— Я-то свои обязанности уже выполнила, — проговорила с горечью Галина Петровна. — Я его Родине отдала. А уж теперь, вы меня простите, пусть его честь и славу другие берегут, а матери самой как-то и неудобно о том напоминать...

И только тут Ирина Николаевна поняла, с кем она имеет дело, и, заливвшись краской, медленно встала перед тяжко опустившейся в кресло седой миниатюрной женщиной.

Дома Ксана, зная о том, что их новая вожатая была в исполнении, осторожно принялась выпытывать у бабушки, о чем шел разговор.

— О том, чтобы отца твоего не забывали! О том, чтобы имя его все дела у вас в школе освещало. Чтобы не слышили вы, а были тулубеевцами. И с тебя, запомни, спрос будет с первой. Ты его дочка! От тебя тоже зависит, чтобы фамилия Тулубей как надо и в табеле и в классе звучала, и честно с фасада школьного смотрела.

...Через день в школе проходил пионерский сбор, посвященный борьбе за честь школы и право всегда носить имя Тулубея.

Сеня не пришел на этот сбор. Все пионеры были. И даже Пьеру, хоть он не был еще принят в пионеры, позволили присутствовать. Сбор был открытым. Все были, только Сени Грачика не было. Этого, как решила для себя Ксана, она уже никогда не сможет ему простить.

## Глава XVIII

### Кубок пошел в дело

Но Сеня не пришел на сбор, конечно, не потому, что хотел чем-то досадить Ксане или показать ей, как мало считается он с именем ее отца и с честью школы. У него были дела невеселые. Перед тем как идти на сбор, он зашел домой и застал Милицу Геннадиевну в весьма взвинченном состоянии. Она ожесточенно терла тарелки, гремела ими на столе, а сама так и поглядывала через приоткрытую дверь в комнату Грачиков. Там стоял у открытого сундука Тарас Андреевич. Он рылся внутри сундука, выхватывал что-то, выпрямляясь, бросая обратно и снова склонялся над развороченным небогатым семейным имуществом. Услышав шаги сына, он разогнулся и посмотрел на него.

— Беда! — глухо, но с жесткой ясностью проговорил Тарас Андреевич. — Беда у меня, Сеня! — Он захлопнул сундук. — Недостача в моей бригаде обнаружилась на пять тысяч рублей. И как это вышло — не пойму. Подвели дружки хорошие. Гуляли вместе, а отвечать мне. Теперь либо вносить срочно, либо под суд идти. А уж в этот раз не помилуют.

Ни слова не говоря, бросился Сеня в свой уголок, где стояла копилка в виде домишко-ящичка. Там у него были скоплены деньги уже почти на полный велосипед, как он всем говорил. Давно откладывал он туда эти деньги, но тут и думать ни о чем не стал. Ударил об угол стола — выпало дно у копилки. Молча выгреб деньги на стол перед отцом. Но этого было, конечно, мало.

Милица Геннадиевна многозначительно пообещала помочь, если что, из личных средств и при этом как-то не к месту и не ко времени благосклонно поглядела на Тараса Андреевича. Но показалось что-то в этой излишней готовности оскорбительным Сене. Уже давно он относился с недобрым подозрением к чрезмерному вниманию, которым окружала отца Милица. И чересчур большую власть норовила она проявить над Сеней, будто бы выполняя наставления Тараса Андреевича. Видно, чувствовал это и отец.

— Спасибо вам, Милица Геннадиевна, — проговорил он, — но как-нибудь думаю вывернуться. Только уж извините — за квартиру я вам не сейчас, а через месяц отдаю.

— Да что вы, что вы! — замахала на него выгнутыми ладонями Милица, вся гремя браслетами и висюльками. — Какой может быть у соседей разговор!

— Разговор-то обыкновенный, — сказал Тарас Андреевич, — прошу обождать немного. У меня с получки кое-что осталось, товарищи мне часть собрали. Но все-таки вот не хватает тысячи три.

Сеня вышел на улицу в тяжелом смятении. С кем было посоветоваться, куда пойти, как выручить отца? Как помочь ему уйти от позора и суда? Может быть, дедя Артем чем-нибудь поможет? Сене очень нужно было сейчас ощутить поддержку его самой сильной в мире руки. Он помчался к Незабудному.

Сеня, конечно, не рассчитывал, что Артем Иванович сможет чем-то помочь. Но так хотелось ощутить около себя человека многоопытного, сильного, привыкшего встречать превратности судьбы с открытым лицом.

Артем Иванович выслушал Сеню и сам пригорюнился. «Эх, — подумал он, — вот бы вправду выкопать что-нибудь, что в земле зарыто, если только не вранье это. Пригодилось бы сейчас. А то ведь пропадет человек. И мальчишку жаль». Они сидели друг перед другом молча — старик и мальчик. Оба были подавлены ощущением слепого бессилия.

«А что, — соображал старый атлет, — если, скажем, афиши расклейте, собрать людей на площади по билетам? Я бы сработал им на старости лет «Могилу гладиатора». Если верно дело обставить, чтобы брезент жесткий был, не сошлепывался, а воздух там оставался, я бы и сейчас справился. В прежнее время-то мне это ничего не стоило. Да нет, не позволят, пожалуй. Скажут, номер очень уж безобразный, человеку противоестественно. Нет, не позволят». Как же быть? Что придумать?

И вдруг Артем, посмотрев на стол, ударил себя кулаком по колену:

— Стой! Не горюй, Сеня! Найдем средства. Последний срок у отца когда? Неделька есть? Спроси, когда надо отцу.

— Он сказал: дней пять — это крайнее.

— Ладно. Иди. Иди домой и скажи — Артем Иванович обещал помочь. И не журись. То не беды! Ну, давай лапешку. — И он с размаху протянул Сене огромную, широкую ладонь свою — словно чашу поднес. — Жми крепче... Вот так!

И Сеня почувствовал бережное пожатие поглотившей его кисть колоссальной руки Незабудного и постарался сам изо всех, сколько у него было, сил стиснуть ее.

На другое же утро, пользуясь тем, что Пьер вместе со своими одноклассниками отправился на экскурсию в район строительства, Артем Иванович сказал соседям по общежитию, что ему надо отлучиться по какому-то делу в районный центр. Захватив свою дубинку и чемоданчик, с которым он обычно и на базар ходил, и в учреждения, Незабудный отправился на автобусную станцию.

Приехав в районный центр, он разыскал комиссионный магазин. Там вяло поблескивали на полках помятые самовары, висели под потолком спецовки, ватники, узбекские халаты. На прилавке стояли чучело совы и гипсовый Наполеон с закрашенными тушью щербинами на треуголке. Над прилавком торчала вешалка с лисьей горжеткой и пустой клеткой для попугая.

В маленьком магазине было тесно. И Артем Иванович осторожно, боком, чтобы не задеть старую детскую коляску с kleenчатым верхом, украшенным голубыми помпонами, и китайскую вазу на тумбе, стоявшую посередине помещения, пробрался к конторке с надписью: «Прием вещей на комиссию». Он раскрыл свой чемоданчик и, вытащив из него что-то, завернутое в матерчатый чехол, поставил перед собой на прилавок. Потом осторожно развернул материю.

Сверкнули серебряные мышцы атлета, поддерживающего оливиновую вазу. Поплыло мягкое зеленоватое сияние в воздухе.

Пожилой оценщик — надо думать, человек понимающий — даже рот приоткрыл слегка и чуть очки с носа не обронил, увидев перед собой вещь такой удивительной красоты.

— Где же я такую как бы уже видел? — спросил он, бережно поворачивая вазу с разных сторон, заглядывая под дно, осторожно поглаживая камень и металл.

У Артема мигом словно заледенели ноги.

— Определенно где-то видел. Возможно, в журнале. Простите, откуда она у вас, эта вещь? Артем назвал себя.

— То-то я смотрю, внешность у вас выдающаяся, я бы сказал. — Старый оценщик низко поклонился Артему. — Чрезвычайно приятно лично увидеть. Еще бы, еще бы, как же!

Незабудный! Таких у нас вторых и не было, разве что Шемякин только да Поддубный... Что же это вы расстаетесь с такой красотой?

— Обстоятельства, — кратко ответил Артем.

— А ведь у вас, верно, гарнитур был? Обычно эти вазы парные, образца каминных. Второй не имеете? Жаль, что разрозненная вещь. Можно было бы куда выгоднее для вас оценить. Если бы пара, из Дворца шахтера могли бы заинтересоваться. Там спортзал обставляют.

Артем отмолчался.

— Даже прямо сомневаюсь, имею ли я право такую ценность принимать? Но вы оставьте. Я вам сейчас выпишу квитанцию. В крайнем случае запрошу скupочный пункт в области. Да, работа дивная! Редкой красоты вещь. Но больше двух с половиной тысяч поставить не могу. Да и вряд ли быстро пройдет. Предмет уникальный, но на любителя. Сами понимаете.

Новая пионервожатая добилась-таки разрешения устроить экскурсию школьников на строительство канала. Ирина Николаевна проявила такую энергию и безжалостную настойчивость, стучась во все двери и обрывая телефоны по району, что как ни заняты были люди, а пришлось им уступить. Решили показать школьникам строительство, где шли в то время самые горячие дни.

Отправились туда на двух автобусах, которые выделил исполнком.

И вот все, что виделось до этого дня лишь в отдалении, да и то, если забраться только на самую вершину террикона, теперь обступило вплотную ребят со всех сторон. Сколько хватало глаз — везде шла работа! Огромная это была работа — от горизонта до горизонта. Вблизи все было таким громадным и нескончаемым, что ребятам стало казаться, будто они попали в какую-то особенную, разрытую, перекореженную, искромсанную могучими силами полосу, которая опоясывает весь земной шар. Будто сама кора земная вспорота здесь и разверзается, чтобы пролечь руслом грядущей воды...

Трасса канала, уходившая и впрямь, как казалось, на самый край земли; откосы котлованов; уже почти готовые камеры шлюзов; гребни плотин, подпиравших вчера еще маленькие ручейки, сегодня уже разлившиеся в озера; огромные краны, как телескопы, нацеленные в небо; неумолчный грохот работы, которой были заняты тысячи людей на таком пространстве, что и глазом не охватишь, бескрайнее столпотворение это совершенно оглушило и захватило школьников. Все вокруг них было в движении. Здесь что-то громоздилось, там низвергалось... Пахло свежевывороченной землей, бензином, какой-то кислотой, дымком, ацетиленом, сосновым тесом и махоркой. А там, где рассыпались с треском алмазные искры электросварки, веяло запахом по-весеннему тающего снега. «Озон!» — пояснил всезнающий Сурен. Но даже он, который обо всем прочел в книгах, был тут подавлен необытностью совершающего людьми дела.

Откуда-то доносились звенящие взвизги электрической пилы. Ухала земля от ударов копра, вбивавшего сваи. Как петухи во дворах, перекликались маленькие горластые паровозы. Громоздкие грузовики-самосвалы, выворачивая рубчатыми скатами целые вулканы грязи, елозили в вязких глинистых колеях, надрывно рыча и взвывая. Из их железных вздыбленных опорожняемых ванн, ссыпаясь, грохотал гравий. Во все стороны тянулись провода, шланги. Стучали, частили какие-то движки. Ребят больше всего поражало, что в этой чудовищной путанице балок, железа, прутьев, в этом страшном ералаше звуков люди, видно, знали каждый, что надо делать, куда идти, за что браться. И постепенно становился ясным порядок и строгий перед всего, что творилось вокруг. И оказалось, что беспорядок уже не так безнадежен и, несомненно, все тут в конце концов, если разобраться, имеет свое место и направление.

Похожий не то на увеличенную в миллионы раз масленку с тонким горлышком, которой смазывают машины, не то на исполинского гуся, переминаясь с лапы на лапу, смещался на глазах у ребят шагающий экскаватор. Из занесенного к самому небу клюва свисал и как будто вытягивался трос с качавшейся внизу необъятной люлькой. Гигантская горсть ковша вонзилась в землю, заграбастывала ее, уносила по воздуху на огромное расстояние, там разжималась и сыпала вниз камни, комья земли, щебенку.

И мальчишки, конечно, хвастались друг перед другом своей технической осведомленностью и определяли мощность экскаватора и задавались, что им знакомы все машины. И Сеня с Суреном тоже наперебой, чтобы не быть хуже других, называли марки грузовиков: «МАЗ» из Минска, ярославский «ЯГ».

Со всех сторон наезжали, как бы торопя друг друга, самосвалы. Подкатывали к нужному месту, и словно горбом выгибались их хребты, поднимались металлические кузовы-баны, из которых низвергались тонны и тонны земли.

Бульдозеры, как сердитые носороги, с ходу выворачивали и упрямо пихали навалы грунта.

На одном из участков работ, после того как инженер показал ребятам устройство будущего шлюза, прямо на донной площадке в будущей шлюзовой камере устроили выступление учеников школы имени Тулубея перед строителями.

Люди сидели на лесах опалубки, на переплетах металлических ферм, держались за стальные прутья арматуры. А внизу, как в партере огромного театрального зала, один за другим выступали ребята. Кто-то из старшеклассников отбил на звонком дощатом настиле чечетку. Ребята сиели хором песню. «Не задерживай, давай», занесенную с Волги. Потом Ксана читала стихи Светлова. Она читала, очень волнуясь, понимая, что слушают ее те люди, которые и делают своими руками все, о чем говорится в стихах. Хрупкий, трепетный и прозрачный, словно на стрекозиных крыльшках, голосок ее взлетал над большой, многолюдной, но безмолвной сейчас коробкой шлюза.

А стихи, которые она произносила, брали исток давний и дальний. От подмосковного ручейка, от древних вод, которые качали петровский ботик, от струй, рассеченных кораблями Ушакова, до морей недавней войны, в которых отразилась доблесть советских флотов, до течения вод Волго-Дона, а теперь уже и к самой Сухоярке вели строки стихов.

*До чего становится богатой  
Биография твоя, вода!  
Мощный, добродушиный экскаватор  
Не жалеет для тебя труда.*

И все, как это бывает в классе, когда учительница говорит о чем-то знакомом и находящемся рядом, все посмотрели на экскаватор. И казалось, что он, смущенный этим общим вниманием, неловко ощерил зубастую пасть ковша.

Ксана читала о том, что скоро будет и здесь:

*Ты тогда предстанешь пред народом  
Не совсем обычной, не простой  
Дружбой кислорода с водородом,  
А союзом действия с мечтой.*

Не все было до конца понятно в этих словах, и химию в шестом классе еще не проходили, и не каждый из строителей помнил формулу, но все понимали: речь идет о близком будущем, которое принесет сюда по открываемому ей пути вода.

— Не один случайный гость приезжий, — произнесла Ксана и выразительно обернулась на Пьера.

*Не один случайный гость приезжий,  
Не одна страна — весь шар земной  
Будет умываться нашей свежей,  
Животворной русскою водой.*

И, когда Ксана кончила, зааплодировали все. Даже там, высоко наверху, где на фоне весеннего неба маленькими фестонами чернели головы стоявших на лесах строителей — там сверху тоже все хлопали и кто-то басом, словно вбивая сваи, бухал: «Быс!.. Быс!..»

— Как прочла!.. Какое сердце! — восхитилась Елизавета Порфириевна.

— И, главное, текст весь усвоила, нигде слова не спутала! — отметил растроганный Глеб Сильич.

А потом, это было заранее задумано Ириной Николаевной, Пьер читал стихи Беранже.

— Революционные французские стихи читает Пьер Кондратов. Автор Пьер-Жан Беранже, — объявил ведущий программу долговязый паренек с озабоченным лицом. Он выходил, ступая огромными резиновыми сапогами, на помост и там начинал говорить с неожиданной басовитостью, как будто он у кого-то на короткое время брал взаймы голос.

Пьер читал любимые стихи деда:

### **ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ**

*Меня в дни юности беспечной  
Непостоянство увлекло  
За океан, где солнцеечно  
Так ослепительно светло.  
Край мой родимый,  
Страстно любимый!..  
Но я тем странам был чужой  
И, по земле своей страдая,  
Тобою бредил, увядая...  
Привет тебе, мой край родной!*

Стихи, прочитанные Пьером, вызвали оглушительный восторг строителей. Но, видимо, кроме Ирины Николаевны, все не очень хорошо разобрались, в чем дело. Потому что, когда от молодежной бригады строителей выступал комсомолец, чтобы поблагодарить школьников за приезд и выступления, он сказал:

— А также просим от имени всех строителей передать наш пламенный привет пролетариям Парижа, от лица которых тут их юный представитель прочитал нам стихи на революционные темы. Пьер был, кажется, доволен, что его приняли за представителя пролетариев Парижа. А объяснять что-нибудь было уже поздно.

Кончился перерыв, запела оглушительно сирена, рванулись с места, лязгая кузовами, фырча и взвывая на подъемах, моторы самосвалов. Люди взялись за лопаты, за ручки тачек, рычаги механизмов. Все двинулось в работу.

Когда ехали обратно, слегка ошеломленные всем виденным, слегка усталые и потому непривычно тихие, Пьер, глядя в окно автобуса, вдруг сказал:

— Это очень здорово прогрекрасно будет, что у нас как морге станет... Пргавда, ребята... Хоргошо, Кса-на, да? Ксана радостно закивала. Но Ремка тут же захохотал:

— Слыхали. «У нас». Здорово. Вполне уже перековался. Ай да Пьерка, хвалю!

Ксана уничтожающе поглядела на Ремку. Сеня показал ему из-под сиденья кулак. Сидевший впереди Сурен обернулся и постучал себя по лбу.

Пьер покраснел, припал щекой к виском к стеклу и молчал потом всю дорогу.

На обратном пути проезжали через райцентр. Автобусы, на которых ехали школьники, остановились на небольшой центральной площади, чтобы заправиться у колонки бензином. Ребята вышли поразмяться. А Ксана сошла здесь, потому что сговорилась встретиться тут с

бабушкой. Председательница должна была приехать в этот день на своей «Победе»-козлике по всяким делам в райцентр.

Ремка Штыб, Пьер и Сеня не спеша прогуливались по тротуару, от нечего делать заглядывая в витрины магазинов. И вдруг все трое они стали как вкопанные. За витриной комиссионного магазина, за решеткой, опущенной на обед, они увидели знакомую всем троим, не раз виденную на столе у деда Артема оливковую вазу с серебряным атлетом.

И Пьер, совершенно пораженный, забыв о всякой осторожности, вдруг закричал:

— Регарде! Смотри! Вторая ваза. Значит, уже нашли, откопали?..

— Чего, чего? — жадно насторожился сразу Ремка.

Пьер, бледный, прижавшись скелетом к решетке витрины, отгораживая глаза с боков руками, как шорами, всматривался...

Нет, сомневаться не приходилось. Это был кубок «Могила гладиатора», точно такой, как у деда Артема.

— Ты про что говоришь? Откопали? — приставал Ремка.

— Да ничего я не говорил! Убиграйся! Что я говорил?

— Врешь, Пьерка, смотри! Обещался все со мной по-товарищески. Узнаю — хуже будет.

Но уже звал, сигналил автобус у колонки. И Пьер побежал к машинам. Ремка на секунду задержался, посмотрел еще раз через решетку и стекло на кубок в витрине, потом кинулся догонять Пьера.

## Глава XIX Тот или этот?

Вечером Незабудный позвонил из Сухоярки по телефону в магазин. Позвонил так, для очистки совести, еще не ожидая никаких новостей. Но ему сообщили, что кубок уже продан. Нашелся покупатель. Изуважения к бывшему чемпиону мира согласились сегодня же выдать ему вырученные деньги. Артем Иванович заторопился к автобусу.

И уже поздно вечером, вернувшись из райцентра, он явился на квартиру к Грачинкам и вручил деньги Тарасу Андреевичу. Вместе с деньгами Сени «на полный велосипед» и тем, что подсобрал у друзей, старых шахтеров, Тарас Андреевич, теперь как раз получалась нужная сумма. Ничего не сказал Тарас Андреевич. Постаревший за эти дни, обросший, он только обеими руками молча схватил огромную ладонь чемпиона чемпионов, скжал ее изо всех сил и замотал головой. В таких случаях сильные мужчины не любят говорить вслух то, что они думают. Они понимают друг друга без слов.

— Побриться бы вам, — вот все, что сказал Артем.

— Теперь можно и побриться. — Тарас Андреевич провел рукой по своим щекам.

И Сеня, видевший все это, понимал, что говорить тут уж ни о чем нельзя.

Усталый и довольный, возвращался Артем Иванович домой. Нет, хоть и жалко ему было знаменитого приза, а на душе полегчало. Старик был доволен собой. Все-таки вот пошло все в дело. И в хорошее дело. Помог спасти человека от суда и позора. И уберег честную маленькую душу мальчишечью от сыновнего бесславия. Нет, не пошел прахом кубок «Могила гладиатора», не то что тот, второй, при мысли о котором сразу делалось не по себе... Напевая себе в усы свое любимое «Шел солдат с походу в слякотну погоду, шибко перезяб», что было у Незабудного признаком самого высокого расположения духа, Артем Иванович вошел к себе в комнату.

На столе стояло что-то хорошо запакованное, тщательно перевязанное бечевкой. Тронул — тяжелое. Под бечевку был засунут конверт: «Артему Ивановичу Незабудному». Чувствуя, что произошло нечто никак не предвиденное, Артем разодрал одним тычком большого пальца тугую бумагу и сразу увидел зеленовато-матовый отлив камня-оливина, а под ним сверкающие мускулы серебряного гладиатора. Он вскрыл конверт, вытащил записку:

«Не балуй, Артем. Если уж тебе пришла такая нужда, надо сказать бы.  
Привык жить среди волков, а пора бы уже понять, что теперь кругом тебя люди.  
Разбогатеешь — вернешь. Обедняешь — прощу.  
Г. Т.»

Ничего еще толком не понимая, он опустился на стул и долго сидел, уставившись на кубок, силясь глотнуть что-то, спиравшее ему изнутри горло.

Где было ему знать, что произошло днем.

Еще накануне Галине Петровне позвонила ездившая в райцентр знакомая и сказала, что видела в магазине подходящую для Ксаны шубку из цигейки. Галина Петровна давно уже хотела сделать этот подарок внучке. Она знала, что Ксанка еще с прошлого года мечтает о шубке, «такой, как у Милки». Отец привез ее подружке такую шубку из Москвы, когда ездил туда на сессию Верховного Совета. И вот, как сообщила знакомая, в комиссионном магазине райцентра появилась именно такая. И по цене она была подходящая. Галина Петровна специально для этого копила деньги.

Все складывалось как нельзя лучше. У Галины Петровны были дела в райцентре. Так и так — ехать ей туда надо было все равно. А тут как раз и Ксанка, возвращаясь с экскурсии на Гидрострой, могла бы задержаться на обратном пути в райцентре. Значит, можно было бы и примерить на ней шубку.

Ой, дорогие вы мои девчонки! Мальчишкам этого не понять! Какая это была шубка! Легкая, как будто собранная из пушка одуванчиков, она, казалось, вот-вот взлетит на воздух, если тряхнуть ее в руках, чтобы мех расправился... Густой, шелковистый и в то же время тугой и нежный мех, темно-шоколадный, с золотистыми просветами. Словно из пчелиной шерстки была эта полосатая чудесная шубка!

Ксана, крутясь перед зеркалом в магазине, запахивалась мягкими полами, терлась подбородком об уютный воротник, поднимала его, куталась, водила щекой по пушистому плечу.

— Ох, уж извертелась вся! — ворчала добродушно бабушка. — Не юли. Стой, погоди. Тут не потерто?.. — озабоченно спрашивала она продавца.

— Да нет, бабушка! Совсем новая она! — нетерпеливо перебивала ее Ксана.

— А не чересчур она тебе свободна тут?

— Так я за лето знаешь как росту прибавлю? И продавец был симпатичный. Он поддержал.

— Вещь солидная, ценная. Лучше на рост брать, — заметил он. — А так прямо как по индивидуальному пошиву сидит. Не сомневайтесь.

Ксана еще раз повернулась одним боком к зеркалу, потом вторым, взгляделась... И вдруг застыла. Что-то заставило ее резко податься вперед. Она чуть не ударила о зеркало. Потом поняла и порывисто обернулась. Там, на противоположном прилавке, серебряный гладиатор вздыпал над головой чашу, из которой сочилось мягкое зеленоватое свечение.

Увидела кубок и бабушка. Увидела и узнала. Артем показывал ей эту свою драгоценность, когда пришел в первый раз и пожаловался на то, как его дурно поняли в исполнкоме. И она еще, потом несколько раз вспоминая, всегда смеялась вместе с Богданом над этой нездачей. Сомнений не было. Та самая ваза. Вот и гладиатор, и оли-виновая плита со щитом и мечом на ней. И наклонная, как бы рушащаяся колонна с искусно укрепленной над ее капителью плоской оливиновой чашей.

Галина Петровна все-таки решила проверить. Может быть, это другой кубок? Спросила, можно ли узнать, кто это сдал вазу на комиссию. Не высокий ли приезжий человек? Продавец подтвердил.

А Ксана тянула бабушку в сторону и все что-то шептала ей на ухо. Галина Петровна не сразу разобрала, а потом поняла.

— Да что ты в самом деле? Ты в уме, что ли? Откуда у меня деньги такие?

Кеана зашептала еще горячее. Обеими руками стискивала она локоть Галины

Петровны.

— Бабушка, ты только пойми!.. Для него ведь это... Это же последний. У них уже ничего не осталось. Он все призы свои за границей еще прожил. Все продал, мне Пьер говорил...

Галина Петровна в душе уже сама корила себя: как это она за старой, не вконец преодоленной обидой не разглядела, что человек в беде и нужде, должно быть. Вот вернулся, старый, в свои края, а она даже толком не поинтересовалась по-настоящему, как живет Артем.

— Во сколько эта вещь у вас оценена? — спросила Галина Петровна у продавца.

— Две с половиной тысячи мы поставили. Редкая вещь. Ведь это самого Незабудного, как я вам сказал. Артема Незабудного. Его лично.

— Вот слышишь, какие деньги, — сказала Галина Петровна. — Откуда мне их взять?

— Бабушка, у тебя же есть... Ты ведь на шубу мне взяла.

— Так то тебе на шубку. Тут и отпускные мои за прошлый год, когда я не ездила. Да и все равно! Слышила, какая этой вещи цена? У меня нет таких денег.

— Ну возьми еще у кого-нибудь. Ну прибавь еще. И я тебе отдам из своей копилки. Я откладывала, чтобы в Москву с тобой поехать. У меня уже тридцать два рубля есть... Бабушка, миленькая, ну купи, я прошу тебя, купи.

— Да что ты, честное слово, имей все-таки соображение!..

Ксана, как стояла перед зеркалом в шубке, так и сейчас еще оставалась в ней. Только теперь она почувствовала, что ей жарко.

Она оттерла рукой тонкую влажную шею. Потом покосилась еще раз в зеркало, повернулась одним плечиком к стеклу, затем другим, вздохнула и, решительно сняв шубку, вывернула ее мехом внутрь и уложила аккурат-ненько на прилавок.

— Как хочешь, бабушка! — Она произнесла это очень твердо, очень убежденно. — Как хочешь. Только имей в виду, я все равно это ни за что не надену. Так и знай. Ни за что в жизни!

— Что это еще за фокусы такие?

— Я знаю, — у Ксаны вздулось горло, — я знаю... Ты вообще против него. Я все знаю...

— Ксения, ты где находишься?

— Да, бабушка, да! Я знаю... А он папу спасал. Он нам все...

— Не твоего ума это дело! — сердито сказала бабушка, отводя Ксану за руку к дверям магазина.

— Ну что. ж, пускай что не ума!.. Я тебе не могу объяснить, бабушка, но я это чувствую.

«Не то я сказала, — думала Галина Петровна, — плохо сказала. Поставила она меня на место. Не ума это дело. Верно. Сердца это дело. Вот она, Гринина дочка! Ах ты, сердечко мое звонкое, бьется как бубенчик, на всякую малость откликается!»

— А как же ты зиму-то будешь? — вздохнула она. — Без шубки опять останешься.

— Ну подумаешь! Я с подстежечкой похожу, с ватиновой. И ничего. Я ведь в росте отстаю.

— С дедушкой бы посоветоваться нам, — проговорила Галина Петровна. — Деньги немалые, под занять придется.

Боясь посмотреть внуckе прямо в лицо, она поглядела на нее в зеркало. На Ксане было старенькое драповое пальтишко. Оно давно стало ей тесно в груди, да и рукава были уже коротки. Но никогда еще не казалась Ксана бабушке такой прелестной, никогда так явственно не проступала во всем облике Ксанки, бледной и тоненькой девочки, эта не кажущая себя всем пригожесть. И никогда она не была так похожа на отца.

«Красивая будет, выравнивается, — подумала бабушка. — Ох, беды с ней еще будет! Не оберешься».

— Выпишите мне чек, — обратилась она к продавцу.

— На цигарочку?

— Нет, — сказала бабушка, — на вазон вот этот...

— Богатая вещь! — согласился продавец. — А на цигарочку — обождать?

Бабушка взяла выписанный чек:

— Через полчаса оплачу. Только насчет денег созвонюсь. Тогда и заберу.

— А может быть, и цигарочку за вами придержать? Не ставить пока в продажу?

— Нет. Ставь, — сказала Галина Петровна.

Потом она позвонила на строительство Богдану, рассказала, в чем дело. И услышала его низкое: «Правильно делаешь, Галя».

Галина Петровна заехала к одним из своих старых друзей-шахтеров (знала, что деньги у них водятся), призывала немногого у них, добавила к тому, что у нее было с собой, и вернулась в магазин.

— Бабушка... Знаешь, как я тебя уважаю сейчас! — И Ксана кинулась обнимать Галину Петровну.

— Ну и носи свое уважение вместо шубки. Может быть, греть будет.

— Еще как! Еще как! Даже жарко будет...

Он сидел в такой глубокой задумчивости, что не слышал, как вернулся с экскурсии Пьер. Вошел и поманил из коридора кого-то пальцем. Сейчас же в дверях показался Ремка Штыб. Оба уставились на кубок, стоявший посреди стола и уже освобожденный от бумаги. Пьер глаз не сводил с кубка. Зато Ремка со знающим видом закивал головой, подмигнул приятелю и щелкнул его сзади. Он еще по пути в автобусе так пристал к Пьеру, требуя, чтобы все было рассказано о тайнике и кладе, насчет которых проболтался у магазина Пьер, что пришлось ему кое-что открыть. Но сейчас Пьер, уже не обращая внимания на Ремку, все смотрел и смотрел на оливковую вазу с гладиатором. Теперь сомнений уже не оставалось: кто-то нашел-таки зарытые сокровища, обнаружил в них второй кубок. Видно, не наврали тогда в Париже те двое.

Ремка тихонько потянул его за собой в коридор общежития.

— Слушай, — зашептал он, когда они вышли. — Ты все-таки узнай у него, кто же это разыскал? Может, он сам? Я слышал, в автобусе водитель говорил, что видел его сегодня в райцентре. Сразу, говорит, узнал. Фигура, говорит. Слушай, Пьер. А возможно, там что-нибудь осталось? Не мог же он один сразу все оттуда вытащить. Ты разузнай.

— Пошел ты к дьяволу! — сказал вдруг Пьер. — Не хочу я с этим связываться.

— Чего такое? — злобно зашипел Ремка. — Ты что это, забыл, что еще Махан есть? Он тебе в два счета напомнит, как ты обещал с ним контакт держать. Ты у меня смотри! Я только шепну, и тебе будет...

— Ничего я тебе так не говорил. Так не было совсем.

— Не говорил? А в автобусе, как ехали. И Сенька свидетель был, слышал, чего ты у магазина сказал:

«откопали»... Да мне и слушать не надо, я глазами вижу. А вот и Сеня. Слушай, Сенька...

Он внезапно захлопнул рот, увидев, что Сеня не один. С ним был отец.

— Дома дед? — спросил Тарас Андреевич.

И, не глядя на ребят, пошел вперед, постучал в дверь, ведущую в комнату Артема. Оттуда загудел голос Неза-будного. Сеня с отцом прошли в комнату.

Туда же проследовал Пьер, которому Ремка успел шепнуть:

— Так что гляди, да не заглядывайся. Помни да не запамятовай. Ясно? Артем встал навстречу гостям. Огромная фигура его полностью заслоняла стол, на котором стоял кубок.

— Артем Иванович, — сказал прерывающимся голосом Грачик-отец, — примите обратно, очень вас прошу!.. Не знал я, когда брал, как вы эти деньги добыли... Вот он, — он показал на Сеня, — как вы ушли, все мне рассказал. Не могу я принять... Такую дорогую памятную для себя вещь из-за меня потеряли. Так не пойдет! Завтра поедем в магазин. Я вас сам свезу, в кабину сядете мою. Отпрошусь. Узнаем, кому продали. Деньги вернем. Обратно

выкупим. Это же, Артем Иванович, историческая вещь... Не могу я на такое идти.

Незабудный лишь пожимал в странной веселости своими огромными плечами, как бы ничего не понимая. Только поглядывал с добродушной лукавинкой на отца и растерянного его сынишку.

— В толк что-то не возьму, о чем разговор идет? — пробасил он. — Насчет этого, что ли, намекаете, Тарас Андреевич? — Он отодвинулся от стола и показал оторопевшему Сене и его отцу на серебряного гладиатора, поддерживавшего оливиновую чашу. — Это вы в виду имеете? Так что же вы беспокоитесь? Вот он на своем месте.

— Это как же?! — только и вырвалось у Тараса Андреевича.

— Да вот все так же. — Незабудный был очень доволен. Давно он не был в таком настроении.

— А тот? — решился спросить Сеня, боясь приблизиться к столу и поглядывая на кубок из-за спины отца.

— Какой это еще — тот?

— А который мы в магазине видели, когда через райцентр ехали. Значит, там не тот?.. То есть не этот?..

— Да ну тебя! — Незабудный гулко и весело загрохотал, отмахиваясь от мальчика своей лапицей. — Совсем ты, вижу, запутался. Тот да этот, этот да тот... Вот он тут, и весь разговор. Живы будем, когда-нибудь разберемся. Ну, что смотришь?

Огромной своей пятерней он осторожно покрыл физиономию Сени и сделал ему легонько то, что называется «смазью вселенской», захватив разом и все лицо и макушку мальчика. Сеня с деланным усилием высвобождался из этого бережного и мощного захвата. — Ага, верткий! — одобрил Незабудный. — Молодец! Погоди, я тебя еще приемам научу, которых никто не знает. Любого тогда сборошь в два счета.

— Правда научите, дядя Артем?

— А что же, врать буду?

Нахмутив толстые брови и неловко двинув одним усом и тронув рукой другой, Артем Иванович сказал:

— Вы бы, хлопчики, прихватили дружка своего да на момент погулять вышли. У нас тут разговор один-Мальчики неохотно, демонстративно волоча по стульям и по полу небрежно накинутые на одно плечо пальтишки, вышли, поминутно оборачиваясь.

— Тарас Андреевич, — начал Незабудный, когда они остались вдвоем с Грачиком, — послушайте-ка меня, старого, бывалого, сорок лет вокруг да около толкавшегося. Об одном я вас попрошу. Только не обижайтесь. Дайте-ка мне, раз уж у нас такой случай с вами вышел, слово, что погуляли и хватит. И чтобы больше в рот не брать.

— Это уж верно, что хватит. — Тарас Андреевич откашлялся, голос у него внезапно осел.

— Это ведь у тебя, Тарас Андреевич, что получается? — перейдя на «ты», продолжал Незабудный. — Это ведь ты на свой манер эмигрант выходишь.

— Это в каком же смысле? — насторожился Грачик.

— От себя бежишь. Вот как умные люди объясняют. От жизни, так сказать, за границу сознательности спасаешься, где уж никакого понятия ума нет.

— Я от тоски своей спасался, когда уж мои мочи не было терпеть. А от того, что мне делать положено, где мне быть следует, от того не бегал. Это уж вы, Артем Иванович, не то... — То, брат, то! И от дела бежишь — мог бы лучше его делать. И от отцовства своего. Ведь мальчишка у тебя растет золотой. Он же на тебя так смотрит! А ты и от его глаз бежишь. И от своей совести. — Ну, тю! — Тарас Андреевич вскинул кудлатую голову и глянул прямо в глаза Незабудному. Кончайте, Артем Иванович. Сказал вам — не будет этого, и все.

— Ну смотри, Тарас Андреевич. Душу из тебя вытряхну, если что. Без смеха говорю. Вот возьму так, — он крепко обхватил и легко приподнял Грачика, — и душа из тебя прочь. — Но, но... Не маленький, чай, — мрачно усмехнулся Тарас Андреевич и

высвободился.

— Извини, это я так, шутю.

— А я, Артем Иванович, всерьез. Верьте слову. Сказал — точка!

## Глава XX

### Поединок

Сеня качнулся вперед, чтобы устоять, и потрогал место на плече, куда его больно ткнул Махан.

— Ну, еще получить хочешь? Может, для порядка подкрепить с того боку, чтобы не валился? Имей!

Сеня пошатнулся влево, но снова удержался на ногах.

— Или по зубарикам выдать? Куси! Сеня постарался устоять на месте, только облизал быстро вспухшую губу.

— Ну и что? — спросил он сквозь стиснутые зубы. — Что доказал? Что сильный больно?

— Я тебя людей уважать научу! — пригрозил Махан. — Пора, кажется, знать, что за личность перед тобой.

— Это ты личность? — Сеня поглядел на Махана. — Подумаешь, личность. Культяпка личности ты...

— Так, и это запишем, — сказал Махан.

Неизвестно, что там наболтал о каких-то кладах Махану Ремка, окончательно убедившись после прихода Сени с отцом к Артему, что все они вговоре, заодно. И Махан давно собирался допросить с пристрастием Сеню. Очень наседать на самого Пьера он не решался. В трусливом представлении Махана за парижанчиком всегда неотступно вставала громобойная фигура Незабудного. А при одной мысли о нем у Махана начинали мелко дрожать колени. Сегодня он вместе с Ремкой и еще одним парнем, вечно слонявшимся на базаре и у кино на Первомайской, подловил Сеню на пустыре, где были уже снесены дома, так как место это предназначалось к затоплению.

Сам Махан до поры до времени не вступал в разговор. Он держался в стороне.

Сначала стал зарываться Ремка:

— Здорово, актив!

— Здорово, пассив! — нашелся Сеня, слышавший когда-то это от Сурика.

— Смотри-ка, разбирается. Привет, привет передовым!

— Вали, вали, отстающий!

— Ну, ты...

С этого все и началось сегодня. И Сеня решил, что пора испробовать прием японской самозащиты, которому его обучил Артем Иванович. Взять неожиданно крепко правую кисть противника, вывернуть ее ладонью вверх, перегнуть через свою другую руку, просунутую под захваченную руку нападающего, и нажимать. И противник сейчас же взмолится — он будет совершенно беспомощен. Артем Иванович даже предупреждал, чтобы, пуская в ход этот прием, Сеня не очень сильно нажимал, а то у противника могут разорваться сухожилия в локте. И действительно, когда этот прием показывал Незабудный на Сене, все получалось совершенно так, как говорил Артем Иванович. Нельзя было шевельнуться. И Сеня должен был признать необыкновенное действие приема. Правда, когда он сам пробовал этот прием на своем великане-учителе, то полного успеха не достигалось. А один раз даже, когда Артем Иванович пошутил и напряг руку, Сеня неожиданно для себя оказался вверх ногами. Но Артем Иванович и тогда одобрительно утешал его, отметив, что Сеня так и не разжал своей руки, удержал захват. И, хотя Артему Ивановичу ни разу еще не пришлось просить пощады у Сени, однако прием был разработан досконально. И каждый раз теперь, когда Сеня встречался с Артемом Ивановичем, он вместо рукопожатия проводил изученный им японский захват, оказываясь где-то под мышкой у Неза-будного. Но Артем Иванович

говорил, что прием проведен правильно. Да, великое дело знать секреты. С ними ни-чего не страшно.

Но, должно быть, Сеня сегодня неточно провел прием. И Ремка, выдернув тотчас же свою руку из захвата, мигом сбил Сеню подножкой на землю и усился на нем. А Махан был уже тут как тут. Он вздернул Сеня, держа его за шиворот, на ноги, поставил перед собой, насмешливо стряхнул пыль с его гимнастерки и принялся за дело сам.

— Так. Таким макаром, значит? — зловеще продолжал теперь Махан, с удовольствием ведя свой допрос. — Значит, выкопали вы там с папашей и с этим самым чемпионом вещички и между собой делите? Сильны! А нас, что же, с Ремкой обойти желаете? А еще свои считались...

— А я никогда твоим и не считался, — прервал его Сеня.

— Хамишь, парень! — прикрикнул Махан. — А на Красношахтерскую не хотите, чтобы я вас сводил? Заявлю кому надо, так живенько разберутся.

— Понятия даже не имею, про что ты намекаешь.

— Видал? С переляку даже без понятия стал. Забывчивый какой.

— Что ты, интересно, Ремка, набрехал? — обратился Сеня к Штыбу, который исподлобья глядел на них. — Как тебе не совестно только? А еще пионером когда-то был у нас.

— Была у одной кошки собака, да мышь не ловила, только котов давила, сказал Махан. — Ты других сюда не путай. Не очень-то другими распоряжайся. Хвост голове не указчик. Ну, будешь говорить все как есть?

— Да брось ты! — Сеня отвернулся.

— Один такой бросал да после три дня на карачках елозил, чтобы обратно взять.

— Ну и что?

— Я тебе нукну. Что это за «ну»? Сел один дурындас в чужой тарантас да еще погоняет.

— Да что ты какую-то ерунду порешь!

— Наша ерунда вашей чепухе родные врачи. Ты не прикидывайся, — проговорил Махан. (Сколько дурацких присказок он знал! Но ведь кончится яге когда-нибудь их запас!)

— Сказал я тебе, что ничего не знаю. Не понимаю даже, что за разговор такой! — не выдержал Сеня. — Ну чего ты ко мне привязался?

Махан посмотрел на него, на Ремку Штыба. Он уже подозревал, что Ремка что-то тут напутал. Больно уж уверенно и независимо держался этот пионерчик. Но отпускать его так Махану не хотелось. Он уже вошел во вкус, и ему хотелось еще хоть немножко, но всласть поиздеваться над мальчишкой.

— Ладно, — милостиво промолвил он, — я вижу, что ты парень крепкий. Пионер всем детям пример. А ну-ка, обзовись как следует. Обзовешься — и отпущу. А нет — худо будет. — Балда ты! — сказал Сеня, храбрея от злости. Он слегка отступил от нового тычка. — Ну и что, если стукнул? Значит, еще раз балда. И еще раз!.. Трижды балда!

— Эй, парень, ты меня лаять брось! Я говорю, чтобы ты сам обозвался. Ну, обругаешься?.. Что, слабо тебе, пионер? Брезгуешь?

— Не стану я.

— Какой чистенький, черным словом замараться трусит!.. Видал ты его, Штыб?

— Уж я на него нагляделся, — сказал Ремка. — Правда, Сенька, обзовись. Чего трусишь?

— Я не трушу, а не хочу! — упорствовал Сеня.

— Гляди какой: агу — не могу, засмейся — не хочу. Тебе что, трудно, если человек тебя обозваться просит? Ты что, слов таких подобных не знаешь, что ли? Научить?

— Не хуже тебя знаю, а не стану...

— Нет, станешь!

— Сказал, не стану — и все. Можешь бить хоть до смерти, не стану я для твоего удовольствия ругаться. Ну, пусти, Махан!

— Я для такого цуцика пока еще не Махан.

— Ну, пусти, Славка! — Сеня попробовал вырваться из крепко сгребших его за гимнастерку рук.

— Вот тебе еще за Славку!

— Пусти...

Махан скверно, грязно и длинно выругался.

— Ну обзовись так, и пущу тогда.

— Не считаю нужным. Я в твою компанию не зава-живался и по-вашему обзываться не желаю. Хоть умри — не скажу,

— Ты у меня сейчас сам помирать запросишься, вша свинячая!

Долго бы еще, должно быть, издевался Махан, к удовольствию Ремки, над бедным Сеней, но внезапно земля слегка дрогнула, чья-то гигантская тень как бы накрыла всех разом. Махану в первое мгновение показалось, что террикон, высившийся над пустырем, стал заваливаться на него. Он лишь услышал отчаянный вопль Штыба: «Славка!», едва успел оглянуться и мигом выпустил из рук Сеня. За ним, закрывая полнеба, высился всей громадой своих плеч Незабудный. Прежде чем Махан смог двинуться с места, огромная рука простерлась над ним, и он почувствовал, что нос его ущемлен вмертвую двумя жесткими согнутыми пальцами великана. Он попробовал было высвободить нос, но пальцы сжали его с такой силой, что Махан только занюнил тихонько.

Артем, не выпуская его стиснутого фалангами среднего и указательного пальцев носа, заставил Махана скрючиться в три погибели, а затем и вовсе опуститься на колени.

— Рады, что зила, как у злона, вот и навалилизь! — гнусаво заныл Махан, с вывернутой шеей стоя на коленях. — Нашли з кем зладить.

— А ты сейчас с кем сладить хотел? Ты что, добрым уговором действовал, не силком? — грозно спросил Артем. — А ну! — продолжал он, еще более мрачнея. — А ну, паразит, говори, повторяй вслух за мной: «Я есть распротакой собачий гад...» Ну, повторяй, говорю...

Махан сделал какое-то короткое движение, и в шмыгнувшей руке у него, как жало, мелькнул нож. Артем с усмешкой, пренебрежительно отмахнулся свободной рукой. Нож со свистом пролетел у всех над головами и с силой вонзился в телеграфный столб.

— Баловать? — загремел низкий бас Артема. — На кого нож поднял? Говори, гад, скорее, пока я тебя в лепешку не сплющил. Я из тебя жмыха выдавлю.

— Буждиде... Ждо вы бежобдазиде! — гнусавил Махан, извиваясь на коленях с безнадежно ущемленным носом.

— Повторяй, сказал, за мной, ну!.. А то я у тебя со-палку твою с корнем выдерну. Говори: «Я есть распротакой собачий гад... который...»

— Я же де богу, даз вы дажали...

— Сможешь. Не сомневайся. Мы поможем. А непонятно будет, повторишь.

И Махану ничего не оставалось, как послушно загун-досить:

— Я ездъ разбродакой зобачий дын.

— Гад, а не сын! Я твоих родителей не мараю. Собачий гад.

— Зобачий гад.

— Который, — продолжал Артем, — по боговой ошибке и по людскому недосмотру еще существует на белом свете... — ...да бедом сведе, — лопотал, сопя и всхлипывая, Махан.

— И обещаю не лезть больше к честным ребятам и близко к ним не подходить.

— ...и близко де бодходидь.

— Ну, маршируй отсюда самым резвым аллюром, гунявый! — сказал Артем, отпуская нос Махана и тщательно отирая руку платком. — И спасибо скажи, что я тебя еще при твоей нюхалке оставил. Только не суй ее больше куда не надо. А то я тебя так в следующий раз прищемлю, что одну только шелуху от тебя хоронить придется. Геть!

И Махан, всхлипывая, держась за распухший нос, поспешил скрыться за строениями,

огораживавшими пустырь.

Так состоялось его посрамление.

Артем Иванович не спеша пошел с пустыря. Немножко позади него шел, легко подпрыгивая, чтобы попасть в ногу с ним, Сеня. В некотором отдалении следовали Ремка и парень, сопровождавший до этого происшествия Махана. Он с уважением поглядывал на широкую спину чемпиона.

— С чего он к тебе привязался? — не оглядываясь, спросил Незабудный у Сени.

— Да ну его! Лезет все. Глупости всякие. Про клад какой-то допытывался.

— Про какой такой клад? — Незабудный, приостановившись, через плечо глянул назад на Сеню. — Это еще что за разговор?

— Я сам не знаю, — сказал Сеня. А потом тихонько и виновато добавил: — Дядя Артем, а я с Ремкой боролся.

— Ну?

— Сборол он меня сразу.

— А на прием захватывал, как я тебя учил? Сеня покачал головой.

— Что так?

— Да он никак не захватывается. Здоровый он.

— Плохо я, значит, с тобой отработал. Но ничего, я тебя еще натренирую.

Уже смеркалось. Зажглись огни на эстакадах рудников. С каждой минутой все ярче разгорались красные звезды на копрах шахт. Ремка со своим спутником по-отстали, а Сеня шел за Незабудным, незаметно для него перескакивая от одной ямки, которую на ходу оставлял в земле своей пудовой тростью чемпион, до другой, стараясь каждый раз непременно ступить на этот богатырский след.

Теплый, весенний ветер гнал из близкой степи запахи влажной земли и свежей молодой травы.

Вдруг впереди неслышно шмыгнули по земле какие-то маленькие юркие тени. Они, как катышки пыли, в которые заворачиваются брызги воды, если плеснуть в жару на запорошенный пол, бесшумно ширили в разные стороны.

— Глянь! — сказал парень, шедший с Ремкой Штыбом. — Да это суслики, никак. Они тут, за оврагом, сроду не водились.

— Я уже второй день примечаю, — откликнулся сзади Ремка. — Дерут из степи. Воду, что ли, почуяли?

## Часть II Вода живая и мертвая

### Глава I Воде навстречу

Ты про что, не пойму? — Незабудный склонился над Ириной Николаевной и подставил ей свое толстое с огромной мочкой ухо, похожее на калач.

— Вода скоро подойдет, — как можнотише повторила Ирина Николаевна. Подойдет вода, а наша школа к этому событию...

— А это что, секрет? — спросил Незабудный.

— Почему секрет? — растерялась она.

— А что же вы тихо так говорите?

— Разве? — Ирина Николаевна взялась обеими ладонями за загоревшиеся щеки. Ой, глупо как! Это знаете почему?.. Мне все время хочется, когда я с вами говорю, кричать во весь голос. Вы словно на горе где-то возвышаетесь, а я себя чувствую такой ничтожной, маленькой и все время ловлю себя на том, что мне хочется говорить страшно громко. Вот я сдерживаюсь и получается... Глупо, да?

— Ну что вы, — сказал Артем Иванович, — вы барышня заметная, то есть, простите, девушка видная. Молоды только очень. Посмотреть — так прямо девчонка совсем.

Сеня, которого вожатая попросила, чтобы он проводил ее домой к Артему Ивановичу, возмутился. Для него вожатая была прежде всего учительницей, то есть человеком уже немалого жизненного опыта и непостижимых познаний. Он сам всегда ужасно обижался, если кто-нибудь давал ему на вид меньше лет, чем ему уже было. И он испугался, как бы учительница не обиделась.

— Какая же девчонка?.. Она уже почти целых полтора года, как институт кончила. Девчонка! Совсем нисколечко и не выглядит!..

Но Ирина Николаевна, закидывая голову с восхищенным изумлением, совершенно по-ребячни оглядывала Незабудного.

— Нет, правда, вы просто невероятно до чего большой!

— Куинбус Флестрин, — негромко пояснил Сеня. Артем Иванович отмахнулся.

— Какой там я Куинбус! — Он подошел к столу и снял с него книжку, которую ему еще во время болезни принес Сеня. — На, возьми. Ты чего же мне не сказал, что продолжение есть, как он к великанам попал, Гулливер. Я, брат, не Куинбус, а Грильдриг. Это он, когда, после того как у лилипутов побывал, у великанов оказался. Вот тут и понял он, что совсем он не Человек-Гора, а так только Грильдриг, козявка. Вот так и со мной вышло. Мотался среди лилипутов, а теперь вон к каким попал!.. — Он смущенно захохотал, приводя этим в вихревое движение гардину на окне. Но спохватился, оправил штору, посмотрев искоса на учительницу.

— Так вот, Артем Иванович, — сказала она, — с Гидростроем я обо всем уже договорилась. С шахтерами на шахте все в порядке — сам Колоброва обещал приехать. Но вы должны помочь тоже. Если это правда, что вы такой человек, как о вас вот Сеня говорит, вы нам очень можете помочь. Надо поднять у ребят чувство ответственности за школу. Надо, чтобы они гордились честью своей школы, чтобы ревновали ее, чтобы, отстаивали. Я бы вас попросила... Мы хотим вызвать на соревнование ребят из районной школы. Хотелось бы начать со спорта.

Артем совсем повеселел. Ему нравилась молоденькая, энергичная, хотя и застенчивая учительница-вожатая. Чижик, можно сказать, а гляди, как взвилась! Сразу загорелись и у него под наступленными, косматыми бровями глаза и ширнули вверх концы усов, когда он услышал « слова вожатой насчет спорта».

— Мне хотелось, чтобы вы их сами подбили на это, — продолжала учительница. Так прозвучит куда авторитетней. Шутка ли, сам Незабудный предложит, чемпион чемпионов!

— А вода, ребята, тем временем идет, — говорил школьникам Богдан Анисимович, когда через два дня после встречи у Артема состоялось собрание в школе.

— Вот именно. Подходит вода, — подтвердил Никифор Колоброва.

Он сидел в президиуме среди других знатных гостей и родителей. Литая звездочка Героя Социалистического Труда сверкала золотом у него на лацкане широкого пиджака, и уголок его все отгибался под ее тяжестью. Он сидел и слушал, как Богдан Анисимович Тулубей рассказывает ребятам о ходе строительства и приближении воды к Сухоярке.

— Да, скоро вон там разольется, — продолжал Богдан Анисимович и показал рукой на окна класса.

И все невольно посмотрели на окна, а потом опять на классную доску, где Богдан Анисимович только что нарисовал мелком схему строительства, прочертил толстой белой линией трассу канала и заштриховал площадь затопления... Да, вон там, за окнами, скоро засверкает водная гладь и уйдет на дно степь. Воды сейчас еще не было, но все уже словно разглядели ее там, под самыми окнами школы, и у всех душа занялась на мгновение от сладко-холодящего, как мята, предвкушения.

...Бубум!.. Бум!.. Тугой, круглый, как барабан, звук какого-то далекого тяжкого удара прокатился за окнами над степью, над пустырем, где виднелись остатки недавно снесенных домов. Легонько тронуло стекла в окнах. — Взрыв на выброс, — пояснил, слегка

покосившись в окно, Богдан Анисимович, усаживаясь на место. — Дорогу водичке расчищаем.

— Давайте, дорогие ребята, и мы с вами на выброс всякую пакость, все, что мешает! — так начал свою речь Никифор Колоброда, сменивший как раз в эту минуту на трибуне Богдана Анисимовича.

— Можно рвануть, — сострил из своего угла Ремка.

Все оглянулись на него неодобрительно. Такое поведение Штыба никому не понравилось. Ведь на трибуне стоял не просто Милкин отец. Сеня даже Милке удивлялся не раз, видя, как она чересчур уж запросто ивольно обращается со своим знаменитым отцом. Нет, поднявшись на трибуну, тот стал не просто всем знакомым отцом Милки Колоброда, не только известным человеком, но уже лицом в какой-то мере неприкосновенным, оберегаемым всеми принятой традицией уважения к почетному гостю, к оратору, выполняющему особое свое назначение. Человек на трибуне был уже сам по себе фигурой, вызывающей почтение. Он выступал. Правда, выступал он, чувствуя, как видно, не очень-то себя в своей тарелке.

Откашливаясь, сморкался, вытирая большим платком вспотевшую шею. Видно, нелегко ему было на трибуне. Но это выступал знатный гость, большой портрет которого всегда висел на Доске почета у Первомайской. И поэтому никто не засмеялся на остроту Ремки. Все посмотрели на него с укоризной, а сидевшие поблизости показали под партой кулаки.

Но сам Колоброда и не поглядел в сторону Ремки. Ка-валось, что он и не слышал глупой шутки.

Он продолжал:

— Товарищи школьники! Позвольте мне! Разрешите мне от имени шахтеров, по их поручению поздравить вас. Скоро будете уже с большой водой. Благодаря чему? Благодаря заботам... — Он остановился, нахмурился. Ему, должно быть, самому было скучно говорить привычными, заученными на многих собраниях словами. И вдруг совсем другим голосом, тем, что и Сеня, и Пьер, и Ксана, и Ремка Штыб слышали не раз, когда были в гостях у Милки, Никифор Васильевич Колоброда продолжал: — Вода-то подходит, а вот вы, школа ваша, подхода пока встречного к такому большому делу в жизни не имеете. Ведь это будет уже у нас не поселок, а что? Будет город Сухоярка. Возможно даже, станет и районного значения. Тут теперь близко от нас пристань будет. Транспортировать уголь станем по воздушной подвесной дороге. А там прямо на баржи грузить...

Верно, Богдан Анисимович? — Тот кивнул головой с места. — Значит, какой вывод? А такой, что с наших ребят и с нашей школы спрос будет уже другой. Тем более, что вы тулубеевцы. Это имя по всей стране известное. Ему надо во всем соответствовать. А у вас что? У вас еще попадаются малосознательные. Вот, скажем, порядка Шибенцова, примерно. Одного не могу понять: отец — справный шахтер, а сын, как мне известно, из пионеров отчислен, в конце класса плется, да и у других еще под ногами путается. Разве это тулубеевец? Одно только название. Да и позорит он такое звание.

Никто уже не глядел на Ремку. И совестно, и страшновато было взглянуть на него. Не раз уже обо всем этом говорилось в классе. Но всегда это было делом\* обычновенным и даже в какой-то мере привычным. Ну мало ли что скажет учительница, выговаривая за плохие отметки, за нерадивость или какой-нибудь проступок. А тут об этом было сказано знатным гостем с трибуны. Ремка сидел, застигнутый врасплох, с багровыми от срама и словно оттопырившимися ушами, стараясь сохранить полную неподвижность, но предательский скрип парты выдавал его ерзание.

— Я бы советовал что? Подтянуться, — продолжал Колоброда. — У нас теперь всякое дело словно бы в большой воде начнет отражаться. Вот у нас на копре всегда звезда горит. Никогда не снимали все эти годы. Что она означает? Это вам всем хорошо известно. Но могу и повторить для памяти. Звезда горит значит, что? С планом порядок. Программу даем полностью и даже с превышением. А сейчас знамя переходящее по тресту держим уже

второй год. А школа у нас, особенно ваш класс, ребята, не обижайтесь, от всего в отдалении топает. Не гасите нам, ребята, звезду. Мы зажгли, а вам надо ее выше поднимать, чтобы выше звезды над Сухояркой горели,

Сурен Арзумян поднял руку:

— Можно вопрос?

— Почему нельзя? Пожалуйста!! Сурик встал: — Вот вы сказали: все в большой воде будет отражаться? И другие, которые хулиганничают?..

Никифор Васильевич Колоброва искоса поглядел на Богдана Тулубея, прокашлялся...

— Вот о том и разговор у нас с вами, — начал он, — о том и разговор, что теперь так решается, что всех, кто где мутит, надо нам на чистую воду вывести, чтобы берег в воду гляделся ясный. Воду мутить никому не дадим! Реки впадают в моря... — продолжал он, и легкая хрипотца, которая проступала вначале, исчезла из его голоса. — Реки впадают в моря, я говорю. А наша вся жизнь течет в будущее. И такое, какого у людей еще никогда и не бывало. Коммунизм уже это будет. Вот что такое наше будущее, ребята! И жизнь у нас должна быть чистой воды. Как бриллиант. Чтобы не нанести муты всякой в будущее.

— А всякие еще несознательные будут тогда? — задали вопрос откуда-то с задней скамьи.

— Я так лично думаю, — сказал, поглядев в ту сторону, Никифор Васильевич, что к тому времени такие, как ты говоришь, и вовсе водиться уже не будут. Ну, а народится если случаем, так уж вылечат урода, приведут в сознание.

Ремка Штыб поднял руку. Ему хотелось как-нибудь вернуть расположение класса.

— Можно вопрос еще?

— Гони.

— Вот, говорят, — сказал Ремка ясным, вкрадчивым голосом примерного ученика, — говорят, что когда коммунизм наступит уже совсем, так всякий будет получать сколько кому захочется, а работать кто сколько может. А в школе, например, тоже учиться станут сколько захочется по способностям? И пятерки будут ставить по потребностям?..

В классе раздались смешки.

— Это в будущем так дурни только рассуждать будут. А я лично считаю, что они к тому времени повыбе-дутся. И какой толк, если тебе хоть пятерку с плюсом выставят, когда у тебя понимания на круглый нуль. Кому будет охота расти олухом царя небесного? А учиться, конечно, придется порядком. Как я лично себе представляю — выучить придется поболее, чем сегодня вам задают. Ведь техника как двинется! Так что я насчет этого вам легкой жизни не обещаю. За хорошую ручаюсь, а легкой — нет, не ждите... Ну, будут еще вопросы? — торопливо проговорил он, оглядывая класс. Вопросов больше не было, и он сел под звонкие хлопки ребят.

Потом говорили ребята. Всех задело еще тогда, в первый день прихода Ирины Николаевны, как она сказала: «Не слыть, а быть». Всем теперь хотелось «быть», а не только «слыть», казалось. Не только прозвываться тулубеевцами, но стать ими. Неожиданно все головы, как по команде, повернулись к двери. Зааплодировали шумно, дружелюбно, с каким-то особым, старательным удовольствием. Несмотря на шум, слышно было, как крякнули под тяжелыми шагами Незабудного половицы, когда он поднялся к столу президиума. Он стоял, опираясь на свою всемирно знаменитую дубинку, держа в другой руке чемодан, положив широкополую шляпу на уголок стола. Когда немножко стихло, Артем Иванович поглядел на ребят, на Богдана Анисимовича и Колоброду, покашлял немножко с низким гудом, провел платком по усам своим. Долго и аккуратно засовывал огромный клетчатый платок в карман брюк.

— Немного задержался, прощения прошу, — начал он. — В исполнение был, в отделе физкультуры. Договорились, Ирина Николаевна. — Он повернулся к сидевшей за столом вожатой. — Именно так, как мы с вами плано-вали. К Празднику Воды, как сюда подойдет, — Артем Иванович мотнул тяжелым подбородком в сторону окна, мы тут соревнования проведем с районной школой. Эстафету на приз имени Героя Советского

Союза Григория Тулубея. Звонил сейчас в райцентр. Там согласны. А насчет приза условились — вот этот будет. — Незабуд-ный посмотрел в зал. Ребята... — сказал он, глухо кашлянув. — Ребята! Мне припала честь... — Он раскрыл свой чемодан, извлек оттуда сверкнувший серебром, заигравший зеленовато-бирюзовыми прожилками в матовой слоистой глубине оливина заветный приз «Могила гладиатора».

Все стали приподниматься, разглядывать диковинную и прекрасную вазу. Он и правда был очень красив, этот кубок! Чаша казалась до краев заполненной каким-то манящим светом. Он струился по литым мышцам серебряного атлета, который, одолев бремя могильной тьмы, сам поддерживал этот свет и как бы призывал вершить подвиги силы и бесстрашия.

Сеня смотрел на всех победоносно. Ксана бросала осторожные взгляды на Пьера. Милка обмирала от восторга. Даже всегда ставший казаться равнодушным Ремка Шибенцов, хотя и собрался уже было пренебрежительно отвернуться, не выдержал. Так и впился глазами в кубок.

— Позвольте, позвольте, — сказала Ирина Николаевна, — мне кажется, было бы честнее просто назвать это призом вашего имени: приз Незабудного.

— Нет уж, уважаемая Ирина Николаевна, — забасил Незабудный, — тут уж спорить не будем. Это, ребята... Это мой самый дорогой приз из всех, что за жизнь я получал... У меня их, если подсчитать, разных призов и медалей, тысячи полторы было. Да все пришлось понемножку спустить. А уж это неприкосновенное. Это будет память Григория Тулубея. Героя из героев! Вот как пускай будет. А уж вы постарайтесь никому его не отдавать.

— Ну, его еще надо сперва завоевать. Сегодня кубок еще ничей, — сказала Ирина Николаевна. — Ребята в райцентре тоже не откажутся получить такую красоту. А что касается названия... Пусть будет называться так: приз памяти Григория Тулубея, учрежденный чемпионом чемпионов Артемом Незабудным. Вот так, мне кажется, справедливо будет. Верно, ребята?

И ребята, преданно аплодируя, пожирали глазами стоявший на столе волнующе-заманчивый кубок. И Ксана не спускала глаз с приза, который теперь будет разыгрываться в память ее отца. О том, что приз этот может достаться другой школе, из соседнего городка, Покинуть Сухоярку, — об этом сейчас даже и думать никому не хотелось. Это казалось абсолютно невозможным. Этого нельзя было допускать ни в коем случае.

А ветер толкался в окна. Ветер накатывал из степи, готовившейся уже скоро выстелиться дном, редкие, то одиночные, то сдвоенные глухие, круглые удары, похожие на короткий дальний гром. Рушились, падали последние преграды на пути воды...

— Ей-богу, лучше пять упряжек отработать, чем вот один раз выступить перед этим народом, — говорил Никифор Колоброда, шагая рядом с Богданом Анисимовичем из школы и вытирая платком вспотевшую шею. — Ну, скажи на милость, товарищ Тулубей? Ведь привык же я на собраниях выступать, на всяких конференциях, по радио говорил сколько раз. В Кремле на трибуну выходил. А сроду никогда так не потел, как вот перед этим пшеном. Вот шутята, лихоманка их забери!..

— Да, с меня, признаешься, с самого семь потов сошло, все поджилки тряслись, когда я перед ними выступал.

— А в чем тут дело, как считаешь?

— Они — сама совесть и ответственность наша, вот как я считаю. Приемщики всему, что делаем. Тут уж не увернешься.

— То верно. Он на тебя глядит, этот пацаненок, и уж какой-нибудь такой вопрос припасет, что ты и не ожидаешь. Какую круговую оборону ни держи, а он тебя где-нибудь обойдет. Глядеть — эдакое пшено, а спросит, что никому и в голову сроду не приходило.

— Для них и слова надо особые: семь слов слготнешь, пока одно скажешь, подтвердил Богдан Анисимович.

— И потом видишь, какое дело, — Богдан Анисимович приподнял одной рукой

козырек фуражки, потер другой лоб под ним, снова надвинул картуз поглубже, дело, видишь, в том, что ходким да еще казенным словом их не проймешь. Это у них мимо идет. Вообще-то, я тебе скажу, на сегодняшний день говорить, я считаю, надо уже без крику. Было время, когда нам требовалось всем о себе заявить, чтобы везде нашу правду услышали. А после и на горло расчет был. А сегодня пусть уже само дело наше за себя говорит. Показухи поменьше. Сути побольше. Вон как учительница эта молоденькая Ксанке напомнила: «Не слыть, а быть!» Великие слова. Закон! Стало быть, не красуйся, не слыви только, а взаправду будь таким, каким тебя люди считают. Оправдай славу.

— Крепко сказано. К делу, — согласился Колоброва. — Не только бы ребятам, а кому и постарше затвердить это надо на всю жизнь. «Не слыть, а быть!» Здорово! А насчет слов это ты верно. Поаккуратнее надо.

Зато у мальчишек, которые были куда вольнее на этот счет, теперь не сходили с языка технические словечки, которыми они щеголяли где надо и не надо: «оголовок», «перемычки», «водослив», «водобой», «арматура»...

— Вот вода подойдет... Когда воду пустят... Придет вода... Вот будет вода... Тогда уж... — Во всех разговорах, во всем, что делалось в те дни в Сухоярке, было теперь это короткое, как стук капли, и раздольное, словно океан, слово «вода». Школа имени Тулубея находилась на самом высоком месте, на вершине холма, от подножия которого уже стелилась степная равнина, готовившаяся стать дном водохранилища. Совсем скоро должна была там, вдали, поближе к горизонту, засверкать вода. И в классе даже на уроках нет-нет да и поглядывал кто-нибудь в окно. Может быть, ни один матрос на каравелле Христофора Колумба не мечтал так раньше других объявить «Земля!», как хотелось каждому мальчишке первому закричать: «Вода!»

Но вместе с водой, ожидаемой с таким нетерпением, подходили и дни эстафеты. Уже приезжал из райцентра лучший бегун тамошней школы пионер Алексей Загор-ный, не по годам рослый, длинноногий, договариваться с Витей Халилеевым — сильнейшим бегуном школы Тулу-бяя. Вырабатывались условия состязания. Уже составили команды. Дмитрий Антонович Гаенко, преподаватель физкультуры, теперь стал одним из самых влиятельных лиц в школе. То и дело к нему подбегали, спрашивали, советовались. Он теперь был не просто преподаватель физкультуры, он был тренером команды, которая должна была представлять пионеров-тулубеевцев на Празднике Воды.

## Глава II Семь пятниц Робинзона

Но на некоторое время даже о предстоящей эстафете было забыто.

Однажды, за несколько минут до звонка, в класс влетел Сеня Грачик. Он ворвался в класс, где все уже расселись по партам, и с разбегу вскочил на стул за учительским столом. — Ребята, тихо! — закричал он, отчаянно махая руками. Ребята, слушайте, мы скоро будем жить на острове, как Робинзоны.

— Вот дает! — сказал Ремка Штыб. Даже Сурик с некоторой опаской посмотрел на своего приятеля.

— У Робинзона был только один Пятница, а у тебя семь на одной неделе, изрек он. — Каждый день у тебя новости. Мила Колоброва вышла из-за парты, подошла к Сене, встала на цыпочки, дотянулась и прижала свою ладонь ему ко лбу, словно пробовала, не поднялась ли у него температура. Сеня отбил ее руку в сторону.

— Где это ты нашел необитаемый остров? — спросила Ксанка.

— Да нет! — Сеня затопотал на стуле. — Он будет обитаемый. Мы там будем сами обитать.

— Кто — мы? — допытывались из класса.

— Все мы. Я вам сейчас скажу такое, что вы просто запляшете. Пляшите заранее!..

— Охота была! — раздались голоса в классе. — Слезай лучше со стула! Чего ты там

звонишь! Ребята, стащите его!

Сеня на всякий случай ухватился за спинку стула, но не слез.

Ремка Штыб уже двинулся со своего места. Другие мальчишки тоже подскочили к Сене.

— Минуточку! — взмолился Сеня, отбрыкивая ногой тех, кто пытался приблизиться к нему. — Сурик говорит: у Робинзона только Пятница, а у нас будет целая неделя, и даже не одна.

— Да будешь ты говорить толком?!

Полная, рослая Мила Колоброда, увернувшись от Сенейной ноги, схватила его обеими руками за пояс и стала трясти, приговаривая:

— Не тяни, не тяни, не тяни!

— Оставь, Милка! А то я сейчас тебе таким приемом дам, что помнить будешь. Ребята, слушайте! — торжественно объявил Сеня (у него самого уже екало в горле от нетерпения). — Мы ведь должны были переезжать в новое помещение за Первомайской. Ведь школа станет у нас десятилеткой с будущего года, а рабочих рук дефицит, то есть не хватило. Все брошены на строительство канала. (Чувствовалось, что Сеня слышал у кого-то все эти слова. А Сеня и правда только что слышал, как председательница Галина Петровна говорила об этом, стоя возле школы с Глебом Сильичем, директором.) А вода подходит, — продолжал Сеня. Нашу школу надо сносить. Значит, где нам теперь учиться?

— Ур-ра! — завопил Ремка Штыб в полном восторге. — Точка занятиям. Вот здорово — это ловко получилось! На целый месяц раньше отпустят. Во ловко!

И он встал на голову, болтая ногами над партой.

— Перевернись нормально, — посоветовал ему Сеня, стоя по-прежнему на стуле. — Рано радуешься. А Ирина Николаевна с разрешения Глеба Сильича договорилась уже в исполнкоме. Вчера инженеры приходили смотреть. Мы же на возвышенности. Сюда вода подойдет не так уж скоро. Может быть, даже в этом году и не подойдет совсем. И Глеб Сильич уже был в исполнкоме и с Ксаниной бабушкой, Галиной Петровной, согласовал все.

— Да что согласовал? Про что ты говоришь? Хватит тебе кругом да около вертеться! Говори толком! — закричали со всех сторон.

— Ты испытываешь предел нашего терпения, — добавил, как всегда, Сурен. Предупреждаю, у меня оно уже исчерпывается.

— Так вот, слушайте: решили, что пятый класс, наш и седьмой остаются заниматься тут. Здесь скоро получится вроде острова. Вода же кругом обойдет, понимаете? И мы тут прямо будем жить. Ведь мальков классы освободятся. Нам будут сделаны в них эти самые, общежития, спальни, или, как их, тротуары, что ли... Елизавета Порfirьевна сказала...

— Доргтуарды, — поправил Пьер.

— Ага! Потому что невозможно каждый день всех два раза взад-вперед возить на лодках. Хотя лодки уже к нам везут. Уже на станции, говорят, выгружают. Вот и будем мы тут жить в школе. Будем как на острове. Правда, здорово?!

— Уй, это да-а!.. — пронеслось по классу.

Девочки растерянно поглядывали на окна. Должно быть, старались представить себе, как это они будут тут жить, окруженные со всех сторон водой. А у мальчишек уже глаза разгорелись. Все стали наперебой уточнять, как это получится здорово — словно на корабле будем!

— И флаг поднимем на крыше, — мечтал вслух Сеня. — А питание нам будут привозить, и девочки станут его разогревать.

— Ну конечно... Обязательно девочки. Почему это именно девочки?

— Вы будете кухарить, такое уж ваше дело, а мы будем швабрами полы мыть, успокоил их Сеня.

— Надраивать! — внес поправку всемудрый Сурен.

— Надраивать палубу, как на корабле, — прибавил Пьер.

Никто даже не заметил, как вошла Ирина Николаевна. Она сразу поняла, что классу

уже все известно.

— Так как же, довольны? Или все-таки побаиваетесь? — спросила вожатая.

— А чего трусить? Го! Бояться!.. Вот еще! Ее обступили со всех сторон, отталкивая друг друга, прорыгаясь к ней вплотную, затеребили вопросами:

— А родители отпустят? — Ирина Николаевна, мы здесь, значит, и ночевать будем? Вообще жить?

— А в выходной будем ездить домой на лодках?

— А в кино как? Нас будут возить?

Ирина Николаевна, поворачиваясь в разные стороны, откуда неслышь вопросы, объясняла, что в кино будут возить, и домой отпускать на воскресенье, и на Праздник Воды все поедут. Но жить будут в младших классах, которые переоборудуют в дормитории. В Совете надеются, что порядок у школьников будет образцовый. И ей, Ирине Николаевне, доверили все это дело. Не только директор и завуч Елизавета Порфириевна, но и она будет отвечать перед родителями, перед городом. И вожатая надеется, что пионеры не подведут.

— Все это, конечно, довольно трудно, — заключила Ирина Николаевна. — Но что делать? Иначе нам придется терять целый месяц занятий. С новым помещением получилась задержка. Не бросать же нам учение до конца года. Вот и решили использовать опыт волго-донцев. Они его успешно провели, когда строили канал. Там на одной станции такая же заминка со строительством школы вышла, и ребята прекраснейшим образом жили и занимались в старой школе, хотя их уже окружала вода. А что, разве у нас с вами кто-нибудь боится?

Конечно, никто не боялся. А если кто немного и трусил в душе, то не подал виду сейчас.

Однако все это было не так-то просто. Строительная комиссия, обследовавшая здание школы и холм, на котором она располагалась, вынесла заключение, что необходимо произвести работы по укреплению грунта возле школы и на всякий случай оградить ее водозащитной дамбой. Начались сильные весенние дожди, паводок мог быть высокий. Нужно было принять меры, чтобы вода не подошла к самым стенам школы.

И вот теперь каждый день утренняя смена после уроков, а дневная до начала занятий отрабатывали по два часа на возведении дамбы вокруг школьного участка. Само здание школы стояло на крутогоре. Когда-то, в старое время, здесь было рудничное управление. Управляющий Альберт Оттович Грюппон избрал эту возвышенность потому, что считал нужным иметь постоянно хороший обзор вверенного ему района из окна своего кабинета. И действительно, из этой комнаты, где теперь была учительская, открывался великолепный вид на поселок и примыкающий к нему край степного пространства. А прежде из окна кабинета управляющего была видна как на ладони вся старая Сухоярка, и копры, и терриконы, и трущобная, нищенская Собачеевка, где когда-то селились как попало, в грязных хибарах.

Большой пустырь, оставшийся после снесения Соба-чеевки, а частично и нескольких старых кварталов самой Сухоярки, отделял школьный холм от плоскогорья, на котором, собственно, и был теперь городок. Там, на возвышенности, возводились новые кварталы. Там же достраивалось и новое помещение для школы. Все расчищенное пространство до возвышенности, где сегодня еще оставалось старое школьное здание, должно было вскоре покрыться водой, которой таким образом предстояло полностью отрезать школу от города. Но в этом не было ничего страшного. Жили ведь так школьники одной задонской станицы в ту весну, когда заканчивалось строительство Волго-Донского канала. Жили в отрезанной водой школе, да еще учились как! Ни одного дня не потеряли, ни один человек не остался на второй год. Об этом тогда и в газетах писали.

Но, может быть, вы думаете, что легко два часа подряд копать лопатой землю? Или утрамбовывать ее на крутом склоне дамбы? Или возить щебенку в тачках? Или таскать и укладывать глыбы песчаника? Нет, это не пустяки!..

Но зато — черт возьми! — до чего интересно было чувствовать себя тоже одним из покорителей стихии, как любил выражаться Сурен Арзумян, одним из тех, кто взялся

управлять судьбой воды и указывать ей путь. И как приятно было потом, показывая друг другу натертые ладони, пить кружками воду из холодного кипятильника, сплевывать в сторону и снисходительно признаваться:

— Ничего. Досталось сегодня нашему брату.

Все работали. Все, даже Ремка Штыб, который единственno чему научился у строителей, так это кричать: «Перекур!» — и втыкать лопату в землю, обивая ладони о штаны, хотя, конечно, курить при Ирине Николаевне он бы никогда и не решился. Все работали. И каждый делал что мог. И напрасно прикрепленная со строительства шо-ферка Тася, языкастая, разбитная — Сеня знал ее, потому что она прежде работала в автоколонне отца, — подъезжая задним ходом на своем самосвале со щебнем, кричала, перекрывая грохот ссыпающихся камней:

— Эй вы, интеллигенция, поворачивайся! Это вам не задачки в классе решать: «а» плюс «б» сидели на трубе.

— Езжай, езжай, не задерживай! — кричали ей ребята низкими, нарочито натуженными рабочими голосами.

Но вода поднималась быстрее, чем насыпь. И стало ясно, что руками одних школьников не успеть взвести дамбу. Зальет... И тогда председательница Галина Петровна самолично обратилась к старикам пенсионерам. Она застала их после очередной лекции о международном положении во Дворце шахтера в тот самый момент, когда те направлялись к буфетной стойке, чтобы выпить кружечку пива за мир во всем мире и его борцов и сторонников.

— Здоровеньки булы, деды честные! — начала председательница.

— Галине Петровне наше почтенье! — приветствовали ее старики.

— Вот что скажу я вам, отцы премногоуважаемые! Все-то вы пошумливаете да погуливаете. А я хочу спы-тать вас не на громкие слова, а на одно дело. Оно вроде как бы и не громкое, да доброе. Какое ваше будет мнение?

— Обрисуй, Галина Петровна, какое твое есть предложение? — спросил старик Лиходий.

— С лопатой еще вы управляетесь? Тачку откатить в силах? Или уже весь пар из вас вышел, весь уголек вынули, пустая выработка одна в вас осталась?..

Старики настороженно затаились, не совсем еще понимая, к чему клонит председательница. Тут Галина Петровна и сказала, что не справляются ребята-школьники, обгоняет их наступающая вода. И вот хорошо было бы подсобить им. Устроить субботник у школы. Словом, чтобы старые выручили малых.

— Нам что субботник, что воскресник — уже едино, — дружно загомонили старики. — Об чем речь?! Пока ноги носят, и руки от дела не отказываются...

И они явились на другой день к школе.

— А ну-каси, счастливое детство... Давай место обеспеченной старости! Извини-подвинься.

— Берись, братья! Станови-ись!..

Старики мигом разобрали лопаты, тачки. И дело у них пошло очень споро. Народ все был сноровистый.

А скоро появилась у основания возводимой дамбы и гороподобная фигура Незабудного.

— Старики, примите меня в вашу компанию.

— Это в Кукуе была тебе компания, а тут у нас бригада особого назначения и высшего возраста... Имей соображение, друг.

— Темный он еще, видать, как был, — подзуживал Зелепуха.

— Куда ты годный? — подсмеивался, наваливаясь грудью на рукоятку заступа, Перегуд. — Твоя сила была модная. А ты вот пошуруй, спытай.

— Будет вам грешить, старики! — обиделся Артем Иванович. — Мало уголька я порубал? Мало я с вами его на-гора выдал? А ну, посунься, давай сюда тачку. Грузи навалом

повыше. И без всякой натуги, легко, словно за руль мотоцикла, взявшись растопыренными руками за рукоятки тяжелой тачки, на которую старики постарались навалить как можно больше грунта, покатил ее вверх по крутому откосу насыпи и там одним движением плеча вывернул где положено...

Старики только затылки почесали да фуражки сдвинули на бровь.

И Тася-шоферка, подлетая на своем самосвале, теперь всласть пререкалась уже не со школьниками, а со стариками.

— Здорово, папочки! Сто лет в обед, сколько стукнет к ужину?

— Когда песок привезешь? — спрашивали ее.

— На какого шута вам еще песок сдался? — кричала она. — Из вас и так свой сыплется.

— Вот грубая... Геть отсюда, трепуха! А то как огрею лопатой! — И старики беззлобно замахивались.

Раз, когда до конца положенного срока работы оставалось часа полтора, Ремка отозвал Пьера в сторону.

— Давай смотаемся, — предложил он. — Сегодня в «Прогрессе» новое кино шикозное. Детям до шестнадцати лет нельзя. А у меня там контролер свой парень. На дневной пропустит. Айда.

— А тут как же? — Пьер в нерешительности обернулся к дамбе.

— Да брось ты. Хватит тебе и так вкалывать. Ты и так сегодня вон больше всех наворочал. Охота была тебе... А кино во, мировое! Мне Махан рассказывал. Из вашей заграничной жизни.

— Не видал я, что ли, этой... заграничной... И неудобно. — Пьер снова поглядел туда, где Ксана, Сурен, Сеня и Милка разравнивали по откосу дамбы землю. Они работали пригнувшись, прихлопывая лопатами грунт. Только локти мелькали из-за их спин. — Нехорошо как-то, — замялся Пьер. — Все наши ргбатают, а мы с тобой...

— Да ну! Выучился уже: «у нас», «наши», «работают», «трудятся»... Вон мама моя не глупая же, а отцу и то говорит: «Что тебе, больше всех надо». Больно ты уж скоро сознательный стал.

— Непрғавда! Не больше всех, а я хочу, как все... Странный ты какой...

— Ладно. Я странный, а ты иностранный, как ни старайся. Мне-то из шкуры лезть нечего. Счастливо оставаться! Он огляделся и, видя, что никто на него не смотрит, прислонил лопату к тачке, пригнулся, чтобы его не видно было из-за большой кучи накопанной земли, на минуту высунулся, помахал Пьери ладонью, приставленной к уху, и исчез...

И Пьер, почувствовав вдруг огромное внутреннее облегчение и непривычную решимость, боясь, как бы она в нем не прошла, кинулся с лопатой к ребятам. Ему было уже весело и хорошо, что он остался, что он со всеми, он, как все!

Споро и весело шла работа на дамбе. И Сеня, утирая пот, заливавший глаза, выпрямляясь, чтобы перевести дыхание, осматривался вокруг, ощущая необъяснимую радость.

«Нет, все-таки мне здорово повезло в жизни! Родился подходящее, где надо, у нас, а не где-нибудь за границей: и в самый раз, вовремя. А то мог бы еще и при капитализме.

Хорошенькое было бы дело! Но тоже, конечно, было бы интересно... В революции бы участвовал. Белых был бы, возможно, с Ворошиловым и Буденным. Тоже дело. Да, но вот, между прочим, Ксанки тогда бы еще и в помине не было...»

Впрочем, Ксана очень беспокоила Сеню. Он опасался, что ей не под силу работать вместе со всеми. Она ему казалась ужасно хрупкой и беспрерывно подверженной всем опасностям, которые имеются в жизни. Он считал, что она стоит слишком близко к тому месту, где самосвал ссыпает щебень, что берет слишком много песку в тачку и лопата чересчур тяжела для нее. А она почему-то всего этого не замечала. И только посмеивалась, когда Сеня высказывал свои бесчисленные опасения.

— Ну тебя, Сеня! — сердилась она. — Ты прямо хуже бабушки. Вроде Натальи Жозефовны! Честное слово!

И они смеялись над Сеней все вместе: она — Ксана, толстая Милка и Пьер, что было самое обидное. Но он, этот парижанин, работал на совесть. Лопата так и летала у него в руках. А тачку он вез по настилу, весело присвистывая, крича: «Аллон, аллон!» — что было не совсем понятно, но здорово. А иногда в особо решающие моменты Пьер добавлял уже по-русски лихое: «Дайожжь!» — что было похлеще уже привычного на слух «Даешь!»

Нет, плохи были дела у Сени. Ему казалось, что Кса-на уже просто не замечает его. Ее внимание целиком поглотил этот шикарный парижанин, который являлся на работу в такой умопомрачительной брезентовой куртке с прошитыми толстыми белыми нитками карманами, что, конечно, не глядеть на него уже было просто невозможно.

Сеня, признаться, уже не раз брал украдкой у Милицы из комода «Домашний секретарь-наставник» и рылся там среди образцов писем, чтобы найти подходящие слова для объяснения хотя бы в письменном виде. Но все не находилось годного образца. Трудно в самом деле было отыскать уместные для данного случая выражения в «Письме вдовца к подруге покойной жены с предложением руки» или в каких-нибудь других любовных, брачных, рекомендательных письмах. Было, правда, одно письмо, которое даже наизусть выучил Сеня. Оно называлось «Письмо, содержащее упрек девушке в неверности». Да, тут были кое-какие подходящие слова, их бы можно было пустить в дело.

*«Любезная Н.! (Это было нетрудно заменить «К».) Желаю положить конец моим отчаянию и беспокойству, взялся я сегодня слабой, дрожащей рукой за перо, дабы упросить тебя объясняться откровенно... Я давно заметил в тебе холодность ко мне, которую неоднократно доказала, но прости моему истерзанному сердцу... Не принимай моих слов ложно: ты знаешь, что я говорю, как мыслю, и не нанесу оскорблений без уважительных к тому, вернее — побудительных причин...»*

Сеня совсем уже собрался составить письмо по такому образцу и оставить его в парте у Ксаны. Но вдруг он почувствовал какое-то яростное отвращение — от всех этих советов пахло Милицей, ее помадами, кремами и притирками. Ему стало очень совестно и противно, что он вздумал говорить с Ксаной чужими, готовенькими словами. Это показалось ему почти столь же постыдным, как изрекать те гадости, которые внушал ему насилино, требуя, чтобы Сеня повторял их сам от себя, Славка Махан...

И как хорошо, что он отказался от этой глупой затеи — послать письмо, да еще написанное со шпаргалки. Ксана вдруг сама однажды на последнем уроке прислала ему записку:

*«Сеня, мне нужно с тобой срочно поговорить. Очень важно. Останься после уроков у библиотеки. Я вернусь».*

### Глава III Она пришла!

И вот она пришла, как обещала. Она возвращается обратно, когда школа уже опустела, и, запыхавшаяся, румяная, вбегает на второй этаж, где Сеня ждет ее в коридоре у библиотеки. Она подходит, спокойным движением поправляет косу и спрашивает:

— Что ты такой, Сеня, очень грустный? Все время я замечаю, что ты очень грустный.

Нет, — говорит он, — теперь я не очень грустный. Но только мне обидно.

— Нет, ты совсем грустный. Я же вижу. Зачем ты скрываешь от меня, Сеня? Я все вижу, — настаивает она.

— Ты меня об этом хотела спросить, Ксана? — отвечает он. — Так знай. Я не очень

грустный, но немножко, правда, печальный. Потому что мне обидно. Но вашему брату девчонке этого все равно не понять. Вы это понять не способны.

— Почему же я не в силах понять? — удивляется она на это. — Неужели я такая уж...

— Нет, ты совсем не такая уж, — перебивает он ее тут, — только ты многое не замечаешь...

Да, сейчас он скажет все, он больше уже не робеет. Теперь он скажет все начистоту. Пусть смеется, ему все равно.

И он говорит... Вот как он говорит, слышите! Смело говорит. Черт подери, почему бы в конце концов и не сказать всего! Он чувствует себя сегодня, как никогда, красноречивым, находчивым, остроумным.

«Ксана, — говорит он, — ты мне верь! Я тебе друг, как никто. Я тебе на всю жизнь друг. Можешь проверить. Хочешь — дай мне испытание, я докажу. Я знаю, что еще не доказал, но ты сама увидишь. Я такое еще сделаю, что стану достойным, чтобы тебе дружить со мной. Я знаю: у тебя папа был такой человек, настоящий герой... И это надо заслужить еще, чтобы ты относилась, как я к тебе отношусь. А я к тебе знаешь как отношусь?! Если бы ты даже родной сестрой мне была, я бы так не относился к тебе. Ты для меня всех главнее и лучше. Нет, Сурик тоже хороший, но он просто мне друг. Он товарищ мне, и все. А ты тоже хороший товарищ по пионерской линии, но только ты еще важнее, чем товарищ. Пьер тоже, конечно, парень ничего, хотя недовполне еще совсем сознательный. Но он не виноват, конечно, потому что был перемещенный. А с виду он, конечно, это я, Ксана, понимаю — куда мне... Он правда похожий, как в кино бывает. Но другие, Ксана, есть, может быть, не хуже его, хотя и виду того у них с наружности пока нет. И мускулы еще не совсем развитые. Конечно, не все могут быть такие же здоровые, как Ремка. Ну и ладно, пусть, нехай так! Он сильнее. Ведь не в том дело. А есть и другие, которые, может быть, ничего не боятся и готовы за тебя на что хочешь. И могут это доказать, хотя они, возможно, с виду и незаметные...»

А она, она так и впилась в него глазами и слушает. И как слушает! Нет, не смеется ни капельки. И какие глаза у нее! От них кругом светло. Кажется, сейчас еще раз взглянет она на него, и побегут по стенам солнечные зайчики. Да, она все поняла. Пусть теперь знает, каков он и как к ней относится. Пусть знает, что за человек Сеня Грачик и что скрывается под его внешностью, которая, конечно, хуже, чем у этого парижанчика.

Она молчит. Он никак не может представить себе, что она должна сказать, выслушав его. Что же, он готов ждать сколько угодно...

— Ты давно ждешь? — раздается ее торопливый голос снизу, из-под лестницы. Сеня, ты там, наверху?

Все. Она поднимается. Сейчас она будет здесь. А все слова, которые он только что как будто уже сказал ей, влетели обратно ему в рот. Он даже поперхнулся ими и сейчас так и не может откашляться. Вот она быстренько бежит, стуча тапочками по лестнице. И он уже понимает: ничегошеньки он ей не сможет объяснить. Слова он не скажет. А до чего все это умно, просто, убедительно и складно получалось у него только что, когда он представлял себе, как будет говорить с Ксаной.

Она уже взбежала наверх, перевела дыхание.

— Ой, извини меня, Сеня. Я задержалась. Мы стенгазету рисовали специальный номер о воде. Нарисуем Штыба и как будто он захлебывается и пускает пузыри, а остальные все ребята, понимаешь, уже как будто на высоком берегу. Правда, хорошо будет?

— Ну, — сказал он грубо, — зачем звала? Опять пионерское поручение?

— Сеня... — Она опустила глаза. — Сеня... Это совсем особое поручение.

— Так и знал! — буркнул он, разглядывая расписание выдачи книг по абонементам, прикрепленное к двери.

— Сеня, у меня к тебе просьба. Даже не у меня, а вообще у нас у всех. Наши договорились с той школой в райцентре насчет эстафеты. И, понимаешь, такие условия поставлены — чтобы только успевающие. Кто не успевает, тех в команду нельзя, хотя бы

они и самые лучшие бегуны и физкультурники. Дмитрий Антонович очень беспокоится. Ирина Николаевна тоже волнуется. Как ты считаешь?

— А чего мне волноваться? У меня по всем пятерки.. — Да при чем тут ты? Ты же не бегун.

— Здравствуйте! Тебя перегоню.

— Так ведь тебе, Сеня, не со мной гоняться. А там знаешь какие ребята в районной школе?

— Ну, а если мне не гоняться, так при чем тут успевающий я или неуспевающий?

— Да? — проговорила она и негодующе поглядела на него. — Да! — Теперь она смотрела на него уже чуть ли не с презрением. — Да, есть еще такие люди, которые только и думают что о себе... Которым до других и дела нет. Встречаются еще такие. Их не интересует то, что для других, может быть, самое важное. Ты, значит, хочешь, чтобы приз был не у нас, да? Чтобы он им достался, районным? Пусть забирают, да? Пусть? Тебе все равно?..

В голосе ее что-то словно раскололось на занозистые щепочки, и у самого Сени вдруг как-то странно зацарапало в горле.

— Я, честное слово, не понимаю, Ксана, чего ты от меня хочешь?

— Нет, ты скажи, исполнишь, что я тебя попрошу?

— А что исполнить?

— Нет, ты только скажи — исполнишь, да?

— Ну, пускай да. Чего ты от меня хочешь?

— Чтобы ты помог.

— Кому помог?

— Ну, нашим. Ремке Штыбу. Он же наш лучший бегун в школе. Ну и потом...Она стала что-то внимательно высматривать за окном. Сеня невольно поглядел туда же, но ничего примечательного не увидел. — Ну, и Кондратов... Пьер тоже очень хорошо бегает, — сказала она как бы между прочим. — Помнишь, когда на экскурсии стали пробовать, он всех перегнал.

— Жаль только, что его вчера все перегнали на контрольной, — зло заметил Сеня.

Он уже все понял. Так. Ясно. Ему, как отличнику и образцовому пионеру, придется сейчас натаскивать для контрольных работ по математике и русскому языку этого нахального балду Ремку Штыба. Еще недоставало, чтобы пришлось заниматься с Пьеркой. Ну, сейчас он скажет ей все, что думает. Пусть знает!

— Ксана, — решительно сказал он, — имей в виду! Я тебе прямо скажу. Можешь не обижаться. Если я это делаю, то только для тебя.

Она замотала головой, зажмурилась:

— Нет, Сеня, нет. Так я не хочу. Я хочу, чтобы ты это сделал для всех нас, для школы.

— Ладно, пусть будет для школы, — повторил он уныло.

— Не во мне дело! Ты должен понять.

— Да я понял все. Я говорю — пусть. Пусть для всех. Только одно знай — уж не для Пьерки твоего. Это имей в виду.

На другой день в исполкоме, в отделе народного образования, вместе с представителями районной школы разрабатывали окончательный порядок проведения эстафеты в честь прихода большой воды. Еще раз было подтверждено, что в команду не войдет ни один из неуспевающих. Физкультурник Дмитрий Антонович пытался скомкать этот пункт условий, но запротестовали товарищи из школы райцентра, у которых насчет успеваемости все было в полном порядке. Напрасно молодой учитель физкультуры делал таинственные знаки, пожимал плечами. Ирина Николаевна поддержала представителей райцентра. Дмитрий Антонович только рукой махнул — дескать, пеняйте на себя.

Эстафету решили проводить комбинированную: бег, велосипед. И вот это было полной новинкой для здешних мест — один из этапов проходил по воде. В райцентр уже были завезены байдарки. И на одном из этапов жезл эстафеты предстояло доставить водным

путем.

Когда шли обратно после совещания вместе с Артемом Ивановичем, физкультурник Дмитрий Антонович сердито выговорил:

— Я вас просто не понимаю, простите меня, Ирина Николаевна, честное слово! Сами заботитесь о престиже школы, а ставите его под прямой удар. Где мы наберем столько отличников? У нас, извините, лучшие ученики — народ какой-то дохлый. А наиболее развитые, тренированные двойки еще не исправили. Честное слово, просто не понимаю. Сами говорите, что боретесь за честь школы...

— «За честь»! — прервала его Ирина Николаевна и даже остановилась на улице. — Вы это слово понимаете? Честь — не прослыть! Честь — это быть! Понимаете?

— Очень хорошо понимаю. Не хуже вас. Но при чем тут?..

— А честь всегда при чем. Она при всем. Будем подтягивать ваших, как вы их называете, «развитых». Пионеры за них взялись. Сеня Грачик... Кстати, я что-то не замечала в списках команд ни Грачика, ни Арзумяна.

— Арзумян отличный шахматист, но не более того, — сказал Дмитрий Антонович. — Вы, может быть, в эстафету включите бег конем по шахматной доске? Ну, Арзумяна мы на велосипед. Ладно. А Сеня Грачик это вообще дох-лик недоразвитый.

— Противно выражаетесь! — уже окончательно рассердилась Ирина Николаевна. Грачик великолепный парень, на редкость способный, честнейший мальчишка. Он воду ждет, как никто. Знаете, он даже плавать уже теоретически выучился. Может быть, он уже и грести теоретически умеет? Ведь тут вряд ли райцентр сможет выставить серьезного соперника. На этом этапе. Ведь это, как я понимаю, этап скорее символический. В районе ведь воду тоже только сейчас заполучат. Вот и давайте Сеню Грачика посадим на байдарку. Придется вам его недельку-другую потренировать. А Сурена посадим на велосипед.

— Ну, знаете, это какая-то комедия. Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот задом наперед. Мартышкины состязания. Видел я такое детское лото. Правда, Артем Иванович? Вот скажите ваше авторитетное мнение.

— Мое мнение такое, — сказал Незабудный, — мое мнение такое, что нельзя малого от этого дела вовсе отводить. И так ему обидно. Он нутром сильный парнишка — не подведет. И крепкий. Вы зря ему не доверяете. А он обижается. Пришел недавно и спрашивает: «Дядя Артем, а вы, наверное, меня не уважаете, что я такой несильный...»

— Ну, смотрите, — не унимался Дмитрий Антонович, — плакал ваш приз.

— А чего ему плакать? — Ирина Николаевна с вызовом оглядела физкультурника. — Пусть достается лучшим. А вот мальчику плакать я не дам! Это как хотите.

В тот день Сеня вместе с Ксаной, Пьером, Суриком и Милой опять поднялись на террикон, куда они теперь ходили каждый день. Но сегодня они забрели не зря: сверху, сквозь легкое закатное марево, плывшее над степью, они впервые увидели там, вдали у горизонта, еще неуверенную, прерывисто мерцающую серебряную полоску. Она то пропадала в сизоватой дымке, то снова проблескивала. И оттуда дул какой-то совсем по-новому пахнущий ветер. Ребята широко раздутыми ноздрями старались втянуть неуловимый и будоражащий сердце влажный ветер, который еще никогда не залетал в Сухо-ярку.

На другой вечер, едва кончились уроки, они снова прибежали сюда и вскарабкались на крутой конус террикона, боясь, что исчезнет вчерашнее видение. Но нет, оно не исчезло. Сегодня уже уверенно поблескивало там, вдали. И, когда стемнело, огни строительства вдруг как бы сдвоились. Каждый теперь отразился там, в зеркале воды, которую скрыла темнота.

И тут уже никто не выяснял отношения, и забыты были все обиды и распри. Ребята прыгали и носились по террикону, и плясали, и кричали:

— Вода! Вода! Вода!

Пока снизу не заругался сторож и не прогнал всех.

А через день на уроке Елизаветы Порфириевны за окном класса вдруг мелькнуло что-то белое, метнулось, исчезло, снова появилось. И все, оторвавшись от тетради с очередной

контрольной письменной, увидели: там, за окном, косо взлетала, пересекая пространство, то как бы съезжая по невидимому наклону, то вновь взмывая, никогда не виданная в этих краях острокрылая птица. Она присела на гребень крыши сарая и побежала, тяжело приседая, раскачиваясь разлапистая, странно неуклюжая на бегу, с большим клювом, утолщенным к концу и слегка загнутым вниз. И вдруг снова взлетела легко и как бы повисла в воздухе на распластанных белых снизу крыльях, лишь едва-едва шевеля ими.

— Товарищи дорогие... ребята! — сказала Елизавета Порфириевна и встала. Как зачарованная приближалась она к окну. — Честное слово, это же чайка!

## Глава IV Островитяне

Вода приближалась. Она уже подходила к самой Сухоярке. Все в поселке готовились к встрече с водой. Ее ждали, как невесту в доме. Перед ней все раскрывалось, все прихорашивалось.

Старик Зелепуха поставил на овражке, куда уже зашли первые струи приближающейся воды, рейку с попечными синими полосками. Каждое утро и вечер приходил он, чтобы отметить, как идет прибыль, на сколько поднялась вода. Он уже выкопал и пересадил из района затопления высокую раинку, которая когда-то росла возле его теперь снесенного дома. И раинка перебралась на возвышенность, к новому жилью своего хозяина — собранному на новом месте срубу. Уже закончено было переселение в красивые, новые дома, которые успели возвести в районе Первомайской. Уже строилась, пока еще на сухом месте, лодочная станция. Ее устанавливали как раз в том районе, где и должна была разыгрываться пионерская эстафета в честь Праздника Воды.

Сначала вода появилась в домах, в новых кварталах, сложенных из желтого стесанного плитняка. На строительстве пустили фильтровальную станцию. Засипели водопроводные краны. Закурлыкало что-то в трубах, к которым давно уже припадали нетерпеливым ухом сухоярские ребята: при каждом шорохе мчались они на кухню, чтобы повернуть кран над раковиной. Вот однажды из него сперва капнуло раз-другой, потом прыснуло. Вытекла струйка, короткая, жиidenькая, как косичка первоклассницы. И вдруг, — сперва отфыркиваясь, а затем ровной тугой струей ударила вода. Водопровод! Водопровод! Люди теперь приходили в гости к счастливчикам, уже поселившимся в новых домах, чтобы полюбоваться, как идет вода из крана. И она бежала, прохладная, кристально-чистая, без той проклятой муты, с которой тут давно примирись, била звонко в дно кружки или стакана, пузырилась и, казалось, пьянила. Люди наведывались друг к другу, звонили по телефону:

— Ну как, у вас идет? У нас что-то перестала. Говорят, на нашей линии авария. Выключили временно. Обещали к вечеру...

И все понимали, что речь идет о воде.

А многие чересчур заботливые матери были сперва не на шутку перепуганы, решив, что ребята их объелись чем-то и приболели животами, почему и бегают бесперечь в тот уголок новой квартиры, где так интересно было дернуть за ручку на цепочке, чтобы сверху из бачка с шумным клокотанием, балабоня, обрушилась вода. Две недели лившие до этого дожди ускорили приближение воды. Она прибывала, намного опережая ранее намеченный график. И Сеня с Суреном каждый вечер тоже теперь ставили вешку у ее кромки и радовались утром, когда пруток оказывался уже торчащим далеко из воды.

Вода подступала уже к откосам дамбы, которую возвели вокруг школьного холма. И чем ближе подходила вода, тем больше начинали тревожиться многие родители, которым предстояло отпустить ребят на островное житье.

Неутомимая Ирина Николаевна ходила из дома в дом и уговаривала:

— Простите... В лагерь, я спрашиваю, в лагерь пионерский вы бы их отпустили? Ведь ездили они у вас в лагеря. Ну и считайте, что это будет учебный лагерь, причем у вас прямо на виду, на глазах, как говорится.

— Так то ведь, милая, на сухом месте было, а тут вода... Боязно как-то.

Но так или иначе, а всех удалось уговорить. Провели специально родительское собрание в помещении школы, и понемножку отцы и матери успокоились.

Действительно, ну будут жить, как жили прошлым летом в лагерях, только на этот раз даже ближе и на виду. Да и власть грядущей воды была так велика, так ласкала взор и душу все приближающаяся с каждым днем к поселку прохладная гладь, что трудно было противиться.

А вода поднималась. Вода большая, всенасыщающая, утолительная, мощная в своем тугом застывшем покое. Она заливала все мелкие неровности. Она все утопила под собой — мусор, свалки, заровняла буераки и бугры. И пошла растекаться сверкающей, почти безбрежной далью до самого горизонта. Так загаданное приходит наконец и поглощает все, что противилось ему, и стираются понемногу неказистые приметы прошлого. Удивительным образом обновлялось все вокруг. Даже весеннее, по-южному жаркое солнце теперь светило не так, как прежде, когда оно сквозило через белесое марево, обычно в эту пору уже всползшее на небо. Воздух стал чище, и солнце было ясным, словно смывшим с себя прежнюю муть.

Неба в Сухоярке всегда хватало. Неба тут было много. Степного, открытого неба, голубого в куполе, палевого к горизонту. Но теперь неба стало еще как будто в два раза больше. Голубизне его снизу вторила светлая гладь водохранилища. «Было высоко, а стало глыбоко», — как изрек, к сокрушению Елизаветы Порfirьевны, Сеня Грачик.

Во многие воды на свете гляделся Артем Иванович. И в большие и в малые. И в текучие и в стоячие. Но ни в одной не доводилось ему отражаться с такой отрадой, как в этой, желанной, давно загаданной и пришедшей на зов самых заветных дум. Первыми у воды появились трава и мальчишки. Трава, словно чувствуя приближение влаги, лезла из всех пор, пробивалась между камнями с тем, чтобы завтра же быть затопленной. А мальчишки уже пускали бумажные кораблики, учились бросать камешки «блинами», задрав штаны, бегали по мелким местам и рассуждали о капризах морской погоды и превратностях жизни матросской.

За мальчишками явились собаки. Сперва поджав хвосты, приближались они к воде, которой никогда еще за свою недолгую собачью жизнь не встречали в таком обилии. Припав на передние лапы у самой кромки берега, с удивлением смотрели они на свое отражение, никогда прежде невиданное; отпрянув на секунду, снова подходили, пробовали языком и потом принимались лакать с судорожной жадностью — поселковые собаки, вечно умиравшие от жажды.

Потянулись сюда и коровы. Они заходили в воду и долго стояли так, поводя раздутыми боками, испытывая неведомое им прежде наслаждение.

На перекрестках забили, как бубен, ведра под тugo скрученными струями из водопроводных колонок там, где трубы еще не вошли в дома.

Поливальщики стали по утрам нахлестывать улицы водяными бичами из брандспойтов, прибивая пыль, от которой всегда жития не было в поселке с первых же сухих дней. Сухоярка утоляла свою вековую жажду.

Только Милица Геннадиевна не разделяла общего настроения.

— А что мне ваша вода? — говорила она Сене. — К морской твоей жизни я никогда вкуса не имела. А чай пить да постираться мне и так хватало. С водовозом хоть поговорить было можно, новости, какие есть, узнать. А что мне ваш крантик?

Но Незабудный утешил Сеню, когда тот пожаловался ему на несознательность Милицы.

— Да ты чего ее слушаешь? — сказал Артем Иванович. — Я же тебе говорю: она на манер как от всего беглая. Живет хуже, чем наш брат эмигрант был. Мы хоть сослепу да с перепугу, правды не видя, драпанули тогда. А эта тут забилась за свой комод, за ширмочку, застави-лась розами бумажными и не видит, что люди уже вон какой живой цвет растят. Уж верно сказано: таким хоть кода не теки...

Тем временем вода текла, прибывала и уже обходила школьный холм. И ребята с гордостью утверждали, что они уже учатся на полуострове. Всем хотелось не упустить момента, когда слева и справа обходившие холм воды сольются и окончательно отрежут школу от городка.

Уже закончилось переселение. Уже малышей перевели на «большую землю», как тотчас же Сеня и Сурик окрестили теперь возвышенность в районе исполкома. Уже были повешены на дверях освобожденных классов дощечки с надписями: «Спальня мальчиков 6-го класса», «Спальня девочек 7-го класса». Там, в бывших классах, поставили аккуратные, чистенькие кровати, которые раздобыла в райцентре председательница исполкома Галина Петровна. Сначала в районе попробовали было засторгнуться, сказали, что трудно внезапно достать столько незапланированных коек. Но характер Галины Петровны Тулу-бей, очень спокойный и абсолютно при этом неуступчивый, хорошо знали во всей округе. Она заявила, что детям по ночам запланировано спать. И сверхплановые кровати нашлись.

А как известно, место, где хоть бы раз пришлось переспать ночь, кажется наутро обжитым. Но все же это был пока еще полуостров. Небольшая узкая гряда, шедшая от возвышенности, еще соединяла холм с «большой землей». А как указано в учебнике географии, лишь часть суши, со всех сторон омываемая водой, зовется островом... И все с нетерпением ждали, когда вода зальет перемычку и совсем отрежет школу.

Только Пьеру сперва почему-то не понравилось на полуострове. Может быть, потому, что классы-спальни с койками, стоявшими в ряд, напоминали о дортуарах приюта...

На третий день после переселения, как ни старались учителя сохранить обычный порядок, никому уже не сиделось за партами. То и дело в тех классах, которые были обращены окнами к оставшейся перемычке, ребята приподнимались, тянулись с места, старались заглянуть, как там вода...

— Грачик! Ступина! Чего вы там не видели? — удивлялся Глеб Сильич, ведший урок в шестом классе. — Вы что, на воду еще не нагляделись? Сидите спокойно. Не понимаю, что вам не сидится сегодня. Кажется, уже переехали, перебрались, так все равно, кругом же вода. В конце концов, что изменится оттого, что вон та полоска земли уйдет в воду? Ведь отпуска на берег я уже отменил позавчера.

Но и этот день прошел еще на полуострове. Несколько раз вставал ночью Сеня, тайком выглядывал в окно. Нет, полоска земли еще тянулась от берега к школе. Оставалось совсем немножко, метра полтора, когда перед рассветом Сеня снова высунулся в окно, чтобы посмотреть. Но дежурный Витя Халиев велел ему немедленно вернуться на койку и не мешать всем спать. А когда проснулись наутро...

Остров! Настоящий остров! Школа стояла на островке. Перемычка уже целиком ушла под воду. Со всех сторон была вода. Она плескалась за окнами, ветер гнал легкую рябь, и мраморные отблески бежали по стенам и потолку класса.

А через два дня Ремка Штыб выловил первую рыбу. Повезло парню. На простую муху, насаженную на заостренную проволочку, он выудил какого-то малька. Все ходили в шестой класс смотреть эту маленькую рыбешку.

И Ремка Штыб был героем дня.

Еще до переезда у Сени состоялся разговор с Ремкой и Пьером. Он был примерно такой.

— Ребята, — заявил Сеня, — вам, надеюсь, говорили... Я назначен вас подтягивать.

— Прямо уж! — протянул Ремка.

— Да. И вам придется нажать. Я помогу.

— Уж сейчас!

— Не хотите — не надо. Но имейте в виду, в команду вас не поставят иначе.

— Стой! Это уже не тавэ!

— Ну, тогда не валяйте дурака.

— А, Пьерка? — Ремка повернулся к своему приятелю. — Пойдем навстречу? Пожалуйста? Куда? — не понял тот.

— В том-то и штука, что не подашься никуда, — ответил Ремка сердито. — По занятиям выровняться велят. Потеть придется. Ясно?

Пьер кивнул. Неизвестно, как по русскому языку успевал Пьер, но тот дурацкий, тарабарский язык, которым изъяснялся с ним Ремка, он уже постиг полностью.

— Закэ, — сказал он пренебрежительно, что означало: «законно».

— Поке, — заключил Ремка, прощаясь.

Постепенно устраивался быт островитян. С берега перевозили на большой лодке-дощанике обед в огромных кастрюлях, судках и термосах. Дежурные девочки под руководством Ирины Николаевны разогревали его на кухне. Домашние задания они теперь были не совсем домашние, а тоже школьные, классные — готовили сообща. И ребята заметно подтянулись. Только с Ремкой Штыбом не было сладу. Он не являлся на занятия. Сидел с самодельной удочкой, свесив ноги наружу, на подоконнике, там, где вода подходила к самым стенам школы. Да и Пьерку он подбивал, чтобы тот не занимался. Сколько ни бился с ними «общественный репетитор», как называл шутя кто-то из учителей Сеню, — у обоих, и у Пьерки и у Ремки, еще красовались в дневнике двойки по математике и по русскому. Иногда хотелось уже плонуть на все и отказаться.

— Не стану я вас больше подтягивать! — заявил в сердцах Сеня. — Не могу я вас силком тащить. Не хотите — не надо, получайте очередную пару.

— Ну и тю-тю кубок Тулубея! Увезут его — будь здоров! — насмехался Ремка Штыб.

— Да если нас нет — кубок адье! — спешил поддакнуть Пьер.

— И если будешь очень артачиться, — угрожал Ремка, — так мы мигом Ксанке скажем, что ты отказываешься выполнять пионерское поручение. Слушай, Сенька, ну чего ты, правда, зря с нами время тратишь? Ты нам лучше реши задачку, когда контрольная будет, подсоби, и все будет в порядке. И сочинение, когда будет. Все от тебя самого зависит.

А Ксана спрашивала то и дело: — Ну как они у тебя, двигаются?

— Я сам бы их двинул! — угрюмо отвечал Сеня.

— Смотри, Грачик, мы на тебя рассчитываем. Они же такие невыдержаные, что на тебя вся надежда. Имей в виду.

Через несколько дней на лодках команду участников эстафетного бега стали возить на берег для тренировки. Иногда приходил смотреть на подготовку к соревнованиям Незабудный. Присаживался на скамеечку, смотрел внимательно и частенько досаждал советами физкультурнику Дмитрию Антоновичу. Не сиделось старику на месте. Он все вставал, что-то собираясь заметить, сам на себя сердито махал рукой, садился, но через минуту не выдерживал опять:

— Тут, виноват, надо бы ему рывок чище отработать!

На лодочную станцию привезли новеньką легкую, пустотелую, как мандолина, верткую байдарку. И Сеня теперь под руководством Дмитрия Антоновича тренировался ежедневно, так как для этого не надо было ехать на берег. Байдарку разрешили каждый день пригонять к школе.

Тут и объявился снова Махан. На время он куда-то исчезал, и все надеялись, что он теперь совсем уже сгинул после позорного столкновения с Сеней и Незабуд-ным... Но, подобно тому, как разлившаяся вода иной раз приносila то пустую полузатонувшую жестянку, всплывшую где-то на пустыре, то дохлого суслика, то расколотое корыто, то еще какую-нибудь дрянь, так и Славку Махана неожиданно принесло на берег водохранилища. На земле ему уже, видно, не было подходящего места. Нашлось у воды.

Когда-то Славка Махан служил две недели в Николаеве на пристани, в память чего постоянно носил полосатую тельняшку, широченные матросские клещи со вставными клиньями по шву и всем показывал вытатуированный на руке якорь. Людей, знакомых с пристанями и лодками, в Сухоярке было еще очень мало. Пришлось принять услуги Махана. Он стал работать на лодочной пристани. Известие, что Артем Незабудный пожертвовал свой драгоценный кубок в качестве приза для пионерской эстафеты, Махан принял по-своему. — Темнит стариk. Свой припрятал, второй выдал, чтобы отцепились, чтобы разговора не было.

Хитер. Да не хитрой меня...

Пытался он завести снова разговор на эту тему с Пьером. Начал издалека, подходил осторожно: ну как, мол, дедушка пристроил капитал? И тому подобное. Но в школу Махана не пускали, а на берегу подробно поговорить не удавалось: сразу появлялись ребята, и в первую очередь тот же Сеня. Приходилось прекращать разговор. Махан возненавидел почему-то особенно Сеню. То ли он еще не забыл, в какой постыдной позиции видели его именно из-за этого пионерчика, который всюду совал свой нос и едва не заставил поплатиться таковым Махана. То ли он чуял, что Пьер постепенно начинает догадываться, что большая, справедливая и решающая сила не на стороне Ремки и Махана, а на стороне маленьского, на вид тщедушного Сени.

Приезжали тренироваться к лодочной пристани, в районе которой должна была проводиться эстафета, школьники из райцентра, чтобы пройти подготовку на этапах, где будет разыгрываться состязание. Это были рослые, уверенные ребята. И девочки были под стать — все крепенькие, высокие. И, глядя на них, Сеня решил, что действительно без Пьера, отлично показавшего себя на тренировках, и без Ремки Штыба, давно уже завоевавшего славу одного из лучших бегунов школы, не видать тулубеевцам почетного приза.

А тут еще физкультурник Дмитрий Антонович вдруг забеспокоился: хорошо ли умеет Сеня плавать? Без этого ведь было рискованно участвовать в эстафете на этапе байдарок. Легкое ненадежное суденышко всегда могло перевернуться в спешке состязания. До последних дней вода была холодная, и купаться еще не разрешалось. Но теперь южное солнце уже согрело верхние слои воды. Физкультурник решил попробовать. Сеня успокоил его, что он давно уже знает все способы плавания. «Теоретически», — еле слышно добавил Сеня, так как малый он был честный.

Теоретически? — только и протянул Дмитрий Антонович.

## Глава V

### Испытание на воде и на суше

В одном из пустых классов Сеня попробовал повторить на полу все движения, перенятые из учебника плавания. На полу получалось великолепно. Если завтра на воде он повторит то же самое, все будет в порядке. Но надо было попробовать сперва самому. Все складывалось отлично, так как Сеня был в тот вечер дежурным.

Когда все в интернате на острове легли, он вышел на откос дамбы, разделся до трусов и стал припоминать все, что затвердил из учебника по плаванию. Но как попробовать в первый раз?

Сеня уже давно выписал из того же «Домашнего секретаря-наставника», тайно взятого у Милицы Геннадиевны, один полезный практический совет по части плавания:

«Знаменитый ученый Франклайн, — утверждал «Домашний секретарь-наставник», — дает такой совет желающим научиться плавать: надо выбрать неглубокое место реки или моря, около берега, раздеться, взять в руки яйцо и, войдя в воду, отойти на некоторое расстояние от берега. Затем надо бросить на несколько шагов от себя яйцо в воду. Оно станет немедленно погружаться на дно. Теперь пусть бросивший попытается, наклонившись к воде всем тулowiщем, достать яйцо, опустившись на известную глубину: он тотчас убедится, что опуститься в воду передней частью не очень легко и для этого нужно усилие. И явление это ему докажет, что вода способна держать его тело, если он смело ляжет на живот, на что ему тем легче рискнуть, что он не на глубоком месте, всегда может стать на ноги».

В учебнике плавания, который Сеня знал уже наизусть, о таком способе ничего не говорилось. Но там имелось твердое указание, что учиться нужно непременно под руководством опытного инструктора или хотя бы хорошо плавающего товарища. Найти яйцо было значительно легче, чем подыскать в частном порядке опытного инструктора, тем более что Сеня не хотел бы осрамиться при ком-нибудь. Ведь в классе давно знали, что он лучший

теоретик по плаванию. Яйцо же выдали накануне за завтраком. Сеня не стал его есть, спрятал. И вот сейчас прихватил яйцо с собой на дамбу под школьным окном. Ночь была светлая. Луна в три четверти стояла прямо над водохранилищем. Серебряная дорожка, легонько виляя, протянулась по водной глади.

Раздевшись, Сеня попробовал ногой воду. Она показалась ему ледяной. На мгновение его охватила нерешительность — может быть, не стоит? Не лучше ли завтра пойти вместе с Дмитрием Антоновичем? Признаться ему, что плавать еще Сене не приходилось, и сделать первый опыт при учителе!

Но Сеня тут же сбросил с себя это краткое оцепенение. Сначала медленно вошел в леденящую воду и, стиснув зубы, втянул живот, стал осторожно передвигаться, постепенно заходя все глубже и глубже.

Теперь надо было бросить яйцо, которое Сеня крепко держал в руке. Сеня слегка нагнулся и пустил яйцо по воде. Но то ли яйцо было болтуном, то ли и тут наврал «Секретарь-наставник», яйцо не тонуло. Зато, едва ступив к нему еще один шаг, ушел в воду с головой Сеня. Вопреки поручительству «Домашнего секретаря-наставника», вода не держала переднюю часть туловища. Дно ушло из-под ног мальчика. Очевидно, оно обрывалось здесь круто в глубину. Сеня потерял упор, забарахтался, кувыркнулся, наглотавшись холодной, пахнущей чуточку какой-то гнилью и, как ему казалось, жирной воды. На мгновение Сене удалось всплыть на поверхность. Он, судорожно раскрыв рот, старался вдохнуть воздух. Вот тут уже проклятое яйцо и полезло ему прямо в открытый рот, так что он чуть не захватил его губами. Сеня с отвращением отогнал тыкавшееся ему в рот яйцо и почувствовал, что пальцы его ног касаются дна. Он стоял на цыпочках. Вода доходила ему лишь до подбородка, если задрать голову повыше. Достаточно было лишь немножко опуститься, стать на всю ступню, и рот уходил под воду. Тут Сеня, болтая руками, наткнулся на что-то твердое, схватил, сделал судорожное движение, чтобы выбраться на поверхность, и в свете луны увидел, что он держится за большую вешку, которую ребята когда-то поставили здесь, отмеряя наступление воды. Обеими руками уцепившись за вешку, он пытался подобраться поближе к дамбе. Но вода так и норовила перевернуть его. Ноги вело кверху, а голова и плечи то и дело уходили под воду. И вешка гнулась. Надо было звать на помощь. Ничего не поделаешь.

— Сурик! — закричал не очень громко, боясь перебудить всех, Сеня. Ему казалось, что верный друг его и во сне должен услышать зов приятеля, оказавшегося в беде. Но никто не откликнулся. Сеня начинал застывать. — Эй, Сурик! — повторил Сеня уже погромче.

И вдруг он услышал, как раскрылось окно спальни и кто-то выпрыгнул, должно быть, так как над головой Сени на берегу что-то плюхнулось на землю.

— Это кто есть? Ты чего? Алло? — услышал Сеня и сразу узнал голос Пьерки. Только этого недоставало!

— Ты зачем там? — спросил Пьер. — Вот Глеб Сильич узнает, он тебе!.. Не велели же!

— Я т... т... только т... т... так, хотел глубину пром... м... мерить, заблеял бедный Сеня, у которого уже зуб на зуб не попадал.

— Отчаянный ты! — сказал Пьер и уселся на берегу. — А вода холодная?

— Н... н... не очень чтоб-б-б, — пробубнил Сеня, уже совершенно коченея.

Вешка гнулась, стоять на цыпочках было уже невыносимо больно. Сводило пальцы на левой ноге. Но как Сене было признаться, что он не может сам выбраться из воды?

Пьер сидел почесываясь, потягиваясь. Потом посмотрел на окна школы.

— Хитерг ты! — с некоторым восхищением произнес он. — Вызвался дежурным быть, а сам — купаться. Не думал я, что ты такой отчаянный. А может быть, и мне искупаться? И до каких порг нам запрещать будут? Тем-пергатурга уже вполне, а? Как, по-твоему, темпергатурга воды?

— Нормальная, — забулькал несчастный, так как нечаянно опустил подбородок.

— А что это там плавает все около тебя?

— Яй-ц-ц-цо... — Зубы у Сени так и цокали.

— Это, наверное, утиное, — не спеша размышлял вслух Пьер. — Вряд ли здесь будет кургиное. Это утка, наверное, снесла. А ну, погони его ко мне, я тебе срязу скажу — кургиное или утиное. Утиное, оно обычно есть немножко... он... немножко плю гран... круглее и чуточку пргодолговатее и скорглупка немножко шергша-вая...

Неизвестно, сколько бы времени еще Пьер продолжал толковать о различии между куриными и утиными яйцами, но вдруг голова его слушателя ушла под воду и тотчас появилась с громким бульканьем. Сеня отчаянно отплевывался.

— Нырять учишься? — спросил Пьер. — Надо уши пальцами зажимать и ноздри.

— Пьер, — вдруг тихо взмолился Сеня, — я что-т-т-то никак не выйт-д-д-ду. Тут спасительная мысль пришла ему в голову, неукоснительно уходившую под воду. — У меня судорога. — Сеня слышал не раз о том, что судорога случается даже и у самых лучших пловцов и признаться в этом совсем не предосудительно.

— О-о-о, судорога — это очень плохо. Ложись сразу на спину, — скомандовал Пьер, — и уколи себя в икру, если у тебя есть булавка.

— Я без булавки плаваю, — признался совсем уже безнадежным голосом Сеня.

— Напррасно, совершенно напрасно, — поучительно прокартавил Пьер, — в прохладной воде лучше купаться, всегда имея при себе булавку на всякий случай. Воткнул бы в пояс тргусов. Что, она тебе плавать бы помешала? Ты, между прочим, осторожней, если судорога. Тут глубоко и может дно затягивать. — Пьер шагнул к самой кромке воды. — Ох, тут скользко как! Давай на всякий случай ргуку.

Сеня изо всех сил уцепился за руку Пьера, чуть не стащив его в воду. И тот, видно, почувствовал, что дело неладно. Он стал очень серьезным.

— Дергжись кргепко, Гречик, — проговорил он. — Не тргусь.

Он помог Сене вскарабкаться на берег. Пьери при-шлось тащить его изо всех сил, так как Сеня совсем ослаб. Собравшись в комок, обхватив свои трясущиеся плечи ладонями, Сеня присел на корточки и тихонько попросил:

— Т-ты никому не рассказывай, ладно?

— Какой ргазворог, — ответил Пьер.

— А то неудобно.

— Еще бы! Дежурный, — понял его Пьер.

— Спасибо тебе, — продолжал Сеня. — Я бы сам в жизни не вылез.

— Чего там спасибо. Пустяки. — Пьер помедлил и принял обеими руками растирать задрогшую спину Сени. — На контргольной ргассчитаемся — тоже поможешь вылезти.

И они вернулись в школу, где все давно уже спали.

Мог ли он после всего этого не послать решения задачки Пьери, а заодно уж и Ремке Штыбу во время контрольной? Он понимал, что это не очень-то хорошо. Не такое пионерское поручение давали ему. Но ведь приз надо было выиграть. Ксана, какказалось Сене, не пережила бы, если бы приз имени ее отца с первого же раза ушел в, другую школу. Да и как было не помочь Пьери, у которого, когда он оглянулся со своей парты на Сеню, было такое выражение, которое, должно быть, бывает у тонущего, пытающегося выкарабкаться из воды человека. Сеня не знал, какое выражение лица было у него самого в ту ночь, но он теперь хорошо понимал, что испытывает человек в подобном положении...

Пьер получил за контрольную пятерку. А Ремка, тот даже при готовом решении не мог заработать больше тройки, — такую мазню развел в задаче. Но тройка эта все-таки была уже отметкой, при которой допускали в команду эстафеты. Теперь надо было выпрямить обоих бегунов по литературе. И у Пьера и у Ремки одинокие четверки и кучковавшиеся тройки перемежались двойками. С такими оценками неумолимая Ирина Николаевна не допустила бы ни того, ни другого к участию в состязании. Дело могло спасти домашнее сочинение, которое задала всему классу Елизавета Порфириевна. «Моя любимая книга» — такова была тема. Хуже уже нельзя было придумать. Любимые книги! Легко сказать!.. Пьер читал до приезда в Сухоярку главным образом детективные романы.

Хорошенько будет дело, если он принесет Елизавете Порфириевне сочинение, в

котором будет утверждать, что его любимая книга «Приключение кровавого Фантомаса», «Любовь на дне ада» или «Убийство в полночь». Что касается Ремки Штыба, то ему уже сама постановка вопроса казалась издевательской. Самая любимая книга? Он вообще терпеть не мог книг. Ему приходилось кое-что читать по обязанности, но любить это занятиеказалось ему делом недостойным настоящего парня. Если бы хоть еще насчет кино спросили.

— Ну в конце концов, — обратился Сеня к обоим приятелям, когда уже приближался срок сдачи домашних работ, — «Молодую гвардию» в кино вы же видели?

— Ну, видел, — сказал Ремка. — Это как одна там дроби бьет, цыганочку танцует, Любка?.. А на самом деле она против фашистов действует?

— Вот, вот, это самое!

— Это можно, — сказал Ремка. — Пиши, что это моя любимая.

— Ну, а ты? — обратился Сеня к Пьеру.

— Жюля Верна можно? — спросил Пьер.

— Конечно, можно.

— Ну, тогда это пусть будет «Дети капитана Гранта», — согласился Пьер.

— Стой! Это и я тоже в кино видел, — откликнулся Штыб. — Ты лучше мне пиши про это.

— Нет уж, — сказал Сеня, — ему простительно, он недавно к нам приехал. Вот пускай и пишет про Жюля Верна. Тем более, что француз.

— Нет, писать это ты будешь, — уточнил Ремка.

— Я тебе помогу, Пьер, — попытался было вразумить товарища Сеня, — но пиши сам. А то ведь будет заметно. И потом лучше бы сразу уж про три книжки. Они ведь друг с дружкой связаны — «80 тысяч лье под водой», «Дети капитана Гранта» и «Таинственный остров».

— Я «Таинственный остров» уже немножко забыл, — сказал Пьер.

— Ну, я тебе напомню. Помнишь, как они на острове оказались и там им все время кто-то помогал, спасал их, а оказалось, это капитан Немо.

— Давай, давай про них, — милостиво согласился Пьер. — Я вообще морское люблю. Пиши.

Сначала Сеня еще пытался как-нибудь вдохновить обоих своих подопечных, чтобы они самостоятельно сделали домашнюю работу. Ничего не получилось. Пьер хотя и старался, но никак не мог связать воедино мысль о трех книжках. А Ремка Штыб нес такую околесицу, что и слушать было тошно, а не только читать это на бумаге. Чтобы не тратить попусту время и покончить с грызущими его укорами совести, Сеня постарался представить себе на минуту лицо Ксаны в том случае, если придет достанется другой школе... И как только представил себе это, то махнул на все рукой. Попросить Сурика Сеня не решался. Не следовало его путать в это сомнительное предприятие. Тут дело, что говорить, не очень-то красивое. И скрепя сердце, просидев три дня по нескольку лишних часов в классе после уроков, Сеня сам написал сочинение для обоих. Велел им переписать за воскресенье. Тем более, что шестому классу разрешили с субботы до понедельника побывать на «большой земле» — дома у своих: там удобнее было незаметно переписать работу.

Сам Сеня так замучился с двумя работами для своих незадачливых подшефных, что еле успел написать собственное сочинение. Он писал про «Овода». Он видел «Овода» в кино и не раз перечитал книжку. Овод был одним из любимых его героев.

Удивительно: хромой, с виду непривлекательный, а такой благородный, храбрый и неукротимый человек!

Пьер получил за сочинение «пять», так как Елизавета Порфириевна, учитывая, что у него встречались затруднения с русским языком, простила ему многие погрешности, которых он не избежал, переписывая слово в слово то, что ему подготовил Сеня. Ремка Штыб при переписке ухитрился сделать три грубейшие ошибки и еле-еле «натянул» тройку. А, к изумлению самой же Елизаветы Порфириевны, Сеня, всегда писавший работы на

пятерки, в этот раз должен был удовольствоваться четверкой.

— Ты спешил, Грачик, заметно спешил, — огорчилась Елизавета Порфириевна. Ты слишком много внимания уделил внешности, физическому облику. А ведь это только лишь одна черта. Образ Овода куда полнее, чем у тебя. Прочитай еще раз.

— Я уже три раза читал, — сказал Сеня.

— Ну, значит, надо перечитать в четвертый. Приходи ко мне, мы с тобой поговорим об Оводе. Дело ведь меньше всего в том, что он хромает... — Она внезапно смутилась.

И Сеня кинулся поднимать ее палку, со стуком покатившуюся по полу.

Ксана назвала своей любимой книгой «Повесть о настоящем человеке». Мила Колоброда — книгу Ильиной о Гуле Королевой «Четвертая высота». Сурен Арзумян, неутомимый книжечкой, ухитрился написать сразу про три книги: про «Тимура», про «Тома Сойера» да присоединил еще к этим двум Гаврика из «Белеет парус одинокий» Катаева. Он, конечно, получил пятерку. А Сене сейчас было не до собственных отметок. Он испытывал очень сложное чувство, когда Ксана, после того как были розданы с отметками домашние задания, подошла к нему и сказала:

— Ты, Сеня, правда друг! Спасибо тебе. Я тебе так благодарна... то есть все мы...

Ничего не сказал Сеня Грачик. Сердце у него пылало от нежной гордости, а уши горели еще жарче. Ему было и хорошо, и ужасно совестно. Что же, он сделал так, как просила Ксана. Он подтянул двоих отстающих, правдой или неправдой, но подтянул. Он вернулся в команду двух лучших бегунов. Если бы только знала Ксана, как это было все достигнуто? А впрочем, что же тут такого? Вот Никифор Колоброда, знаменитый шахтер, прославленный бригадир, он тоже помогает отстающим и, наверное, за них не раз делает проходку, чтобы не отставала вся бригада. А слава у всех у них общая. Ничего тут такого и нет, если разобраться!.. Так размышлял Сеня.

## Глава VI Два жезла

«На случай моей смерти настоящим заявляю всем...» Слова эти уже несколько дней не выходили из головы у Пьера. «На случай моей смерти...» Неужели дед Артем чувствует приближение конца? А он казался еще таким бравым. Грузная сила чувствовалась в каждом его движении и в том, как без всякой натуги вскидывал он, выходя на прогулку, свою тяжеловесную дубинку на весу, или двигал дома одним плечом дубовый шкаф, переставляя его на другое место. Правда, в последнее время дед стал заметно сдавать. Почти не делал обычной гимнастики по утрам, объяснял, что уже не под силу. То и дело жаловался на сердце, принимал валидол, капая на сахарок, по несколько раз в день принимался считать пульс и с какой-то непривычной грустной внимательностью поглядывал иногда на Пьера и при этом качал, озабоченно вздыхая, головой. И все же таким прочным, несокрушимо могучим и по-особому красивым выглядел дед, когда в своей широкополой шляпе, поигрывая полуторапудовой дубинкой, шел он по улице, покручивая сивые усы, величественно кивая с высоты своего роста людям, которые его приветствовали...

А вот, оказывается, о чем он думает, когда остается один: «На случай моей смерти...»

В прошлое воскресенье, когда Пьер вместе со всеми был отпущен на «большую землю» и сидел дома за столом Артема Ивановича, переписывая набело с Сениного черновика сочинение «Моя любимая книга», ему нечаянно попалась эта бумажка. Он сразу узнал почерк деда. Это тоже, должно быть, был черновик, столько в нем было помарок, зачеркнутых слов. Запись обрывалась на полуслове. Может быть, дед Артем взялся писать все заново, либо еще не дописал начатого. Но Пьера как холодом обдало от слов, крупно написанных сверху листка: «На случай моей смерти...»

*«На случай моей смерти настоящим заявляю всем, что если действительно будут обнаружены разные ценные предметы, которые награбили и захоронили*

*фашисты, как сообщали некоторые лица, и если среди этих предметов будет, как сказали те же лица, второй кубок «Могила гладиатора», парный к тому, который у меня имеется, то прошу людей верить мне, что хотя я и сильно виноватый перед Родиной и людьми, но тут я был вполне честный, Родину не предавал, и в данном отношении все произошло без всякого умысла с моей стороны, потому и про...»*

На том и обрывалось загадочное завещание.

Пьер был ошеломлен и подавлен. Значит, правду сказали тогда те двое, о которых и слышать не хотел дед. Видно, знал дед Артем, что второй кубок может оказаться спрятанным среди зарытых где-то сокровищ и с ними хоронится что-то такое, что дед скрывает в глубокой тайне и что, появившись снова на свет, может угрожать ему смертным позором... Что-то еще было написано сбоку на той бумажке. Почерк был торопливый, бесконечные помарки затрудняли чтение. Пьер так и не успел узнать, что написано сбоку, потому что явился внезапно с прогулки дед. Он увидел за своим столом Пьера. Хорошо еще, что тот догадался, едва заслышав шаги деда, положить сверху одну из книг, прикрыв ею листок. Артем Иванович сразу, беспокойно глянув на стол, как бы торопясь прибрать его, снял и книгу и ту бумажку и запер в ящик стола.

«А может быть, все-таки написать тем двоим по адресу, который они назвали», — думал Пьер. Написать, сообщить, что он готов поделиться... Нет, ничего ему не надо, все готов он отдать, только чтобы вернули тот второй кубок, чтобы деду ничего больше не угрожало ни бесславием, ни позором, который почему-то таился на дне оливиновой вазы, где-то припрятанной.

Неплохо было бы, конечно, взять и себе половину сокровищ... Нет, не себе! Пьер уже начинал привыкать, что можно думать не только о себе. Вот, например, хорошо бы поставить новый, красивый, настоящий памятник Григорию Тулубею. И, конечно, совсем не ради Ксанки. Если уж пошел об этом разговор, то Милка нравилась ему больше. Она была девчонка видная, умела и глазом повести при разговоре. А Ксана уж больно птенчик, бабушкина внучка... Можно было бы также на эти средства, если их раскопать, сделать в новой школе, когда переедут на «большую землю», морской кабинет. И чтобы там была мастерская, где делали бы красивые модели кораблей. Тоже неплохо. А на худой конец, угостить весь класс — если уж гулять, так гулять, — всю школу мороженым по три порции на человека. Это тоже неплохо!..

Но дед запретил ему даже думать о каких-то там сокровищах, велел выкинуть раз и навсегда из головы все это. Ладно ли будет, если он сейчас тайком затеет эти поиски?

Пока же надо было приложить все усилия, чтобы хоть этот стоящий сегодня еще на столе у деда кубок не покинул Сухоярки. Кубок ныне звался уже официально: приз имени Героя Советского Союза Тулубея, учрежденный Артемом Незабудным. Он должен был оставаться в школе имени Героя. Незаметно для себя Пьер уже привык к новым товарищам, понемножку научился дорожить их уважением, и ему хотелось показать себя перед ребятами с лучшей стороны.

Праздник Воды был назначен на воскресенье. День выдался, как говорят в таких случаях, будто на заказ. Солнечный, не жаркий, по-весеннему пахучий. Он словно посмотрелся в зеркало разлившейся под Сухояркой воды и, прихорашиваясь, становился с каждой минутой все прекраснее. Последние облака канули за горизонт, очистив небо, которое теперь сияло всей своей голубой лазурью. Ветерок погуливал по глади водохранилища, мелодично наигрывал что-то на проводах стоявших у воды мачт электропередачи и перебирал, как клавиши, пестрые, развешанные над лодочной станцией флаги свода морских сигналов или, как объяснил хорошо осведомленный во всех морских делах Пьер, флаги расцвечивания. И все дышало запахом, который еще никогда прежде не знали эти места, — запахом просторной воды, уже прогревшейся на солнце.

Шахтеры Сухоярки и других рудников, гости из райцентра с семьями, нарядные, веселые, возбужденные, заполнили места для зрителей, отделенные канатом, укрепленным

на стойках вдоль берега, который здесь полукругом охватывал залив водохранилища. В самом центре береговой излучины была сколочена из досок трибуна.

Там собирались товарищи из Совета и партийного комитета Сухоярки и почетные гости из райцентра. Сеня разглядел за барьером трибуны и Галину Петровну Ту-лубей, и Богдана Анисимовича, и Никифора Колоброду, и других знатных людей поселка. Он видел там, над толпой, красивую голову отца. Тарас Андреевич смеялся и все почему-то наклонялся и весело смотрел куда-то вниз. Когда там зрители немножко пораздвинулись, Сеня увидел, что рядом с отцом, облокотившись на перила, стоит Ирина Николаевна. И Сене тоже стало почему-то весело.

Ирина Николаевна часто заходила к Грачикам, когда Сеня жил еще на «большой земле». И Милица Геннадиевна все шипела и так грохала посудой на кухне, что один раз даже перестаралась и разбила розетку для варенья. При этом она, повернувшись к двери, ведущей из кухни в комнату, что-то бубнила насчет некоторых чересчур образованных и о себе воображающих, но без стыда так и лезущих в чужой дом... Но давно уже Сеня не видел у отца тех красных, мутных и платающих глаз, взор которых было неловко встречать. И не примешивался больше к прекрасному запаху бензина, к дорожному ветру, витавшему вокруг отца, тот ненавистный душок, который с таким отвращением чуял Сеня сразу, когда отец, бывало, приходил навеселе.

Напрасно Милица ставила к обеду перед прибором Тараса Андреевича стопочку — отец отодвигал ее в сторону. «Зарок, — говорил он смущенно, но твердо. Извините. Слово дал». — «Это кому ж такое, интересно?» — «Кому дал — тот знает. А я помню и держу». — «Вот вам какую запятую поставили», — язвила Милица Геннадиевна. «Нет, то не запятая, а точка! — отрезал Тарас Андреевич. — А после точки большая буква ставится. Теперь у меня, Милица Геннадиевна, новая строка в жизни. С большой буквы. Это вам понять трудно». — «Где уж нам... — обижалась Милица. — Мы институтов не кончали».

Этап Сени проходил по воде как раз перед самой трибуной, вернее сказать с тыльной стороны ее, от самой лодочной станции, где хордийничал теперь Махан, до маленького плота, зачаленного метрах в трехстах от нее у противоположной стороны врезавшегося здесь в берег залива.

Всего этапов было десять. На первом этапе шли мальчики, потом эстафету должны были передать девочкам, от которых на новом этапе жезл переходил опять в руки бегунов. От них жезл принимали велосипедисты, потом снова бежали школьницы, сменявшиеся на следующем этапе мальчиками.

Затем эстафету брали девочки и после своего этапа передавали на воду. А после водного этапа был один этап девчачий и, наконец, заключительный этап мальчиков.

Физкультурник Дмитрий Антонович очень хитро расставил силы команды на всех десяти этапах. На первом этапе эстафету должен был нести Ремка Шибенцов, давно уже слывший одним из лучших бегунов среди пионеров школы имени Тулубея. Рассчитывали, что он сразу же уйдет от соперника на этом этапе, добьется разрыва, который позволит затем команде, расширяя и закрепляя успех, унести свой жезл далеко вперед. А для окончательного подавления противника на последнем, заключительном этапе был поставлен Пьер Кондратов. Он показал себя на тренировках способным спуртовать, то есть, если надо, совершать самоотверженно резкие броски у финиша. Правда, от школы райцентра на финальном отрезке дистанции шел лучший бегун школы соперников Алексей Загорный, который уже выступал на областных школьных состязаниях и занял там второе место.

Этапы располагались по сердцеобразной дистанции. Старт должны были принимать на берегу перед трибуной, находившейся у развилки трассы. Бегуны уходили по полукругу против часовой стрелки, вправо от трибуны. Эстафету нужно было пронести, передавая из рук в руки, по аллеям нового горсада и доставить на велосипеде к Первомайской. Затем жезлу предстояло, продолжая описывать дугу, вернуться к водохранилищу, теперь уже слева от трибуны, к лодочной станции, проследовать через залив на байдарке к двум последним этапам и снова возвратиться по берегу назад, к трибуне, войдя — уже справа от нее — в

поворот к исходной точке. Чертта старта была одновременно и линией финиша.

Одиннадцать часов сорок пять минут. Солнце стоит прямо над головой. Водохранилище ослепительно синеет. Зрители одеты совсем уже по-летнему — очень ранняя весна в этом году. И над пестрой толпой выются, крутятся, егозят подхваченные ветром с водохранилища гирлянды морских флагов: клетчатых, полосатых. А ветер пахнет рекой — совсем новый для этих мест волнующий запах!

Играет оркестр. Радужные зайчики от воды скользят по зеркальным раструбам. Бухает веско барабан, словно отсчитывает минуты, оставшиеся до начала состязания.

Через четверть часа старт.

Участники обеих команд — тулубеевцы в голубых и ребята из районной школы в красных майках — выстроились перед трибуной с почетными гостями. Там же перед трибуной на столике, крытом алым сукном, стоит заветный приз — приз памяти Героя Советского Союза Григория Тулубея, учрежденный чемпионом чемпионов. До слепящего блеска начистил своего гладиатора Артем Иванович. Солнечные лучи делают полупрозрачным оливин на плите, которую могучей серебряной рукой приподнял маленький атлет, и играют в прожилках камня на чаше, поднятой восставшим из могилы.

Кому-то достанется сегодня этот приз?..

Галина Петровна с трибуны говорит несколько кратких приветственных слов и желает победы достойным — пусть победит сильнейший!

Участники эстафеты расходятся по своим этапам. В последнюю минуту, перед тем как расстаться и уйти на свои места, Ксана подходит к Сене.

— Сенечка! — шепчет она и все посматривает на кубок, сверкающий там, посреди стола. — Сенечка, я тебя так прошу, я тебя просто умоляю! Ты старайся! Сеня ничего не говорит. Он пытается локтем прикрыть то место на своей голубой майке, которое вчера, когда гладила, прожгла Ксана. Видно, задумалась и оставила на минуту горячий утюг на майке. Не о нем, не о Сене, верно, она вчера задумалась...

— Ты же сама знаешь... Я все время стараюсь. — Больше он ничего не говорит.

Поет сирена. Десять минут до старта. Все по местам! Дмитрий Антонович на своем маленьком красном мотоцикле с коляской, в которую взгромоздились — мала куча! — его питомцы, развозит их по этапам дистанции.

— Ну, — повторяет он, — ну, ребятки... — и похлопывает неловко всех по очереди. — Вы, главное, спокойнее. Техника была у нас лучше. Поверьте мне. Ступина, ты только не задерживайся при передаче. Сеня, помни! Работай ровно, ударяй коротко. И потом веди плавно. Помнишь, как я тебе говорил?

— Помню.

Пожалуй, больше всех волнуется сам учредитель кубка. Он же главный судья. Он в клетчатых чулках и спортивных брюках гольф. Каждая штанина с хороший аэростат. Тонкий вязаный свитер спортивного фасона с красным кантом, идущим вокруг шеи, и острым углом на груди. На голове у него смешной пестрый картуз. Он смотрит на часы, проверяет секундомер. Осматривает жезлы эстафеты и вручает их двум первым бегунам — Ремке Штыбу и низкому загорелому крепышу из районной школы.

Двенадцать. Все проверяют часы. Судья смотрит на секундомер.

Стартер поднял клетчатый флаг. Судья на старте выкинула руку с пистолетом.

Выстрел. Пошли!..

Сеня у старта своего этапа лодочной пристани видит, как Ремка, чуточку засидевшись на старте и отпустив вперед маленького прыткого противника, уже настигает его. Нет, где там тянуться с Ремкой! Сейчас обо всем забыл Сеня. Ему надо только одно, чтобы Ремка пришел первым, первым передал заветный жезл уже прыгающей от нетерпения, пританцовывающей на своем этапе Кате Ступиной. Давай, давай, Ремка! Хорошо! Молодец, Ремка! Нет, куда им, районным. Ай да Ремка, ай да Штыб!.. Сейчас Сеня гордится им, сейчас все, что есть в Сене, — все за него, за Штыба. И под возгласы зрителей, свист и хлопки Ремка, намного опередив соперника, первым передает волшебную палочку эстафеты уже как

бы убегающей от него, лишь протянув к нему назад за свое плечо руку, Кате Ступиной. И Ступина идет неплохо. Конечно, не так, как Ремка, куда ей, девчонке; но все же идет хорошо. Так. Теперь палочка уже на третьем этапе. Ее принял Витя Халиев. Все хорошо. Все идет как надо. Молодец, Витя!

Только сейчас палочка районной школы вышла на этот этап, а Витя Халиев уже заканчивает его. На аллее нового городского парка, недавно посаженного, молодые деревца еще не сомкнули листву над дорожкой. И зрители, повернувшись теперь спиной к водохранилищу, видят, как проходят там бегуны.

И вот палочка уже вложена в руку Сурена Арзумяна. Ну-ка, Сурик, покажи себя! Если бы не та история с отцовской недостачей, куда ушли и Сенины деньги из копилки, может быть, и Сеня сегодня мчался бы на своем собственном велосипеде. Ничего, пусть Сурик! Качай педали, не оглядывайся! Там сзади парень из районной школы тоже уже вскочил на велосипед...

Нет, никто не догонит Сурика! У него уже приняла палочку Мирра Хижина из пятого класса, лучшая бегунья. Та самая, которую Сурен всегда дразнит: «Мир хижинам, война дворцам».

Ух ты, молодец, Мирка, законно идешь! Сила! Держись, районный Дворец спорта! Ликуй, хижины Сухояр-ки! Палочка уже в руках у Юры Брылева. Поворот к берегу... Ну, не подводи, Юрка, что ты медлишь? Быстрей!!.. Вот так. Вон уже тебя ждет Мила. Эй, не сбавляй ходу! Смотри, каким прытким оказался мальчишка из районной школы, который бежит на шестом этапе! Он сократил расстояние. Ого, как идет! Как бы не нагнал...

На ходу вложил Юра Брылев палочку в простертую к нему пухлую ладошку Милы. Быстрей, живей, Мила! Вот, вот... я жду тебя.

Сеня дрыгает на дощатом настиле лодочной пристани. Сейчас он примет у Милки жезл, бросится в стоящую уже рядом с ним байдарку, воткнет палочку в специальное гнездышко и — левой, правой, одним концом двухлопастного весла, другим — помчится по гладкой воде... Ах, Милка, какая неповоротливая! Вот толстая растяпа, неужели не может быстрей? Ух, копуша!

Махан, заведующий инвентарем пристани, уже держит за корму две байдарки, одну с красным флагом, другую с голубым, и выжидательно смотрит в сторону приближающихся соперниц.

А Сеня подпрыгивает от нетерпения, высекивает на берег, оглядывается на байдарку, отскакивает назад. Тут надо все рассчитать, чтобы не терять ни одной доли секунды. Ну, давай!

И вот влажная от многих рук, согретая ими, волшебная палочка с силой впечатывается ему в ладонь. Он стискивает ее как можно крепче, разом прыгает в лючок байдарки и втыкает жезл в специальное гнездо.

Махан толкает лодку в корму и кричит насмешливо вслед:

— Полный ход! Ни пуха ни пера, ни дна ни покрышки! Счастливого плавания!

— Смотри, как рубает! — говорит Никифор Колобро-да стоящему возле него Богдану Анисимовичу.

— Старательный, — соглашается тот.

— Вот так Сеня Грачик! — И довольная Галина Петровна качает головой: — Ай да Сеня! — А отец-то видит? — спрашивает Никифор Коло-брода.

— Да где-нибудь тут, — отвечает Богдан Анисимович.

— Как он? — интересуется Колобром.

— Да просто на удивление: вот уже сколько времени — ни-ни. Артем Иванович, говорят, слово с него взял.

— Ой ли? Артем ли тут Иванович причиной?

— Кто знает...

Но Сеня тем временем, пересекая заливчик, слышит за спиной частые всплески, которые все убираются и раз за разом делаются громче. Это его противник-напарник, его

непосредственный соперник на том же этапе, разгоняет свою байдарку. Сеня уже давно его знает. Он его видел несколько раз на тренировках. С минуту назад, когда они оба, переминаясь с ноги на ногу, подпрыгивая от нестерпимого ожидания, готовились принять эстафету, он присматривался: да, соперник на целую голову выше его и руки длиннее. Как махнет веслом — наверное, разом рванется лодка на метр вперед...

Он не слышит, что кричат ему с берега из-за каната зрители. Он знает только одно: надо как можно скорее и первому домчаться вон до того плотика у берега., где стоит легконогая, тоненькая фигурка, которую ни с кем нельзя спутать. Да, там ждет Ксаны. И как ждет! Эх, если б она всегда так ждала его! Надо скорей передать ей жезл эстафеты. И он не подведет. Он не даст себя обогнать.

Что это такое, однако, происходит с байдаркой? Она словно стала тяжелее. Что-то холодное сперва сочится, а сейчас уже хлещет на ноги Сене. Вот так история! Что за чертовщина? Байдарка течет. Она явно наполняется водой. А только вчера вечером ее проверяли они вместе с Дмитрием Антоновичем, и все было в порядке. Уж не Махан ли натворил что-нибудь?

Дмитрий Антонович подбегает к самой кромке воды, что-то кричит через рупор. Один из судей делает ему замечание: тренер не имеет права вмешиваться посреди этапа. Но на берегу уже тоже заметили, что у Сени происходит что-то странное. Лодка все глубже и глубже погружается в воду. Вот она уже чуть ли не по самую палубу в воде. А осталось каких-нибудь десять метров. И тут, на этих последних десяти метрах тот, долговязый, длиннорукий, легкими гребками двухлопастного весла посыпает свою байдарку длинным рывком вперед.

Ну еще немножко!.. Семь метров... пять... Красный флагок уже за плечом. Вот уже не надо поворачивать голову, чтобы увидеть его. Вот красный флагок уже поравнялся с голубым. Гребец из районной школы делает обгон под восторженные крики ребят, приехавших с других рудников. Он обходит Сенину байдарку, которая уже почти не видна над водой. И бедная Ксана, мечущаяся у края мостики с маленькой, простертой к нему рукой, верно, вообще уже не получит палочку эстафеты, так как выронить ее — все равно на землю или в воду — это значит, по условиям состязания, окончательно проиграть... И вот уже волночки перемахивают через легкую, тонкую палубу, и уже Сеня сам по пояс в воде. Только голубой флагок еще движется над поверхностью. К Сене наперевес от берега мчится моторка.

Но он кричит:

— Не надо, не надо!.. Я сам.

И, схватив из гнезда жезл, держит вытянутую руку над водой. Каких-нибудь полтора метра остались до плотика. Но ведь недаром же он изучал так долго теорию плавания, а теперь уже неделю занимался под руководством Дмитрия Антоновича — и не так, как советовал «Домашний секретарь-наставник», а так, как следует действовать в воде на самом деле. И, выкарабкиваясь из люка ушедшей из-под него байдарки, оттолкнувшись ногами, он, взмахивая свободной рукой, дотягивается до края плотика, цепляется за него и видит прямо над собой полные смятения и благодарности глаза Ксаны и ее тоненькую руку, вырывающую у него эстафету.

Но длиннорукий уже за минуту до этого передал палочку своей партнерше. И Сеня уже видит ее стремглав уносящуюся спину в алоей майке.

— Давай, давай скорей, Ксана!

Ксана мчится вдогонку за своей соперницей. Видно даже издали, как она отчаянно частит, выкладывая все свои силы. Но красная майка не приближается. Красная майка все еще впереди. Еще метр, другой — и палочка районной школы уже перешла через стартовую линию последнего этапа.

Последний этап! Приняв жезл эстафеты, бегун из районной школы рванулся по прямой к финишу, к победе, к призу!

Но вот и палочка тулубеевцев проносится над чертой, отделяющей последний этап.

Она сейчас уже в руках у Пьера, который принял жезл на несколько секунд позднее. Все сейчас зависят от Пьера. Все смотрят с надеждой на Пьера.

— Давай, гони, жми, Кондратов!..

— Пи-ер — квадрат! Пи-ер — квадрат! — хором подбадривая бегуна, кричат школьники с трибуны.

Тарас Андреевич стучит кулаком по поручням, пока Ирина Николаевна, стоящая рядом, вежливо, но твердо не прижимает его руку к перилам. Он как бы даже и не замечает этого, но кулак у него разжимается. Встал во весь свой огромный рост Артем Иванович Незабудный. Стоящие сзади зрители уже не кричат ему: «Гражданин, отойдите, не видно...» Потому что все понимают: никто сейчас не будет отходить. И за Незабудным образуется в толпе пустота, целый коридор. Зрители стараются выглянуть из-за его локтей и плеч слева и справа. Да, теперь уже все стоят, никто не садится. Встали почетные гости на трибуне.

Вперед, вперед! Пьер, дорогой! Ну еще!.. Все надежды, все пожелания Сени сейчас с Пьером. Ничего не надо Сене, лишь бы Пьер добежал первым. Только это! Только пусть победит, и кубок достанется школе. И Кса-на будет радоваться. Но на последнем этапе от районной школы бежит сам Загорный, Леша Загорный, опаснейший соперник. Он всегда обгонял на районных соревнованиях сухоярцев. Не догнать его Пьери. Как рьяно, вкладывая все свои силы в бег, ни мчится вдогонку за Лешей Загорным Пьер, расстояние, отделяющее одного бегуна от другого, остается прежним. Он лишь меняется в цвете, этот треклятый, ненавистный, никак не поглощаемый отрезок. Только что он был серого цвета, когда бегуны шли по участку, посыпанному шлаком. Потом он стал зеленым, когда перебегали соперники лужок. А сейчас он оранжевый — бегуны вступили на песчаную дорожку, ведущую уже к финишу у берега. Оно меняется в цвете, это неодолимое расстояние, но не сокращается. Оно остается прежним. Оно лишь перемещается.

Но что это? Погодите! Кажется так или на самом деле?..

Расстояние между несущимся вперед Загорным и пытающимся изо всех сил настичь его Пьером вдруг стягивается, как резинка. Оно делается все меньше и меньше. И вот оно уже просто исчезло. Пьер вплотную приблизился к бегуну в красной майке. Нет, товарищи, нет, дорогие, это правда! Они бегут уже вровень. Загорный пробует сделать рывок. Ему удается это, и он натужно идет чуть впереди, слегка косясь через плечо на противника, продолжающего бежать вплотную за ним. Снова на несколько секунд резинка расстояния, упруго связывающая обоих бегунов, вытягивается. Но Пьер словно держится за невидимую, влекущую его вперед тугую связь с соперником, и расстояние начинает опять сокращаться, сжиматься, и Пьер уже бежит снова плечом к плечу с Загорным. А у того больше нет сил для нового рывка. Он не может оторваться, уйти вперед на решающих метрах пути. Перед ними уже трепещет в ветре белый серпантин финишной ленты. И в эту секунду, которой дано решить все, Пьер неожиданно увеличивает и без того широкий, летучий свой шаг. Еще! Ну!.. Сейчас!.. Вот! Голубая майка Пьера первой касается ленточки, рвет ее, и палочка тулубеевцев на какую-то долю секунды, на расстоянии вынесенной вперед руки опережает у самой черты финиша жезл противника.

А Пьер, не в силах остановиться, пробегает еще несколько шагов навстречу бросившимся к нему и вопящим от восторга ребятам. Развевающийся обрывок финишной ленточки, прижатой встречным воздухом к его груди, медленно опадает на землю.

## Глава VII Все пропало

Хотя кубок был вручен тогда же на берегу, после окончания эстафеты, тулубеевцы решили отпраздновать победу самым торжественным образом. Организовали специальный вечер в школе, в большом классе, который и раньше служил залом в дни школьных вечеров, а сейчас назывался по-корабельному «салоном». К вечеру, когда клети подняли из-под земли на поверхность сменившихся шахтеров и уже прошел деловой день, заперли в столы и

шкафы папки с бумагами в учреждениях, много лодок с представителями сухоярских организаций и гостями из районного центра пришвартовались к дамбе у школы. Прибыла из района кинопередвижка. Обещали показать картину «Отряд Трубачева действует». В «салоне» зашторили окна, механик уже налаживал свой аппарат с высоко поднятым над дулом объектива толстым диском — аппарат, как заметил однажды кто-то, похожий на статую дискообола, переделанную в пулемет.

К восьми часам вечера зал заполнился школьниками и гостями. Ждали Незабудного, который в сопровождении представителей местного и районного отделов физкультуры должен был торжественно внести в школу кубок, завоеванный тулубеевцами. Но Артем Иванович почему-то задерживался.

Уже давно выстроилась у дамбы перед входом в школу вся команда — все десять человек, все десять завоевателей кубка — от Ремки Штыба до Пьера. Ребята стояли в строю так, как были расположены в прошлое воскресенье по этапам на трассе эстафеты. И Сеня стоял рядом с Ксаной, полный волнения, затаенной нежности и ничуть не коримый совестью. Он считал, что недаром потрудился для славы своей школы. Если еще до эстафеты что-то екало у него в душе, когда он вспоминал о домашних сочинениях, то сейчас, когда все уловки, на которые он был вынужден пуститься, принесли такой великолепный результат, ни о чем плохом уже не думалось. Однако Артема Ивановича все не было.

А задержало его вот что. Он сел к столу побриться, перед тем как отправиться в школу. Брился он по старинке не безопасной, а самой что ни на есть опасной бритвой, размашисто водя ею над плечом, наподобие смычки, безжалостно высекая лезвием щеки до безукоризненной гладкости и вытирая снятое мыло о бумагу. И вот, нашаривая в ящике стола старую бумагу, он вдруг обнаружил там два вырванных из тетрадки листка, на которых сверху было написано одной и той же рукой крупно: «Моя любимая книга». Это не была рука Пьера. Оба листка были мелко исписаны совершенно одинаковым, но незнакомым почерком. Это были, несомненно, черновики недавней контрольной работы, написанной для Пьера и, как понял сейчас Артем Иванович, для Ремки Штыба кем-то другим, но не самими друзьями. Ясно, что кто-то из школьников постарался за Пьера и Ремку, чтобы дать им возможность участвовать в эстафете.

Артем Иванович стал вспоминать, как шушукались Пьер с Ремкой, когда приезжали «на побывку» две недели назад, вспомнил, как заходил к ним Сеня и они вместе, закрыв плотно дверь, о чем-то тихо переговаривались. Рыцарь спортивной чести, чемпион чемпионов и прежде презиравший в делах спорта всякий, как он выражался, «фортелизм», Незабудный не мог примириться с этим. В последнее время ему особенно хотелось, чтобы все вокруг совершилось по чести и совести. Недаром же сам он, хоть и поздновато, под конец жизни, как говорится, вышел на прямую. И любая нечистоплотная уловка, если он подмечал ее, обидно задевала его. Надо было немедленно выяснить, совпадает ли шпаргалка с теми работами, которые Ремка и Пьер представили как контрольные домашние задания. Настроение у старика сразу резко испортилось. Он не знал, как ему поступить, если окажется, что отметки, позволившие обоим приятелям оказаться в команде, были добыты мошенническим путем. Значит, кубок выигран нечестно. Но, с другой стороны, ему очень не хотелось огорчать ни Галину Петровну, ни Богдана Анисимовича, ни Ксанку, которая так радовалась...

Ребята, встречавшие на дамбе у школы Артема Ивановича, сразу заметили, что он чем-то расстроен. Впрочем, Незабудный сослался на плохое самочувствие. Сердце, мол, пошаливает. Его сразу хотели провести в зал, где уже все с нетерпением ждали появления знаменитого учредителя приза, но он попросил Сеню, Ремку и Пьера пройти в соседнюю комнату, которая имела дверь на эстраду. Он решил действовать впрямую.

— Твой почерк? — вдруг низко пророкотал Незабудный и подтащил к себе оторопевшего Сеню, мизинцем зацепив его за пояс.

— Это... это... почерк мой, только...

— Так, — сказал Артем Иванович. — Выясняется. Красивая картина! Ну-ка, Пьер, и

ты, Ремка, сбегайте-ка к себе в дортуар, достаньте из тумбочки свои домашние работы, за которые вы, собачьи дети, отметки нахватали... А ну, кому говорю? Или, может быть, ты, — обратился он к Сене, — скажешь все начистоту и по чести, по совести.

— Так я же разве для себя это?.. — упавшим голосом начал Сеня.

— Я понимаю, что не для себя. Ты для этих вот субчиков двоих... У-у, глаза бесстыжие ваши!.. Так бы и пришиб обоих. Чего теперь делать станем?.. — Артем Иванович с устрашающей силой опустил пудовый кулак свой на темя себе. — А я-то, дурень старый, в дневнике да табеле расписывался. Радовался, что на старости лет и я могу свою фамилию поставить, где значится: «Подпись родителей». Ни на одной афише своей фамилии так не радовался. Подпись родителей — А. Незабудный... Под чем же ты меня мое честное имя выставить заставил, а?

— Я же не для них... Честное слово! — бормотал Сеня. — Меня Ксану попросила... Ей же хотелось, чтобы кубок памяти отца у нас остался. Что же, я не могу помочь? А потом мы все равно их побили, хотя мне какой-то гад и провортел байдарку так, что я чуть не нахлебался.

Да, Незабудный хорошо знал эту историю с байдаркой. При осмотре ее после эстафеты были обнаружены с обоих бортов по две дырки, просверленные сантиметра на полтора выше ватерлинии и искусно замазанные на время хлебным мякишем, а затем закрашенные сверху мелком. Пока лодка была порожней, дырки эти находились над уровнем воды, немного выше ватерлинии. Но как только Сеня на эстафете прыгнул в лодочку и она под его тяжестью слегка осела, вода стала размывать мякиш, и постепенно лодка начала заполняться. Это был старый, подлый трюк, хорошо известный речным хулиганам. Но в Сухоярке, где вода была в новинку, никто о таких каверзах не слышал. Махан же уверял, что он не подходил к лодкам, только сторожил их, но что, мол, какие-то личности действительно, как ему ночью казалось, подплывали к пристани. Когда же он вышел, никого уже не было. Кто знает, может быть, из команды противников. За всем не усмотришь... Мало кто придал значение объяснениям его. Махану уже давно привыкли не верить. Ио сейчас он не был пойман за руку. Его только понизили по должности. Он стал заместителем завхоза пристани. Ибо злой умысел был не доказан, а недосмотр оказался налицо.

Но как быть теперь? Артем Иванович грузно сидел на пюпитре партии, положив одну руку на колено и другой скребя подстриженную ежиком, по старому фасону, голову.

Пришла вызванная ребятами Ирина Николаевна.

— Вот, Ирина Николаевна, фортель какой у нас получился.

Все рассказал ей Незабудный. Подавленная, она опустилась на одну из парт. Глаза ее растерянно метались по лицам молчавших ребят. И, как показалось Сене, она стала чем-то удивительно похожей на Ксану. А как выглядела сейчас Ксана, Сеня и посмотреть не решался.

Вошел Глеб Сильч. А за ним Елизавета Порfirьевна. Оба были встревожены.

— В чем дело? Почему задержка? Пришло и им сказать.

— Ну вот, извольте радоваться!.. — начал Глеб Сильч. Он чуть было не удивился, но остался верен себе. — Я полагаю, — продолжал он уже своим ровным, размеренным, как метроном, голосом, — я полагаю, что все это хотя и весьма прискорбно и подлежит безоговорочному осуждению с нашей стороны, однако... э-эм... представляется мне делом сугубо внутришкольным. И, поскольку вопрос уже этот ныне решен, вряд ли целесообразно выносить его ца посторонний суд, вызывая тем самым нарекания на школу и бросая, следовательно, темное пятно на ее репутацию. Имя, которое до сих пор с честью носила наша школа...

— Ну, знаете!.. — не выдержала Ирина Николаевна.

И тут, кажется, Глеб Сильч удивился. Во всяком случае, ему уже не удалось скрыть, что он поражен столь резким вмешательством молоденькой учительницы-вожатой.

— Попросил бы вас, однако, — остановил он Ирину Николаевну и новел поясняюще начальственным оком в сторону ребят. — А что, — приободрился, заметив это, Ремка

Штыб, — что тут такого? Спортивная хитрость. Это в футболе называется финт, обманное движение. Про это и по радио говорят, когда футбол передают. И ничего такого. — И правда! — встрепенулся Сеня. — Ирина Николаевна, ну что же тут такого? Меня попросили помочь, Я взял да и помог товарищам. Это взаимовыручка боевая. Сами кругом толкуют... лучшее, мол, от каждого всем, а от всех всякому... А чуть что сделаешь, так сразу уже разговоры!..

С молчаливым сожалением посмотрела на Сеню и на двух незадачливых его подопечных старая учительница Елизавета Порфириевна, которая пока еще ни слова не проронила сама. Но довод Сени поколебал Незабудного. Ведь верно. Ну что тут такого было? Помог человек своей команде, поработал на товарищей. Ну, правда, сам целиком написал за них сочинение. Но уж это его честь и заслуга. А отменять из-за этого результаты соревнований — это и сраму не оберешься, да и несправедливо будет.

— Позвольте! — сказала тогда Елизавета Порфириевна. Опираясь на толстую палку и припадая на больную ногу, она вышла вперед. — Позвольте, друзья мои дорогие, я вам приведу один пример. Ну, возьмем хотя бы шахту. Раз уж Грачик сам заговорил о взаимной выручке в коллективе. Хорошо... отлично!.. Вот один шахтер, скажем, вырабатывает сто двадцать процентов нормы, а другие, кто поленившейся, только восемьдесят. Она медленно и отчетливо произносила каждое слово, будто диктовала условия классной задачи.

— Да, только восемьдесят... Бывает ведь так.

— Бывает, — согласились ребята.

И Артем Иванович тоже кивнул головой: как не бывает, случается.

Тогда Елизавета Порфириевна стала развивать свой пример дальше.

— Вот, скажем, наш прославленный знатный шахтер Никифор Колоброва, сам всегда с большим превышением выполняющий нормы, чтобы поддержать честь своего участка в шахте, своей бригады или, как выражается Сеня, выручить товарищей, за каждого выработал еще по двадцать процентов недостающих. Все как будто в порядке. Ну, может быть, устал только очень знатный шахтер. Но на его выработке это же не отразилось, он свое выработал. Это уже вопрос его усталости, его личного желания, его собственного благородства и дружеского участия.

— Ну и правильно! — сказал, расцветая, Сеня. — Я вот тоже так соображаю...

— Плохо ты, Грачик, соображаешь, — прервала его учительница. (И Сеня завял, не успев расцвести.) — Значит, по-твоему, все честно, а? Ты как полагаешь? Ну хорошо. А если бы те двое лодырей... (Пьер и Ремка опустили головы и покраснели.) Нет, это я в данном случае имею в виду тех лодырей из шахты, а не вас, молодые люди. Я говорю, если бы те двое лодырей работали сами в полную силу, значит, государство бы получило по сто процентов с каждого от них самих. Так ведь? А Колоброва мог бы выработать сам дополнительные еще сорок процентов, прибавив к своим полутораста. А так что же получается? Из-за его великодушия и доброты страна, государство так и не получили вот этих сорока процентов. Как ни считай, а эти сорок процентов зажулили и недодали двое лентяев... Я уж не говорю, ребята, о том, что хороший проходчик, если он честный человек, не пойдет на то, чтобы покрывать грехи двух лодырей, вместо того чтобы заставить их поработать честно самих. Я уверена, что никогда бы Никифор Колоброва на это не пошел. Мне даже совестно, что я его имя в таком примере упомянула. А у нас в школе что получилось на этот раз? Вместо того чтобы выполнить честно — хоть это и очень трудно, я понимаю — данное ему пионерское поручение, по-настоящему заняться воспитанием товарищей, заставить их обогатиться подлинными знаниями, Сеня помог им скрыть невежество, лень, безответственность за добытыми для них и ошибочно им приписанными отметками. Это что? Это как называется, а?

Как это называется, никто сказать не хотел. Все понимали, что история вышла некрасивая, и молчали. Безмолвствовал и недовольный Глеб Сильч. Он только плечами пожал и отвернулся, как бы показав, что не желает больше вмешиваться. Бедная Ксана, побледнев, беспомощно оборачивалась то к Артему Ивановичу, то к учительнице, то к

ребятам. — Да, тяжелая картина в доме у Мартына... — начал Незабудный и только крякнул, замолчав.

В зале уже топали ногами, били в ладоши, требуя начала торжества.

— Как же быть? — раздался вдруг звонкий, непривычно высокий от волнения и готовый вот-вот сорваться в рыдания голосок Ксаны. — Это, значит, вы думали так всех нас обмануть? И меня, Грачик?

— Ксана, я готов... — начал было Сеня. Но она прервала его:

— Замолчи лучше. Любишь везде говорить о чести, совести, а сам! Как тебе не стыдно только. Ведь ты нас всех... А говорил!.. Я с тобой теперь никогда в жизни больше дружить и водиться не буду! — и, чтобы скрыть слезы, повернулась к нему спиной.

— Не расстраивайся, не расстраивайся, Ксаночка, — сказала Елизавета Порфириевна. — Сейчас мы подумаем, как быть.

— Как быть? — еле слышно проговорил Сеня. — «Не слыть, а быть». Вот как Ирина Николаевна нас, пионеров, учила. Надо все прямо сказать. Всю правду.

Ксана кинулась к Ирине Николаевне, схватила ее за руки, припала головой к плечу. Она уже не могла сдержать слезы.

— Нет... не надо!.. Ну, пожалуйста, не надо... не надо отдавать кубок! Лучше еще раз устроить эстафету. Ведь у них тоже было нечестно! Вон Грачик чуть не утонул. Я вас прошу — не надо!

Сердце Сени так и кромсали на части жальство и сознание неправомочности поступка.

— Ну тогда, — объявила Ирина Николаевна, — тогда надо сказать всем. И пусть сами ребята решают. Пусть поступят пионеры так, как им подсказывает их совесть. Идемте.

Елизавета Порфириевна согласно закивала белой головой. И все пошли к лесенке, которая вела через дверь на эстраду. Позади тяжко ступал Артем Иванович, обхватив одной рукой заветный кубок.

Пьер попридержал чуточку Сеню:

— Слушай, Гргачик... Может быть, мне лучше самому сказать все?

— Я бы на твоем месте, Кондратов, так и сделал. — Но я не могу. Как же это я выйду... и буду смотреть им в глаза... и говорить...

— А ты закрой глаза, — посоветовал Сеня.

— Но ребята-то не закроют. И все меня видеть будут. Вот если бы можно было, чтобы в это врежмя на меня никто не смотрел...

— Стой! А если бы на тебя никто не смотрел, ты бы сказал?

— Пароль-доннер... Честное слово, сказал бы.

— Иди тогда и проси слово. Я тебе отвечаю — никто смотреть не будет. Как только попросишь слова, так я...

Он принял что-то шептать Пьеру.

Тот, подставив ухо, испуганно косился:

— Врежешь ты...

— Не имею привычки. Иди.

— А ты?

— Сам увидишь. Мне на ребят смотреть, думаешь, не совестно?

Пьер вошел в зал последним и, ни на кого не глядя, занял свое место в президиуме.

Так как все считали его героем эстафеты, решившим ее результат, когда, казалось, уже дело было проиграно, снова вспыхнули аплодисменты, которые только стихли после овации, устроенной в честь Артема Ивановича Не-забудного.

Кубок был установлен на большой тумбе у края сцены, слева, у самого портала. Занавес, подобранный в красивые складки, как бы задрапировал тумбу. И все выглядело очень празднично.

— Ну, Пьерка, начинай, говори, а то поздно будет, — шепнул соседу из-за занавески Сеня. Он исчез, но через минуту появился снова, шепча: — Ну чего же ты?.. Говори...

Но тот в ответ только головой замотал, с ужасом оглянувшись на Сеню.

В это время фотокорреспондент из районной газеты уже нацелился своим аппаратом на кубок, вскочил на стул, потеснив ребят в первом ряду. И один из мальчиков, с гордостью вызвавшись в этот день быть его помощником, подключил к штепселью тысячесвечевую лампу. Крак!.. Где-то раздался легкий щелчок, и все погрузилось в полную темноту. Должно быть, старые пробки не выдержали.

И в полной темноте, в которую погрузился зашторенный зал, раздался голос Пьера:

— Ребята, погодите! Я сейчас все скажу. Это я, Пьерг Кондратов. Приведа, ребята, надо возвратить кубок...

Зал в темноте грозно закричал, зашумел, но потом пронеслось:

— Тесс!..

— Да... надо отдать... Потому что было несправедливо, неправильно... За меня и за Шибенцру Ргему кон-трольную написал Гречак. И по математике он ргешил нам...

Так было темно и тихо в зале, что казалось, будто все ушли из него и закрыли плотно за собой двери и живой души вокруг не осталось. И вдруг разом все закричали, затопали, загремели скамьями.

— Переиграть! — гремела тьма в зале.

— Несправедливо отдавать!

— Неправильно!

— Переиграть!..

Где-то уже загремели спичечные коробки и даже чиркнули там и здесь огоньки, чиркнули и разом погасли. Были-таки у некоторых про запас спички, но каждый боялся, что его еще, чего доброго, заподозрят в курении.

Послышался топот, скрип дверей, кто-то выбежал в темный коридор. Где-то с грохотом повалили стул, послышались голоса снаружи из коридора. Оттуда блеснул луч карманного фонарика, и вдруг все залил яркий, а после темноты нестерпимо слепящий свет. Пробки исправили.

Но пораженный зал словно онемел сначала. А потом все вдруг заполнилось тревожным, круто нарастающим гулом. Все смотрели в левую сторону сцены. Некоторые испуганно моргали и жмурились и снова открывали глаза, словно не верили тому, что видят.

Все вглядывались в тумбочку, на которой только что стоял кубок у края сцены. Кубка там не было.

## Глава VIII Новый след старой тайны

Он так и исчез таинственно и бесследно, этот кубок... Осмотрели все помещения, лазили на чердак, открывали дверцы кладовок, заглядывали в топки печек-голландок, но все поиски были безуспешны: кубок пропал самым непостижимым образом. Праздник был сорван, и все оставалось огорчительным и донельзя загадочным. Недоумевали гости, руками разводили учителя и школьники-тулубеевцы. Кто-то из ребят сказал Ирине Николаевне, что слышал странный всплеск за шторами окна, к которому примыкала сцена как раз той стороной, где возле занавеса у самого края стояла тумбочка с кубком. Другие уверяли, что до них как будто донесся звук лодочных уключин за дамбой. Третьи твердили, что кто-то, когда было темно, топал по чердачной лестнице через кухню. Словом, слухи и сведения, одни противоречивее других, ходили по школе из класса в класс, из дортuара в дортuар, где в этот вечер никто не спал до поздней ночи. Но следов кубка не было.

А когда все наконец понемножку угомонились, к Ирине Николаевне, уже укладывавшейся спать в учительской, постучался семиклассник Витя Халилов — он был лучшим электротехником в школе и первым бросился чинить пробки, когда погас свет.

— Ирина Николаевна, странное дело, пробка-то ведь не перегорела. Ее просто кто-то нарочно вывернул. А я как посветил фонарем — так и вижу...

Все запуталось еще больше.

Тогда же после исчезновения кубка, когда гости из соседней школы садились на свои лодки, тулубеевцы украдкой успели заглянуть им под скамьи, но кубка не было и в лодках соседей. Да и зачем было им пускаться на такое, когда им открывалась возможность увезти к себе кубок по всем правилам. Не мог же унести кубок обратно сам Артем Иванович. Никто, разумеется, не посмел предложить ему раскрыть чемодан, в котором он привозил кубок. А сидел он на сцене с краю, неподалеку от тумбочки. Если бы он захотел... Но зачем человеку, который только что принес учрежденный им кубок, красть его? И на другой день не могла успокоиться, все еще бурлила школа. По всем классам и дортуарам шу-гуакались, переговаривались. Все были подавлены, все терялись в догадках. Многие склонялись к тому, что это тот же проклятый Махан, которому крепко попало после истории с Сениной байдаркой, подплыл тихонько в темноте к дамбе, на которую выходило окно зала возле сцены, и, когда погас свет, через то же окно похитил кубок. Собирались уже сообщить в уголовный розыск и вызвать собаку-ищейку. Но вряд ли бы она смогла что-нибудь учуять: десятки рук уже касались тумбы, открывали окно, десятки ног наследили на сцене...

...Пьерка терзался. Он не находил себе покоя. Бедняга считал, и не без основания, что он главный виновник всей этой неприятной кутерьмы. Он видел, как огорчен и так сдававший с каждым днем дед: он ведь теперь утратил непонятным образом и второй кубок... Пьери было нестерпимо стыдно, что он обманул ребят: и Ксану, и других, которые ему так сердечно и радушно доверяли. Ему так хотелось вернуть уважение товарищей и деда, который, наверное, теперь тоже в душе презирал его! Надо было предпринять что-то решительное и сделать какое-то большое, для всех важное дело. И тут Пьер снова и снова возвращался к мысли о зарытых фашистами драгоценностях, о секрете деда, который скрывался там, на дне тайника, неведомого, но, как он знал, расположенного где-то здесь, поблизости. Он решил, что напишет по тому адресу, который его заставили выучить наизусть в Париже. Напишет, и пусть они сообщат место. А он, конечно, ничего не говоря деду, разыщет эти сокровища и сделает все так, чтобы связанная с ними темная тайна больше не мучила деда. Если надо, он уничтожит эту тайну. Ладно, пусть половину берут те, которые укажут ему место тайника. Ведь об этом никто не будет знать. Зато вторую половину он отдаст школе. У него все было продумано.

Почту в школу привозил теперь на лодке старый почтарь Александр Устинович Гаврилюк. В старое время он ходил пешком. Потом получил в премию велосипед. А теперь ему выдали подвесной моторчик. И лодка его, весело тарахтя, подлетала под окна школы. И Гаврилюк, опираясь одной рукой на рукоятку руля, кричал: «Эй, островные, принимай почту! «Пионер» пришел! «Пионерская правда»! «Мурзилка» кому, по малости лет!» Кто не знал в Сухоярке Гаврилюка! Сколько похоронных, сколько повесток разнес он! Как часто приход его предвещал горькие слезы! А иной раз его тут же оставляли выпить на радостях. Ему Пьер и решил вручить для отправки заказное авиаписьмо. Вот что было написано в нем:

«*Мой дорогой месье,*

— было написано по-французски Пьером на том листке, который был вложен в тщательно заклеенный конверт, помеченный надписью «Авиа». —

*Мой больной дедушка очень страдает. Я решил вернуть ему кубок. Напишите, где это. Все будет сделано, как условились. Простите, если есть ошибки. Я теперь учусь по-русски и делаю уже, возможно, по-французски ошибки...»*

В школу имени Тулубея приходило много писем из-за границы. Когда Незабудный раскрыл тайну храброго партизана Богритули и в Генуе узнали, что на кладбище Стальено похоронен Григорий Богданович Тулубей, стали приходить письма из Италии. И ничего не было бы странного в том, что сравнительно еще недавно вернувшийся из-за границы

школьник Пьер Кондратов кому-то посыпает письмо в Париж.

Но, когда моторчик Гаврилюка уже таращел под окнами школы, Пьерка вдруг, как никогда, почувствовал, что совершает, может быть, совсем скверный поступок, решившись напомнить о себе и об этом проклятом, но манящем тайнике тем двоим из мира враждебного, зловещего, отвратительного. О нем хотелось навсегда забыть после того, как все это осталось где-то позади в пространстве и времени. Позволительно ли было снова, на свой страх и риск, хотя бы вот так связаться с тем миром, впустить его опять в свою жизнь, в которой теперь властвовал строгий, но добрый и ясный порядок, много обещающий в будущем. В то же время Пьера так хотелось, так нужно было сейчас отличиться. Он был парень слабохарактерный, но чрезвычайно честолюбивый. А ради славы порой даже слабые люди готовы идти на самые рискованные поступки.

И все же он не вручил письма почтарю Гаврияюку. Долго потом, оставшись один в дортуаре, смотрел он из окна, как медленно кружились на воде клочки разорванного письма и ветер с берега угонял их все дальше и дальше.

Между тем оставались уже последние дни жизни старого школьного дома. Через несколько дней предстояло навсегда оставить здание, обреченное на снос. Для Пьера это был новый, недавно лишь обретенный им кров. Для всех других школьное здание давно стало чем-то вроде части и продолжения родного дома. Все вспоминали теперь, как пришли сюда в первый раз, держась за подолы матерей или необычные руки отцов. Вспоминали, что Елизавета Порфириевна была тогда еще не очень старой и волосы у нее были рыжеватые, веселые, с золотым отливом, не то что теперь, словно скирда, засыпанная ранним снегом. И сколько разных отметинок хранили давно не ремонтированные стены класса! Тут были начертаны имена, говорившие иной раз не столько о славе, сколько о чрезмерной привязанности к классу, в котором расписавшиеся проводили не один год... Здесь были кляксы и сердечки со стрелами и вензелями, и потайные записи, заменившие шпаргалки во время письменных. И следы чьей-то вражды: «На перемене будешь бит, станешь знать тогда», «Сам держись за землю, а то упадешь»...

Заметы долгой жизни хранили стены школы. У нее была своя сложная судьба.

В дни войны здесь был штаб гитлеровцев. Иногда вдруг проступали сквозь полуслезший слой kleевой краски какие-то немецкие надписи, которые сердито выскребывались ребятами. А в ином углу когтистая свастика или носатый орел выклевывались из-под облупившихся обоев.

А после того как выгнали гитлеровцев, тут размещался штаб одной из дивизий, освободившей весь район от врагов.

И вот теперь все это должно было уйти под воду или быть снесено. Вода продолжала прибывать. Правда, уже не так стремительно, как в первые дни заполнения водохранилища, но все-таки она продолжала подниматься неуклонно. Это было заметно и во водомерных рейках, все больше отдалявшимся от берега, и по тому, как уходила в воду дамба, которой была обнесена школа. Заливало улочку за улочкой в снесенных кварталах. И это тоже очень тревожило Пьера. Вдруг тайник скрывается где-нибудь в том районе Сухоярки, который еще будет затоплен. То, что сокровища не были зарыты в районе Собачеевки, ныне уже ушедшей глубоко на дно, было ясно: при сносе домов, при рытье котлованов они были бы уже обнаружены. Но сейчас Пьерка старался уже не думать обо всем этом.

...Славку Махана, когда он отправился промышлять разными неблаговидными способами возле кино «Прогресс», остановил какой-то тип в синем комбинезоне, которые обычно носят монтажники на стройке. Что-то очень недобре, сразу напомнившее о каких-то опасных знакомствах, разглядел в нем Махан. А тип подошел сбоку, легонько толкнул Махана локтем в бок и, глядя в сторону, произнес:

— Здорово, Маханок! Сколько лет в обед, как мы с тобой не видались.

Махан настороженно молчал, разглядывая типа. Тот приблизился к Махану и, как бы подставив ему свою щеку, слегка склонившись набок, вдруг стал очень ловко двигать одним

ухом. Ухо подрагивало, ходило из стороны в сторону и сверху вниз, мелко дрожало.

— Вертоухий? — подавленно ахнул Махан.

— Цыма! Тишина. Если помнишь — забудь. С тем завязано.

— Тебе еще срок не вышел? — шепотом спросил Махан, узнав уже теперь окончательно человека, с которым он не столь давно сам чуть не угодил в очень далекие места. — Что, винта, нарезал?

— Амнистия, — скромно ответил тип, отводя Махана в сторону. — Подчистую, не сомневайся. И вообще ты это оставь. С тем давно завязано. А есть новый разговор.

— Нет, это уж мимо, — сказал Махан.

— Это как понять? Гляди, я мимо не бью.

— Я давно с этим всем кончил, — попробовал возразить Махан, впрочем, не очень уж уверенно.

— Ты мне эту психику не разводи, — проговорил тот в самое ухо Махану. — Я тебя в закон брал, я тебя при-ияд, только я и. могу тебя вчистую отпустить. А стукнуть вздумаешь кому, так за тобой, знай, по двум статьям должок числится. Если все приплюсовать, годков на восемь верных набежит. Давай, если тебе молодой жизни не жалко. Сам я мараться не буду с тобой, суд решит праведный.

Махан молчал. Только глаза у него бегали по сторонам, словно искали лазейку, через которую можно удрать.

— Брось оглядываться, не убежиши. И довольно из себя девочку строить. Я тебе дело предлагаю. Имеется одна работка ударная. От тебя мне многоного не потребуется. А будешь в деле. Ясно?

Они отошли в сторонку и сели в безлюдном месте на одну из скамеек, недавно поставленных близ водохранилища. И тип в комбинезоне стал говорить Махану, что, возможно, у них тут, у местных лопухов, которые ничего не чуют, прямо под ногами лежат тысячи и тысячи — чистое золото и камешки. Тип не так давно вернулся из отдаленных мест, где его по наивности пытались перековать и исправить. Попал он туда, как известно Махану, совершенно безвинно, так как настоящим полицаем никогда не был, а так только оказывал иной раз и кое-кому некоторые услуги. Да и то не по своей охоте. Другим сошло, а он — отвечай. И обошлись с ним, конечно, уж чересчур строго. Слава богу, пришла амнистия — его отпустили. Но дело в том, что там, где его перековывали и исправляли, был один здешний, сухоярский. Вот тот уж был настоящим полицаем. И вообще немцам кум, сват и брат родной. Ему-то самому еще вольного света скоро не увидеть. И вот дружок этот, узнав, что его сосед по бараку уходит на волю, рассказал под великим секретом о тайнике, в котором скрываются несметные ценности. Даже дал на кусочек коры нацарапанный чертежик. По нему сразу можно найти тайник. Это в подвале, там имеется заслоночка. Надо только место знать. Там сверху замаскировано. Дело простое. Только самому ему, Вертоухому, опасно соваться, как бы кто не встретился из старых знакомых. Еще, чего доброго, признает. А Махану ничего не стоит. Он назвал адрес. «Там еще раньше штаб был», — напомнил Вертоухий и, прищурившись, посмотрел на Махана.

— Гей! — оживился вдруг Махан. — Так это, выходит, прямо у них в подвале под самой школой находится. Ну, вовремя ты прибыл, я тебе скажу. А то через неделю это вовсе на дне останется. Школа-то намечена на снос.

— Вот к чему и разговор. Рассиживаться-то некогда. Понятно теперь?

— Понятно.

— Хорошо, что хоть еще не вовсе понятие потерял.

Махан задумался. Как быть? В школу его категорически не пускали. Даже близко туда совать нос было опасно. Значит, надо было еще кого-то брать в долю.

— Там у меня есть двое хлопцев, — осторожно сказал Махан. — Они кое-что слышали про это дело.

— Откуда же? — насторожился Вертоухий.

— Да тут один из-за границы воротился, так у него парнишка. А ему еще там, за

границей, сказали. — Махан уклонился от более подробного ответа. Ему не хотелось говорить о Пьеце, обо всем, что он слышал от Ремки.

— Ты чего это накручиваешь? — усомнился Вертоухий.

— Правду я тебе говорю. Этому парню в Париже, что ли, кое-чего говорили. Только он с ними связаться трусит. А со мной, будь поконен, все будет в ажуре.

— А он не брякнет кому?

— По гроб не пикнет. Давай планчик. Тип не сразу отдал. Он смотрел в прыгавшие из стороны в сторону глаза Махана.

— Нет, — решил он, — это я тебе не отдам. Сымай сам, своей рукой.

Пока Махан перерисовывал план на папиросную коробку, Вертоухий все смотрел на него.

— Слушай, Маханок, — сказал он напоследок, — я хоть и отпущен вчистую, хоть и завязал, но в последний раз могу кое-что и вспомнить. Так что ты смотри не балуй. Ясен разговор?

— Ясно без слов. — Махан угодливо закивал и хихинул. — Порядок будет!

Сговорились, где должны встретиться, когда будет извлечено из тайника то, что в нем хранится.

— Смотри!.. — еще раз пригрозил на прощание Вертоухий.

Они разошлись.

Тип в комбинезоне направился к станции, но за поворотом на Вокзальную улицу кто-то окликнул его.

Сумерки сгущались, и Вертоухий не сразу разглядел человека, с которым они уже было разминулись.

— Виноват, гражданин хороший! — сказал этот человек, подходя к нему. — Где это вас вроде уже будто видел? — То был Богдан Анисимович Тулубей, возвращавшийся домой с работы. — Ей-богу, лицо знакомое.

— Возможно, бывает, — неохотно согласился тип. — Всяко бывает, товарищ начальник. Личность с личностью, случается, и совпадает, а на поверку выходит совсем обратное: не тот.

— Погоди-ка, стой! Не вместе ли мы с тобой плотину ставили в одном северном местечке?

— Так точно, товарищ начальник. — Видя, что уже не отвертеться, тип развел руками и суетливо осклабился.

— Я тебе товарищем еще, помнится, не был.

— Извиняюсь, гражданин начальник... Вот теперь снова уравнялись, так сказать. Вы, что же это, слыхать, были реабилитированный? Ну, а я амнистированный. Сказать можно, у нас с вами свобода, равенство и братство. Обоим пофартило: кто правый, кто виноватый — два сапога пары, только ноги врозь идут. Одна назад, другая вперед. Вы, видать по всему, далеко вперед ушли. Реглан на вас. Замечаю, что комсостав выше среднего. Ну, я, видно, вам уже не компания. Пока!

— Компанией, положим, ты мне никогда и не был, — сказал Богдан Анисимович, а сейчас не торопясь. Потолкуем.

— А мне торопиться некуда. У меня срок вышел.

— Ты что же сюда заявил? Работать станешь или за старое возьмешься?

— Никак нет, гражданин начальник, назад уже поворота быть не может. Верьте слову, завязано.

— Так, — в напряженной задумчивости проговорил Богдан Анисимович, брезгливо оглядывая человека в комбинезоне. — Ну, а тут что бродишь? Так околачиваешься или уже на строительстве работаешь?

— Да нет, так. Прибыл тут по одному частному делу. Чисто личный вопрос, гражданин начальник. Разрешите папиросочку?.. Весьма благодарен. Богдан Анисимович, не сводя с него глаз, думая о чем-то далеком и давнем, раскрыл перед ним коробку. Вертоухий взял из

нее две папиросы. Одну засунул в рот, а другую за ухо. Подумав, он деловито вытащил из коробки третью, положил ее про запас в нагрудный карман комбинезона.

Богдан Анисимович все старался что-то вспомнить... Чтобы как-нибудь задержать время, он сказал:

— Ну, раз встретились, зайдем куда-нибудь, выпьем по кружечке, поговорим. Может, я тебе устроиться помогу, на работу встать.

— Нет, куда мне с вами. Текущий момент не подходит. — Тип подозрительно попятился. — Вы партийный, идеиный, а я «судейный». Вход был общий, выход — в разные стороны. И давайте для порядка: я вас не встре-пул, вы меня не видели. Так вернее.

— А с кем это ты там таскался, на берегу?

— Да малый один... ветрел меня, признал, обрадовался. То да се. А я и фамилии его не знаю, кто такой. Встречались когда-то. Где, не помню. Дружбы не было, знакомство имелось. Куда ему, сосунку... Ну, я побежал, а то рабочий поезд уходит. Опоздаю.

— Стой. Не беги! — почти шепотом сказал Богдан Анисимович. Но было в этом тихом голосе что-то, заставившее Вертуухого замереть на месте. — Стой, пес? Я когда вернулся вчистую, то мне много известно стало. Когда с меня пятно смывали, так кое-что узнал я.

— О чем разговор, не мыслю, гражданин начальник.

— Сейчас размыслишь. Забыл Скрыдлю Василия, полицая?

— А что покойников шевелить?

— Он-то покойник, да ты еще живой ходишь, гад. Это вы с ним меня тогда оговорили. Счеты сводили за наши партизанские дела, за все, чего мы вам натворить не дали при оккупации. Тогда не разобрались. А после ясно-стало.

— Я лично, гражданин начальник, по уголовной статье проходил — на складе засыпался по хозяйственной линии. Вы мне зря не пришивайте.

— Врешь, не уйти тебе от меня! Теперь по другой статье проходить будешь...

Что-то тяжелое, на мир слепящимиискрами пронизав сумрак вечера, ударило меж бровей Богдана Анисимовича.

Мгновенно заливвшись кровью, он упал.

— По-видимому, удар кастетом! — сказал доктор Ар-зумян, которого срочно вызвали в больницу, куда минут через десять доставили Богдана Анисимовича Тулубея.

## Глава IX В ту ненастную ночь

На другой день во время большой перемены Пьер увидел из окна класса, что неподалеку от дамбы курсирует на лодке Махан. Он несколько раз оплывал остров, гребя осторожно, как бы макая весла в воду без единого всплеска, с той умильной деликатностью, с какой Мили-ца Геннадиевна обычно мешала ложечкой чай. Завидя в окне Пьера, он подплыл поближе, привстал в лодке, перебравшись к носу, и негромко окликнул:

— Эй, бонжур, дорогой, позови-ка сюда дружка твоего... Ну этого, Штыба, я говорю. Дело есть. Вскоре на дамбе появился Штыб.

— Пока вы тут рыбачите, я тоже не ишачу, — сказал Махан. — А ну ходи сюда поближе. Только без шухера, без лишнего шума. Песня без слов, музыка моя, исполнение твое. Тихо...

После конца уроков Ремка Штыб и Пьер сошлись в одном из уголков школьного коридора неподалеку от библиотеки.

— Может быть, он все врет? — спросил Пьер.

— Навряд ли, — сказал Штыб. — Что ему за выгода? Во всяком разе, попробуем. И так повезло.

— Лучше надо сказать, по-моему, — заикнулся Пьер. — Сказать кому-нибудь, чтобы вместе потом...

— Вместе? Хо! Тогда все придется вместе. И делиться вместе. Ну, беги говори, если

хочешь. А я считаю, что сегодня мы с тобой на пару, вдвоем, без посторонних спустимся в подвал... Вот тут все начерчено, куда и как. Это очень верный человек Махану сказал. Понятно? А когда уже все добудем, тогда и явимся, доложимся кому надо. Дурак ты! Тут можно кое-что и для себя при-хоронить на черный день, да еще в газете портрет напечатают. Помнишь, как в журнале было написано про Толину пушку? Как мальчишка тот клад нашел в Одессе, который фашисты припрятали, и отдал его в исполнком. Все про него узнали... А то нас с тобой тюкают, тюкают. А тут сразу известными людьми станем. Только погоди, кто сегодня дежурный?

— Грачик Сеня.

— Вот это не очень подходяще... Ну, ты с ним сейчас вроде как дружок-корешок стал. В случае чего, если услышит ночью, так ты выйдешь один, заговоришь его, а я тем временем все сработаю...

К вечеру внезапно похолодало. И степь, теперь как бы отодвинутая просторами водохранилища, снова решила напомнить о себе. Песчаный ураган перемахнул через водное пространство и обрушился на Сухоярку. У людей снова заскрипело на зубах, как когда-то в сухие и знойные дни степного лета. У пазов в окнах намело угольной пыли и песку; запорошило скатерти в домах.

Потом потемневшее небо передернуло словно гневной гримасой, и вскоре дочерна сгустившаяся тьма загремела и засверкала. В коротких промежутках между слепящими зелеными полыханиями все проваливалось куда-то с грохотом в черные тартарары. Первая летняя гроза с таким ливнем, будто все водохранилище хлынуло на берег, разыгралась над Сухояркой. И первая буря пришла на водохранилище, до сих пор такое спокойное, и разгулялась до того, что волны стали перехлестывать уже через школьную дамбу, осевшую теперь глубоко в воде.

Ветер сотрясал стекла в окнах школы, топотал по железной крыше. Все тонуло в грохотаний и темени бури. Казалось, что содрогается почва островка. И страшен был наседавший на окна, то разрываемый в клочья, то кувалдой бивший в кровлю зловещий простор. Он отрядывал до самого горизонта и вновь всей своей непроглядной и гулкой тьмой припадал к окнам.

Упал подмытый волнами и опрокинутый бурей столб на дамбе. Оборвались провода. В школе погас электрический свет. Онемел телефон. Как ни крутил его ручку дежурный Сеня Грачик — «большая земля» не отзывалась. И без того поздно легшие в этот день ребята так и не могли заснуть. Да и страшновато было, что говорить, в ту ночь на островке. Все казалось зыбким, ненадежным. Никто раньше и не думал, что вода, окружающая школу, может проявить неожиданно свой столь крутой и строптивый нрав. Директор Глеб Сыльч не вернулся с учительской конференции в районе. Елизавету Порфириевну начавшаяся гроза застала на берегу. Она была по делам в исполнкоме. Хотя дождь уже шумел на улицах Сухоярки и тяжело погромыхивал горизонт за водохранилищем, учительница заставила старого лодочника немедленно перевезти ее на островок. Она промокла до нитки, но явилась, опираясь на свою клюку, припадая на большую ногу в огромном ортопедическом ботинке. Она появилась на школьной лестнице, как капитан появляется на трапе в самый решающий для корабля момент. И все сразу повеселились, когда увидели Елизавету Порфириевну, хотя выглядела она совсем не по-капитански.

Седые мокрые волосы прилипли к вискам и щекам. Вымокшее платье обжимало колени. Но с мокрого лица, по которому стекали с головы ручьи, смотрели на всех веселые, взбадривающие глаза старой учительницы, повидавшей виды.

Она прошла в учительскую, оставляя в коридоре мокрые следы. Вожатая Ирина Николаевна промчалась туда через минуту с горячим чайником.

Когда все наконец улеглись, дежурный Сеня Грачик обошел дортуары мальчиков. Как будто бы все спали. Ему показалось только, что, когда он вошел, Пьер юркнул под одеяло, а лежавший на соседней койке Ремка Штыб быстро повернулся к стене. — Чего шебуршитесь? — шепотом, на всякий случай, спросил Сеня. — Спать надо. Давно пора. Не

добудиши вас утром. Сегодня и так не были на зарядке.

Оба приятеля даже не ворохнулись.

Сеня бродил по тихим коридорам. Дождь еще был в стекла, гремела железная крыша под напором ветра. Гроза уже уходила, но молнии еще перемигивались и гром ворочался где-то в отдалении, как бы задремывая. Только стекла легонько и зудяще отзывались на почты уже неслышное его рокотание. Сеня послышалось, что хлопнула выходная дверь. Он сбежал вниз по лестнице, освещая ступени фонариком. Отдаленный рокот грозы, громыхание оторванного листа кровли, шум дождя заглушали его быстрые шаги. Он мигом скатился вниз, выглянул на улицу. Никого не было. Быстро вернулся, схватил старую газету, валявшуюся под лестницей, накрылся ею и снова выскочил наружу. Дождь четко забарабанил по газете. Фонарик тускло высветил маленькую остроголовую фигурку, нолускрытую косо сверкающими в его луче тяжелыми струями ливня. Кто-то, перегнувшись через край дамбы, куда выходило одно из школьных окон, водил руками по воде. Сеня подошел поближе, нажал снова на кнопку фонаря и сквозь мелькание крупных капель разглядел тоненькую фигуру. Капюшон плаща, нахлобученный на голову, мешал разглядеть лицо. Сеня тихонько окликнул и направил на фигуру в упор свой фонарь... Он тотчас выключил свет, так поразило его то, что он увидел. Перед ним была Ксана. В руке она сжимала длинную кочергу, которой зимой ворочали уголь в школьных печах.

— Ксана! Это ты что?.. Ты чего делаешь?

Она выронила вдруг кочергу, которая скатилась вниз по откосу дамбы, и обеими руками закрыла лицо. Сеня посветил еще раз на нее и не понял, что это струи дождя или слезы так безудержно бегут между прижатыми к лицу пальцами Ксаны.

— Да потуши ты! — прошептала она, отворачиваясь. — Ну что ты высветился? Оставь меня...

Сеня послушно выключил фонарик. Они стояли в полной темноте. Дождь лил на них. Изредка отблески уходившей грозы освещали худенькую фигурку в Капюшоне. Газета размокла и расползлась на голове у Сени.

— Что ты тут делаешь? — спросил он еще раз шепотом.

— Я сегодня дежурная у девочек.

— А чего ты там искала?

— Сеня! — Она прижалась обе руки к своей груди. — Ты можешь дать слово? Дай самое честное ленинское, пионерское.

— Честное ленинское, пионерское, — быстро и послушно проговорил Сеня. Нет, ты пойми меня, Сеня. Только ты не сердись. Я знаю... это очень плохо.

— Да про что ты?

— Я знаю... Это просто ужасно. Я ведь не думала... Я ведь только хотела пока спрятать.

Сеня никак не мог сообразить, о чем шла речь. Темнота делала намеки Ксаны еще более загадочными.

— Сеня, ты только пойми... Я просто не могла... Ведь это же было бы не по справедливости. А вы меня тогда не хотели слушать... Я думала отдать потом Артему Ивановичу и чтобы снова назначили соревнования. Только я тогда торопилась очень, пока темно было... когда свет потух... Вот и уронила через окно, за дамбу. Там было совсем неглубоко. А за день вода прибавилась, и я никак не могла после достать. А она все прибывает и прибывает. Я просто не знаю, что делать. Я уже вчера ночью пробовала, так и не достала... Ты, наверное, меня очень презираешь? Да, Сеня?

Только сейчас Сеня понял, что речь шла о пропавшем кубке. Пораженный, он не сразу сумел спросить:

— Как же ты это могла, Ксана? А?.. Зачем же ты это сделала? Ведь ты же...

Она, полуутвернувшись, плакала. Дождь колотил по капюшону, и слезы на ее лице мешались с дождем. Она вся содрогалась от плача.

— Я сама не знаю. Я же не хотела... Я только не могла, чтобы в первый же раз... и

папин кубок им... А ты же меня сам обманул. И этот ваш противный Пьерка. Я его с той минуты просто ненавижу...

И тогда он почувствовал себя очень сильным, очень взрослым, способным на любой подвиг. И он сказал нарочно с некоторой грубостью:

— Ладно тебе реветь! Покажи лучше, где ты его упустила. Тут? Да, тут глубина порядочная. — Сеня вспомнил, как в этом же месте его вытаскивал из воды Пьер. — Тут вполне даже с головкой будет. Держи меня за гимнастерку. Только крепко держи.

— Что ты?! — испугалась Ксана.

— Держи, говорю. Можешь держать, если просят? Где тут твоя кочережка?

Сеня нагнулся, разыскал среди камней кочергу, стал осторожно спускаться к воде. — Держи как следует. Удержишь?

— Удержу, удержу... — прошептала Ксана.

Сеня, погрузив руку с кочергой в воду, стал водить по дну. Сначала ничего не попадалось. Кочерга сразу сделалась очень холодной. От нее озноб пошел по всему телу. Потом что-то слабо звякнуло. Сеня ощущил неподатливую тяжесть на конце кочерги, корябавшей дно. Он стал осторожно вести кочергой то, что зацепил, по откосу дамбы, наполовину скрытому водой... И вот при первом же отблеске молнии, от которого опять нехотя, с промедлением дрогнуло небо над водохранилищем, он увидел выползающую из воды чашу. Блеснула под ней серебряная фигурка гладиатора.

Через несколько минут Сеня уже держал в руках драгоценный приз. Осторожно водя пальцем, он счищал с него тину.

— Ничего, Ксана, — успокаивал он девочку. — Он только в песке да в дряни какой-то со дна. А так ему ведь ничего не сделается. Он же не ржавеет.

— Мы его сейчас перепрячем, — прошептала Ксана, когда они оба, укрываясь от дождя, вбежали в подъезд.

— Ксана, может, не надо прятать больше? Она молчала.

— Ксана, — сказал он, — надо вернуть. Ну хочешь: засунем его сейчас в подвал, а утром я его, как дежурный, будто бы найду и никому не скажу, что это ты?

— Сеня, это опять врать, значит... Не хочу я больше так! А так сразу тоже не могу...

— Ну, хочешь..- предложил он, уже окончательно обуреваемый восторгом, который породили эта необыкновенная ночь с громом, молнией, бурей, ливнем, удивительной находкой, и то, что они были сейчас вдвоем, только вдвоем и снова говорили, как когда-то.

Ведь после того как обнаружилось надувательство с письменными, Ксана его за эти дни и взглядом даже не удостоила. Как ни мучился Сеня, но не мог же он заговорить с ней сам первый.

— Хочешь, я скажу, — продолжал Сеня, — хочешь, скажу, что это все я?..

— Нет, Сеня, нет, хватит уже обманывать... Я ведь все равно хотела его достать и сама отдать. Ведь мы последние дни тут. А потом все будут сносить. Я хотела, чтобы Артем Иванович приехал. Думала, ему. А он все не едет... Ты мне так помог, Сеня, спасибо тебе! Я ведь знаю, это тогда ты с письменными тоже из-за меня... Сеня молчал. Необыкновенное, никогда еще не испытанное волнение словно схватило его за горло и не отпускало. Он стоял, прижимая к себе мокрый, заляпанный илом, опутанный какими-то осклильными травами кубок. С кубка капало. Капало с самого Сени. Он молчал, опустив голову.

— Теперь, я знаю, — прошептала Ксана, — ты теперь ко мне будешь плохо относиться.

Какая-то заблудшая молния, догоняя уже миновавшую грозу, метнулась в вышине, и небо ласково проворковало. И Сеня успел заметить, с какой неистовой тревогой смотрят на него глаза Ксаны. Но и сейчас, когда стало опять совсем темно, он знал, что она смотрит на него. У других людей все было внутри — и радость, и боль, и печаль. А у Ксаны все было открыто. Она сама была вся и печалью, и радостью, и лаской — это всегда ужасало Сеню своей открытой беззащитностью. Ему казалось, что всякая пустяковая обида бьет Ксану по самомульному, по самому живому.

— Зачем ты так говоришь? — тихо сказал Сеня. — Я же к тебе всегда знаешь как

относился!

— И я к тебе...

— Нет, ты теперь не так относишься, как относилась. А вот к Пьерке ты...

— Да ну его, я к нему только раньше так относилась. Теперь уже я вовсе не так отношуся.

— А теперь ты как будешь ко мне относиться?..

И долго еще под старой школьной лестницей слышалось в темноте сквозь шум ветра и ливня: «Отношусь... Относилась... Буду относиться... Он относится... Мы будем относиться...» Словно кто-то спрягал на уроке грамматики глагол.

Потом они оба задумались, где же все-таки до утра спрятать кубок. Нельзя же было его бросить здесь, под лестницей. И не тащить же его в спальню, чтобы перебул-гачить всю школу. Они решили спуститься в подвал, заброшенный, полузакрытый, куда уже давно никто не ходил, и пока оставить там до утра кубок. Было очень темно, а фонарик у Сени совсем уже иссякал. И в темноте сам он ушибся, нарядно стукнувшись лбом о кирпичный косяк. А Ксане где-то расцарапала руку. Но она даже не вскрикнула, а он только вытер тихонько в темноте кровь со лба и слизал потом ее с руки. Кто это выдумал, что так уж больно, если тяпнешься лбом о кирпич? Кто сказал, что в темноте страшно? И кто это вообще считает, будто ночью надо всем обязательно спать? Все это выдумали те, кто никогда не слышал, как им говорят: «Мы будем теперь всегда дружить с тобой. Ты мне главное всего на свете. Я к тебе знаешь как отношусь»...

Они задвинули кубок в самый дальний угол подвала, в небольшую кирпичную нишу, которую нашупал слабеющий луч фонарика. Потом Сеня помог Ксане подняться по трухлявым скользким ступеням лесенки, проводил ее в коридор второго этажа, куда выходил дортуар девочек. Ох, в каком он дивном настроении был сейчас! Только теперь он почувствовал, что надо все-таки пойти переодеться. Он весь вымок на дожде. Рубашка под гимнастеркой прилипала к телу, и за шиворот с мокрой головы стекали ледяные струйки. Но когда Сеня, простившись с Ксаной, спустился вниз и оказался уже в своем коридоре, он услышал, как осторожненько, еле различимо скрипнула дверь их дортуара.

Потом донесся шепот в коридоре. Сеня хотел зажечь фонарик, но что-то остановило его. Он замер, прислушиваясь.

— Лопату взял? — спросил кто-то в темноте. — А спички прихватил? Не забыл?

Сеня разом узнал приглушенный голос Ремки Штыба.

— Слушай, Ремка, — донеслось еще тише из темноты, — а может быть, лучше оставить это дело?

— Я тебе дам «оставить»!

— А если все-таки лучше сказать завтра Иргине Николаевне? И уж как она ргешит...

— Не хочешь, не надо. Иди ложись в свою кроватку, мокрва заграницная. Перепугался! Тебе такой случаи выходит. В газете напечатают, дурак. Ты скажи лучше — спички есть? Давай сюда фонарь. Видишь, у меня все припасено. Сеня напряженно вслушивался. Он никак не мог понять, о чем ведут разговор приятели. Потом, неслышно ступая, не зажигая фонарика, он пошел за Пьером и Рем-кой, осторожно шагавшими к лестнице.

## Глава X Человек с кубком

Часа за два до этого Незабудный навестил Богдана Анисимовича. Тот лежал уже дома с забинтованным лбом. Ранение оказалось неопасным, только удар оглушил. Больше поразило Незабудного лицо Галины Петровны, сразу постаревшей на много лет, с резко проступившими морщинами, с беспокойными желвачками у как бы затвердевшего подбородка.

«Крепко она его любит», — не без зависти подумал Незабудный. Он чувствовал, что

Тулубеям сейчас не до него. Пожелал Богдану Анисимовичу скорее поправиться, узнал, что в районе напали на след человека, нанесшего удар Тулубею, попрощался с Галиной Петровной и пошел к себе.

Было уже очень поздно, да и погода стояла не для гостей. Поэтому Артем Иванович удивился, когда дежурный по общежитию, отдавая ему ключ от комнаты, сказал, что кто-то его дожидается. И действительно, в коридоре со стула под фикусом у окна встал навстречу Артему Ивановичу какой-то незнакомый человек со шляпой и небольшим чемоданом в руках.

— Товарищ Незабудный? — спросил пришелец и тут же сам себе ответил: Впрочем, сомневаться не приходится и без паспорта. Добрый вечер. Разрешите? Я к вам. Извините за позднее время... Если интересуетесь документами, пожалуйста. — Он полез рукой за отворот пиджака — вынул красную книжечку. — Я из Советского Комитета ветеранов войны.

Это был очень худой, смуглый, гладко выбритый, уже немолодой человек со сдержаным и внимательным взглядом из-под толстых очков. Артем Иванович пригласил его пройти в свою комнату, указав на кресло у стола. Сердце у него тревожно заныло.

— Разрешите поблагодарить вас за доверие, Артем Иванович, — сказал незнакомец. — Спасибо, что вовремя поделились с кем надо.

Незабудный настороженно смотрел на него, ничего не понимая.

— Хорошо, говорю, что тогда адресок органам сообщили. Пригодился. Словом... что тут долго тянуть. — Гость поправил очки и взглянул в упор на Артема. — Привет вам от господина... уж не знаю, как его называть, — пан, или месье, или герр... Ну, словом, от известного вам Зубяго-Зубецкого. Хотя лучше бы сказать про него: под-люги-подлецкого. Вот эта посудинка вам знакома? вдруг весело спросил он, нагнулся, ловким движением раскрыл свой чемоданчик и обеими руками поставил на стол перед замершим Артемом Ивановичем кубок с гладиатором и оливиновой чашей.

— Нашли? — спросил обрадованно Незабудный, решив было, что незнакомец разыскал пропавший из школы кубок.

Но тут же увидел, что и меч, и плита со щитом над углублением, изображавшим могилу, и рука, вздывающая чашу, — все на этом кубке повернуто не так, как на кубке, подаренном школе, а в обратную сторону. И Незабудный с ужасом понял: перед ним та самая ваза, с которой ему пришлось когда-то столь постыдно, хотя и невольно, расстаться. Его охватило душное смятение Становилось трудно дышать. Колющая боль скользнула из левой стороны груди через плечо в руку. Рука как бы онемела, а потом заныла противно. Он смотрел на пришельца. Откуда у него этот кубок, который пришлось отдать в ненавистные руки чуть ли не двенадцать лет назад? Чаша его срама. Сейчас придется испить ее до дна...

— Ну, принимайте напарницу, — продолжал гость, показывая на принесенный им кубок. — У вас, я слышал, один пропал в школе при таинственных обстоятельствах? Отыщется, будьте покойны. Это все, надо полагать, ребяччи номера. Ну, а пока найдется, может быть, вот это подойдет. А? Как по-вашему? Незабудный молчал, с трудом и шумно переводя дыхание, слепо шаря рукой по левой стороне груди.

— Да вы напрасно волнуетесь, Артем Иванович. Совершенно зря тревожитесь, успокоил гость. — Чего вы себя терзаете? Абсолютно ни к чему. Мы же ни в чем дурном вас никогда и не подозревали. Жизнь ваша нам хорошо, доподлинно и во всех подробностях известна. Человек вы знаменитый, писано о вас и переписано.

— Врали много, — выдохнул Незабудный.

— Да, верно, кое-что и прифантазировали. Это мы тоже знаем. Тем более, что я сам большой любитель, можно сказать — ваш болельщик. Я еще и Поддубного на ковре застал, правда уже видел глубоким стариком... И захват ваш с суплеса когда-то отрабатывал. Так ведь и называется: захват Незабудного... Ну, сейчас не о том речь. Извините, что в такой поздний час побеспокоил, но дело совершенно неотложное. И так мы уже с этим вопросом несколько задержались.

— Товарищ, — хрипло сказал Артем Иванович, — верьте слову, чести моей верьте!.. Ведь это же тогда как вы-шлоГ... Вы, конечно, не поверите, но ведь это как получилось...

— Артем Иванович, я же сказал, что нам все известно. Мы давно все детали установили. Хотите, я вам сам вкратце изложу. Только давайте поспешим, а то время не ждет. Ну, если я в чем-нибудь ошибусь, вы меня уж извините и поправьте.

И гость рассказал, иногда с немного вопросительной хитроватой усмешкой вглядываясь в лицо смущенного Артема, как все это произошло двенадцать лет назад с памятным кубком «Могила гладиатора».

В те дни Артем Незабудный оказался застигнутым военными событиями в одном из районов Северной Италии, маленьком городке виноградарей и рабочих газовой промышленности — Альфонсинэ, в нескольких десятках километров от Болоньи.

Гитлеровцы, оккупировавшие район, который был одним из самых неукротимых очагов итальянского Сопротивления, устроили в болонском цирке чемпионат французской борьбы. Спортивным страсти надлежало несколько приглушить иные, более грозные чувства, бушевавшие в округе. Так искусственными взрывами сбивают и гасят пламя газового пожара...

На арене цирка подвизался один из германских борцов, Зеп Гегенхаммер. Переезжая из города в город, он бросал одного за другим своих противников на обе лопатки. Но о нем ходила не только спортивная, а кое-какая и другая недобрая слава. Передавали, что он связан с гестапо, с отрядами карателей и сам в часы досуга ведет с пристрастием допросы арестованных, не стесняясь пускать в ход свою чудовищную силу.

Каждый раз перед его выходом на манеж арбитр говорил, что Зеп Гегенхаммер — непобедимый чемпион, положивший на обе лопатки всех знаменитых борцов мира, в том числе и русского колосса, Человека-Гору, Артема Незабудного. В один из последних дней чемпионата хвастливый фашист вызвал любого желающего из публики побороться с ним на крупный денежный приз. Незабуд-ный, давно уже к тому времени оставивший манеж и прозявавший в неизвестности, кое-как перебиваясь уроками гимнастики и борьбы в одном из пригородов Альфонсинэ, услышал, что наглый гитлеровский чемпион хвастается, будто бы он в свое время уложил на обе лопатки Артема Незабудного. Не за себя, за славу русских борцов обиделся Артем. Не смел фашист облыжно унижать русскую силу. Он решил теперь отправиться в Болонью и проучить фашиста.

— Зря вы это напридумали себе, синьор Незабуд-ный, — говорил тогда ему Пеппино Рутти, старый массажист. — Чего вы не видели в Болонье?

— Тебя забыл спросить.

— Нет, правда, зри вы это делаете, не советовал бы.

— Тебе за советы не платят. Ты знай свое дело. Мни крепче. Понимая бы ты по-нашему, по-русски, я бы тебе так сказал: мни, да о себе не мни. Да не поймешь ты.

— Нет, я просто говорю свое мнение, синьор Артем.

— А к чертям со своим мнением ты не хочешь пойти?

— Чертям на мнение честного человека наплевать. На то уж они и черти, синьор. Но, прошу прощения, я бы на вашем месте...

— На моем месте ты бы уже выгнал того, кто пристает со своими советами.

— Нет, я просто не хочу, чтобы вас схватили.. — Вот что они схватят! — И Незабудный сложил из своих толстых пальцев и сунул под нос старому массажисту фигу, по форме и объему смахивавшую на большую носатую карнавальную маску. Конечно, силы прежней у Артема Ивановича уже тогда не было. Дело выглядело рискованным. Да и сердце пошаливало, чего доброго, могло и сдать. Но былая богатырская удаль и прежнее неукротимое озорство, с которыми и сам он не мог часто справиться, вдруг пробудились снова в Незабудном и взяли свое. Он уже накануне побывал в Болонье, сходил в цирк, чтобы присмотреться к немецкому борцу, определить примерно на свой опытный глаз возможности противника, оценить его силы, подметить слабости.

И в воскресенье, когда Зеп Гегенхаммер назначил вечер «открытого ковра», то есть

предложил бороться с ним любому желающему из публики, он неожиданно встал на галерке, где сидел в уголке, подняв воротник пальто, встал во весь свой гигантский рост, уперся затылком в потолочину купола. Снял шляпу, размотал шарф и опустил воротник пальто. И все увидели черную маску, закрывавшую его лицо и голову от шеи до макушки.

Цирк загудел, все стали подниматься, обворачиваясь, поглядывая наверх.

Но, когда он спустился по проходу амфитеатра и вышел на манеж, исполин в черной маске, зрители решили, что это очередной трюк, столь обычный для профессиональных чемпионатов. Видно, сородичам турнира надо было еще продлить чемпионат и чем-то привлечь публику.

Ну что же, спектакль так спектакль!.. Все лукаво перемигивались. Арбитр-австриец вышел на середину манежа навстречу Незабудному и предложил назвать себя, сообщить свое имя хотя бы жюри, гарантировав ему тайну, если только инкогнито маски не будет раскрыто Гегенхаммером, когда он положит неизвестного борца на обе лопатки и побежденный по правилам должен будет назвать себя публике.

— Смотрите, смотрите, как он здорово играет свою роль, ловкач! — говорили в публике.

— Оба они ловкачи, знаем мы эти номера.

Незабудный категорически отказался сообщить свою фамилию членам жюри и арбитру. В противном случае он не желал бороться. И, хорошо зная цирковую публику, он, решительно повернувшись, зашагал с манежа.

Но тут уж зрители, чувствуя, что дело идет всерьез, закричали, затопали, поддерживая его и требуя, чтобы жюри разрешило неизвестному борцу в маске бороться инкогнито.

Гегенхаммер, с независимым видом прогуливавшийся до этого по кругу манежа, небрежно поигрывавший мускулами, глянул на гигантскую фигуру единственного соперника и несколько струхнул. Но делать было нечего. Надо было принимать вызов. Незабудный зашел за занавеску, отделявшую манеж от прохода к конюшням, разделся и вышел обратно на арену. И весь цирк — от стола жюри до последних верхних рядов галереи — ахнул от восторга, увидев еще сохранившиеся атлетические пропорции и грандиозные стати тела подлинного Геркулеса. Все было соразмерно в нем, все исполнено повелительной мощи и классической мужественной красоты. Все говорило о силе необыкновенной. Конечно, время прошло по фигуре атлета, немножко размыло линии, но еще внушителен был рельеф мышц. Когда Незабудный повел плечами, легонько разминаясь, слегка тряхнул кистями рук, проступили под кожей могучие связки, напряглись, покатились, вздуваясь и опадая, бугры невообразимо громадных мускулов. Сила светилась, гасла и вспыхивала снова, перебирая сухожилия, играя в мышцах, как играет и переливается изнутри скрытым огнем хорошо отграненный камень.

Еще накануне Артем Иванович, съездив в Болонью и присмотревшись с галереи цирка к будущему своему противнику, определил кое-какие слабые стороны его. Заметил, например, не совсем разумную и неточную позицию в стойке, зато оценил большую силу грифа и короткой шеи Гегенхаммера. С «моста» его было не сломить. В партер лучше не переводить. Вернее было брать его в стойке на прием.

И теперь, сделав свой знаменитый захват, из которого никто пока еще не вырывался у Незабудного, он на двенадцатой минуте приемом через бедро бросил немецкого чемпиона на ковер и с рывка прижал его вплотную обеими лопатками к ковру, продержав в этом положении лишнюю минуту для верности, так как видел, что арбитр бегает вокруг, присаживается на корточки, ложится ничком, но не спешит дать решающий свисток. Но в конце концов арбитру пришлось свистнуть. И можно себе представить, как были довольны зрители и смущены устроители чемпионата.

— Да, представить себе даже нелегко, что это было, — рассказывал ночной гость. — Известно нам, Артем Иванович, что когда попробовал арбитр заставить вас называться, так вы крикнули что-то вроде: «Пиши, троюродный батька Артема Незабудного, того самого, которого этот бурдюк с пивом тоже сроду не клал».

— Было дело!

Да, так и было. Отказавшись от приза, пренебрежительно швырнув деньги на стол жюри, Артем покинул тогда манеж. У выхода его пытались схватить эсэсовцы. Но публика, уже хлынувшая из всех галерей, не дала. Она уже окружила великана-атлета в черной маске. Люди подняли себе на плечи его колосальную фигуру, оттеснили гитлеровцев, и Артем скрылся в темноте. Публика долго шумела возле цирка, довольная, что неизвестный борец так проучил развязного фашиста. А один из любителей тем временем отвез на своей машине Незабудного в Альфонсинэ.

— Тут вы затем допустили, конечно, одну ошибку, — продолжал свой рассказ гость. — Вам бы надо было немедленно покинуть свой город. А вы, видно, решили, что можете остаться неизвестным.

— Да нет, занемог я тогда после схватки, — сказал Артем. — Силы-то уже прежней не было, а все-таки, поймите, это напряжение! Он же меня лет на двадцать моложе был, этот колбасник.

Да, Артем совершил тогда оплошность. И уже на следующее утро к нему в Альфонсинэ явился один из бо-лонских эсэсовских начальников, которого сопровождал плюгавенький менеджер. Он когда-то возил Артема по Европе с другими борцами и вчера, сидя в публике, разом узнал и хватку чемпиона чемпионов, и неповторимый прием, который назывался «захватом Незабудного» или «русскими клещами». Он и навел эсэсовцев на Артема. Чтобы замять скандал, произошедший накануне в цирке, скандал, о котором шумела вся Болонья, оккупационные власти теперь ставили перед Незабудным следующий ультиматум: русский атлет снова выходит под маской на матч-реванш со вчерашним противником в ложится под него на двадцатой минуте. Причем поражение должно быть полным не по очкам. Чистое одновременное тушение обеими лопатками. Никаких там разноименных перекатов. В противном случае господин Незабудный будет отправлен в лагерь смерти. Оказавшись побежденным на двадцатой минуте, Незабудный должен по обычным правилам чемпионатов снять с себя маску и называться полностью. Бежать бессмысленно, он взят под наблюдение. Дом оцеплен. Если завтра на манеже бывший русский чемпион изменит продиктованным ему условиям — штрафной лагерь Сент-Арнаджелло... А что это такое, господин Незабудный знает, надо полагать.

— Вот тут, по-видимому, — продолжал свой рассказ тяжело дышавшему Артему Ивановичу незнамоц, — тут он, верно, и увидел у вас на столе одну из ваших знаменитых призовых чащ «Могила гладиатора». И, должно быть, прихватил одну в качестве кубка завтрашнему победителю. И сказал при этом, что, во избежание каких-либо дальнейших недоразумений, вам придется подписать после поражения протокол и дарственную, передав кубок Гегенхаммеру... И тут вторая ошибка с вашей стороны! Не надо было ни в коем случае соглашаться. Силком больного они бы вас на манеж не притащили. Надо было врачей потребовать...

— Да ведь я бы его с любого приема мог бросить! — заволновался Артем, прервав рассказчика. — Неужели не верите?

— Да нет, конечно, верю! — успокоил его гость. — Если бы не верил, так не стал бы разговаривать с вами, сами посудите. Только вы немного мне должны помочь, если я не так что-нибудь себе представляю. Давайте по порядочку, по порядочку. По порядочку... Хорошо сказать — по порядочку! Речь шла сейчас о самой темной и мучительной тайне, подбиралась к самому больному.

— Так вот, — продолжал товарищ из Комитета ветеранов, — вы согласились тогда на условие.

— Да нет же! Ведь я и мысли не имел!.. — Артем Иванович стал приподниматься, опираясь на стул.

— Да вы сидите, не тревожьтесь, Артем Иванович. Нам же в основном все известно. Пришлось вам тогда подписать и выдать прохвосту справочку заранее при-мерно эдакую: «Подтверждаю, мол, настоящим, что вторичная встреча моя на ковре с господином

Гегенхам-мером была тогда-то и там-то проведена по моему вызову и на условиях, выработанных мною лично совместно с дирекцией цирка и представителями германского командования, в соответствии с чем я теперь и передаю победителю господину Гегенхаммеру, победившему меня в честной спортивной борьбе, как подарок и в знак своего поражения личный мой памятный кубок, известный под названием «Могила гладиатора», в чем и расписываюсь». Верно?

— Верно! — почти шепотом признал Незабудный.

## Глава XI Решительная бессрочная до результата

Так все и было. Незабудный пообещал гитлеровцам, что ляжет на двадцатой минуте под Зепа Гегенхаммера. А на самом деле он твердо решил на двадцать первой минуте припечатать фашиста к ковру, уложив его на обе лопатки, в момент, когда противник, согласившись на подлый сговор, будет озадачен неожиданно продолжающимся сопротивлением Незабудного.

После вчерашней схватки, несмотря на болезненную усталость и недобroe томление в сердце, он, уже испытавший возможности противника и почувствовавший предел его сил, не сомневался в своей победе.

Ну что же, пусть потом расправляются с ним. Но он при всей публике еще раз проучит наглеца. А после сам снимет маску с себя. И все люди пускай знают, что русский чемпион чемпионов мира, Человек-Гора, Артем Незабудный не продаётся и никогда не идет на сговор, если даже речь идет о самой жизни. Попробуй тогда, когда он снова победит и назовет себя, схватить его. Он обратится к публике, прося принять его под свою великодушную защиту.

В закрытой машине его доставили из Альфонсинэ в Болонью.

Цирк был переполнен в тот вечер, как никогда. Приз «Могила гладиатора» поставили на столик жюри, где скрестились трехцветные итальянские флаги и нацистские флаги со свастикой. Уже перед выходом на манеж Артем Иванович стал с тоской прислушиваться к тому, как странно ведет себя в этот вечер его сердце. Оно будто разбухло и толкалось уже не только в груди, но и в темени и словно рвалось в окончания пальцев и вообще куда-то вдруг проваливалось к чертям. И пол, когда он шел к выходу на манеж, становился как будто мягким, словно мат. Ноги не ощущали его твердости, и от этого приторная слабость как бы размягчала колени.

Надо было решать схватку быстро. Незабудный чувствовал, что надолго его сегодня не хватит. Продуманный накануне план уже не годился... Следовало сразу взять фашиста на прием, тем более что противник не ждал настоящего сопротивления. Да, взять на добрый прием, скажем «на мельницу», перекрутить Гегенхаммера в воздухе и припечатать к ковру. Но, видно, фашист был не из простачков. Сговор сговором, а он знал, с кем имеет дело. С таким грозным противником, какой скрывался под черной маской, надо было держать ухо востро. Он, верно, наслушался о разных чудаствах и многих странностях Незабудного, ставивших не раз в тупик самых опытных спортивных воротил. Вряд ли, конечно, пойдет человек на верную смерть, но все же неизвестно, что может прийти в упрямую голову этого сумасбродного русского медведя.

На третьей минуте, после того как борцы, нагнувшись, перехватывая друг друга за руки, хлопая ладонями по шеям, походили немного по центру ковра, Незабудный попытался захватить противника и, вскинув его, бросить с приема наземь.

Однако Гегенхаммер сумел ускользнуть, вывернулся и, растопырив руки и ноги, всей своей огромной тушей, как черепаха, плюхнулся на ковер животом вниз. Незабудный пытался «ключом» повернуть его, но понял, что сегодня, когда он борется второй вечер подряд, ему уже не под силу заставить молодого тяжеловеса перевернуться на спину.

Он дал возможность Гегенхаммеру вскочить, и снова они некоторое время боролись в

стойке, и опять пытался Незабудный подловить на прием противника. Но тот уже почуял, что русский колосс борется всерьез, ведет дело начистоту. Вертик и, как это хорошо почувствовал Не-забудный, до отказа налитый молодой силой, Гегенхам-мер каждый раз уходил из захвата. Цирк то ревел, то затихал. И Незабудному начало казаться, что сердце у него то стучит оглушительно, то замирает, делается почти неслышным. Какая-то странная рыхлость ощущалась в коленях, он уже перестал доверять своим ногам и уже дважды давал перевести себя в партер, чтобы немного отдохнуться. А Гегенхаммер применил самые жестокие приемы, чтобы заставить Незабудного перевернуться на спину. Он с размаху притирал свои толстые локти к напруженной шее, выпиравшей из-под краев черной маски. Этот прием, называемый «макаронами», заставляет находящегося внизу борца опустить шею и облегчает захват «ключом». Гегенхаммеру удалось протиснуть свои руки под мышки Незабудного и сплести пальцы у него на затылке, проводя так называемый двойной нельсон. И обычно неуязвимый, специально подставлявший свою неохватную шею под все эти приемы, Незабудный на этот раз почувствовал, как от каждой «макароны» и от страшного жима у него что-то вколачивается в темя и в виски. Воздух вокруг плотнел, становился как вата, лез кляпом в рот. Подкатывала густая тошнотная муть. Голову словно обматывало мягким коконом. И сердце все проваливалось и проваливалось куда-то, потом неуверенно возвращалось на место, заявляя о себе пронзительной болью в груди.

Он уже почти машинально сопротивлялся фашисту. Гегенхаммер мог в любую минуту положить его. Но немец хвастался по радио во всеуслышание и сообщил в вечерние газеты, что уложит человека в маске ровно на двадцатой минуте — не раньше, не позже. И теперь он нарочно тянул время, ведя уже игру с полуобессиленным Незабудным. А тот с каждой минутой чувствовал, как все глупше и вкрадчивее облекает его всего в какую-то душную мякоть.

Потом все кануло в темноту.

Когда Незабудный пришел в себя после полуминутного обморока, все оставалось по-прежнему ватным и глухим.

Все, кроме одного, никогда еще не испытанного ощущения — ощущения неуступчивой, уже вконец безнадежной твердости под лопатками. Еще не совсем понимая, что произошло с ним, Незабудный почувствовал то, чего никогда не ощущал на арене, — жесткое касание ковра к обеим своим лопаткам. И он понял, что впервые в жизни побежден.

Он стал подниматься, опираясь на руку и колено. Икота сотрясала его грудь, билась в подвздошной впадине. Странная душевыматывающая икота. И он вдруг понял, что это подступают рыдания. Словно в тумане, он встал, думая о том, как хорошо еще, что маска скрывает слезы, которые текли под ней по щекам. Он поспешил вытереть их, сдирая с себя душившую черную ткань маски, обнажая лицо, подставляя его позору уже в открытую. И сквозь низвергавшийся на него со всех кругов циркового амфитеатра рев смутно услышал, как арбитр-австриец объявил:

— Под черной маской боролся бывший пятикратный чемпион мира, непобедимый чемпион чемпионов, кампио-ииссимо, известный русский борец Артем Незабудный. Это — первое его поражение в жизни. По условиям сегодняшнего поединка он отдает господину Зепу Гегенхаммеру свой памятный уникальный приз «Могила гладиатора», в чем сейчас на ваших глазах и распишется в дарственном акте, скрепив своей подписью этот исторический момент.

Неистово колотили в мясистые ладони эсэсовцы, заполнившие добрую половину цирка, орали что-то, развязив под маленькими усиками свои хайла. Но сверху, с галерки, из проходов амфитеатра, где сгрудились зрители, прорывавшиеся к арене, ринулся оглушительный свист, обрушились крики:

— Блеф! Лавочка! Сговор! Подкладка! На конюшню его!..

— Это все штуки!.. Сколько тебе заплатили, ты, непобедимый? Под кого лег? Подстилка!..

— Продажная шкура, почем тебя купили? За сколько теперь с требухой пойдешь,

кампиониссимо?..

С трудом удалось полиции унять возмущенную публику. Незабудного на этот раз вывели через служебный ход. Теперь его надо было спасать от тех, кто вчера стоял на его защиту. Нельзя было оставлять его с толпой возмущенных людей, которые считали, что русский борец лег под фашистского чемпиона по условиям определенногоговора. Публика была уверена, что и вчерашнее все было просто-напросто трюком.

— А может быть, не так что? — Гость исподлобья, поверх очков, глянул на Незабудного.

— Да вот в том-то и дело, что все так! — поспешил заверить его Артем Иванович. — Вы это понять должны...

— А мы и поняли, как надо, — отвечал гость.

— Ведь я и по сей день не знаю, как обратно добрался, просто не помню. Очнулся утром, а гляжу — уже вокруг меня больничные стены. Как меня туда отправили, до сих пор не ведаю. Нашлись-таки добрые люди. И ведь понимал я уже тогда, что все думают, будто это я нарочно лег, подкладку сделал под фашиста. А у меня, верьте слову, и правда не хватило сил. Сердце меня подкузьмило. Он меня чисто тушировал, чистый был «бур». Молодой, двадцать лет разницы. Да разве бы я испугался? Да я бы его, будь я в форме, с первого приема бросил!

Он опять развелся и хотел встать, но сел тяжело на стул.

— Да сейчас-то уж к чему волноваться? — успокоил его гость. — Об этом мало кто, собственно, и знает. Вы же к тому времени, извините, с манежа уже ушли. Ну кое-что, правда, было в газетах, особенно в гитлеровских. Пытались они раздуть шум. Так ведь не тем люди тогда жили, Артем Иванович. Не на ковре шла борьба, а на доброй половине всего земного шара. Смертная борьба. До того ли было большинству людей, что в каком-то итальянском городишке прижали лопатками к ковру бывшего чемпиона мира. Да и кто читал, не все верили, что это был доподлинно сам знаменитый Незабудный. Ведь о вас столько всегда слухов ходило, столько врак всяких! И хоронили вас, и воскрешали, и снова обратно в землю зарывали. И под вашей маркой другие борцы работали. Такое тоже бывало. Верно? А вы придумали себе сами такую муку, навалили еще лишнего груза на свою жизнь и не решались вызволить себя из-под нее. Не очень-то умно! Так ведь, Артем Иванович? Конечно, все так и было, как говорил гость. Именно так. Но тогда, в те горькие, темные годы, простодушный Артем — человек чести и рыцарского отношения к спорту — принял происшествие с ним как страшную, непоправимую катастрофу, безнадежно опозорившую его под старость. Он, конечно, не помянул о ней в своих мемуарах, которые, правда, за него целиком написал один ловкий французский журналист, хорошо на этом заработавший и купивший права на переиздание у очень нуждавшегося в то время Незабудного. И не раз убеждался Артем Иванович, что подробности этого происшествия в Болонье мало кому стали известны. Откуда же так детально все вызнал человек, бывший сейчас его неожиданным гостем? Как он узнал все? И как он поверил?

— Дорогой вы мой человек! И как же вы все это раскопали, вы знали до точности? — спросил Незабудный и, помаргивая от охватившего его чувства благодарной преданности, впервые взглянул прямо в глаза собеседнику. — И можно мне, коли уж так у нас с вами разговор пошел, еще один вопросик вам задать?

— Хоть десять.

— Скажите по совести, уважаемый... Это вы, что же, просто так сразу поверили, что я тогда не поговору, не по принуждению?..

Гость с немножко виноватым видом улыбнулся, почесал мизинцем висок, поправил очки, постучал ногтем по их дужке.

— Да откровенно говоря, Артем Иванович, дело наше такое, что верить мы должны, а проверять обязаны. — Он развел руками и с лукавинкой, вполглаза подмигнул хозяину. — Дело это было, честно вам сказать, не совсем нам понятное. Хотя, конечно, никто не сомневался, что наговор с фашистами вы не пойдете. Мы же вашу биографию, я уже вам

говорил, давно изучили. Биография сложная. Но грязи на ней нет. Однако, что таить, были вот в этой истории с Гегенхаммером кое-какие неясности. И, конечно, сами вы знаете, писали потом в газетах союзников, будто победа немца не внушает доверия. Дескать, русского великана принудили лечь под угрозой смерти. Пришлось-де пойти в этот раз Незабудному наговор.

— Да ведь чистое же было туте!

— Да вот смотрите, бывает, оказывается, что настоящему честному спортсмену надо добиваться, чтобы все поверили в его истинное поражение.

— Ну, а вы-то как сами поверили? Гость достал из своего чемоданчика пачку каких-то бумаг. Перебрав несколько, вынул конверт, вытащил из него листок. Он был очень серьеzen. Чувствовалось, что он сам сейчас взволнован чем-то.

— У вас, Артем Иванович, — проговорил он медленно, — свидетель нашелся один. Чрезвычайного авторитета свидетель. Такой человек вам справку выдал, что сомневаться уже никто никогда не посмеет.

— То кто ж будет?

— Тулубей Григорий Богданович, Герой Советского Союза. Вот кто.

— Это как же так?! — Незабудный совсем растерялся. Голос у него стал сиплым.

— А вот как... Когда вы вернулись и сведения драгоценнейшие дали о Григории Тулубее, это все, разумеется, сразу попало в итальянские газеты. Наши товарищи из Комитета ветеранов войны списались с друзьями из АНПИ Национальной ассоциации партизан Италии. Много интересного и нового узнали о том, какие подвиги совершил ваш Богритули, то есть Григорий Тулубей. Необыкновенной он отваги человек был!.. Установили, что в отряде у него в последнее время находился один врач, итальянский патриот. Этого врача будто бы вы приводили к раненому Тулубею перевязывать... Когда вы на себе из-под носа патрулей Тулубея унесли.

— Джузеппе Саббатини?! — радостно изумился Артем.

— Совершенно точно.

— Вот он куда подевался тогда, старый!.. Теперь понятно. В партизаны пошел...

— Да, — продолжал гость. — Доктор Саббатини был в отряде Богритули. А он человеком оказался весьма дальновидным и предусмотрительным. Он понимал, как вы должны были себя чувствовать после вашего поражения... ну, после той, словом, истории в цирке. Понимал, что может это происшествие замарать ваше славное имя. Тут поверить было недостаточно. Надо было доказать полную вашу чистоту. Имя ваше принадлежит истории мирового спорта, Артем Иванович, что тут говорить! И вот тот доктор, когда вам было плохо после второй встречи с Гегенхаммером, не только помог вам оправиться, но у себя в больнице сделал вам рентгеновский снимок и электрокардиограмму. Все понимал человек. И по рентгену, и по кардиограмме видно ясно, что в тот вечер куда уж вам было на ковре выступать! Гиблое дело! Как это еще вы там, на манеже, совсем лежать не остались... Это просто чудо! У вас состояние же было прединфарктное.

Артем Иванович слушал его, распираемый благодарностью и в то же время чувствуя, как сваливается с него чудовищная тяжесть, которая давила его долгие годы.

— А все-таки как же все это вскрылось-то? Это как нашли? — Он махнул головой в сторону кубка, стоявшего на столе.

— Все он, Григорий Тулубей. Славный Богритули. Видите ли, этот ваш Зеп, как его?.. Пешком через фамилию не пройдешь!.. Зеп Гегенхаммер ведь с гестапо путался. С карателями. И везде с собой возил этот кубок. Он даже и на Украине с ним показывался. Все хотел авторитет себе перед нашими поднять. Вот тогда, по-видимому, Тулубей и видел где-то на допросе, когда он к гитлеровцам в лапы раненым попался, этот кубок. А затем, как теперь стало известно, партизаны изловили господина Гегенхаммера и тихо покончили с его громкой карьерой. Ныне известно стало, что отряд итальянских партизан, разбивший вдребезги группу карателей, которой командовал Гегенхаммер, был именно отрядом Богритули. Вот у Тулубея на руках и оказался ваш кубок и вся документация по части

вашего состояния в тот несчастный вечер, когда вы боролись в Болонье. Доктор, уходя в партизаны, все с собой прихватил. Умница!..

— Так ведь я слышал, погиб Саббатини! — остановил его Незабудный.

— Да, доктор Джузеппе Саббатини был убит. Перевязывал раненых партизан, а его фашисты-снайперы подстрелили. Ну, как Тулубей погиб, вы уже знаете. Вся Италия знает. Звание национального героя ему присвоено. Так вот, прежде чем уходить в тот последний бой, из которого уже, как понимал Тулубей, мало было шансов вернуться, он передал одному из крестьян деревни, где стояли тогда партизаны, этот кубок, все справки из больницы Саббатини и вот эту записку... Крестьянин тот все спрятал и бережно хранил у себя. Записка была лишь с намеками. Понять что-нибудь из нее трудно, если не знать обстоятельств дела. И вот тогда, когда послевашего сообщения стало известно, кто такой был Богритули, крестьянин этот отдал все, что у него хранилось, в АНПИ. А они сообщили в наш Комитет ветеранов вой-ны. Ну и так далее. А мне, собственно, остается теперь! только вручить непосредственно это письмо адресату. Вот, прошу принять.

И гость протянул Незабудному мятый, рваный по одному краю листок бумаги. Артем Иванович с осторожностью принял его, руки у него тряслись. Пальцы одере-венели. Едва глянув, он сразу узнал этот характерный; почерк, буквы, выведенные узкими петельками вверх.

*«Земляк, друг! Простите меня. Не мог я тогда поступить иначе. Теперь все знаю. Я и так вам верил, но медицина мне все подтвердила окончательно и поставила в этом вопросе точку.*

*Спасибо вам, что отдали мне жизнь. Если надо, снова отдам ее за наше дело. А если суждено мне будет сохранить ее до победы, то, надеюсь, встретимся, и я вас поблагодарю русским спасибо на русской земле. В случае чего непременно сообщите все, что знаете про меня, матери. Могу открыться, сколько позволяют условия: но только земляк ваши, но и сын твой, которую вы хорошо знали. Мы с ней о вас никогда не говорили, но за ее горе вы приняли своего стыда предостаточно. Не мне вас попрекать.*

*Что касается «Могилы гладиатора», то господин Г. получил от нас по заслугам и занял прочно место там, откуда опять восстал гладиатор. Чужая, ворованная слава никому еще долго не светила. Возвращаю ее вам по принадлежности.*

**Богритули.  
Эмилия, 1944».**

Артем Иванович поспешил отвел руку, державшую этот листок, в сторону, чтобы не залить его неудержимо хлынувшими из глаз слезами.

Вот как отплатил с лихвой Незабудному тот, кого он в крови и лохмотьях привнес когда-то к себе на чердак. Вот о чем думал этот удивительный и бесстрашный человек, когда уходил в последний бой, из которого ему уже не суждено было вернуться. Он из могилы свидетельствовал теперь о чистоте славы старого чемпиона. Оба молчали. И Артем Иванович, и его гость. И никак не мог справиться Незабудный с тем, что билось у него в горле, зажало его — ни туда ни сюда.

Когда наконец Артем Иванович смог говорить, он сказал:

— Матери надо показать... Матери. Галине Петровне.

— Непременно! — согласился гость. Он озабоченно посмотрел на свои ручные часы. И Незабудный поспешил спросить:

— Товарищ, это вы что же специально для этого приехали?

— Да, в основном так, — сказал гость и вдруг нетерпеливо нахмурился. — Есть, правда, одно дело, менее приятное. Видите ли... Вы, когда сообщили нам тот адрес, что вашему приемному сыну дали, сделали большое дело. Мы смогли быстро установить одну из ниточек. Потянули, дошли постепенно до узелка. Он теперь уже не в Париже... Ну уж тут подробности позвольте не сообщать. Только установили мы, что там Сухояркой весьма

интересуются. И кое-какие связи дальние пытаются установить... Ваш приемный внучек, кстати, вам ничего дополнительно не говорил?

Артем потряс головой, но встревожился. Гость жестом успокоил его:

— Я так и полагал. Но ведь он в курсе дела был?

— Да, кое-что слышал, — объяснил Артем. — Вот тогда, когда эти два субчика ко мне перед отъездом из Парижа заходили. Я-то их выставил, а они где-то Пьерку моего подловили и, видно, его немножко зацепили этим...

— Понятно, — сказал гость. — Так и я думал. Эх, Артем Иванович, мы-то вам вот давно верили, а вы нам, видно, не доверяете. С этим делом давно бы надо было уже покончить.

— Так ведь тут так... — забормотал Артем. — А может, правда, плюнем мы на эти драгоценности? На черта они нужны? Чего тут с ними возиться?

Гость долго внимательно и испытующе смотрел на Артема. Потом встал, прошелся по комнате, снова сел.

— Эх, Артем Иванович, Артем Иванович! Вы думаете, нас беспокоят какие-то там золотые побрякушки, которыми вам и вашему внучку глаза отвели? Знали бы вы, что в том «кладе» часа своего ждет...

Артем смотрел на него, ничего не понимая.

— Не следовало бы мне вам, возможно, говорить это... — Гость забарабанил пальцами по дужке очков. Хотели мы это провернуть без шума, да сейчас уже темнить времени нет... там мощного заряда мины со встав-ленными взрывателями натяжного действия... Огромный 1 запас взрывчатки. Тонны! Да от этих «сокровищ», только пальцем их коснись, вся ваша Сухоярка к богу в рай отправится. Они же и хотели, чтобы парнишка ваш, свя-занный вашей тайной, никому не говоря, сам туда полез. 1 Наврали ему про этот кубок, чтобы он от всех это дело тайл... Он бы и сунулся. И поминай только как звали! Это у них и называлось «операция «Могила гладиатора». Вот что гады выдумали! Мы уже не первый случай такой имеем. Обезвреживать приходится. В ряде мест уже извлекли. Что делать, Артем Иванович! Прошлое и из-под земли порой грозит новому...

Он бережно провел ладонью по фигуре гладиатора, державшего чашу, легонько похлопал по серебряной спине атлета.

— Тоже, так сказать, что-то вроде могилы, только не гладиатора, а пострашнее... Фокус собираются проделать. Из могилы чтобы воспрянуло и удар нанесло живым. Вот вы много по Европе ездили. Знаю, видели могилы наших людей. Тулубея, Героя, след разыскали. Легли наши люди в землю, но подвиг их помогает новой жизни расти. А эти подлецы у нас на земле мины зарыли, взрывчатку посеяли, заготовили смерть тысячам людей, только выпусти ее на свет. Лежит, закопанная, таится где-то, под нами тут. Таится и ждет. Но не дождаться ей своего часа. Не дадим!

Артем стоял ни жив ни мертв.

Так вот как страшно повернулась вся эта история с мнимым кладом!.. А он-то, как мальчишка, поверил. Поверили и своей самолюбивой тайной укрывал от всех лютую опасность, грозившую людям, так его радушно принявшим обратно в свою семью.

— Вы, Артем Иваныч, кстати, не знаете, — прервал его раздумья гость, — у внучка вашего тут дружков каких-нибудь близких нет сейчас на берегу? Есть у нас кое-какие подозрения... Те, что ему еще в Париже эту басню в голову вбили, сами бы писать не стали. Зачем им след свой оставлять, разоблачать себя?! А вот поторопить кого-то через третье лицо они могли. И, возможно, через кого-то и местонахождение тайника сообщили. Понятно вам? У нас имеются данные, что через одного вышедшего из лагерей была у них попытка связь установить... Так вот я спрашиваю: вам не приходит в голову кто-нибудь, кто бы мог эти сведения принять или передать? Может быть, и сам этот человек не очень устойчивый или, возможно, подослали кого-нибудь. Вы меня понимаете? Вот тут один тип, который товарища Тулубея ударили... Все это очень подозрительно. И надо бы скорее ясность внести.

— Да тут слоняется по берегу один, — сказал Артем. — Он там с лодками возится. С

ним одно время мой Пьерка таскался.

— Не Махонин Вячеслав? — вдруг быстро спросил гость.

— Он.

— Так. Ясно. — Гость быстро глянул на часы. — Вы пока напрасно не тревожьтесь и ничего не предпринимайте. Тут сейчас наши люди кругом местность прощупывают. Мы саперов специально вызвали. Они в данное время уже приступили. Так что обнаружат, не беспокойтесь. А может быть, мы и другой щуп используем. Извините, вынужден поспешить...

Гость заторопился и, сказав, что утром они чуть свет непременно отправятся в школу, простился.

Оставшись один, Артем никак не мог успокоиться. Самые несовместимые ощущения раздирали его сердце. Позорная тайна, которая томила его все эти годы, на поверку оказалась не столь страшной. Наваждение кончилось. Но как страшно повернулось дело с тайником! И, может быть, все-таки Пьерка разузнал что-то? Или этот гнус Махан, вызнав у кого-то место тайника, уже копает там? И каждую секунду гибельный взрыв может смети все вокруг...

Нет, надо сейчас же повидаться с Пьером. Нельзя ждать до утра.

Артем надел шляпу, дождевик, застегнул наглухо, взял свою дубинку и спустился вниз, где был телефон. Несколько раз просил он станцию соединить его со школой. Ничего не получалось. А потом с центральной сказали, что произошел обрыв связи. Артем Иванович спешил. Тревога, наполовину безотчетная, гнала и гнала его. И он только что не бежал, уско-ряя метровые шаги свои и далеко вокруг расплескивая! воду, стоявшую на тротуарах. Выйдя на Советскую, он завернуло было на Красношахтерскую, потом подумал, что и сказать ему там сейчас уже нечего, пересек скверик, чтобы выйти к дому, где жили Тулубеи. Но тут же решил опять, что нечего без толку в такую поздноту тревожить людей. Он резко повернулся обратно, чтобы пройти боковой I улицей к водохранилищу, заметался в скверике, ища меж-ду деревцами самый короткий путь к пристани. Дождь, было затаихший, припустился снова. Ветер бросил под поля; шляпы горсть холодных капель с дерева. Незабудный поглядел вверх, и его поразило, что и тучи над ним так же носило и крутило, как его самого, то заводило за деревья и крыши, то волокло совсем в другую сторону. Артем Иванович остановился. И тотчас же застыли на месте тучи и небо перестало вертеться. Тут только понял Незабудный, что то не тучи, а сам он мечется в растерянности из стороны в сторону.

Магниевый сполох от далекой молнии на миг смахнул черноту ночи со всего, что окружало старика. Прямо перед ним глухо блеснули мокрые выпуклые глади металла. И Григорий Тулубеи глянул на Незабудного в упор. Старик сперва осталенел. Он и запамятовал совсем, что бюст Тулубея еще в начале работ на школьной дамбе временно перенесли сюда, на место будущего памятника Герою.

По бронзовым скулам текли дождевые струи. Так обливались они, эти твердые скулы, тогда, в Альфонсинэ, смертным потом... Еще раз полыхнула зарница уползвшей грозы. Проронил что-то веско и торжественно гром вдали. И показалось Незабудному, что вспыхнул живой свет со дна бронзовых глазниц.

Одобрительно сверкнул ему очами, не принимающими ни малейшей утайки, Герой. И отлитые из металла губы, которые запомнились Артему в сводившей их судороге боли, сейчас будто стронулись в прощающей улыбке. А может быть, то сбежали дождевые капли, скопившиеся в уголках рта, навсегда отвердевшего в бронзе...

Дождь не унимался. Гроза ушла, но сильные порывы ветра накатывали крупную волну, когда Артем Иванович вышел на берег водохранилища. Следовало бы, верно, дождаться утра, но Артем Иванович уже не в силах был одолеть тревогу, которая, как набат, дубасила его по сердцу. Он отправился на лодочную станцию. Сторож окликнул его.

— Махонин тут? — прокричал Артем сквозь ветер.

Из темноты сразу показалась фигура сторожа. Старик подошел к Незабудному. Далекая молния осветила его. Сна у старика не было ни в одном глазу.

— Это вы, Артем Иванович? — сказал сторож и доверительно сообщил: — А

Вячеслава-то забрали. Вот уже с полчаса как забрали. Приехали на машине, и будь здоров. Какая такая причина следствия — непонятно.

— Слушай, дед, дай лодку!

— Это зачем же такое? Что вы, Артем Иваныч! Куда это вы собирались?

— Потом объясню, дед. Мне в школу тут нужно. Срочно. Связи нет, а ждать не приходится.

— Да как же вы в такую волну?

— Не твоя забота.

— Как — не моя забота? — возмутился сторож. — А чья же тогда? Кто тут смотреть приставлен? Такой разговор у нас не пойдет. Уж коли так срочно понадобилось, давай, Артем Иваныч, я сам переправлю. Сидайте в лодку. Громадить можете? Садитесь на первую банку.

Артем Иванович взгромоздился на первую скамью тяжелой рыбачьей лодки, валко качнувшись под грузом его тела, поплевал на свои широкие ладони, взялся за весла. Лодочник сел на вторую скамью. Старики дружно навалились. Лодка круто взмыла на встречную волну.

Впереди смутно виднелись контуры школьного здания на островке. Огней в окнах не было.

## Глава XII

### Разговор, происходивший неизвестно где

— Ну что же, полагаю, что расписки в получении информации ждать долго не придется. Мы о ней услышим весьма скоро.

— Но вы уверены, что это... э-м... сработает? — Информация? Уверен.

— Да нет, я имею в виду... м-м... операцию «Могила! гладиатора», как таковую.

— О, можете не сомневаться. Натяжное действие. Общая детонация. А там все на живую нитку. Немедленный; эффект. Полная гарантия.

— А время? М-м... ведь столько лет.

— Да, около двенадцати. Но изоляция надежная и как удачно, что именно в районе дамбы.

— Да. На редкость счастливое совпадение, что именно там... э-э... сосредоточено. Итак, будем ждать...

— Недолго, смею вас заверить.

— М-м...

## Глава XIII

### Разговор на Красношахтерской

— Так. Значит, в угадайку будем играть, дурака валять? Или по-хорошему? Махан молчал.

— Значит, не желаешь, чтобы с тобой по-хорошему?

— А как это — по-хорошему? — уныло поинтересовался Махан.

— Вот ты всю жизнь норовишь не по-хорошему, сколько мне известно про тебя. Попробуй разок по-хорошему. Авось и понравится.

— Все одно, до конца хорошим не будешь.

— А ты хоть наполовину попробуй. Лиха беда начало.

— А с чего попробовать?

— Вот, скажем, с того начни, что попробуй и расскажи, о чем тебе Вертухий рассказывал.

— Ничего он мне не рассказывал. Я его и в глаза не видел, Вертухого вашего.

— Нет, вижу, не хочешь ты и попробовать по-хорошему. А вот нам известно, что вчера

виделся ты с Верто-ухим.

— А что же, если и виделся? Он амнистированный. Что же, я права не имею?

— Да нет, сделай одолжение. Только вот интересно, что он тебе насчет золота сообщал?

— Ничего он не сообщал.

— Вот странно. Что ж, он врет все, значит, Верто-ухий? А он, понимаешь, показал, что с тобой виделся, обо всем договорился. Видно, он если не наполовину, то хоть на осьмушку хорошим становится. А ты все на своем держишься — на старом, на плохом.

— Ничего я не знаю, — упорствовал Махан. — У Вертоухого и спрашивайте, если он для вас такой хороший да умный.

— Да вот мы думали, умный и ты, а на поверку-то ты дурень, оказывается.

— Ну и пускай! — буркнул Махан.

— Да это верно. Мало ли дурней на свете! Ну одним меньше станет, от того урону мало.

— Это почему же так — одним меньше? — насторожился Махан.

— Ну как же! Коли все это случится, как рванет взрывчатка, так тебя уж, милый, если и уцелеешь, не помилуют. Раз ты все знал да таился.

— Какая такая еще взрывчатка?!

— Слушай, брось-ка ты прикидываться! Сообщил тебе Вертоухий, в каком месте взрывчатка заложена?

— Да какая взрывчатка? — Потное лицо Махана стало серым. — Никакой там взрывчатки! Золотишко там, цацки всякие, ценности...

— Ага! Значит, про цацки это ты слышал. Ну вот, теперь уже начинаешь, я вижу, за ум браться. Да только все-таки еще дурень. Поверил, как пижон, что золото. А там мины заложены. Понял? Фашисты, когда уходили, там взрывчатку зарыли, мины, бомбы, гранаты.

Махан с ужасом уставился на говорившего.

— Ты отвечай, не тяни. Время дорого. Знает еще кто-нибудь про то дело? Ты ведь сам тут мальчишкой околачивался при оккупации. Слышал ведь, чай, что гитлеровцы те мины зарыли, а потом всех тех расстреляли, кто зарывал, чтобы не выдали место. Вот мы тут сидим, а если ты кому-нибудь еще сообщил... Вертоухий-то тебя за подставку взял. Сам смылся. Его, правда, взяли уже, да он темнит. Ему что! Он далеко отсюда. А тебя вот он тут на погибель оставил. Мы с тобой каждую минуту на воздух взлететь можем к черту на рога. И полгорода не будет. Это твоя дурная голова соображает?

И вдруг Махан завыл противно, бабьим голосом, кинулся к дверям, но ударился головой о косяк, сполз на пол.

— Ой, скорей, скорей! Начальник, они сегодня... в школе!.. Я им сказал... Ой, скорей!..

## Глава XIV Могила гладиатора

Это было очень беспокойное дежурство для Сени Грачика.

Услышав, что Пьер и Ремка спускаются в подвал, он осторожно проследовал за ними. Несколько раз ему хотелось окликнуть ребят, но что-то его останавливало. Скорее всего любопытство, которое с каждым мигом становилось все более неистовым. Ему чертовски хотелось узнать, что это затеяли в неурочное ночное время, да еще в такое ненастье, два приятеля. От них жди всякого! Шум уходящей бури, ветер, топтавшийся по железу кровли, заглушали его шаги.

«Странно, — думал Сеня, — неужели они услышали нас и пошли искать кубок?»

Между тем Ремка и Пьер спустились в подвал. Чиркнула спичка. Загорелся керосиновый фонарь.

Сеня услышал:

— Ну, давай сюда чертежик... Вот видишь? Тут стенка должна быть заделана. Так. А

здесь должна быть ниша... Стой! Пьерка, гляди, это здесь! Вот номер!.. Ваза-то здесь снаружи стоит. Интересно, почему же она не зарыта?.. Или кто-то уже тут копался?

Ждать дальше было уже нельзя.

Сеня спрыгнул в подвал:

— Вы чего тут делаете, ребята?

— А ты чего?

Ремка пытался загородить собой нишу, в которой тускло поблескивали серебро и оливин чаши.

— Я дежурный, — сказал Сеня. — Вижу, куда-то вы пошли. В чем дело?

— А это тебя не касается.

— То есть как это не касается, раз я дежурный? Пьер подошел и втиснулся между Сеней и наступавшим на него Ремкой:

— Бргось, Ргема. Надо ему сказать все. Ну что на самом деле?..

— Я тебе скажу! — пригрозил Ремка. Но тут же переменил тон: — Слушай, Пьерка, ты выйди, объясни ему там все как можешь. Что кубок ищем... Понятно? Он поднял фонарь, отгородился им от Сени и осторожно, многозначительно подмигнул Пьери:

— А я тут пока...

— Не уйду я. Вы что это тут делаете?

— А ну иди отсюда, говорю!

— Идем, пргавда... Я все скажу, Сеня. — Пьерка тянул Сеню к выходу.

Но Сеня подвигался медленно и неуступчиво, все время оглядываясь. Он видел, как Ремка тем временем жадными руками торопливо шарил по стене, освещенной снизу фонарем, стоявшим на земле. Ремка что-то отколупывал, корябая стену. И вдруг из-под отлетевшей пластины глиняной замазки показалось кольцо, вделанное в камень.

— Я сейчас... сейчас. Вы идите! Я сейчас! — бормотал Ремка, потея от нетерпения.

Он уже чуть было не схватился за кольцо, скребя ногтем, чтобы зацепить его. С размаху притиснулся он плечом к стене — ему казалось, что так сподручнее. И камень подался...

Все вдруг увидели, словно в дурном сне, безвольном и страшном, что стена посередине вяло раздается. Кирпичи сошли с места, осаживаясь вбок. Земля у основания стены стала обваливаться во внезапно образовавшуюся ямину. Прямо над головами у мальчиков повисли вышедшие с ворчливым треском из своих гнезд потолочные балки. А стена медленно расседалась над ширившимся провалом. В щербатой расщелине ее с выпадавшими по краям кирпичами мальчики увидели в отблесках фонаря что-то гладкое, уложенное рядами между гнилыми, расплозавшимися досками. Странные продолговатые предметы затаенно посверкивали сквозь коросту ржавчины и неумолимо вываливались через пролом. И замеревшим мальчикам показалось, что эти матово отливающие металлические гадины, внезапно пробудившись от тяжкой дремы, выползают из своего растревоженного логова и еще миг — обрушатся на ребят, которые словно оцепене-ли на месте.

Но в эту секунду какая-то прянувшая сверху властная сила сграбастала их всех троих сразу и одним швырком, нещадно проволочив коленками и локтями по ступеням, выкинула наверх по лесенке. Исполинская человеческая фигура метнулась к оседавшей стене. Сеня свесился обратно вниз, в подвал. В желтоватом свете, которым исходил оставленный внизу фонарь, он увидел Незабудного. Тот своим могучим плечом поддерживал валившуюся кладку стены. А из развязившейся за ним пещеры наседали ящики с сигарообразными металлическими предметами.

Отталкивая Сеню, через лестничный люк свесился Пьер:

— Дедушка...

— Пьерка! — хрипло крикнул Незабудный. — Убью, гэть отсюда! Гэть, говорю! Полундра! Аларм!.. — Он надсадно хрипал под тяжестью давившей на него стены и в смятении сыпал то украинскими, то французскими, то русскими словами. — Чтоб духу не было вашего! Убью! Слышишь? Пришибу, как... — Он подхватил кирпич, вывалившийся из

стены, и замахнулся. — Давай, хлопцы, говорю!.. Сеня, пошел сию минуту! Буди ребят. Учителям скажите, на берег всех живо... Там лодки. Вызовите еще с берега... Мины тут.

Пьер, уже знавший характер деда, понял, что тот недаром замахнулся кирпичиной. Он бросился к лестнице, ведущей на первый этаж из подвала. А Сеня, оставаясь на месте, попробовал было сказать:

— Дядя Артем, а вы...

Но Незабудный ответил таким страшным и неожиданным, все на свете, от бога до души и нутра человеческого, попирающим ругательством, что ошарашенный Сеня невольно так и отпрянул от люка. Он слышал, как бежит вверх по лестнице Пьер. А Ремки давно уже не было. Его уже и след простили.

Через минуту вся школа ожила. Шум поднялся в дортуарах. Все проснулись, быстро натягивали на себя одежду, еще ничего толком не понимая. Спросонок все были бледные. Ребят трясло. Но Сеня и Пьер стояли в коридоре и требовали, чтобы все шли осторожно, чтобы ступали Незабудный стоял полусогнувшись, прочно и широко расставив ноги... при этом на цыпочках. Прошла минута, другая. Незабудный стоял полусогнувшись, прочно и широко расставив ноги, почти до щиколоток уже ушедшие в мягкую, сыроватую землю подвала. Все ощутимее становилась непомерная тяжесть, оседавшая ему на плечи.

Он услышал над собой торопливые маленькие шаги. В свете фонаря, забытого Ремкой, наверху в люке показалось лицо вожатой Ирины Николаевны... Она прикрыла на груди ночной халатик.

— Что случилось? Что такое? Объясните. — Она сначала постояла на коленях, потом совсем легла на край подвального люка, чтобы заглянуть поглубже, но ничего не могла рассмотреть.

Из темноты раздалось:

— Ирина Николаевна, богом прошу... ы-ы!.. Скорее, быстро на лодки всех. Там лодочник внизу... Пускай берет первую партию, людей на берегу будит. Народ надо звать. Тут обнаружилось... Мины от фашистов остались. Я пока подержу, а то тут с места сошло. Рвануть может. Костей не соберем. На Красношахтерскую скорей звоните... Ы-ы!.. Только быстрой, прошу.

— А вы, как же тут вы? Это невозможно! — попробовала возразить вожатая.

Но услышала только какое-то рычание в ответ.

— Да идите вы!.. Что вы время тяннете? Думаете, легко мне держать!.. Гэть отсюда, сказано! Гэть на берег скорее! И подальше!.. Лодки берите... не ровен час, не удержу...

Он не говорил, он выстанывал каждое слово, отделяя одно от другого тяжелым, крякающим выдохом.

Наспех одевшись, ребята собирались на дамбе у лодок. Места в них даже и с большой лодкой, на которой прибыл Незабудный, могло не хватить, чтобы сразу перевезти всех. Старый лодочник рассаживал притихших, еще не совсем все до конца понимающих школьников. В темноте раздался, как всегда, ровный, будто дело шло о посадке на автобус для экскурсии, голос Елизаветы Порфириевны. Далекие всполохи миновавшей грозы отражались в волнах водохранилища и освещали стоявшую на самом краю дамбы Елизавету Порфириевну, ее белые, вскинутые ветром волосы, клюку, которой учительница знакомо и строго постукивала в борт лодки.

— Спокойно, спокойно. Не спешите. Все успеем. Ко-лоброва Мила! В чем дело? В чем дело? Садись вот сюда... Вот так, хорошо. Еще одно местечко есть. Спокойно. Тут два тага до берега. Ведь это только так, на всякий случай. Ничего страшного.

— Сначала девчонок давай!.. — Сеня тащил к лодке за руку Ксану. Она смотрела на него глазами, полными испуга и растерянности. — Ты уж в случае чего там присмотри... Помоги ей, — обращаясь к Сурену, тихо попросил Сеня.

— А ты сам что?

Внезапно Ремка, которого уже отогнали от двух лодок, оттолкнул Ксану в сторону и сам попытался кинуться в подготовленную лодку. И тут — откуда только сила взялась —

Сеня размахнулся и влепил Ремке такую затрещину, что тот сел на землю, держась за скулу. И вдруг тихонько и жалко заныл, всхлипывая.

Пьер поднял его рывком за шиворот, потряс за плечо, стараясь как-нибудь привести приятеля в порядок.

Но тот продолжал нюнить:

— Ой, пустите! У меня мама нервами больная... Она на психическом учете. Она волноваться будет. Ей вредно.

Сеня, сам еще не веря, что он ударил при всех первого силача класса и даже сдачи не получил, стоял с полуоткрытым ртом, тихонько тер о бок заныvший кулак. Противен ему был сейчас до тошноты Ремка, оказавшийся всего-навсего лишь плаксивым трусом, с которым можно было справиться даже без всякого особого секретного приема.

Ирина Николаевна, Сурен, Юра Брылев, Витя Халиле-ев, взявшись за руки, стояли на дамбе, у наружного откоса ее, образовав живое заграждение, чтобы ребята при посадке на лодки не попадали нечаянно в воду.

От берега уже тарахтели, приближаясь, моторы. Вспыхивали, прорезая ветреный сумрак занимавшегося утра, электрические фары. Визжали уключины на лодках, и чувствовалось, как торопятся там гребцы. Внезапно завыли тревожно гудки на шахтах. И в разных домах на берегу стали зажигаться огни. Загорелись фары автомашин, подъехавших к самому краю водохранилища и освещавших водную волнистую дорожку, по которой катера и лодки мчались к школьному островку. И на старой Сергиевской церкви заколотил набат.

...Поврежденная стена норовила подмять под себя Незабудного. С каждой минутой все неодолимее делалась тупая г тяжесть ее. Стариk стоял, подставив ей спину, уже упи-раясь ладонями в полусогнутые, широко расставленные колени. Многопудовый смертный груз, медленно наваливавшийся на стену изнутри, неотвратимо клонил Незабуд-ного к мокрому полу.

Рассевшаяся каменная переборка каким-то чудом еще держалась. Ящики со снарядами и минами наклонно уперлись в край разлома, зацепившись расщелинами в подгнивших досках за углы выступавших кирпичей. Пожалуй, еще четверть часа назад можно было бы и выбраться отсюда. Тогда, как показалось Артему, оседание стены приостановилось более или менее надежно. Да, четверть часа назад еще можно было бы и бежать из этого гибкого места. Но теперь вода, должно быть подмывшая фундамент школы, уже начала просачиваться в подвал. Неза-будный слышал, как с легким плюханьем обваливались куда-то вниз комья земли. Сейчас уже нельзя было отпустить стену — обвалится и рванет. До прибытия людей с берега надо было выстоять, не прогнуться.

Фонарь, оставленный Ремкой, дрогнул. Пламя в нем начинало легонько попыхивать. Некоторое время сверху доносились голоса ребят, поспешно садившихся в лодку. Незабудному хотелось поторопить их. Чего они мешкают! Чего дожидаются? Его угнетало, что дети еще на островке. Скорее бы отплывали, скорее бы подальше они были! А там их, как только весть до берега дойдет, уж увезут, укроют от опасности. Он держал мышцы своего необъятного тела в пределе неистового напряжения. Но насколько могло его хватить? Рано или поздно силы оставят его... Успеют ли только ребята выбраться на берег? Он услышал легкое ехидное журчание в провале, куда норовила осесть стена подвала. Как бы не пошел и сам фундамент. Вода, должно быть проникая теперь откуда-то, размывала ложе, на котором столько лет под зданием школы покоились смертоносные снаряды.

Что-то скользнуло по его ноге, юркнуло в сторону, вернулось и снова царапко заелозило над щиколоткой. Он глянул вниз и увидел с омерзением, что это большая всполошившаяся крыса мечется, кружится по подвалу, шмыгает через его ногу, попискивая. А он не то чтобы пришибить — шевельнуться даже не мог.

Артем Иванович старался не глядеть на суматошно юлившую у его ног гадину. А она все тыкалась, пробовала вскарабкаться по штанине — и, когда он осторожно подергивал мышцами ноги, шлепалась обратно наземь.

Вот с кем ему пришлось делить свой смертный час — с крысой, с гнусной крысой!

Наверху стало стихать. И вот все сковала уже полная тишина. А он был замурован здесь, в толще этого безмолвия. Ощущение полного безнадежного одиночества показалось ему еще более тяжким, чем смертоносный груз, под которым он был уже почти погребен. «Мерзавцы, каты! — думал он. — Вот что они тут припасли!» Смерть, прихоронившаяся на десять — двенадцать лет, была спрятана в этой тяжести, навалившейся сейчас на него. Смерть, так долго и терпеливо ждавшая своего часа, теперь готова была при малейшем движении его прянуть и мгновенно совершив страшное дело уничтожения.

«Беда! Погано дело! — думал Артем. — Меня уже не хватит. Лет десять назад, может быть, еще хватило бы, а сейчас уж нет. Амба...»

Ему давно уже хотелось поглядеть, что это поблескивает, отражая свет фонаря, в нише стены — там, где кирпич держался еще крепко. Уголком глаза видел этот блеск, но не мог рассмотреть, что там сверкает. Тяжесть давила ему и на натруженную шею, подминала затылок. Все же он осторожно повернул голову влево и увидел в нише стены у самого пола кубок, его кубок. Тот, который пропал тогда на школьном вечере. Маленький серебряный атлет, стоя одной ногой в могиле, опираясь другой на край ее, напрягая выпуклые мышцы руки, поддерживал над головой тяжелую чашу. И даже поразило Артема Ивановича, как странно в этот смертный его час повторяет маленький гладиатор то, что делает сейчас сам хозяин кубка. Как удивительно совпадает поза атлета на кубке с той, в которой придерживал грозившую каждое мгновение рухнуть стену Артем.

Плохо. Сердце опять проваливается куда-то, и что-то мягкое, путающее мысли заваливает голову... Нет, пусть скорее откапывают! Скорее! Я уже не могу больше работать «Могилу гладиатора». Воздух кончается. Его уже нет в легких. Меня зарыли не так. Надо было оставить просвет под брезентом, как это всегда делали. Теперь уже поздно. Скорее откапывайте! Все кончено. И воздух, и все. Сейчас, может быть, его еще отроют и все будут свистеть, что он не выдержал срока и провалил номер...

Потом ему показалось, что это Зеп Гегенхаммер навалился на него и наддает ему по шее своими тяжелыми «макаронами». Нет, господин Зеп, нет, Гегенхаммер, на этот раз вам не пройдет. Жми, жми — не согнешь. Врешь, толсторожая жаба, врешь! Да, это ты! Я узнал тебя. Это твоих рук дело. Но сейчас у тебя ничего не выйдет. Ни черта у тебя не выйдет! Я выстою. Я тогда был один, совсем один. Никого со мной. А сейчас я тоже один, но со мной все. И я тут за них. Сеня, хлопчик, я за тебя, я за всех вас! Гребите дальше. Я выстою.

Все уже путалось у него в голове и мутнело в глазах. Фонарь сыхал, исходя копотью. И копоть эта как будто постепенно сгущалась вокруг, и именно от нее все темнее делалось в подвале.

Вдруг Незабудный услышал сверху:

— Дядя Артем, а дядя Артем?.. Вы живой? — Это был голос Сени Грачика. Он перевесился головой вниз через край люка. Он говорил почему-то полуслепотом.

— Ты зачем?.. Куда еще? — яростно прохрипел Незабудный.

— Дядя Артем, вы чуточку продержитесь, совсем чуточку... Уже видно — с берега плывут. А я в темноте с лодки смылся к вам... Я не хочу, чтобы вы тут один. Мне можно вам подсобить, дядя Артем?

— Не гоношишь лучше. Уйди, прошу.

Но Сеня уже спустил ноги в люк, нащупывая ступени лесенки. На секунду повис, держась за край руками, и как можно легче спрыгнул вниз.

— Тихо! Смерти захотел? — выдохнул прерывисто Незабудный.

Сеня с ужасом осмотрелся. Страшная картина открылась перед ним. Артем Иванович продолжал, плотно опираясь затылком, локтями и плечами, вцепившись пальцами в полусогнутые колени, поддерживать насевшую на него стену. На краю расщелины, неведомо как, еще удерживались остроконечные, чуть посверкивающие в копотном свете фонаря снаряды, тяжелые тупоносые бомбы, полузашитые в треснувшие доски. Пламя в фонаре попыхивало, тени перемещались, соскальзывали, и казалось, бомбы колеблются на весу. А может быть, они и вправду покачивались в случайно возникшем и неверном равновесии,

которое могло быть нарушено самым незаметным движением.

— Не подходи! — сипел Артем. — Ну кто тебя звал, гаденок? Гэть отсюда!..

Но Сеня не уходил. Нет. Он не мог оставить тут одного в этом черном, гибельном одиночестве деда Артема. Он видел, как ломит силу великана ужасающая тяжесть.

— Сенечка, хлопчик! — натужно выговорил Артем. — Одно прошу... Только ты тихонько. Тварь тут валандается у меня по ногам. Отгони ты ее, пакостную... Я этих го-лохвостых хуже смерти боюсь.

Сеня на цыпочках приблизился к показавшейся под стеной крысе. Та шарахнулась и с писком свалилась в провал. Слышно было, как всплеснулась внизу вода.

— Спасибо тебе. Измучился я с ней, — сказал Артем. — А теперь погляди, прошу... который у меня час.

Сеня сел на корточки, вывернул голову и заглянул на ручные часы Артема Ивановича.

— Два без четверти. Сейчас приедут, вот увидите! Еще чуток продержитесь, дядя Артем.

— Шел бы ты отсюда. Христа ради. Богом тебя молю! Уйди Христа ради!

— Дядя Артем, не надо так! — осторожно, но настойчиво попросил Сеня. — Ну что вы меня «христаради» просите, как тот нищий Забуга? Не надо так... Незабудный замолчал.

Вот гордый мальчишка, не желает надеяться на бога. Людей ждет. А ведь самому поди куда как страшно...

— Дайте я вам подсоблю! — еле слышно шепнул Сеня. Ему казалось, что каждый громкий звук может вызвать взрыв, гибель всего вокруг. — Дядя Артем, помочь вам? Я вон ту кадку подтащу, а вы в нее упретесь. — Он понимал, что ничем не может помочь, такой слабенький и ничтожный, этому великанию, державшему на себе уже верный час десятки пудов.

— Только тихонько, сыночек, — сипло попросил Артем. — Осторожненький будь... Если только сможешь, пододвинь. Верно, мне поспособнее будет... Сеня стал с величайшей осторожностью подкатывать толстобокую тяжелую кадку, стоявшую у другой стенки подвала. Откуда только сила у него взялась?

Незабудный исподлобья следил за ним:

— Легче... легче двигай. Ровней. Не тряхай... Вот так Гляди, сильный какой! А говорили: слабенький. Молодец!

Он уперся коленями в бок подставленной Сеней кадки. Положил сверху на край ее ладони рук, напряженно! переставляя их. Слегка расправил плечи. Стоять стало немного удобнее.

— Дедушка... уже едут... Пусти меня к тебе... Мож-но? — раздалось вдруг сверху. И в черном квадрате люка; показалось слабо освещенное снизу догоравшим фонарем лицо Пьера.

— И ты?.. Таки явился?.. — Артему Ивановичу не удалось изобразить, что он очень возмущен появлением Пьерки.

Ему давно уже хотелось спросить у Сени насчет Пьера: отплыл ли он со всеми? Что там ни толкуй, было бы все же обидно, если б чужой парнишка, пренебрегая опасностью и нарушив запрет, пролез сюда, а свой, усыновленный, так легко бы послушался и сбежал... Нет, ничего еще парень Пьерка. Не бросил. Человеком будет.

— Цыма ты там! — Незабудный, избычившись, двинул вверх косматыми бровями, поднял глаза к люку. — Влазь. Подсобиша.

Пьер сполз вниз. В молчании и смятении глядел он сквозь взрагивавший полумрак то на деда, то на Сеня Грачика, которого уже никак не рассчитывал застать тут. Незабудный велел обоим мальчикам держаться поодаль от него, поближе к лестнице. Сам он уже весь намок от невероятного усилия и ни на минуту не облегчавшейся натуги мышц. Но то, что он сильно вспотел, несколько освежило тело, дав спасительное второе дыхание, которое приходит на помощь в минуту высшей усталости тренированным спортсменам. Насупившись, так как нельзя было разогнуть шею, но уже чуть повеселее смотрел он в

полутые из-под сдвинутых клокастых бровей на перепуганных мальчишек.

— Ну... что?.. Шли бы вы, хлопчики... У-ох... Лучше бы подале вам. Что? Перелякались? То не беды. Сдюжу. С такими хлопцами да не сдюжить... Ох и жмет! Ну, чего журитесь? Ему уже хотелось как-нибудь успокоить и утешить ребят, которые вопреки наказу не бросили его в эту страшную минуту. Внезапно усы его вздернуло задорной усмешкой. И он одним глазом, к удивлению ребят, подморгнул им, двинув бровью, вставшей от этого торчком.

— Смеха!.. Ну-ка, Пьерка, ты бы рассказал Сене... Ух, жмет, сила окаянная!.. Расскажи, говорю, про того американца, что за стенку держался... 0-ох... Запамятовал, что ли? В журнале сам ты мне показывал. Ну?

— Не могу я сейчас, дедушка!.. Ну что ты! — взмолился Пьер.

— Что значит — не могу? Мне, что ли, прикажешь? И без того... ы-ы, тяжело...

— Говори! — шепнул Пьерке Сеня, кольнув его локтем в бок.

Но тут за стеклом фонаря в последний раз торкнулось уже давно мигавшее пламя, пыхнуло дымком и погасло. Черная, словно вязкая тьма утопила в себе все, отделив мальчиков от Незабудного, возможно, уже навсегда. Но из непроглядного и беззвучного мрака снова послышалось натужное кряхтенье и тихий, сдавленный бас:

— Вот. Ох!.. Посумерничаем... Не скучай, хлопчики. Ну, давай, Пьерка. Сказывай.

— Ну... Это, когда еще война была, произошло, — запинаясь, еле слышно, закартавил Пьер.

— Ты пошибче... А то мне не слыхать...

— Это было еще во время войны, — громко повторил бедняга Пьер.

И Сене, которому после памятной вечеринки у Милы Колоброва уже не приходилось слышать, чтобы парижан-чик рассказывал кому-нибудь вычитанные им анекдоты, довелось теперь в кромешной тьме, в двух шагах от готовых каждое мгновение взорваться мин, узнать новую историю... Если бы рассказать ее на поверхности земли при ясном солнышке и подходящем случае, она и правда могла бы показаться занятной... А сейчас Пьер путано и нескладно, сопя затаенно носом и едва не всхлипывая, рассказывал о том, как в полуразрушенном городе, только что отбитом у неприятеля, офицер увидел пьяного сержанта. Тот упался обеими руками в уцелевшую стену разбомбленного дома. «Что вы тут держитесь за стенку, сержант?» — «Никак нет, сэр, напротив: это я ее держу». — «Болван! Вы пьяны. Марш в свою часть!» — приказал офицер. «Есть в свою часть, сэр», отвечал сержант и, от козыряв, шагнул в сторону. Стена упала и прихлопнула офицера. — Вот то-то и оно! — Слышино было сквозь кряхтенье в темноте, что Незабудный осторожно похочатывал. — Бац — и пришибло. Что, хлопцы? Ай да сержант!..

Тут как раз наверху послышались наконец голосу На лестнице уже шуршали торопливые, осторожны! шаги.

Мальчики сорвались с места, стукаясь в темноте плечами, вскарабкались по лесенке, просовываясь в люк крича изо всех сил:

— Скорее!.. Идите! Сюда идите... Скорее, только тихо совсем... А то тут...

Чьи-то руки расшвыряли их в темноте. Сильные лучи карманного фонарей одного, потом второго — ударили через люк в подвал. Скостились, заскользили вместе. Два пересекающихся светлых круга двигались по стене, похожие на светящуюся карту земных полушарий. Потом лучи разомкнулись. Кто-то скомандовал коротко в темноте. Слов Незабудный не рассыпал, но узнал голос своего давешнего ночного гостя.

— Чей мальчик? Почему здесь?.. А этот? В чем дело? Почему не на берегу?.. быстро и отрывисто спрашивал тот.

Подвал заполнялся людьми. Они бесшумно двигались, ловко минуя друг друга в полумраке. Не было ни суеты, ни толкотни. Вмиг, но осторожно приблизились саперы к полуразрушенной стене, по которой бегали лучи фонарей. Тотчас же подтащили неизвестно откуда взявшиеся балки, подперли оседавшие камни. Кто-то бережно, но уверенно и сильно взял под мышки Артема Ивановича. И он почувствовал, как ненавистная тяжесть, столько

времени наседавшая на него, вдруг отпустила. Он стал медленно разгибать сведенное до окостенения тело.

— Попить бы... — прохрипел он, шатаясь.

Человек, который недавно был ночным гостем его, поддерживая за локоть Незабудного, подал ему фляжку. Артем Иванович жадно глотал прохладную воду, чувствуя, как сладостно остужаются его словно перекипевшие внутренности. Человек, бережно державший возле его рта фляжку, только приговаривал:

— Ну и ну, Артем Иванович! Выручили, дорогой... Ну и ну!..

А саперы тем временем уже действовали. Тонкие, проворные пальцы их, белевшие в лучах электрических фонарей, ощупывали через пролом снаряд за снарядом, мину за миной. Эти умные, настороженные и бесстрашные пальцы проникали через щели в тухлявых ящиках, еле заметными движениями отгребали землю, легонько соскребывали окалину, въевшуюся в проржавленный металл. Саперы подкладывали бережно ладони под железное брюхо бомб, под готовые от малейшей оплошности подломиться кожуха мин, осторожно разводили провода. Они нашаривали взрыватели, извлекая их с той строгой и сосредоточенной снисходительностью, с какой опытный укротитель змей вырывает ядовитые зубы из пасти кобры.

— Да-а... Щепетильная ваша работа, — промолвил, несколько поеживаясь, Незабудный.

Саперы, негромко переговариваясь, продолжали свою кропотливую и опасную работу, настойчиво и безбоязненно прикасаясь к снарядам, каждый из которых грозил мгновенной смертью при малейшей ошибке.

Один из них вынимал из расщелины стены рубчатые, как кукурузные початки, гранаты «ПОМЗ»; сосед извлекал полуусгнивший деревянный корпус «ПМДБ».

Третий осторожно складывал на пол плоские, круглые металлические коробки, смахивающие на те, в каких обычно возят киноленты.

Минеры работали спокойно, лишь изредка обмениваясь краткими замечаниями:

— Вазелинки!

— Эски!

— От скрипиона — к шестиствольному миномету.

— Принимай! — со сдержанной торопливостью приказал вдруг один из минеров.

И провала стены заскользила, все убыстряя свое зловещее наползание, огромная, похожая на акулу, бомба. У нее было длинное, тупоголовое, узкое к хвосту, оперенному стабилизаторами, туловище. И снова выпрямился Артем Незабудный, не чуя страшной слабости, только что подступавшей к сердцу, отжал в сторону минеров, принял в свои объятия многогудовое чудовище, словно онол-ыц ванное у хвоста стальной манжетой.

— Полегче! — предупредили его сзади.

Какой-то неуловимый, юркий звучок, словно кто-осторожно выкlevывался из бомбы, егозил под обшивку; ее. Подбежали трое молодых саперов, хотели принять из рук Незабудного тяжеловесную бомбу. Но он снова отвел их плечом и, тяжело ступая, поддерживаемый под локти шаг за шагом подвигался к лестнице под люком.

Он помог поднять бомбу наверх. И вместе с саперами вынес страшный снаряд на насыпь, где бомбу осторожно погрузили в лодку, которая тотчас же отплыла с нескол: кими саперами.

От чудовищного перенапряжения Незабудный вконец обессилел. Ноги уже не держали его. Он сел на дамбу отвалился, прислоняясь спиной к откосу. Отлежавшись немного, он снова поднялся и хотел опять сойти в подвал, где, может быть, нужна была его сила, чтобы помочь сапе-рам. Но его недавний гость крепко взял за локоть Артема Ивановича и, встав перед ним, загородил собой дорогу.

— Не пущу, Артем Иванович. Как хотите, не пущу. Требую, чтобы вы немедленно на берег. Поглядели бы вы на себя. Как это вы еще только на ногах стоите? А тот не чувствовал уже ни усталости, ни боли. Никогда еще он так не гордился своей силой. Вот теперь наконец

она по-настоящему пригодилась. Ни разу в жизни, кажется, еще не был так счастлив Артем Незабудный.

Рассветало. Бледная полоса неба в разрыве уходивших туч на востоке отражалась в глади успокоившегося водохранилища. Играли петушиную свою зорю кочеты во дворах Сухоярки. Сейчас запоют и гудки на шахтах, зовя к утренней, смене. Но все еще полнилось предрассветным покоем. И сладостно было Незабудному вслушиваться в тишину, властивавшую над этим с детских лет ему родным и сейчас им убереженным от погибельной беды краем.

Взрыв!!! Всеоглушающий грохнул взрыв... Его чудовищный звук вломился в уши, жгутом полоснул по глазам и ударили нестерпимой болью в сердце. Незабудный повалился на дамбу.

Но он еще нашел в себе силы приоткрыть глаза. Он увидел, что все, обступая и склоняясь над ним, всматриваются со страхом... Ему показалось, что все вокруг слышали тот сокрушительный удар и, должно быть, испугались. Он прежде всего хотел успокоить людей.

— Тю! — Он повел коснеющим от боли ртом. — То не беды... То у меня вот... ось тут только...

В Сухоярке живой души уже не было. На мертвенно-пустых улицах горели все электрические фонари, ставшие теперь желтоватыми при свете начинающегося утра. Их, видно, забыли погасить. Дождь совсем уже кончился. Только ручейки, виляя и перепиликиваясь в тишине, как утятка, сбегались со всех сторон к водохранилищу. Поднятые по тревоге из-под земли шахтеры и комсомольские патрули увели людей за холм, на безопасное место, в песчаные карьеры. Саперам еще предстояло работать в подвале на островке несколько часов. Необходимо было соблюдать осторожность. Командир саперов разрешил вернуть жителей на место лишь после того, как все будет проверено и станет ясно, что не осталось больше ни одной мины.

Артема Ивановича нельзя было везти далеко. Доктор Левон Ованесович, прибывший в машине «скорой помощи» на лодочную пристань, куда доставили распростертым на дне дощаника Незабудного, заявил:

— В данную минуту больной нетранспортабелен.

Кто-то на берегу напомнил было, что район объявлен небезопасным, и надо бы и самому доктору... Но Левон Ованесович так глянул поверх очков на говорившего, что тот мигом смолк. Доктор между тем уже расстегнул рубашку на широкой выпуклой груди Незабудного. Пальцы у доктора были быстрые, настойчиво пытливые, бережные, как у тех саперов, что сейчас разминировали подвал на островке.

Потом Незабудного осторожно, с великим трудом — так он был огромен и тяжел! — перенесли впятером в домик лодочника. Доктор Арзумян сделал укол и попросил всех выйти, чтобы оставить больного в полном покое. Доктор выглядел очень озабоченным.

Машина с красным крестом умчалась куда-то, но вскоре же вернулась. Из нее выпрыгнула девушка в белом халате, прижимая к груди что-то похожее на большого гусака с очень тонкой шеей. Это была кислородная подушка. Девушка взбежала на крылечко домика и, открыв локтем дверь, скрылась за нею. Сеня и Пьер терпеливо и безмолвно сидели на крыль-це домика, смотрели на дверь и ждали, что будет. Их пе-реправили сюда на том же дощанике, на котором вили Незабудного. Сейчас все о них забыли.

Подошла лодка с островка. С нее шагнули на берег кифор Колоброва и Богдан Анисимович Тулубей с перевязанной головой. Богдан Анисимович, бесшумно ступая, не скрипнув дверью, вошел в домик. А Никифор Колоброд приблизился к ребятам. В руках у него посверкивал ку-бок, оставленный в попыхах там, на островке.

— Этот, что ли? — спросил Колоброва. — Там оставил-ся. Вот, значит, нашелся.

Мальчики молчали. Они только голову повернули на миг и снова впились в дверь. Она тихо открылась. Показался Богдан Анисимович.

— Ну как? — осведомился Никифор Колоброва.

Богдан Анисимович только головой покачал.

— Тромб! — произнес он короткое, плотное слово, будто налитое тяжким свинцовым значением. — Закупорка сосуда, доктор говорит. От перенапряжения.

Послышался поблизости шум автомобильного мотора с характерным погромыхиванием металлического кузова. Из-за угла выкатил порожний самосвал. Сеня сразу узнал машину отца. На большой скорости самосвал подлетел к лодочной пристани. Обе дверцы кабины распахнулись. На землю легко соскочила Галина Петровна Тулубей. С другой подножки спрыгнул Тарас Андреевич Грачик.

— Что с Артемом? — беспокойно спросила Галина Петровна. — И кто это разрешил тут ребятам оставаться? Всех вывезли, а эти что за особенные?.. Можно к Артему?

Богдан Анисимович остановил ее и незаметно показал себе за спину, на мальчиков.

— Не велел доктор никого пускать... Худо. Вот как в жизни чудно складывается, Галя!.. Гора-Человек, на три жизни хватило бы в нем. А тут вот эдакая, — он отмерил ногтем на пальце, — и проточила мышь гору.

— Может быть, все-таки зайти мне, Богдан? — неуверенно сказала Галина Петровна, которую муж незаметно отводил в сторону от ребят.

— Лучше не надо, Галя. Разбередишь человека. Нельзя ему. Меня и то Левон Ованесович за дверь выставил. Говорит Артему: «Может быть, довольно разговоров на сегодняшний день?» А тот, понимаешь, еле языком ворочает, но боль чуток у него полегчала, как ему укол сделали, так он сразу за свое: «У меня, говорит, может быть, завтрашнего дня и не будет, доктор». Доктор ему: «Хватит разговоров». А Артем на это: «У меня, говорит, доктор, разговоры только-только и начались. Все у меня, говорит, в жизни не о том речь шла, о чем бы надо». Ну, доктор и велел всем выйти. С ним и так уже намучились. Артем все, понимаешь, как у него чуточку отпустит, такничком лечь норовит: «Не хочу, говорит, понимаешь, чтобы смерть меня тушировала на обе лопатки». Еле-еле его доктор с сестрицей уложили как надо.

Пьер сидел на ступеньках крыльца, упервшись локтями в колени и ладонями зажав голову. Ему казалось, что он смотрит на все уже из какой-то дали, куда его насиливо уволакивает непоправимое несчастье. Оно тащило его прочь от этих уже ставших ему дорогими людей. Отчаяние, какого он никогда еще не испытывал, было его всего. Опять рушилось все в жизни, все, что с таким трудом было обретено, все, что складывалось во что-то наконец ясное и многое впереди обещавшее.

Дед Артем... Если не будет его, ставшего теперь самым родным и необходимым, страшно подумать, какая черная пустота зазияет опять в жизни. Ведь за его широкой спиной входил Пьер в новую, сначала казавшуюся такой непривычной жизнь.

Так когда-то, припав к крыше трамвайного вагона, въезжал Пьер под кров депо, где можно было отогреться и соснуть хоть немного в сухом месте, чтобы утром снова оказаться вышвырнутым на холод, в бездомный долгий день, под слепое, безучастное небо. Неужели же опять гнало его в пустоту, чужую, неприкаянную, где и раньше не найти было мальчишке места, а теперь уже и не хотелось искать...

Он стучал зубами, не справляясь с ознобом. Отчаяние было его всего.

— Ну что ты, Пьерка... Не надо, — пробовал уговаривать его Сеня. Но того продолжало трясти.

Галина Петровна подошла к нему, села рядом на крыльце:

— Петя... Ты не надо так... Погоди худое думать. Давай лучше надеяться будем, что справится дед Артем. Знаешь какой?.. А случись что, о чем и думать не хочется, так ведь не в лесу останешься. Мы разве не с тобой все? Ты уж теперь наш. Что ж, ты по сию пору не разглядеть. Все озираешься волчонком, я смотрю... Ну, вставай, По труша, поехали. Тут тебе сидеть никакого толку. Да: к ребятам тебя отвезу. Ну, вставай...

И он с порывистой готовностью схватился за протянутую ему небольшую, но так твердо обнадежившую руку я послушно пошел за Галиной Петровной к грузовику.

Сеня, боясь, как бы и его, чего доброго, не прихватили спрятался за углом домика и

вышел оттуда только тогда когда машина с взвывающим урчанием брала уже подъем от берега.

Он вернулся на крыльцо, потоптался тихонько возле двери, не решаясь приоткрыть ее, вздохнул и сел на ступеньку пригорюнившись. Потом он поднял голову, посмотрел на островок вдали, где была школа. Перед его глазами ясно встала заново вся страшная картина, когда в слабеньком свете фонаря Артем Иванович держал на себе валившуюся стену. Он взглянул на кубок, который Никифор Колоброва поставил на доски крыльца, оглядел стоявших чуть поодаль высокого, плечистого Богдана Тулубея и коренастого, приземистого и крепкого Колоброду. На всех как-то по-новому посмотрел Сеня. И так ему стало страшно, что среди этих дорогих, сильных и надежных людей, возможно, уже никогда больше не будет Человека Горы, деда Артема.

Он, должно быть, сам не заметил, что нечаянно всхлипнул. Но Богдан Анисимович вдруг обернулся.

— Ты что? — Богдан Анисимович подошел поближе и увидел мокрую дорожку, которую проторила по щеке мальчика украдкой смахнутая слеза.

— Такой он всегда был... всех в мире сильней... и вдруг сразу...

Богдан Анисимович опустился на крыльцо рядом с Сеней, обхватив его плечи.

— Глупый ты парень! Думаешь, зачем же человеку сила, если все равно придет смерть и разом повалит... Нет, глупый ты еще, я вижу. Человек своей силой, может быть, не с одной, а с десятью тысячами смертей сегодня совла-дал. Ведь не останься он там да не удержи вовремя ту стенку, так что бы тут было?! Вот на что его сила великая сгодилась. Не хватает у тебя, вижу, понятия, чудачок, чтобы сообразить это...

Он помолчал немного, потом тяжелым, задумчивым взглядом обвел далекие берега водохранилища, над которыми уже всходило солнце, и добавил медленно, с силой:

— Гремело по всему свету и долго еще люди повторять будут это имя: Незабудный!

«Б-буд-дный!.. — подобно необъятному эху отдалось вдруг по всему горизонту вдали. — Б-буд-дный... Б-буд-дный!» — еще и еще раз сдвоенно подтвердила даль. Сеня ясно слышал, как вся округа далеко-далеко подхватила и благодарно повторяет это огромное имя.

То саперы подрывали далеко за водохранилищем переправленные туда, в степь, мины и снаряды, которые были извлечены из подвала на островке.

Слышали эти взрывы за десятки километров окрест. Услыхали этот избавительный гром и в районном центре, куда уже ночью донеслась весть о страшном кладе, открытом под школой в Сухоярке.

Затихнув, прислушивались сухоярские ребята, которых увезли на автобусах и грузовиках вместе с другими жителями километра за четыре от поселка — в песчаные карьеры.

Милиционеры и бойцы, стоявшие в оцеплении вокруг опустевшего поселка, поворачивали головы и посматривали в ту сторону, откуда докатывались валы гудящего грома.

И во всей обширной округе, уже встретившей солнце и радовавшейся, что жизнь продолжается, только один человек, вытянувшийся на тесном топчане лодочника, ничего не слышал. Старый доктор, склонившийся над ним опять, чтобы сделать еще один укол, отвел свою руку и, не глядя, отдал уже бесполезный шприц сестре. Потом он медленно повернулся сгорбившейся спиной к ней. И она, неслышно взглатывая, стала осторожно развязывать тесемки белого халата и помогла его стащить с бессильно опущенных плеч.

Доктор, устало переставляя натруженные ноги, вышел на крыльцо. И Сеня, вскочивший было навстречу, глянул в лицо ему и сразу понял, что надеяться больше уже не на что.

## Эпилог

Год прошел с той страшной ночи. Целый год.

Давно уже переиграли эстафету. И кубок с серебряным гладиатором и оливиновой чашей стоял теперь на почетном месте в стеклянном шкафу зала новой школы-десятилетки, куда перебрались еще с начала учебного года бывшие островитяне. И, когда кончились занятия последнего весеннего школьного дня, Сеня Грачик и Ксана Тулубей вышли из дверей красивого, нового здания, где им предстояло учиться еще три года, и спустились на берег водохранилища. В некотором отдалении за ними следовали Мила Колобро-да, Сурик Арзумян, Катя Ступина, Юра Брылев, Витя Халилеев. Все верные друзья-товарищи.

Сеня подошел к самой кромке воды — там, где маленькие волночки набегали на камни, которыми был уложен откос берега. Ксана присела чуть поодаль на один из камней.

День был ясный, хрустально-прозрачный. Водохранилище поигрывало едва заметной рябью. Легкий ветерок, охлажденный большим водным пространством, над которым он пролетел теперь по пути в Сухоярку, доносил запахи далекой, уже зацветшей степи. И прямо перед ребятами на островке, где когда-то была их школа, высился монумент — памятник Григорию Тулубею.

Ребята стояли на берегу и молча смотрели вдаль. Они часто приходили сюда. Это было их любимое место для прогулок. Тихо плюхалась вода у берега, зализывая камешки. С водохранилища донесся протяжный гудок. Это шел к районному центру теплоход «Григорий Тулубей», и на нем плыл Петр Кондратов, воспитанник Ленинградского нахимовского училища. Он сегодня должен был прибыть на летние каникулы к Тулубеям по приглашению бабушки Галины Петровны. Пароходы не заплывали в Сухояр-ку: не на главной магистрали была она, хотя и превратилась уже официально из поселка в город. Но большая вода омывала теперь город Сухоярку, гудела в трубах водохранилища и била в фонтанах на площади Ленина. Она ревела под землей в водометах-гидромониторах, о которых давно уже мечтал Богдан Анисимович, теперь наконец добравшийся до любимого, давно загаданного им дела — гидродобыча угля, при которой исчезает гибельная для дыхания шахтера угольная пыль, вызывающая болезнь силикоз — окаменение легких.

Большая надежная вода была во всем.

— Как тут хорошо! — сказала Ксана. — Правда, Се-ня? — Она прикрыла плотно глаза, откинулась, сплетя пальцы на шее, и, запрокинув голову, глотнула сладкого весеннего ветерка...

Сеня, стоя у самой воды, оглянулся, посмотрел на нее. Его еще по-прежнему худые плечи за год заметно раздались. Он повел ими. Эх, и каким же сильным он еще будет! Сильным и добрым. Добрый и бесстрашным. И во всем справедливым. Никто пока еще даже не знает, каким он решил стать. Мускулы можно потрогать, но сердце — кто может знать, сколько в нем всего! Он нагнулся, отыскал в траве, росшей на откосе, камешек поплоще, вправил его плотно меж согнутым указательным и большим пальцами, завел руку, оттягивая локоть назад, иг разворачивая плечо, присел, изловчился и метнул...

Камешек летел по-над водой, чиркая плашмя по глади, рикошетя, оставляя разбегающиеся круги, словно нанизывая одно за другим на невидимую нить медленно расплазвавшиеся кольца.

— ...Пять! Шесть! Семь! — считали мальчишки за его спиной. Это было еще сравнительно новое для Сухоярки ис-кусство. И никто не умел метать так, как Сеня.

Кольца разбегались, таяли.

— ...Восемь... Девять...

Пусть пока бесследно пропадают эти круги на поверхности. Но он будет и будет кидать раз за разом, день за днем. И рука у него отвердеет. И он найдет себе такое дело в жизни, от которого след не сойдет сразу и хоть не надолго, но останется. Ведь вокруг живут самые могущие ственные, самые стойкие и справедливые люди. И метать его учил самый сильный человек на свете.

*1956 — 1960, 1962*